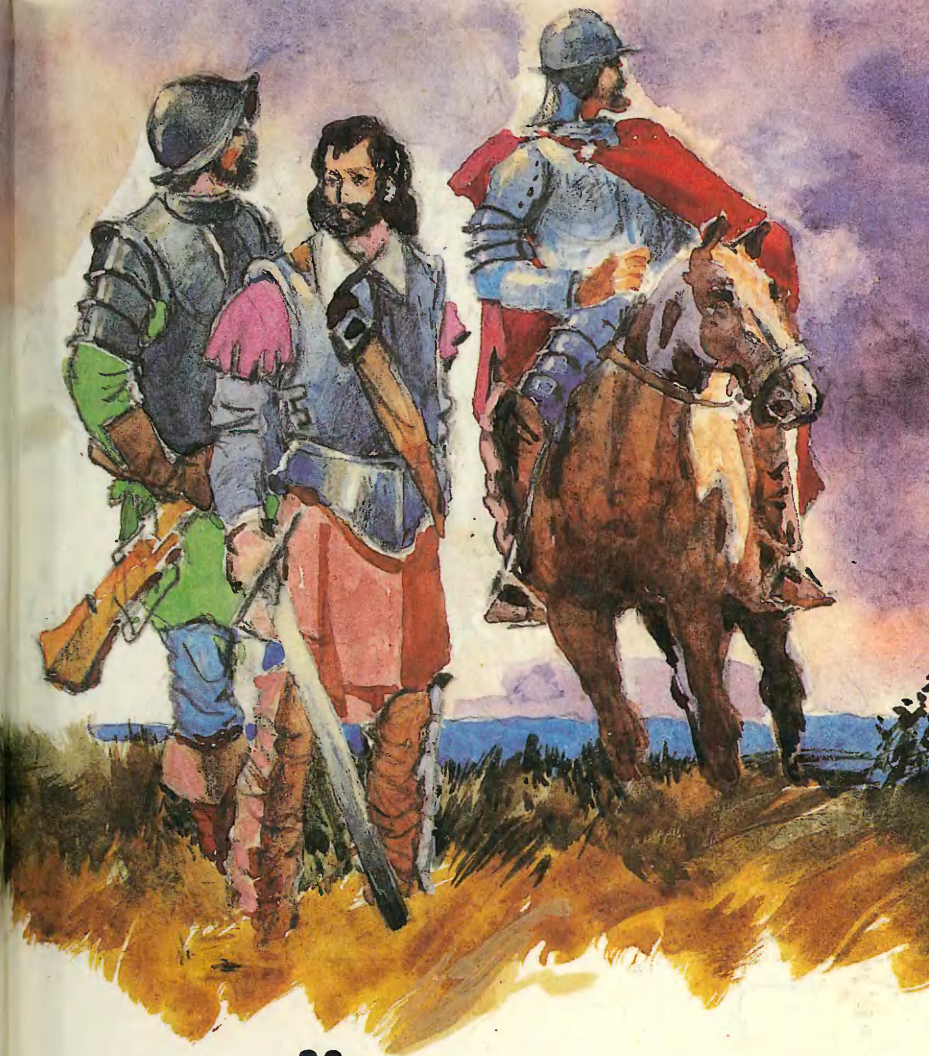


МАЙН РИД

БЕЗ ПОЩАДЫ



МАЙН РИД

БЕЗ ПОЩАДЫ





МАЙН РИД

**БЕЗ ПОЩАДЫ
ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ**

**ПЕРМЬ
1997**

ББК 84.7 Вл.
Р49

Литературно-художественное издание

ТОМАС МАЙН РИД
БЕЗ ПОЩАДЫ
ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

Составление ОсОО «Янус»
Художник *Н. Горбунов*

Рид Томас Майн

Р49 **Без пощады. Охотники за черепами / Пер. с англ.
Худ. Н. Горбунов. — Пермь, 1997. — 357 с.**

Два исторических романа, принадлежащих перу классика
приключенческой литературы.

Р 4703010100—050 Без объявления
Д25(03)—95

ББК 84.7

ISBN 5-88345-019-9

© Н. П. Горбунов, оформление. 1995
© ТОО «Типография «Книга». 1997

БЕЗ ПОЩАДЫ

исторический роман



ПРОЛОГ

Во всей истории Англии нет таких светлых и славных страниц, как те, на которые занесен период между 1640 и 1650 годами. Это значительное десятилетие началось с созыва так называемого Долгого парламента. Просмотрите летописи всех древних и современных народов, и вы не найдете в этих летописях описания собрания, где заседали бы столько истинных государственных деятелей, как в Долгом парламенте. Мужественные, чистые и прямодушные, эти избранники были неустрашимы в исполнении своих тяжелых, опасных и ответственных обязанностей. Они не дрогнули даже перед печальной необходимостью уличить главного изменника своей стране и по-

ложить его венценосную голову на плаху. Со стойкою совестью и непоколебимою верою в свою конституцию—эти люди сделали Англии такую честь, которая особенным блеском озарила ее государственнй герб и прикрыла собою много позорных деяний прежних дней этой страны, заставив забыть их.

* * *

— Будьте ж, наконец, королем.

— А разве я не король?

— Да, но только по имени. О, будь я мужчиной и находишь на вашем месте...

— Что же бы вы тогда сделали?

— Я? Да сразу привила бы вашим грубым островитянам вкус к обаянию королевской власти, — той власти, которая существует у нас, во Франции. Мой брат никогда не позволил бы так унижать себя, как вы... Ведь это ужас, до чего вы дошли!

— Ах, моя дорогая, вы забываете, что у вашего брата совсем другие подданные! Во Франции еще не додумались до крика о разных «правах» и «свободах». Здесь же, в Англии, всех сводит с ума «Великая Хартия», которую они вбили себе в головы.

— О, я сумела бы выбить из их голов эту глупую хартию или же... снесла бы эти головы с плеч! Я царствовала бы как настоящий король или же отреклась бы... Нет, это вздор! Отрекаться я не стала бы, а скорее опустошила бы всю страну мечом и огнем... превратила бы ее в мертвую пустыню!

Так говорила своему супругу, королю Карлу I, Генриетта Французская. Эта беседа происходила в одном из садов Уайтхоллского дворца, на террасе, с которой видна была Темза. Был прекрасный летний вечер. Супруги, прогуливались взад и вперед по длинной террасе. Когда они на одном из поворотов очутились напротив Вестминстерского дворца, глаза королевы вспыхнули новым огнем и она возбужденно добавила:

— Неужели я допустила бы, чтобы мною распоряжался какой-то дикий парламент! чтобы я дала всякому сброду такую волю!

— Так что же мне делать, по-вашему, Генриетта? — тихо спросил король.

— Как что? Само собою разумеется, распустить это собрание... отправить всех этих нахальных болтунов обратно к их конституционным выборщикам, и пусть они там болтают о чем хотят и сколько хватит у них сил. Разгоните парламент и управляйте без него, как делали до сих пор. Вот и все.

— Но в таком случае мы останемся без денег, в которых у нас такая большая нужда. Мои подданные отказываются платить налоги, назначение которых для них темно. Я не могу более делать новые займы или продавать монополии.

Уверяю вас, в настоящее время немыслимо добиться ни малейшего добавочного дохода, не разрешенного и не утвержденного этим сбродом, как вы называли парламент.

— Так заставьте этот сброд дать вам разрешение.

— Как же это я «заставлю», дорогая?

— Нет ничего проще: прикажите схватить десяток-другой этих несносных крикунов и посадить в Тауэр, на попечение сэра Томаса Ленсфорда. Он живо отучит их от мятежных повадок.

— Это может стоить мне моей короны.

— Ну, если она не стоит большего, то вам лучше расстаться с нею. Швырните ее в Темзу или расплавьте и продайте на вес золотых дел мастерам в Ледгет-Стрите... Как вам не стыдно, Шарль! Вы толкуете о королевских правах, но не пользуетесь ими... боитесь.

— Мои подданные толкуют о своих правах.

— Да, и вы их поощряете своей робостью. На коленях вымаливаете у них то, что вам следует, как королю, да, именно вымаливаете, вместо того, чтобы требовать и властно настаивать на своих требованиях. Хороши у вас «подданные». Это ваши господа, а не подданные. Но я все-таки сумела бы научить их повиновению... Для чего же они и существуют, как не для обслуживания наших нужд и удовольствия.

Слова эти были вполне достойны потомка Медичи: таковы были чувства королевы, жившей два с половиною века тому назад. Впрочем, не так велика разница между чувствами и речами коронованных лиц тех дней и некоторых из нынешних. Лишь немногие из них предпочтут отказаться от короны или поступиться хоть одною йотою своих так называемых прерогатив, чем продолжать спокойно сидеть на троне и смотреть, как предаются на убой их подданные и как разоряются целые цветущие области. Да и не может быть иначе. Окруженные низкими лстивыми людьми, коленопреклоненными, с низко опущенными головами и медоточивыми языками, воспевающими хвалу, видя вокруг себя не людей, а лишь человекообразные существа, поклоняющиеся им, как божеству, — могут ли они относиться ко всему иначе? И не удивительно, что эта гордая, избалованная женщина, с самой колыбели привыкшая к рабскому повиновению всем своим желаниям, серьезно считала себя вправе требовать такого повиновения.

— Их права! Какие же могут быть у них права?! — с сати-

рическим смехом продолжала Генриетта, немного помолчав. — Какую глупость вбили они себе в свои саксонские черепа... Эх, побыть бы мне на вашем месте только один месяц... даже одну неделю, я с корнями вырвала бы всю эту глупость и растоптала бы ее ногами!

И как бы в подтверждение своих слов, она несколько раз топнула ножками по террасе. А ножки у нее были очень красивые, да и сама она, эта дочь Медичи, была довольно еще пикантная женщина, несмотря на то что уже перешла за черту первой молодости. И хотя она была такая же честолюбивая, как знаменитая Катерина, «эта мать целого рода королей», и такая же явно развращенная интриганка, как та, Карл все-таки любил ее. Быть может, в особенности по этой последней причине он и любил жену: ведь крик кукушки одинаково разжигает и любовную страсть и ревность. Он любил жену с нежностью, доходившею до безумия, готов был сделать все, что она прикажет, вплоть до убийства. И она подстрекала его на одно простое убийство: она заставляла его душить, топтать ногами свободу целой страны, какой бы крови это ни стоило.

Карл охотно последовал бы дурным советам своей жены, если бы только видел, что они могут повести к успеху. Некоторые до сих пор еще уверяют, что у Карла I характер был мягкий, наперекор тому неопровержимому факту, что Карл искренне радовался резне протестантов в Ирландии. Умалчиваем о многих других доказательствах бесчеловечности этого так называемого короля-мученика. Правда, пожалуй, он не был ни Нероном, ни Тибом и относился очень любезно к своим фаворитам и приближенным, но не стеснялся, однако, жертвовать и ими, когда ему это казалось необходимым для собственной безопасности.

За свою верность и преданность жене Карл был прозван королем-мучеником, и мы не отнимаем у него этого прозвища, но не можем не отметить, что в его любви к ней во всяком случае была известная доля страха. Ему хорошо было известно о скандальных отношениях ее матери, Марии Французской, к Ришелье и к убитому Букингему; он знал, что эта королева-мать отправила своего супруга — такого же короля, как он сам, — в преждевременную могилу посредством «чаши с холодной отравой». И часто, когда черные итальянские глаза ее дочери обдавали Карла пламенем негодования, он страдал от тайной боязни, как бы Генриетта в один прекрасный день не вздумала сделать с ним то же самое, что сделала ее мать с злополучным французским монархом. Ведь и она по крови принадлежала стране, где всегда можно было ожидать подобной опасности.

Лукреция Борджиа и Тофана были не единственными великими отравительницами, рожденными Италией.

— Если вы не заботитесь о самом себе, то подумайте, хоть о ваших детях, — упорно твердила свое Генриетта. — Позаботьтесь о своем наследнике. Вот он.

Она кивнула головой на роскошно одетого мальчика лет десяти-двенадцати, вдруг показавшегося в конце террасы. Это был тот самый мальчик, который двадцать лет спустя, прикрываясь безобидным прозвищем «веселого короля», был причиною безысходного горя во многих семействах, покрыл позором английский герб, отличился деяниями, равных которым мало даже и во французских летописях.

— Бедняжка! — вскричала Генриетта, перебирая своими белыми пальцами, унизанными кольцами и сверкавшими радужным сиянием драгоценных камней, кудрявые волосы подбежавшего к ней ребенка. — Твой отец хочет лишить тебя твоих прав... сделать королем с ничего не стоящею короною.

«Бедняжка» мило улыбался матери в ответ на ее ласки и хмуро косился на отца. Как ни был он еще мал, но отлично понимал намеки матери и всецело был на ее стороне. Она успела крепко внедрить в его детский ум свои идеи о «божественном» происхождении королевских прав.

— Полно, дорогая, — сказал король, стараясь скрыть закипавшее в нем раздражение, вызванное, быть может, напоминанием о будущем преемнике. — Если бы я последовал вашим советам, то действительно рисковал бы оставить его совсем без короны.

— Так и оставьте! — отрезала королева, но тут же перешла на деланно равнодушный тон и добавила: — Право, не стесняйтесь. Пусть лучше мой сын будет простым земледельцем, чем принцем, которому вы открываете жалкую перспективу носить лишь призрачную корону...

— Государь, граф Страффорд просит аудиенции вашего величества, — доложил молодой человек в одежде придворного, только что подошедший со стороны дворца и низко, по-придворному, склонившийся перед королем.

Этот юноша был очень красив, и когда королева обратила на него свой мрачный взгляд, ее настроение сразу смягчилось.

— Кажется, я теперь буду лишняя, — сказала она, как всегда пересыпая свою английскую речь французскими словами. — Юстес, несите за мною в мой будуар вот это, — обратилась она к юноше с одной из своих самых обольстительных улыбок.

Паж с поклоном взял из ее рук довольно объемистый портфель с гравюрами, который она взяла было сама.

Неизвестно, заметил ли король улыбку, которою королева озарила юношу, или нет, но он с несвойственной ему резкостью остановил ее:

— Я бы желал, чтобы вы остались, Генриетта.

— С удовольствием, — ответила она, хотя выражение ее лица говорило другое. — И Шарлю оставаться? — спросила она.

— Нет. Он может уйти... Тревор, попросите сюда лорда Страффорда.

Юстес Тревор, как звали молодого красавца, отвесил новый низкий поклон, взял за руку принца и удалился с ним.

— Я желаю, чтобы вы слышали мнение Страффорда относительно вопроса, который мы с вами сейчас обсуждали, — пояснил король жене.

— Этого желаю и я, — ответила она многозначительным тоном. — Если вы не хотите слушать меня, слабую женщину, то, надеюсь, послушаете... сильного мужчину.

Карл отлично отметил про себя подчеркивание женою ее последнего слова. Но и без подчеркивания это слово достаточно ясно намекало, что Карл был лишен того качества, которым так гордятся мужчины и которому так поклоняются женщины. Она чуть не назвала его прямо в лицо трусом!

К сожалению, королю не было времени защитить себя от этого косвенного обвинения, да еще сомнительно, решился ли бы он это сделать. Увидев подходящего лорда, Карл молча проглотил обиду и, придав своему лицу выражение полного спокойствия, стал готовиться к беседе с новым лицом.

Лорд Страффорд подходил к королевской чете с фамильярной небрежностью «своего». Королева прельщала и его своими улыбками, и он вполне был уверен в ее расположении к нему; более того: он знал, что она властвует над королем. И он ласкал ее слух такой же лестью, какою кадил перед королевою более поздних времен другой ловкий министр Уэнтворт. В одном только этом и выразилось сходство этих двух министров, во всем остальном так же различных между собою, как, например, Гипернион с Сатиром. Многие недостатки Уэнтворта покрывались достоинствами; во всяком случае этот человек обладал мужеством и был тем, что называется джентльменом.

— Вы кстати пожаловали, милорд, — сказала Генриетта Страффорду, когда он поцеловал ей руку. — Нам хотелось бы знать ваше мнение. Я советую королю или распустить парламент, или принять меры к обузданию этого собрания. Скажите, милорд, как смотрите вы на этот вопрос?

— Я вполне разделяю мнение вашего величества, — с покло-

ном заявил министр. — Разумеется, по отношению к этим мятежным болтунам полумеры совершенно непригодны. Среди них есть дюжина голов, которые так и просятся с плеч.

— То же самое говорю и я! — с торжеством подхватила королева. — Вы слышите, супруг мой?

Карл молча кивнул головой, выжидая, что скажет далее министр.

— В самом деле, государь, — продолжал Страффорд, — если вы не дадите отпора, вас скоро лишат всех ваших prerogatives, оставят вам одни обломки королевской власти.

— О, Боже мой!.. Что же будет с нашими бедными детьми? — плакалась королева, ломая руки.

— Я прямо из палаты, — продолжал лорд. — От одних речей, которые там льются целым потоком, можно прийти в отчаяние. Послушать Гэмпдена, Хезельрига, Вэна, сэра Роберта Гарлея и других им подобных, — так можно подумать, что в Англии уже и нет короля, а управляют страной они...

— Слышите, супруг мой, не то же ли самое говорю и я? — настаивала королева.

— Неужели это верно, Страффорд? — возбужденно спросил Карл. — Вы можете подтвердить это?

— С позволения вашего величества, могу, — ответил министр.

— О, так клянусь славой Божией, что я заговорю с ними совсем по-другому!.. Я докажу им, что король в Англии еще существует... такой король, который с этого времени будет управлять, как подобает королям: самодержавно и неограниченно!

Все более и более волнуясь, Карл почти выкрикнул последние слова.

— Благодарю вас, мой друг, — шепнула королева министру, пользуясь тем, что король отвернулся. — Теперь он наверное предпримет что-нибудь решительное.

Глаза и улыбка Генриетты подтверждали ее признательность ловкому министру.

Придворный доложил королю о новом лице, также просившем аудиенции, — о пресловутом архиепископе Лодде. Карл велел допустить и его.

Немного спустя на террасу стал подниматься своим тихим, скользящим шагом этот медоточивый князь церкви. Его лицемерное смирение являлось резкой противоположностью гордой, самоуверенной осанке лорда Страффорда. Приближаясь к королю, он постарался придать своему грубому лицу, свидетельствовавшему о его низком происхождении и низменной натуре, по

возможности кроткое и благодушное выражение. На его скромно поджатых губах играла такая мягкая улыбка, точно они никогда не произносили ни одной лжи, а сам он никогда не совершал ничего позорного.

Он был таким же министром, как Страффорд, поэтому для него не было тайн ни придворных, ни государственных, и его пригласили принять участие в интимном совещании и в составлявшемся заговоре. Он также был на стороне королевы и уже не раз обсуждал с нею поднятый и ныне вопрос.

Но Страффорду не удалось развернуть перед своими слушателями полную схему той жестокой затеи, которая, по всей вероятности, была начертана в Риме. Как всегда по вечерам, к королеве Генриетте, любившей повеселиться, стало собираться многолюдное общество и на этом интересное совещание прекратилось.

Вскоре дворцовый сад расцвятился пышными нарядами дам и кавалеров из представителей высшего дворянства, еще державшегося короля. Мало-помалу составилось, однако, очень смешанное общество, как в социальном, так и в моральном значении, — смешанное даже до карикатурности. Франко-итальянская королева, хотя и очень носилась со своими великими идеями о «божественных» правах и прерогативах, но была не прочь и поступиться ими, когда они не мешали ей веселиться. Она могла играть в равенство в таких случаях, когда этого требовали ее интересы.

Как раз такой случай теперь и представился. Падающая популярность короля требовала поддержки всех классов, сторон и партий, высоких и низких, дурных и хороших. Поэтому на вечернем гулянье в саду королевы носители таких громких имен, как, например, Гарри Джермайн, Гертфорд, Дигби, Конингсби, Скюдамор, шли бок о бок с людьми низкого происхождения и более низких свойств, вроде Ленсфорда, впоследствии заслужившего прозвище «кровавого», и заведомого разбойника Дэвида Гайда. Среди женского элемента замечалась такая же смесь, в том смысле, что почтенным дамам, известным своей щепетильностью в выборе знакомств и строгостью нравов, приходилось сталкиваться на равной ноге с героинями театральных подмостков и «профессиональными красотками». Положим, многие из этих красоток тоже принадлежали к знатному дворянству, роняя его достоинство своей распушенностью.

По обыкновению, Генриетта находила любезное слово и улыбку для всех, кто к ней приближался, хотя и более сладкие для мужчин, нежели для женщин, а самые сладкие для молодых и красивых мужчин. Впрочем, и между самою золотою моло-

дежью она делала известное различие. Красавец Гарри Джермайн, до этого времени состоявший в главных фаворитах и всегда в полной мере пользовавшийся знаками благоволения королевы, теперь имел полное основание считать свою звезду померкшей. Взоры Генриетты то и дело обращались в сторону более молодого и более красивого Юстеса Тревора и каждый раз вспыхивали хорошо знакомым фавориту огнем.

Юстес, состоявший в должности докладчика о высокопоставленных лицах, искавших аудиенции, освободился от своих дневных обязанностей и также участвовал в вечернем гулянье в королевском саду. Сын уэльского рыцаря, он вел свой род прямо от короля Каратака, но не превозносился и не страдал ни самомнением, ни тщеславием. Всего менее Юстес думал о своей наружности. Кажется, он даже и не сознавал своей красоты, хотя она бросалась в глаза другим. Вполне равнодушно относился он и к благосклонности, выражаемой ему королевою, на горе прежних фаворитов. Нельзя сказать, чтобы это равнодушие проистекало из холодного темперамента или из бесстрастной натуры, — нет, но не Генриетте Медичи, хотя и королеве и все еще прекрасной женщине, было пробудить в сердце юноши первую страсть. До этого дня он даже и не знал любви. Помещенный ко двору на официальную должность, он думал лишь о том, чтобы как можно добросовестнее исполнять свою службу.

На поверхностный взгляд собравшееся вокруг королевской четы пестрое общество казалось веселым и радостным, хотя у многих в сердцах кипели жгучие чувства зависти, ревности, ненависти и глубоких разочарований. Из уст в уста тайком передавался слух, что король решил вернуться к своим прежним способам действий и даже — что для многих было совершенною неожиданностью — намерен энергично выступить против того, что называлось «агрессивною политикою» парламента. Разумеется, это было на руку всем приближенным к трону, презиравшим народ. Там и сям составлялись группы служилых и неслужилых дворян, которые с едва скрываемым ликованием поздравляли друг друга с мелькавшей перед ними радужною надеждою на прекрасное для них будущее. Эта надежда рисовала им возможность по-прежнему продолжать расхищение народного достояния: вводить новые налоги, делать займы для «секретных» нужд, торговать монополиями и вообще всячески обогащаться за счет народа.

Но вдруг среди этой общей радости разразилось нечто вроде оглушительного громового удара с безоблачного неба и ввергло всех в ужас и смятение. Этот удар явился в лице человека, облеченного в официальный наряд пристава палаты лордов. Этот

человек скорее требовал, чем просил себе аудиенции у короля, и король не мог отказать ему.

Введенный в аудиенц-зал, куда поспешил и король, пристав вручил Карлу документ, при чтении которого король побледнел и задрожал. Этот документ оказался только что подписанным обоими палатами постановлением приговора, объявлявшего виновным в государственной измене Томаса Уэнтворта, графа Страффорда.

Вернувшись в сад, король сообщил своим приближенным о доложенном ему постановлении парламента. Менее всех был поражен этим известием сам Страффорд. Закоренелый в грехах, этот человек был одарен редким мужеством, и до последней минуты своей жизни, даже когда клал на плаху голову, не менял своей гордой величавой осанки. Этой минуты ему недолго оставалось ждать: малодушный монарх так же хладнокровно подписал его смертный приговор, как простое заемное обязательство.

Более всех ужаснулся парламентскому постановлению архиепископ Лод. Для него окончательно был испорчен вечер в королевском саду. Его кроткая улыбка и медоточивая речь сразу исчезли. Бледный и хмурый бродил он между придворными, словно парламентское постановление принесло осуждение ему самому. Впрочем, дурное предчувствие, что теперь кончились и его счастливые дни, не обмануло. этого развращенного представителя церкви.

Правдивый парламент умел не только обвинять, но и достойно наказывать обманщиков народа; он умел поддерживать и свое достоинство и честь, что и доказал в том, например, случае, когда король, подстрекаемый колкими насмешками жены, явился в парламент в сопровождении целой толпы забияк. Однако это вторжение, сделанное с намерением арестовать самых выдающихся английских патриотов, не имело успеха. Не видя на всех скамьях палаты ничего, кроме голов в шляпах и грозно нахмуренных лиц и не слыша ничего, кроме единодушного крика: «Долой привилегии!» — король, подавленный и сокрушенный, поспешил удалиться вместе со всеми своими спутниками.

Глава I

ССОРА

— Кто не республиканец, тот должен обладать дурною головою или дурным сердцем.

Слова эти были произнесены всадником в возрасте лет за

тридцать, с красивым и благородным, но сильно загорелым и обветренным лицом, с черными, слегка посеребренными сединами волосами и орлиными глазами. Он был в гладкой серой суконной куртке с широким отложным кружевным воротником, в черной поярковой шляпе с высокой тульей и небрежно воткнутым спереди петушиным пером и в высоких сапогах из буйволового кожи. Сбоку у него была шпага. В те тревожные дни никто не отваживался отправляться в путь без какого-нибудь оружия, и не по этой шпаге можно было принять всадника за военного, а лишь по всему его виду, изобличавшему в нем лихого кавалериста.

Судя по его словам, он мог быть пуританином, но эти «круглоголовые», как известно, носили коротко остриженные волосы, у незнакомца же густые шелковистые волосы вились по плечам, да и красивые холеные усы не были «пуританскими». Не вязалось с пуританством и «легкомысленное» петушиное перо. Наружность была «роялистская»; только одни его слова отзывали пуританством.

Что же касается человека, к которому были обращены слова всадника, то насчет его принадлежности к роялистам нельзя было и сомневаться: это ясно выражалось во всей его особе, в одежде и в манере себя держать.

Совсем еще юноша, лет всего около двадцати, этот второй незнакомец — также всадник — был в роскошном шелковом кафтане цвета старого золота, в таких же панталонах, в мягких сапогах из кордуанской кожи, обшитых по раструбам широкими драгоценными кружевами и снабженных вызолоченными серебряными шпорами. Щегольская шляпа его была отделана бобром и украшена развевающимся страусовым пером, которое прикреплялось аграфом из сверкающих самоцветных камней. Бархатная перевязь для шпаги была богато вышита, и судя по тщательности и красоте, — женскими ручками, руководимыми сердцем. Так же были украшены и раструбы его белых замшевых перчаток.

В этом юноше с женственно прекрасным, цветущим, породистым лицом, с длинными белокурыми выющимися волосами, с ясным открытым взором больших синих глаз и с ясною улыбкою на красиво очерченных пунцовых губах, едва покрытых первым пушком, сказывалось нечто такое, что должно было внушить каждому невольное уважение к нему. «Смотри, не задень меня, иначе расквасишься!» — было написано на всей его фигуре. С особенной силою это сказывалось в его глазах и тоне голоса, когда он, натянув поводья своей лошади, с живостью спросил

своего собеседника, с которым случайно вступил в обмен мнениями:

— Что такое вы сказали, сэр?

— Я сказал, что тот, кто не республиканец, обладает дурной головою или дурным сердцем, — повторил старший из всадников, тщательно отчеканивая каждое слово.

— Вы так находите? — продолжал юноша, повертывая свою лошадь назад по дороге, по которой всадники следовали друг за другом, причем младший был впереди.

— Да, таково мое мнение, — ответил старший, останавливаясь. — Если желаете, я могу выразить это и в следующей форме: кто не республиканец, тот или подлец или глупец.

— Подлец тот, кто говорит так! — весь покраснев от гнева и хватаясь за рукоять шпаги, вскричал юноша.

— Ясно, хотя и грубо сказано, молодой человек, — спокойно заметил старший. — Хотелось бы мне в ответ на это также прямо и грубо обозвать вас глупцом, но я удерживаюсь. Предупреждаю вас, однако, что если вам дорога ваша жизнь, то возьмите обратно свои слова.

— Ни одного слова, пока у меня есть шпага! — кипятился юноша. — Советую лучше вам взять обратно свои слова.

Быстрым движением он выхватил из ножен шпагу и взмахнул ею по воздуху, где она описала молниеносную дугу.

Этих двух людей, совершенно между собой незнакомых, но уже готовых вступить в бой не на жизнь, а на смерть, свел слепой случай. Они оба ехали по одной и той же дороге. Дорога эта вела по горной отлогости от города Мичельдина в мичельдинский лес, недалеко от того места, где в настоящее время стоит усадьба «Пустынка». За каждым из всадников на некотором расстоянии от них следовали верхом слуги.

Одно время кавалерам пришлось ехать почти рядом, и они разговорились по поводу дороги. Незаметно разговор свернул на политические темы, и теперь, когда оба всадника поднялись на плоскогорье, у них вдруг вспыхнула ссора, готовая перейти в кровавую схватку.

Впрочем, горячился один шелковый юноша. Тот, который был постарше, спокойно сидел в своем седле, спокойно говорил и за оружие не хватался. Это шло совершенно вразрез с той страстностью, с которой он бросил в лицо собеседнику свое мнение относительно лиц, не принадлежащих к республиканцам. Что это означало? Не трусость же? А если трусость, то она должна была быть очень откровенного характера. Ведь этот человек первый потребовал, чтобы были взяты обратно оскорбительные для него

слова. Но именно за труса и принял его юноша, почему и крикнул:

— Обнажай оружие, негодяй! Защищайся, если не хочешь, чтобы я убил тебя, как зверя на охоте!

— Ха-ха-ха! — иронически рассмеялся старший всадник. — Я потому и колеблюсь обнажить свое оружие, что опасаясь, как бы мне не пришлось сразу проткнуть вас насквозь, — с насмешкою произнес он.

— Это увертка... самохвальство! — вне себя кричал юноша, разъяренный насмешкою противника. — Защищайтесь, и мы посмотрим, кто кого проткнет насквозь... Ну, что же вы?.. Слышите, что вам говорят?

— Напрасно вы так спешите, молодой человек. Конечно, если вы непременно настаиваете, я буду драться с вами, хотя, повторяю, боюсь нечаянно попасть в простые убийцы. Мне это было бы очень неприятно, потому что вы нравитесь мне, и я...

— Попробуйте! — с прежней возбужденностью оборвал его юноша. — Полагаю, не мне быть убитым вами. Как бы не случилось противоположное. Не будьте трусом.

По серьезному лицу старшего из противников пробежало выражение восхищения, смешанного с жалостью и с некоторою досадою. Он все еще колебался обнажить оружие, и сделал это лишь после того, как юноша обозвал его трусом.

— А? Вы находите, что я трус! — сквозь стиснутые зубы произнес он. — Ну, в таком случае — берегитесь... Да падет ваша кровь на вашу собственную голову!

Вывхватив шпагу, он покрепче уселся на седле и приготовился к поединку.

— Бог и король! — крикнул юноша, набрасываясь на противника, и пытаясь нанести ему первый удар.

— Бог и народ! — последовал ответ.

Шпаги со звоном скрестились. Должно быть, мало привычная к такого рода забавам лошадь юноши испуганно шарахнулась в сторону и перевернулась на задних ногах. Этим пируэтом она заставила своего всадника очутиться левым боком под оружием его противника. Если бы последний захотел воспользоваться своим преимуществом, то тут же поединок и был бы решен. Но он этого не сделал. Спокойно продолжая сидеть на своей лошади, не дрогнувшей и не шевельнувшейся с места, он выжидал, когда оправится его молодой противник.

Пылкий, самонадеянный юноша и эту снисходительность старшего счел за проявление трусости или, по крайней мере, слабости. Повернув обратно лошадь и лишив ее возможности вторично артачиться, он с новой яростью сделал выпад. По его

приемам было видно, что он хотя и недурной фехтовальщик, но в серьезных дуэлях еще не имел практики. Он и на лошади сидел неважно, именно только как обыкновенный дворянчик, который всему предается только ради удовольствия.

Не то было с тем, который и в штатской одежде не мог скрыть своей принадлежности к военному сословию. Он и лошадей отлично управлял, и она охотно ему повиновалась, и оружием превосходно владел, именно по-военному, с тонким знанием своего дела. И как ни горячился, как ни пыжился и ни храбрился юноша, шпага противника вскоре вонзилась в его правую руку повыше локтя; хлынула кровь, и рука юноши бессильно повисла, невольно выпустив оружие.

Глава II

ПРИМИРЕНИЕ

Молодой человек теперь уже всецело был во власти своего старшего, более опытного и искусного противника. Тот по праву мог бы лишить его жизни, тем более что ему брошено было в лицо обвинение в подлости и трусости, и эти оскорбления должны были глубоко задеть его самолюбие и вызвать в нем жажду мщения. Между тем юноша нисколько не испугался участи, казавшейся ему неминуемой и не старался уклониться от последнего решительного удара. Напротив, не меняя своего положения, он подставлял грудь противнику и пылко кричал:

— Вы победили меня! Добивайте же!

— Добить вас?.. — с легким, почти добродушным смехом повторил старший. — Лишить вас вашей молодой, едва расцветающей жизни? Вот этого-то я все время и избегал, хотя, уверяю вас, для этого требовалось все мое искусство. Обыкновенного противника я обезоружил бы одним ударом, как не раз и делал, но с вами мне это было очень трудно: я не хотел сразу уложить вас. Это вовсе не входило в мои намерения. Но вот теперь, когда игра окончена и никому из нас не пришлось убить друг друга, могу я предложить вам сдаться?

— Вы вправе требовать этого, — поспешил ответить молодой человек. — Но я, пожалуй, могу просить и пощады, — добавил он с внезапным порывом раскаяния в своей необдуманной горячности, побежденный не только шпагой противника, но и его неоспоримым великодушием.

Слуги обоих противников с живейшим вниманием следили за поединком своих господ и, чувствуя потребность как можно

ярче выразить свою преданность им, готовы были сами наброситься друг на друга с оружием в руках, как будто этим могли помочь тем, кому служили. Эти слуги так же во всем разнились между собою, как и их господа. Слуга старшего был рослый, плечистый, сильный и ловкий малый средних лет и, по-видимому, из конных рядовых. Слуга же молодого был худенький, жиденький, напыщенный и тоже совсем еще молодой городской фатишка-лакей. Видя, что дело оканчивается лучше, чем можно было предполагать, слуги успокоились и как ни в чем не бывало обменялись дружескими взглядами.

— Губерт, — обратился старший из кавалеров к своему слуге, — сойди с лошади, подними оружие этого молодого господина и отдай ему. Этот господин вполне заслуживает чести носить свое оружие!.. Теперь, милостивый государь, — вновь обратился он к своему противнику, — позвольте и мне принести вам свои извинения. Сознаю, что именно я дал повод к возникшему между нами недоразумению. Я должен был пояснить свои слова, и сам не знаю, почему не сделал этого. Может быть, мне помешал сразу принятый вами повышенный тон. Но дело в том, что я, обвиняя нереспубликанцев в отсутствии у них доброй головы или доброго сердца, имел в виду людей лишь зрелого возраста, немножко разобравшихся уже в житейских делах, вроде меня самого. Что же касается людей вашего возраста, то ведь и я в ваши годы твердо верил в разные «божественные» права. Быть может, вы пожелаете узнать мое имя? Оно подтвердит вам, что я говорю правду.

— О, я очень рад буду узнать ваше имя, — со свойственной ему живостью подхватил юноша. — Назовите себя, мой великодушный противник.

— Приятно слышать такой лестный отзыв с вашей стороны, — с поклоном ответил старший кавалер и тут же назвал себя: — Сэр Ричард Уольвейн.

— Не родственник ли вы Скюдаморам?

— Да, только дальний, и уже давно не виделся ни с кем из них. Я только на днях вернулся из Нидерландов, где напрактиковался в боях и приобрел крепость руки. Без этого я наверное оказался бы против вас в проигрыше, — со своим приятным смешком прибавил он.

Молодой человек с невольным смущением понял новый великодушный намек сэра Ричарда и сказал, что хорошо знаком со Скюдаморами, в особенности с лордом Скюдамором из замка Леси, причем с некоторой гордостью пояснил:

— Я с ним часто встречался во дворце.

— В каком? — полюбопытствовал сэр Ричард.

— Конечно в Вестминстерском.

— Значит, вы сами принадлежите к этому дворцу? Впрочем, на это указывает и вся ваша внешность. Вы состоите в штате короля или, скорее, королевы?

— Да, я действительно недавно еще состоял при дворе в должности докладчика о прибывающих ко двору лицах. Прослужил несколько месяцев, — объяснял юноша.

— А теперь?.. Простите мне мое невольное любопытство, — извинялся сэр Ричард.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, дорогой сэр, — сердечно проговорил молодой человек. — Раз вы были так любезны, что сообщили мне кое-какие подробности о себе, то и я не должен скрываться от вас. В настоящее время я оставил придворную службу и еду домой к отцу, в Монмаутшир.

— Так ваш отец...

— Мой отец — сэр Уильям Тревор.

— А! Теперь мне понятно, почему вы так вскипели, когда узнали, что я стою за парламент... Сын сэра Уильяма Тревора, конечно, не мог отнестись иначе... Но не будем больше касаться скользких политических тем. Если я не ошибаюсь, поместье вашего отца находится близ Эбергевенни?

— Совершенно верно.

— Это в двадцати семи милях отсюда. Неужели вы надеетесь добраться туда ночью?

— Нет, я намерен остановиться переночевать в Монмаутсе.

— Да и туда вы едва ли попадете засветло. Ваша лошадь кажется довольно утомленной.

— Это неудивительно. Я еду на ней без отдыха с раннего утра.

— Это делает честь и вам и ей. Это же, вероятно, послужило и лишней причиной моей слишком легкой победы над таким мужественным противником, — подсмеивался сэр Ричард и, встретив почти ребячески смущенную улыбку юноши, продолжал: — А знаете ли, ведь до Монмаутса тоже не близко, миль около десяти. Жаль лошадки, которую вы совсем замучите по этим горным дорогам. Вам бы постараться поскорее предоставить ей отдых, который она так добросовестно заслужила.

— Я уже думал об этом. Хотел остановиться в Кольфорде, но...

— О, я не советовал бы вам не только ночевать в Кольфорде, но даже и останавливаться там.

— Почему?

— А потому что население Кольфорда страшно восстановлено против короля, как, впрочем, почти во всей этой области.

Это очень понятно после того, что здесь стал делать сэр Джон Уинтор, получивший от короля монополию на пользование здешними лесами и рудниками. Король не имел права жаловать этой монополии. Народ сильно возбужден, и появиться в наряде придворного кавалера на улицах Кольфорда — прямо опасно.

— О, это для меня не страшно. Я нарочно переночую там! — воскликнул юноша.

— Хорошо сказано, мой молодой друг, и я не сомневаюсь, что у вас слово всегда сходится с делом. Но зачем же подвергать себя лишней опасности, когда без этого можно обойтись?

— Но как же это, если мой путь ведет именно через этот город?

— Вы забываете или не знаете, что есть еще дорога, по которой его можно объехать мимо.

— О, прятаться по обходам и закоулкам я вовсе не намерен! — горячо возразил молодой человек. — Я ведь не браконьер, которому нужно скрываться. Нет, я не боюсь никого и ничего. Пусть нападет на меня хоть целая толпа, я буду защищаться, как могу, но в бегство при виде ее не пушусь.

— Верно. Но иметь дело с целою толпою людей, заранее враждебно настроенных против вас, — совсем не то, что та маленькая стычка, которая произошла между нами двумя, — возразил сэр Ричард. — Вы так храбро пробили себе путь в эту область, что я от всей души желаю вам благополучно выбраться из нее. Поэтому я убедительно советую вам не ездить в Кольфорд и предлагаю эту ночь провести у меня.

— У вас, сэр Ричард? Но разве у вас есть здесь поблизости поместье?

— У меня лично нет, но есть у одного из моих лучших друзей. Я уверен, что в данном случае могу распорядиться его домом, как своим, приглашая вас разделить со мной его радушное гостеприимство. Мне очень жаль, что я вынужден был сделать вам маленькое кровопускание, и мне хотелось бы, чтобы мой приятель — он недурной хирург — осмотрел вашу рану. Ваш слуга хотя и помог вам кое-как остановить кровь и перевязать рану, но она требует более серьезного и умелого ухода. Кроме того, я могу обещать вам, что вы в доме моего приятеля увидите пару прелестных женских головок, если только, впрочем, вам, находившемуся при дворе королевы Генриетты, не надоели такие головки там.

Юноша спокойно задвигался в седле, и по его вспыхнувшему лицу было заметно, что напоминание о дворе ему неприятно. Однако он смолчал, а сэр Ричард благожелательно продолжал:

— Как бы там ни было, но я могу сказать по совести, что леди Сабрина и леди Вега смело могут поспорить красотой с любой из прославленных придворных красавиц, не исключая и самой королевы, и, наверное, затмили бы их всех.

— Сабрина, Вега? — с удивлением повторил юноша. — Что за странные имена!.. Могу я спросить, кто эти леди?

— Разумеется, можете. Но вам лучше познакомиться с ними лично, — ответил сэр Ричард. — Ну, будет вам колебаться, мой молодой друг. Решайтесь. Поедьте со мною. Право, не раскаетесь.

— Ах, сэр Ричард, вы положительно подавляете меня своим великодушием! — воскликнул растроганный юноша. — Распоряжайтесь мною по вашему усмотрению. Я весь в вашей власти.

— Благодарю вас. Едем же. Скоро скроется солнце, а нам еще нужно проехать не менее пяти миль. С Богом, в добрый час!

Крепко пожав друг другу руки, причем Тревор мог подать только свою левую, оба новых приятеля пустились мелкою рысцою по указанному сэром Ричардом направлению. Слуги, также успевшие уже подружиться, последовали за ними.

Глава III

СЕСТРЫ

В то самое время, когда лесные птички на одном из митчельдинских холмов были встревожены лязгом оружия, в трех милях оттуда другие лесные пернатые с любопытством прислушивались к веселым голосам двух молодых прогуливавшихся девушек. В наружности этих девушек было мало общего, хотя они были родными сестрами. Старшая была черноволосая и смуглая, как цыганка, а младшая — нежнейшая блондинка с беленьким, как снег личиком, розовыми щечками и прекрасными голубыми глазами, свежая, светлая и сияющая, как майское утро. Младшая называла старшую Сабриною, а старшая младшую — Вегою. Это и были те красавицы, о которых так восторженно отзывался сэр Ричард Уольвейн. И он не преувеличил их красоты.

Действительно, обе девушки были выдающиеся красавицы, но каждая по-своему. Разница в наружности сказывалась в росте и фигуре: старшая сестра была и выше и плотнее младшей. Одеты были они тоже неодинаково, но вполне по современной моде. Безобразные фижмы времен Елизаветы были уже оставлены, и надетые на девушках нарядные узкие платья с узкими

же руками отчетливо обрисовывали их стройные фигуры. Не только по одежде, но и по манере держать себя, говорить, двигаться можно было узнать кровных дворянок. О том же ясно свидетельствовало и благородство их лиц, изящество фигур, рук и ног.

На младшей, по-видимому более кокетливой, была прекрасная французская шляпа из светлого шелка, завязанная под подбородком длинными развевающимися лентами. На снежно-белой шейке блестело изящное золотое ожерелье, а в розовых ушках горели дорогие серьги. Все ее платье из дорогой белой летней ткани было покрыто искусной вышивкою разными шелками, сделанной, должно быть, собственными руками. В те дни даже самые знатные дамы не пренебрегали рукодельем и работали много и с любовью.

Старшая, более степенная и скромная, была в платье и шляпе темных цветов, вполне гармонизировавших с ее черными волосами, глазами и смуглостью кожи. Ножки у обеих были обуты в белые чулки, очевидно тоже домашнего изделия, и в кожаные башмаки на толстых подошвах.

Обе девушки шли ускоренным шагом по лесной дороге, ведущей от Руардина до Дрейбрука. Дорога шла по высокому хребту лесистых гор. Девушки поднимались вверх, и когда они достигли высшей точки, Вега вдруг остановилась и спросила сестру:

— Не довольно ли нам ходить, Сабрина?

— А что? — отозвалась та. — Разве ты устала?

— Нет, я нисколько не устала, но боюсь, что мы слишком далеко отойдем от дома. Как бы нам не заблудиться.

Что Сабрина не боялась «заблудиться», это можно было видеть по тому, что она шла вперед твердым, уверенным шагом, и притом внимательно оглядывалась вокруг при каждом повороте дороги. Но Вега, очевидно, не замечала этого. Все внимание младшей сестры было устремлено на провожавшую их большую собаку из старинной породы чисто английских дворовых догов. Эта собака то и дело бросалась гонять мирно пасшихся в лесу темношерстных овец, которых издали принимала, должно быть, за каких-нибудь опасных для ее хозяек зверей. Вега каждый раз с восхищением хлопала в ладоши и звонко хохотала над смущением и разочарованием собаки, принадлежавшей, кстати сказать, собственно ей.

— Всего каких-нибудь две мили отошли мы от дома. Неужели же это, по-твоему, далеко, Вега? — с притворным удивлением говорила Сабрина, переждав, когда у сестры кончился новый припадок хохота, вызванный все тою же собачьей ошибкою.

— Да, это действительно не особенно далеко, — созналась Вега. — Но я...

И она недоговорила.

— Что же ты? — настаивала Сабрина. — Трусишь?

— Да... есть немножко.

— Чего же? Волков? Если их, то я могу вполне успокоить тебя. Вот уже более полусотни лет прошло, как, по словам здешних старожилов, в лесу здесь видели последний раз волка. И этот волк, очевидно, последний представитель своей породы в этих местах, был тотчас же убит. Здешнее население, происходящее от древних кельтов, питает наследственную неприязнь к волкам. Подозреваю, что это — последствие известного несчастья с инфантом Левеллином.

— Ах нет, я боюсь вовсе не волков! — с новым взрывом смеха возразила Вега. — Напротив, мне бы очень хотелось встретить хоть одного. Гектор вступил бы с ним в бой и навёрное остался бы победителем... Что, Гектор, правду я говорю, а? Неужели ты осрамился бы?

Дог несколько раз очень выразительно гавкнул в ответ на этот обращенный к нему вопрос, причем энергичнейшим образом размахивал своим огромным хвостом. Приласканный за это смеющуюся хозяйкою, он, ободренный и обрадованный, пустился в погоню за новою партией овец, и все с тем же результатом.

— Чего же ты тогда еще можешь бояться? — не унималась Сабрина. — Призраков, что ли? Но и их не водится в здешних лесах. А если бы каким-нибудь чудом и водились, то они вообще не страшны днем, а до наступления темноты мы вернемся домой.

И Сабрина, в свою очередь, громко рассмеялась, хотя это было так же мало свойственно ей, как несвойственно было ее сестре говорить серьезно. Но как раз в это время Вега сделала серьезное лицо и заговорила таким же серьезным тоном. Очевидно, у каждой из сестер была своя причина перемениться на время характерами.

— Ну вот ты наконец и развеселилась, и я рада этому, хотя то, что меня тревожит, вовсе не шутка, — сказала Вега.

— А ты скажи, в чем дело, тогда я и буду знать, как относиться к этому, — продолжала со страхом Сабрина. — Если тебя пугают не волки и не призраки, то кто же или что? Уж не мерещатся ли тебе какие-нибудь особенные лесные звери, как Гектору?

— Ты угадала, Сабрина: звери самого страшного типа — двуногие...

— А!.. Да, двуногие звери действительно самые страшные...

Но насколько мне известно, у нас, в глуши нашего Фореста, таких зверей не существует, значит, твоя боязнь не имеет никаких оснований.

— Ты забываешь, Сабрина, что в Монмаутсе и Лиднее поднялись целые толпы разнузданной черни, — возразила Вега. — Может случиться, что такая шайка забредет и сюда. Что же мы тогда будем делать?

— Ты говоришь глупости, Вега! Монмаутским и лиднейским бунтарям нет никакой надобности заходить сюда. Наши же рурдинцы и дрейбрукцы, хотя тоже начинают волноваться, но женщин никогда не обижают, не только таких, как мы с тобой, но даже и совсем простых. Этого у нашего коренного населения никогда не водилось. На это способен только тот иноземный сброд, который созвал сэр Джон Уинтор в Лидней, да так называемые роялисты, околачивающиеся в Монмаутсе и возле него. Кавалеры тоже! Хвалятся чистотою своей крови и галантностью манер, а на самом деле это позор страны. Пьяницы, моты и игроки. Никого и ничего не уважают — ни друг друга, ни посторонних, ни почтенных старцев, ни женщин, всячески оскорбляют государственную честь, народное и общественное достоинство... Хороши кавалеры, нечего сказать!

Смех молодой брюнетки был саркастический. Видя, что сестра слушает ее с видимым сочувствием, она продолжала:

— Но уверяю тебя, дорогая моя трусиха, что и эти прекрасные кавалеры сюда не заберутся. Им совсем нечего делать в Форесте. Они знают, что наши brave foresters все как один человек стоят за парламент. Нам лично, поверь, они ничего дурного не сделают, если бы даже и встретили нас тут одних. Напротив, они будут очень вежливы и почтительны к нам, в особенности когда узнают, кто мы. Ведь наш отец пользуется среди них большою любовью и уважением за то, что принял их сторону против насильника Уинтора. Я горжусь этим.

— Горжусь и я, — заявила Вега, — и не меньше тебя люблю наших славных форестерцев. Не их и боюсь я... Но вообще, что ты ни говори, а нам, право, пора домой, в наш милый уютный Холлиמיד. Смотри, уж солнце заходит за вершины тех гор. Скоро начнет смеркаться.

— Ну, до этого еще далеко, — отрезала Сабрина, спеша вперед, — и мы отлично успеем подняться наверх, полюбоваться оттуда окрестностями и вернуться домой как раз к ужину. Я догадываюсь, что именно этот ужин так и манит тебя назад.

— Ах, Сабрина, как тебе не стыдно! — возмутилась Вега. — Ты знаешь, что я всего менее забочусь о еде.

Конечно, Сабрина отлично знала это. Но она поддразнила

сестру едою только так, чтобы сказать что-нибудь и скрыть свои мысли. Прогулка была предпринята по ее же настоянию, и девушка, по-видимому, твердо решила не возвращаться домой, пока не побывает на вершине того горного хребта, по которому шла дорога.

— Не сердись, милая Вега, — с прежним неискренним смехом продолжала старшая сестра, — я ведь только шутила. Но ты знаешь, что я не люблю ничего недоделанного. Я задумала побывать сегодня на этой верхушке, и мне обидно было бы возвращаться назад из-за твоих пустых страхов, когда до цели осталось всего минут десять ходу. Хочется взглянуть на ту прекрасную долину, среди которой течет моя тетка — река Сабрина. Потом оттуда же мы можем полюбоваться великолепным закатом солнца вплоть до того момента, когда оно совсем скроется за Уэльскими горами. После этого еще более часа будет настолько светло, что мы будем ясно видеть дорогу, а больше ничего и не нужно. И ты совсем напрасно хочешь лишить меня ожидаемого мною эстетического наслаждения.

— Ну, если ты так заговорила, я молчу и бегу вперед! — снова засмеялась Вега, с легкостью серны опережая сестру.

Глава IV

ОЖИДАНИЕ

Наверху горы, где рос один дрок, Гектор увидел осла, лакомившегося молодыми побегами дрока, и с неистовым лаем стал прыгать вокруг него. Испуганно косясь на притворно свирепствующую собаку и трясясь всем телом, осел не знал, что ему делать. Вега хохотала и хлопала в ладоши, поощряя своего хвостатого любимца к дальнейшим проделкам. Явись в эту минуту на сцену собственник осла — наверное, один из «славных» форестерцев, — едва ли бы он оказался таким вежливым, каким представлялись в воображении путниц эти лесные жители. Но в сущности ни Гектор, ни тем более его госпожа вовсе не «затравливали» осла, как это могло показаться со стороны, а просто забавлялись по-своему. Да и сам осел, вспомнивший, что и у него, не хуже, чем у его отдаленных предков, перевезенных сюда из Месопотамии, есть хорошие зубы и копыта, тоже вошел во вкус затейной Гектором игры и принялся обороняться.

Остановившись в стороне, Сабрина широко открытыми глазами смотрела на расстилавшийся перед нею вид. Представление, заданное Гектором с ослом и так восхищавшее Вегу, ни-

сколько не интересовало старшую сестру. Она только отметила про себя в уме опасение, как бы не вышло недоразумения из-за этой игры, потом махнула рукой и предалась своим мыслям.

Внизу, под ногами молодой созерцательницы, раскидывалась обширная зеленая равнина, по которой серебряною лентою извивалась узенькая речка. На некотором расстоянии от речки в живописном беспорядке были разбросаны домики довольно большого селения — Дрейбрука. Домики были небольшие и со своими выбеленными стенами утопали в густой зелени садилов. Сквозь эту зелень теперь, при заходе солнца, ярко сверкали горевшие золотом и пурпуром маленькие окна.

За рекою тянулся другой горный хребет, весь щетинившийся вековым лесом, и по этому хребту шли дороги в самую густую глушь Фореста. По другую сторону Дрейбрука едва заметно, почти касаясь самого горизонта, ширилась другая равнина с лугами и полями. Эта равнина называлась Севернскою и когда-то была морским проливом.

Седые туманы, начинавшие волноваться над этой равниною, с которой уже скрылось солнце, бросавшее теперь свои последние прощальные лучи на лесистые высоты, могли бы вызвать в воображении Сабрины картину некогда плескавшихся там морских волн. Но девушка смотрела вовсе не на эту равнину. Все внимание наблюдательницы было поглощено противоположною высотой, где крутыми извивами змеилась дорога из Дрейбрука в то место Фореста, которое называлось «Глушью». При этом в черных серьезных глазах девушки было какое-то странное выражение, полное как бы тоскливой пытливости и недоумения.

Когда Вега наскучила забава с ослом, она отозвала от него Гектора и с ним вперегонки добежала до сестры. Взглянув ей в лицо, шалунья сразу заметила особенность ее взгляда.

— Ах, милая Сабрина, — зашебетала Вега самым наивным тоном, хотя ей заведомо хотелось немножко задеть сестру за живое, — насколько мне помнится, ты стремилась сюда затем, чтобы полюбоваться своей тезкою — рекою, а ты смотришь совсем не на нее, бедняжку, но в прямо противоположную от нее сторону. Даже и на «великолепный» закат солнца не глядишь, повернувшись к нему спиною. Кажется, тебя заинтересовало что-то на той вон дороге в «Глушь», хотя на ней ровно ничего не видно, кроме нее самой.

— Да, там ничего и нет, — с легким смущением подтвердила Сабрина, поймав взгляд сестры, в котором блуждал огонек какого-то подозрения.

— Так чем же она так привлекает твое внимание, милая Саб?

— С чего это ты взяла, что привлекает? — с худо скрытою досадою проговорила Сабрина, торопливо отвернувшись, чтобы сестра не заметила вспыхнувшего на ее смуглых щеках яркого румянца. — Я просто нечаянно взглянула туда. Разве это преступление?

Вега немного помолчала, с трудом удерживаясь от смеха, потом рубанула как ножом:

— Кто он, Саб?

— Как... кто он?.. Про кого ты спрашиваешь? — почти испуганно спросила старшая сестра, впавшая в шалунью острый, строгим взглядом и заметно бледнея.

— Да тот, кого ты ожидаешь увидеть съезжающим верхом с той вон дороги, — храбро ответила Вега. — Полагаю, что он явится верхом.

— Вега, ты прямо несносна со своим неуместным любопытством! — вскричала Сабрина и даже топнула ногой.

— Так ради чего же, собственно, ты затащила меня сюда, на это верхотурье, когда мне хотелось скорее домой? Пойдем назад. Мне и в самом деле страшно захотелось есть. Я так проголодалась, что чувствую слабость и даже, пожалуй, на минутку присяду отдохнуть.

И, присев к стволу старого, полусломанного бурею дерева, она со смехом прижалась к нему спиною. Смех ее был так разлителен и весь ее вид так уморителен в эту минуту, что и Сабрина невольно рассмеялась, и на этот раз уже искренне. Но опять-таки ее глубокие черные глаза устремились на противоположную горную дорогу.

— Довольно, милая Саб, хитрить передо мною, — немного спустя снова зазвенел серебристый голосок Веги. — Я ведь отлично все понимаю. Ты напрасно забываешь, что мне на днях случайно попалось письмо в конверте, написанное очень знакомым почерком. Этим же почерком — по всей видимости мужским — было написано и раньше несколько писем, адресованных нашему отцу, а это было на твое имя. Сопоставив такие данные и приняв во внимание еще некоторые обстоятельства, я теперь прихожу к заключению, что в этом письме тебе было сообщено, что в такой-то день вечером, на закате солнца, некто сэр Ричард Уольвейн поедет по Динскому лесу из такого-то места в...

— Вега, ты... настоящий демон!

— Ага! Раз ты угощаешь меня таким милым прозвищем, значит, я попала в цель! — ликовала блондинка, хлопая в ладоши. — Нечего тебе больше скрываться от меня, Саб! Признавайся лучше прямо!

— Мне не в чем признаваться, а если бы и было в чем,

я все-таки не стала бы, чтобы наказать тебя за твое... шпионство. Знаю, что неудовлетворенное любопытство для тебя хуже всего. Ну и оставайся с ним, — сердито проговорила Сабрина.

— О, я вовсе не до такой степени любопытна, как ты стараешься это изобразить, Саб! — воскликнула Вега. — Впрочем, продолжай, пожалуй, скрытничать, если так хочешь. Это меня несколько не трогает. Я и так знаю все, что мне интересно знать. Если сэр Ричард и в самом деле приедет сегодня в Холлимид, то неужели я не догадаюсь, что была права?

Сабрина молча окинула сестру взглядом, полным упрека.

— Отлично! Можешь молчать, как каменная статуя, — не унималась Вега. — Впрочем, тебе нечего и говорить. Ты сама знаешь, что дважды два четыре и что против этого трудно что-либо возразить, как ты ни умна. Сегодня ли пожалуйет сэр Ричард или завтра... Ах боже мой! Да вот, кажется, уж и он? — вскричала шалунья, вскакивая с места и указывая рукою по направлению к видневшейся вдали дороге.

Действительно, по этой дороге спускался всадник, уже замеченный Сабриною, судя по ее разгоревшимся взорам. Всадников, собственно, было двое. Тот, который ехал впереди на великолепной, богато убранной лошади, одетый в блестящий цветной шелк и в еще более блестящие доспехи, был, разумеется, из джентльменов, между тем как следовавший за ним человек в простой, хотя и приличной одежде и на более скромной лошади всего вернее был его слугою.

Пока еще, за дальностью расстояния, нельзя было рассмотреть лица передового всадника, но когда Сабрина заметила цвет его одежды, девушка с трудом подавила готовый вырваться из ее груди вздох тяжелого разочарования. Тот, кого она так нетерпеливо ждала, то есть сэр Ричард Уольвейн, — как совершенно верно угадала Вега, — никогда не носил светлых цветов. Положим, он мог и изменить своей прежней привычке. Сабрина давно уже не видела его. Он был в Нидерландах, где под знаменами короля Густава шведского сражался за правое дело. Быть может, пребывание в чужих странах заставило его изменить своим правилам.

Но это ничего, лишь бы не изменилось его сердце, лишь бы оставались прежними его чувства. Впрочем, такой единственно страшной перемены не было основания опасаться: об этом ясно свидетельствовало то самое письмо, один вид которого навел проказницу Вегу на ее догадки.

Между тем всадник продолжал приближаться. Вдруг Вега, с таким же напряженным вниманием следившая за ним, как и ее сестра, разочарованно вскричала:

— Да это совсем не он!.. Это Реджинальд Тревор!

В ее звонком голоске вместе с разочарованием проскользнула нотка неудовольствия. Те же чувства выражало теперь и серьезное лицо Сабрины, убедившейся, что Вега права и в этом отношении. Блестящий всадник действительно оказался не тем, кого она в тайном томлении ожидала. Это был двоюродный брат Юстеса Тревора — Реджинальд Тревор.

Глава V

КОРОЛЕВСКИЙ ПОСЛАНЕЦ

Между Юстесом Тревором и его кузеном Реджинальдом было мало общего: только родство да имя. Будучи совершенно различных характеров, они и жизнь вели различную, да и положение их было разное.

На долю Юстеса выпали все блага, между тем как Реджинальда судьба осыпала одними неудачами. Отец, промотавшийся дворянин, ничего не оставил ему, кроме довольно запачканного имени. Положим, Реджинальд не хуже других подходил под рубрику так называемых галантных кавалеров своего времени. Он даже отличался беззаветной храбростью, что не раз и доказал, состоя офицером в армии Ленсфорда, действовавшей в Шотландии. Но подобно своему отцу, он был игроком, мотом, кутилой, — словом, в глазах республиканцев, в особенности пуритан, являлся человеком, достойным глубокого презрения; среди же своих, роялистов, он пользовался репутацией милого малого. Если терпимость в вопросах нравственности может быть причислена к христианскому милосердию, то роялисты этим милосердием отличались в полной мере. Впрочем, к чести Реджинальда Тревора нужно сказать, что он был не злой человек. Если он кому-нибудь и делал прямое зло, то лишь самому себе, поэтому можно смело добавить, что у него не было врага опаснее самого себя. Начав свою жизненную карьеру без гроша в кармане, он оставался таким же бедняком и после нескольких лет службы в армии. Кроме сабли, лошади, вооружения и надетой на нем одежды, он ровно ничего не имел, но зато все это было всегда, так сказать, первосортное. Он был настоящим военным франтом, и все, что получал, тратил на свою внешность. Мало того: ради поддержания этой блестящей внешности он влезал в неоплатные долги. Он занимал в армии довольно видный пост, поэтому ему был открыт широкий кредит, которым он и пользовался, не задумываясь о будущем. И когда его уда-

лили из той выгодной комиссии, в которой он участвовал, причем он разделил одну участь с самим Ленсфордом и другими после их возвращения с севера, он несколько месяцев околачивался в Лондоне, перебиваясь кое-какими нечаянно зацепившимися у него деньжонками. В то время храбрые рубаки были везде в спросе. И в качестве такового он был приглашен Джоном Уинтором в его родовой замок, который Уинтор пожелал превратить в крепость для защиты интересов короля. И вот уже с месяц Реджинальд Тревор находился в числе других наемных офицеров, на новом месте, где исполнял сразу несколько обязанностей: администратора, специалиста по вопросам обороны и дипломата, ведшего переговоры с лицами другого лагеря.

В качестве дипломата ему приходилось бывать во многих домах местной форестерской знати. Особенно привлекательным показалось ему поместье Холлимид, владельцем которого состоял отец Сабрины и Веги, мистер Эмброс Поуэль; таким привлекательным, что ему хотелось бы остаться в нем навсегда. Это было странно и как бы совсем не вязалось с легкомысленным характером Реджинальда, не любившего захолустий, а Холлимид находился вдали от больших дорог, даже от других поместий.

Но в Холлимиде, как мы уже знаем, было два сильных магнита: Сабрина и Вега. Бесшабашного офицера притягивал именно последний. Почти при первом же взгляде на прелестную блондинку Реджинальд Тревор влюбился в нее, как говорится, по уши, и, что всего страшнее, его страсть к девушке была совершенно чистая, потому что оказалась первою серьезною любовью. И намерения его по отношению к Веге были чистые и честные. Он ухаживал за нею не с той грубою, бесцеремонною настойчивостью, с какою обыкновенно преследовали понравившуюся им женщину дворянчики того времени, а сдержанно, почтительно, отчасти даже робко.

Однако Реджинальду и в этом случае не повезло. Ему не только заметили, но прямо и решительно высказали, хотя и в вежливой форме, что его участвовавшие посещения Холлимиды совсем не желательны. Разумеется, это было высказано не самою Вегою, а ее отцом. И Реджинальд, с тяжелым сердцем перестал бывать в Холлимиде.

Но вот прошло не более двух недель, и он снова направился в дом, посещать который ему было запрещено. Впрочем, он теперь ехал туда с иной целью и иными чувствами, чем раньше, но не по отношению к Веге. Его страсть к очаровательной блондинке еще не угасла в его сердце, напротив, только сильнее разгорелась, хотя и была совершенно безнадежна. Отказ отца от дома сам по себе не много бы значил, если бы со стороны

самой красавицы, пленившей молодого человека, был хотя малейший признак взаимности и поощрение ухаживаньям блестящего кавалера. Но все же ему трудно было уверить себя, что она осталась к нему равнодушной. Он привык к легким победам и ни разу еще не встречал серьезного отпора своим ухаживаньям, поэтому считал себя неотразимым для женщин. Тем более в данном случае, когда его чувство было глубокое и чистое. И эта уверенность утешала и поддерживала его.

Все-таки не по собственному побуждению, даже против своей воли ехал он в описываемый вечер в Холлимид. Ехать вынудили его обстоятельства, и притом такие, которые должны были еще более ухудшить отношение к нему Эмброза Поуэля.

Темнее тучи было его лицо, когда он спускался к Дрейбуруку, в его глазах вспыхивали молнии гнева, когда он вспоминал, какое оскорбление было нанесено его самолюбию в Холлимиде. Но в то же время он несколько утешал себя сознанием, что везет мистеру Поуэлю нечто такое, что может послужить как бы отместкой за него, — некоторый документик, который многим был не по сердцу и даже возбуждал в них злобу. Этим документиком была грамота за подписью и печатью короля, заключавшая в себе требование ссуды в королевскую казну.

Но вернемся к сестрам.

— Да, кажется, это Реджинальд Тревор, — сказала Сабрина с таким видом, точно всадник был именно тот, кого она желала видеть.

— Наверное он, — подчеркнула Вега. — Узнаю его по гнедой лошади, на которой он постоянно ездит; узнаю и его одежду по цвету. Должно быть, у него только одна и есть, иначе бы мы при его явной склонности к щегольству видели бы на нем и другие наряды. Впрочем, может быть, сейчас он и в новом, только похожем на прежний, — с особенной гримаской добавила шалунья.

— Да, теперь и я больше не сомневаюсь, что это Реджинальд Тревор, — с кажущейся заинтересованностью произнесла Сабрина, не спуская глаз с всадника, все более и более приближавшегося, так что почти уже можно было рассмотреть черты его лица. — Да, это его лошадь и одежда, а также и красное перо на шляпе. Но куда же он едет? Не в Холлимид же? Не знаешь ли ты, Вега?

— Ах, Саб, какой странный вопрос!.. Ну откуда мне знать намерения мистера Тревора? — почти с негодованием возразила Вега.

— Ха-ха-ха! — судорожно рассмеялась Сабрина. — Какая ты

хитрушка, Вега, и как мастерски умеешь притворяться! Я до сих пор и не подозревала у тебя такой способности.

— Саб, ты хочешь меня рассердить и отчасти уже добилашь этого! — воскликнула Вега. — Право, я начинаю на тебя сердиться.

— Напрасно. Не вижу никакого повода.

— Как не видишь?

— Конечно. Какой же это повод?

— Ты, кажется, подозреваешь, что у меня есть тайна и что я способна скрыть ее от тебя, Саб. Это ужасно! — воскликнула Вега, и на ее глазах блеснули слезы.

— Вот так последовательность! — вскричала в свою очередь Сабрина. — Ты только что обвиняла меня в том, что я будто бы что-то скрываю от тебя. А теперь ты сердишься за то, что я говорю действительную правду... Да, да, не гляди на меня такими изумленными глазами, Вегочка! Ясно, что ты хотя и на три года моложе меня, но в некоторых делах гораздо опытнее, и, между прочим, в таких делах.

— В каких, Саб? Я не понимаю.

— Разве не понимаешь? Ну, я, может быть, не так выразилась. Я хотела только сказать, что тебе, вероятно, не безразлично, куда именно направляется этот всадник.

— Ах, Саб, ты меня не только обижаешь, но даже оскорбляешь! — с упреком вырвалось у Веги. — Я нисколько, ни капельки не интересуюсь Реджинальдом Тревором. Твои намеки не имеют никакого основания.

— Правду ты говоришь, Вега? — со сдержанною тревогою спросила брюнетка, и во всем ее прекрасном строгом лице выразилось глубокое чувство к сестре.

— Ты обвиняла меня в несносном любопытстве, а сама еще хуже меня любопытствуешь. Хорошо ли это, Саб? — с оттенком злорадства возразила блондинка, радуясь тому, что ей так скоро удалось «отплатить» сестре за ее любопытство.

Впрочем, злорадство Веги было не серьезное, а такое же легкое, ребяческое, как вся она.

Сабрина оставила возражение сестры без ответа. Но ее молчание и покорный вид красноречивее слов говорили, что она чувствует себя неправую и побежденную. Подметив и это, Вега в порыве искренней сердечности спросила:

— Разве тебе очень хотелось бы знать, Саб, как я отношусь к Реджинальду Тревору?

— Да, конечно, — созналась Сабрина. — И когда ты скажешь мне это, я объясню тебе причину моего... любопытства.

— О, в таком случае я все охотно скажу тебе, милая Саб.

Слушай! Реджинальд Тревор для меня так же безразличен, как всякий другой мужчина. Все они для меня лично ничего не значат.

— Неужели ты ни в кого не влюблена, Вегочка?

— Ни в кого. Сколько же раз мне повторять тебе это?

— И никогда не была влюблена?

— Ах, Саб, какие странные у тебя вопросы! А этот последний всех страннее. Ведь ты всегда говорила мне, что не понимаешь и не признаешь другой любви, кроме неизменной, постоянной до гроба. И мне думается, что если бы я была в кого-нибудь влюблена, то оставалась бы влюбленною в одну и ту же особу до сих пор. Но я даже и понятия не имею об этом чувстве, потому что никогда не испытывала его. Да по правде сказать и не желаю испытывать, если оно так терзает всех людей, как тебя.

— Это что еще за глупости! — едва не вспыхнула сдержанная Сабрина. — Я — влюблена и терзаюсь этим! Еще что думаешь? Уверяю тебя, что ничего подобного со мною нет.

— Нет, Саб, есть, и даже очень много «подобного», — невозмутимо продолжала Вега, чувствуя за собою превосходство положения и намереваясь использовать его до конца. — Может быть, ты думаешь, что никто ничего не замечает? Ну, ты сильно ошибаешься. По крайней мере, я не была слепа за все время его отсутствия на войне...

— Кого это его? — с притворным хладнокровием осведомилась старшая сестра.

— Ну, ты, конечно, не догадываешься, о ком я говорю, — насмешничала веселая блондинка. — А я сейчас не хочу доставлять тебе удовольствия лишний разок услышать это имя... Скажу только, что с тех пор, как его нет, ты стала совсем другою, чем была раньше, Саб. Право, ты очень изменилась. Я еще помню время, когда ты была точь-в-точь такая же шалунья, как мы с Гектором. Но последние два года ты ходишь с меланхоличным видом... влюбленной киски. Только в самые последние дни — после получения известного письмеца — ты снова немножко повеселела, ха-ха-ха!

Засмеялась принужденно и Сабрина, хотя ей было вовсе не до смеха. Она чувствовала, что попала в тупик, устроенный ей сестрою. Письмо, на которое не раз уже намекала Вега, действительно рассеяло опасения, которым предавалась Сабрина. У нее никогда не возникало сомнения в верности того, кто был ей дорог и кому была дорога она, но она боялась за его жизнь, и его последнее письмо, извещавшее о... возвращении с войны, успокоило ее и заставило «повеселеть», как выразилась Вега.

— Слава богу, что Реджинальд Тревор не имеет для тебя никакого значения, дорогая сестренка, — поспешила она свести разговор с себя на тему о Треворе. — Если бы мы с отцом знали это раньше, то мы были бы избавлены от больших забот.

— Забот? О чем? — наивничала Вега.

— Ну, конечно, о тебе.

— По какому же поводу?

— Да по поводу вот этого кавалера, — пояснила Сабрина, кивнул на всадника.

— Напрасно вы так заботились обо мне, Саб, — возразила серьезным тоном Вега. — Я теперь уже достаточно взрослая, так что сама могу позаботиться о себе в подобных случаях.

Это звучало гордо со стороны молоденькой девушки, едва достигшей семнадцатилетнего возраста, но мнившей себя такою же взрослою, как двадцатилетняя Сабрина. Эта наивная на вид девушка обладала, однако, очень независимым характером, и не только не намерена была терпеть над собою контроль старшей сестры, но даже считала себя вправе контролировать сестру, потому что была любимницей отца, хотя, казалось, к нему скорее подходила бы старшая дочь.

— Уж не вашим ли с отцом заботам следует приписать то обстоятельство, что Реджинальд вот уже около двух недель не показывался у нас? — допытывалась, придравшись к случаю, Вега.

— Тут я ровно ни при чем, Вегочка, — ответила Сабрина.

— Так, значит, один отец? Да? Это-то ты уж наверное знаешь, и я прошу тебя сказать мне. По твоему лицу вижу, что ты знаешь, Саб.

— Да, наша горничная Гуензсиана как-то проговорила мне, что между этим франтом и нашим отцом произошло объяснение, после которого «красное перо» и перестало появляться в нашем доме. Отец прямо сказал ему, что находит излишними его посещения.

— Да? Ну и что же возразил на это обладатель красного пера? Наверное, длинноухая Гуензсиана слышала это и сообщила тебе, — продолжала Вега, отмахиваясь от роя комаров, пристававшего к ней.

Сабрина взглянула на сестру и, убедившись, что та действительно серьезно не заинтересована, ответила:

— К сожалению, горничная не расслышала, что именно сказало в ответ отцу «красное перо». Она только сообщила мне, что «перо» что-то глухо пробормотало сквозь зубы и тотчас же удалилось с видом полного разочарования.

— Странно, что Гуензсиана ничего не сказала мне, — заме-

тила Вега. Девушке в самом деле казалось странным, что Гуензсиана, всегда выказывавшая именно ей, своей молодой госпоже, особенную симпатию, ничего не сообщила ей об этом.

— Нисколько не странно, — возразила Сабрина. — Гуензсиана боялась, как бы это не расстроило тебя.

— Ха-ха-ха! Какая удивительная деликатность!.. Но Гуензсиана не хуже вас с отцом должна бы знать, что это на меня нисколько не повлияет.

— Радуюсь, Вегочка, твоему благоразумию. Но отец, очевидно, не предполагал в тебе такой рассудительности, иначе он был бы избавлен от лишней неприятности. При его характере ему, конечно, было очень неприятно устраивать Реджинальду такие проводы, как их описала Гуензсиана. Она говорила, что отец был очень взволнован и что...

Сабрина вдруг прервала свою речь, когда, взглянув на дорогу, вдруг увидела, как вслед за «красным пером» и его спутником на противоположном склоне стали выступать фигуры еще двух всадников, по-видимому, кавалеров, а за ними двух верховых, похожих на слуг.

«Боже мой! — подумала она. — Да сюда движется целая кавалькада. Но он едва ли среди нее. Писал, что приедет с одним своим Губертом. Может быть, это из банды тех разнузданных забияк, которые называют себя роялистами. Лучше поспешить назад». Страхи Веги, пожалуй, все-таки были основательны.

Теперь Сабрина сама уже стала торопить домой сестру, которая по этому поводу насаждала ей несколько добродушных колкостей, а потом вместе с Гектором стрелю помчалась вниз по откосу.

Глава VI

ИСТИННО КОРОЛЕВСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Трудно вообразить себе уголок лучше того, в котором было расположено поместье Холлимид. Находясь в северо-западной полосе Динского леса, оно господствовало над Вайей в том пункте, где эта прелестная река с красным песчаниковым дном, прозменвшись по зеленым тучным лугам Гирфордшира, сворачивает к угленосным горам Монмаутса. Эти крутые каменистые высоты, идущие наперерез реке, смотрят так гордо, словно никакая сила не в состоянии их тронуть. Однако река в течение столетий проложила-таки себе путь сквозь эти твердыни. Разумеется, это далось ей не легко. В некоторых местах ей пришлось делать такие крутые изгибы, что она казалась обертывающеюся вокруг

себя. Течет она среди прорванных ею преград очень быстро и стремительно.

С трех сторон это место обставлено горными краями всевозможных видов и пород, начиная с древнейших на земле разноцветных базальтов, гнейсов, сиенитов и гранитов. Только с четвертой, южной, нет горных высот; там темнеют одни густые леса. Перед самым же господским домом в Холлимиде расстился на обширном пространстве своеобразный природный парк, в котором деревья словно чьей-то прихотливою рукою были разбросаны среди лужаек с сочною свежелою травою. Но посередине этого парка была прекрасная аллея, по обеим сторонам усаженная вековыми дубами. Эта аллея вела к проезжей дороге, которая шла из Руардина в Уольфорд, а оттуда — на Росс.

Сам дом был построен в стиле времен Тюдоров, когда кирпич еще был дорог, потому что его мало выделялось, а дерева было в изобилии и оно почти ничего не стоило. При перестройке дома был употреблен тот и другой материал: остов его был сложен из массивных дубовых бревен, а промежутки между образовавшимися клетками заложены кирпичом и оштукатурены. Получилось нечто очень своеобразное по виду и пестроте окрасок. Почти почерневшие бревна чередовались красными, желтыми и белыми пятнами, смотря по тому, совсем ли осыпалась белая штукатурка кирпичей или только отчасти облупилась и кое-где была наведена заново. Резные карнизы и украшения вокруг окон, дверей и других мест пестрели остатками и других красок, посредством которых разные владельцы хотели придать более веселый вид своему жилищу. Сама архитектура дома была неправильная и прихотливая, так что он весь был в выступах, вышках и боковых пристройках. Окна были разбросаны как попало, разных величин и форм.

Такою же прихотливостью отличалось внутреннее расположение комнат в доме и их убранство. Из передней поднималась вверх лестница с дубовыми перилами, для отделки которых искусный резчик не пожалел труда. К каждой площадке примыкали полутемные ходы, ведущие к комнатам, из которых не было и двух на одинаковом уровне. Комнаты эти были в большинстве спальнями, но почти все проходные. Повсюду были ступени, вверх и вниз, и незнакомый с этими «тонкостями» распланировки на каждом шагу рисковал сломать себе ногу или шею.

Но подобные неправильности могут показаться неудобными и опасными только для современных поколений. В прежнее же время жилища вроде холлимидского дома не представляли ничего особенного и были всюду распространены в глуши старой Анг-

лии. Люди, строившие их и жившие в них, ходили по ним вполне уверенно и спокойно. Еще и до наших дней там сохранилось несколько таких своеобразных домов, свидетельствующих об искусстве или, вернее, о плохом умении строителей времен Тюдоров.

Владелец Холлимида, мистер Эмброз Поуэль, вполне подходил к своему родовому гнезду. У него были необычайные вкусы и склонности, как можно заметить уже по тому, что он назвал обеих своих дочерей так же, как назывались те две реки, которые, подобно сестрам, проистекают из одних и тех же недр. Эти реки теперь называются Вайя и Северна, а раньше назывались Вегою и Сабриною. В его владениях, близ дома, была заросшая мелкою порослью беседка, где он любил в летние дни проводить целые часы наедине со своими любимыми книгами и не менее любимую природою.

Эмброз Поуэль любовался природою не как ленивый мечтатель, а как трудолюбивый наблюдатель и исследователь, стремившийся проникнуть в ее вековые тайны. Но он не убегал и от жизни со всеми ее запросами, не прятался и от людей. Напротив, он любил человечество и страстно интересовался социальными, политическими и бытовыми вопросами. Всесторонне изучив все условия человеческого бытия, общественного и государственного уклада, он пришел к выводу, что самый лучший строй — республиканский. В душе он был пуританином, но не из крайних, которые нередко доходят почти до изуверства. Всего болсе он примыкал к той группе пуритан, которая была известна под названием «друзья», или «квакеры», и особенно яростно преследовалась в те дни. Эта группа, несмотря на свою малочисленность, гораздо более способствовала упорядочению и очищению нравов в Англии, чем официальные проповедники епископальной церкви.

Впрочем, мистер Поуэль не был вполне и квакером. Разделяя лишь их основные взгляды, он очень резко расходился с ними из-за крайней склонности к непротивлению. Гордый и независимый по характеру, он всеми силами восставал против излишнего пуританского смирения, подставлявшего обидчику, ударившему в одну щеку, и другую. Он скорее готов был дать сдачи, и эту черту его характера вполне может осветить сцена, которой предстояло разыгаться у него в доме в описываемый нами вечер.

Ужин был уже готов, когда запыхавшиеся от быстрого бега сестры вернулись с прогулки, но они спешили не в столовую, хотя дорогою и уверяли друг друга, что очень проголодались. Не дав себе времени, чтобы снять верхнюю одежду и привести

себя немного в порядок, обе девушки бросились в гостиную, окна которой выходили к тяжелым дубовым воротам, поддерживаемым толстыми, сверху донизу обвитыми плющом кирпичными столбами. Едва девушки успели выглянуть в окно, как в ворота стал въезжать Реджинальд Тревор. Ворота были далеко от дома, и девушки не могли еще видеть выражения лица въезжавшего. А если бы увидели, то поняли бы, что он сильно взволнован. Ему, видимо, было не особенно приятно показываться вновь здесь после того, что произошло между ним и хозяином этого дома, но он подбадривал себя какою-то мыслью, однако тоже имевшею свою неприятную сторону. Все это ясно выражалось на его подвижном лице и в красивых темных глазах.

Действительно, Реджинальду Тревору еще никогда в жизни не приходилось чувствовать себя так неловко, как в эту минуту. Он знал, что везет с собой нечто такое, что нанесет его обидчику такой же удар, какой он, Тревор, сам получил от него. Это доставляло молодому человеку и некоторое удовлетворение, и вместе с тем мучило его. Ведь после этого как бы ответного удара он навсегда испортит свои отношения с отцом девушки, которую так искренне и беззаветно полюбил. Но его тут же утешала мысль, что, быть может, сама девушка, эта простенькая, наивная полевая маргаритка, какою она ему казалась, не разделяет взглядов своего отца; остальное же со временем уладится и без этого чересчур уж резкого старика. Затем вдруг мелькнула еще мысль: ведь как-никак, а он едет с крайне неприятным поручением, таким неприятным, что стыдно и выполнять его. А, чтоб пусто было этому Джону Уинтору и еще кое-кому, поставившим его, Реджинальда, в такое щекотливое, почти безвыходное положение!

Когда он стал подъезжать к самому дому, то сразу увидел смотревших на него в окно девушек. Заметив, что обе девушки в шляпах, он понял, что именно их-то он и видел стоящими на горе, а потом бегущими домой, только не по той дороге, по которой ехал он, а по боковой тропинке. Очевидно, они узнали его и Вега хотела бы встречать гостя милою, ободряющею улыбкою, а может быть, и еще более милым словом, но не решалась на это. Впрочем, пока довольно и того, что они хоть в окно смотрят. Сердце молодого человека забилося было сильнее, но тут же и упало: вместо привета, прелестное личико Веги выражало презрительное равнодушие, а черные брови Сабрины были нахмурены прямо враждебно. И когда он хотел снять шляпу и раскланяться перед девушками, они круто отвернулись от окна и скрылись. На крыльце же появился сам хозяин дома и со строгим видом поджидал приближения незваного гостя.

Несколько мгновений царило тяжелое молчание. Гость не решался ни заговорить первым, ни сойти с коня, не получая приглашения со стороны хозяина. Мистер Поуэль ожидал объяснения, зачем пожаловал нежеланный гость, а последний хотя и понимал, что должен дать это объяснение, но не знал, как к нему приступить, и совершенно смущенный тоже молчал. Наконец хозяин с кислою улыбкой осведомился:

— Что вам еще угодно от меня, мистер Тревор? Вам, кажется, опять зачем-то понадобилось меня видеть?

— Да, именно вас. Кого же еще? — грубовато отрезал посетитель, обозленный этим новым оскорблением.

— В таком случае прошу вас скорее изложить вашу надобность, — тем же тоном продолжал Поуэль. — Быть может, вы имеете сказать мне всего несколько слов? Можете сделать это, не сходя с седла. Но если необходимо, я могу и пригласить вас войти в дом.

Сами слова Поуэля, тон, каким они были произнесены, и взгляд, который их сопровождал, — все это был ряд пощечин для блестящего кавалера. Поблуднев, он выпрямился на стременах и с резко подчеркнутою иронией отчеканил:

— Благодарю вас, сэр. Мне нет надобности входить под ваш «гостеприимный» кров. То, что мне поручено передать вам, я могу вручить и здесь, оставаясь на лошади. Я предпочел бы вручить это кому-нибудь из ваших слуг, но раз вы очутились здесь, у дверей вашего дома, сами, то позвольте вручить вам лично.

С этими словами молодой человек вытащил из-за пазухи большой конверт казенного вида с красною сургучной печатью. Печать была королевская. Эмброз Поуэль молча взял конверт и, тут же вскрыв его, прочитал про себя следующее королевское послание:

«Дворянину Эмброзу Поуэлю».

«Благосклонно приветствуем вас, верного нашего подданного» — так начиналось письмо. Далее тягучим канцелярским слогом описывалось право короля совершать частные займы у своих подданных, затем излагалось предложение внести в частную кассу короля, для военных и других надобностей, три тысячи фунтов стерлингов, которые-де, по истечении полугодового срока, будут возвращены полностью. Письмо заканчивалось словами, что получить эту сумму король доверяет сэру Джону Уинтору, которому Эмброз Поуэль и должен представить ее не позже двенадцати дней по получении этого послания, и что сэром Джоном Уинтором будет выдана форменная расписка в получении денег. Затем следовали печать и собственноручная подпись короля.

— Вначале как бы просьба, а в конце уж прямо разбойничье требование! — с едким смехом проговорил тот, которому адресовано было это письмо.

— Позвольте мне, мистер Поуэль, заметить вам, что я служу не только сэру Джону Уинтору, который послал меня к вам с этим поручением, но и королю, поэтому не могу допустить, чтобы вы так отзывались о короле. Вы, кажется, осмелились назвать его разбойником?

Мистер Тревор произнес эти слова, задыхаясь от разнообразных чувств, теснившихся в его груди. Он едва сдерживался, чтобы не выйти из границ приличия.

— Вы можете думать все, что хотите. Это вам не воспрещается, — с ироническим смехом отвечал Поуэль, разрывая королевское послание и бросая клочки под ноги лошади всадника. — Поезжайте обратно и доложите вашему непосредственному начальнику, как я поступил с этою... с этой просьбой о пособии на бедность.

Нечаянно взглянув вверх, Тревор снова увидел прекрасные личики обеих сестер и прочел на них полное одобрение ответа отца. Посланцем овладело такое бешенство, что он чуть было не прибег к насилию над стариком, бросившим оскорбление не только ему, Тревору, но и тем, кому он служил. Но, сделав над собою громадное усилие, молодой человек сдержался, сообразив, что он со своим слугою слишком слаб в сравнении с целою толпой челяди, выглядывавшей из всех дверей надворных построек и, видимо, готовый броситься на защиту своего хозяина. Их насмешливые лица и злорадное хихиканье ясно доказывали, что они с особенным удовольствием занялись бы этим господчиком, ненавистным им уж за одно то, что он принадлежал к партии короля. К тому же его оскорбитель все-таки был отцом боготворимой девушки, и с этим своим чувством Тревор не мог не считаться. Поборов себя, молодой кавалер почти смиренно сказал:

— Ваш поступок, мистер Поуэль, лично меня мало касается. Поверьте, что это поручение для меня крайне неприятно и я принял его на себя лишь в силу необходимости.

— Верю. Поручение действительно не из приятных, — с прежним сарказмом произнес Поуэль. — Поэтому вы, разумеется, не станете дольше задерживаться здесь и поспешите удалиться отсюда, стряхнув с себя поскорее эту неприятность... Впрочем, быть может, вы найдете нужным, в довершение вашей обязанности, подобрать остатки королевского послания и отвезти их обратно усерднейшему рабу королевы, а вашему господнну сэру Джону Уинтору. Я вам в этом не воспрепятствую.

Идти дальше по пути насмешки было некуда. Тревор чувствовал это и при каждом слове строптивного старика вздрагивал, словно от удара хлыстом. Но снова, в третий раз, он храбро проглотил горькую обиду и, окинув пылающим взглядом теснившуюся возле него толпу челяди, глядевшей на него с самым неприязненным видом, круто повернул лошадь и направился к воротам.

— Желаю вам доброго вечера, мистер Поуэль! — сдавленным голосом крикнул он своему беспощадному врагу.

— Желаю и вам того же, сэр! — с преувеличенной вежливостью отозвался старик.

Однако как ни бодрился Поуэль, но на душе у него было тревожно. Он знал, что король, несмотря на ослабившую его парламентскую оппозицию, все же имел еще достаточно силы, чтобы уничтожить его, мелкого дворянина. Вернувшись в гостиную, куда собрались его дочери, он сказал:

— Милые детки, та грозовая туча, приближение которой я уже давно предвидел, в настоящую минуту нависла над нашим домом. Нам, пожалуй, придется или покинуть наш милый Холлимид, или же, укрепив его, и защищаться в нем.

Глава VII

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пока в Холлимиде шел совет, что предпринять, Реджинальд Тревор при выезде из холлимидского парка неожиданно встретился с двоюродным братом Юстесом, ехавшим, как мы уже знаем, рядом с Ричардом Уольвейном и со слугами позади. Кузены давно уже не виделись, но каждый из них знал, где должен находиться другой. Реджинальд был уверен, что Юстес поступил ко двору, и никак не ожидал встретить его здесь, у порога дома, который одновременно и тянул его к себе, и упорно отталкивал. В свою очередь и Юстес не предполагал, что увидит в этом месте Реджинальда, о возвращении которого с войны он не имел сведений. Оба были изумлены этой неожиданною встречей.

— Ба, Юст! Тебя ли я вижу? — воскликнул Реджинальд, сдерживая лошадь и окидывая беглым взглядом незнакомого ему спутника своего кузена. — Откуда ты?

— Редж?.. Вот удивительная встреча! — вскричал и Юстес, опережая своего спутника.

— Что это с твоей рукой, Юст? — вдруг спросил Реджи-

нальд, увидев окровавленный рукав и перчатку кузена. — Ты ранен? Подрался с кем-нибудь?

— О, это пустяки, простая царапина! — возразил со смехом Юстес, протягивая для пожатия свою левую руку.

— Но чем нанесена эта «царапина»?

— Кончиком шпаги.

— Ну так и есть, значит, дрался! Да с кем же и где?

— Пожалуйста, потише, Редж! Мне не хотелось бы, чтобы этот джентльмен слышал нас, — взмолился юноша, указывая глазами на сэра Ричарда, который скромно оставался в стороне.

— Так это с ним у тебя было дело, Юст?

— Да.

— И он победил тебя?

— Сразу.

— Гм?.. Странно! Ты ведь хороший фехтовальщик, хотя и слишком горяч. Но еще страннее, что ты находишься в компании своего противника. Уж не в плену ли ты у него?

— Есть отчасти.

— В таком случае моя шпага к твоим услугам. Я отомщу за тебя и освобожу от любого слова, которым ты связал себя, и вообще от всяких обязательств.

Всего несколько минут назад Реджинальд Тревор принес в жертву свое самолюбие, уклонившись от угрожавшей ему схватки с холлимидской челядью; теперь же, ввиду возможности равного боя с равным противником, он был полон храбрости и мужества. Была пролита кровь Треворов, благородная кимврская кровь, и это требовало отмщения. Кузены никогда не были особенно дружны, но родственная связь давала себя знать во всем, что касалось родовой чести.

— Вызвать мне его, Юст? — спросил шепотом Реджинальд, наклонившись к кузену. — Скажи да, и он у меня живо затрещит по всем швам.

— Ах нет, нет, дорогой Редж! Благодарю тебя за участие и предложение, но этого не следует делать.

— Ну, как знаешь, Юст. Но мне, право, очень досадно видеть своего родственника в таком униженном положении и сильно хотелось бы помочь тебе вернуть свое достоинство. Твой противник, кажется, одних лет со мною и, по-видимому, порядочный малый. Мне доставило бы большое удовольствие сразиться с ним.

— Верю, Редж, но еще раз прошу тебя оставить это. Не сердись на меня, если я скажу, что и тебе самому несдобровать бы с ним. Ты и не заметишь, как он отделает тебя еще чище, чем меня.

Как ни было любезно предложение Реджинальда выступить за него, но Юстес почувствовал себя уколотым. Юноша видел в этом предложении намек на свою собственную слабость. Поэтому он и говорил не без некоторой насмешки. Реджинальд заметил это и раздраженно спросил:

— Ты шутишь, Юст? Что ты за ерунду несешь?

— Совсем не ерунду, я говорю правду, — тоже немного надувшись, возразил юноша. — Этот джентльмен один из великолепнейших бойцов и наездников, каких я когда-либо видел. Он доказал мне свое превосходство в несколько минут, а если бы захотел, то мог бы сделать это еще скорее. Хотя я и сам, как ты знаешь, неплохо владею шпагой, но против него казался ребенком, размахивающим деревянным или картонным мечом. Да он так и смотрел на меня, как я потом узнал. Он сначала только немножко поиграл со мной, а потом вдруг так ловко ткнул меня в руку, что моя шпага далеко отлетела в сторону. Но это еще не все. Он обезоружил меня и в другом смысле: сделал из врага почти друга. Потому я и сказал, что я у него как бы в плену.

— Гм... Все это очень странно, — повторил Реджинальд, подавляя новую вспышку гнева. Но оставим это. После расскажешь подробности. Пока же скажи мне, как и зачем ты попал сюда. Я думал, ты так внедрился в стенах Вестминстерского дворца и так увлечен ласками хозяйки этого дворца, что тебе не до сельских идиллий. И вдруг встречаю тебя в лесной глуши, далеко от блестящей придворной и городской суетни. Разве она для тебя уж не имеет никакой привлекательности и цены? Как же это могло случиться, Юст? Объясни, пожалуйста,

— Охотно объяснил бы, дорогой Редж, но сейчас неудобно. Видишь, меня ждет сэр Ричард.

— Какой сэр Ричард?

— Уольвейн.... Вон тот, мой недавний противник, а теперь новый приятель.

— А, так вот как зовут твоего великодушного победителя.

— А ты разве знаешь его?

— Понаслышке — да, но до сих пор ни разу еще не видал его... Но как же ты с ним столкнулся, и из-за чего вы поссорились?

— Оставь и эти вопросы до более удобного времени, Редж. Право, сейчас неловко...

— Ну, хорошо, хорошо. Но скажи мне, по крайней мере, зачем ты едешь в Холлимид? Надеюсь, ответ на этот вопрос не отнимет у тебя много времени.

— В какой Холлимид? — удивился Юстес.

— Ну вот, ты даже не знаешь названия усадьбы, в которую въезжаешь! — со смехом проговорил Реджинальд. — Неужели и в самом деле ты не знал этого до сих пор?

— Честное слово, не знал.

— Не зная, как называется усадьба Эмброза Поуэля!

— А это еще кто такой? — все более и более недоумевал Юст. Не менее юноши недоумевал и его кузен.

— Ты даже имени лица, которое ты собираешься посетить, не знаешь? — продолжал спрашивать Реджинальд, делая большие глаза.

— Право... не знаю, — почти робко ответил юноша, начиная теряться.

— Совсем, значит, ничего не знаешь об этом лице?

— Ровно... ничего.

Юноше хотелось откровенно добавить: ничего, кроме того, что у него две «прелестные дочки», но его удержала мысль, что этим он нечаянно может задеть какую-нибудь чувствительную струну в сердце кузена.

— Вот чудеса-то! — снова смеясь проговорил Реджинальд. — Ты, придворный, едешь знакомиться, по-видимому с самыми мирными намерениями, с самым заклятым и опасным врагом королевской власти, с человеком, который ненавидит и короля, и двор, и церковь, и более всего твою покровительницу королеву, по милости которой ты и попал ко двору. Я сам слышал, как мистер Поуэль называл ее Иезавелью, с присоединением некоторых очень неместных эпитетов.

— Нехорошо с твоей стороны, Редж, что ты, будучи ревностным роялистом, мог хладнокровно слушать такие вещи! — пылко вскричал юноша.

— Я не говорил, что слушал их хладнокровно. Охотно оставил бы его кощунство, если бы не...

— Если бы не... Что же ты замаялся, Редж?

— По некоторым причинам, о которых, быть может, ты узнаешь в другое время. Ведь и у меня так же, как у тебя, Юст, есть свои тайны.

Юноша подумал, что он угадывает одну из этих тайн, но смолчал и ограничился возражением:

— Однако продолжаешь же ты бывать у этого ненавистника короля? Ведь от него ты едешь? Или эта дорога ведет еще к кому-нибудь из здешних дворян?

— Нет, я был у мистера Поуэля, но после его приема полагаю, что не скоро опять попаду к нему.

— А, значит, тоже была ссора? По какому поводу?

— По довольно серьезному. Мне было поручено отвезти ми-

стеру Поуэлю письмо короля с требованием ссуды... Я теперь состою на службе у сэра Джона Уинтора, который является королевским агентом по сбору денег в частную казну короля в этом графстве и в глостерском. Вот я и имел удовольствие быть посланным сюда с одним из королевских посланий, — пояснил Реджинальд.

— И денег ты не получил, — подхватил Юстес. — Вижу это по твоему лицу.

— Да, Юст. Вместо денег, я получил другое: клочки разорванного мистером Поуэлем королевского письма. Положим, эти клочки были брошены под ноги моей лошади, а не прямо мне в лицо, но от этого мне не легче. Вызов брошен королю, сэру Джону, мне — одним словом, каждому роялисту. Разумеется, этим дело не кончилось. Сгоряча я сказал, что не скоро опять буду здесь, но это неправда: я буду в недалеком будущем. Тогда и разговор у нас с мистером Поуэлем будет другой и вся картина изменится... Но что теперь скажешь ты, кузен? Неужели после того, что ты слышал от меня об этом доме, ты все-таки еще намерен войти в него? Я бы посоветовал тебе лучше повернуться к этому очагу мятежа спиной и поехать со мною в Росс, куда я сейчас направляюсь.

— Ах, дорогой Редж, — сокрушенно ответил Юстес, — сделать так, как ты мне советуешь, будет такою грубостью с моей стороны, на какую я не способен. Ведь этим я нарушу и вежливость и простую благопристойность, не говоря уже о благодарности. Я и без того сильно злоупотребил терпением и снисходительностью сэра Ричарда, заставив его так долго ждать.

— Да, это правда, — согласился Реджинальд. — Ну, так делай как знаешь, мой милый Юст. Я не могу заставить тебя сделать то, чего, очевидно, не желает твой новый приятель. До свидания.

Противившись с кузеном, королевский посланец поскакал в противоположную сторону от дороги, на которой произошла его встреча с Юстесом. Миню сэра Ричарда Уольвейна проезжать не пришлось. Таким образом, оба джентльмена в этот раз так и не познакомились.

Глава VIII

СЦЕНА В КАМЕНОЛОМНЯХ

— Ну, двигайся же, Джинкем! Чего ты плетешься как безногий!.. Живее же, говорят тебе!

Эти хриплые окрики сопровождалась градом ударов палкою

по спине небольшого осла, полускрытого под тяжестью двух огромных корзин, висевших у него по тощим бокам.

— Да будет тебе, Джек, мучить так бедное животное! Дай ему передохнуть. Ведь этот подъем один из самых тяжелых.

— Да, но зато корзины-то почти пустые. Чего ему еще? Уж очень ты жалостлива, Унни!

— А у тебя совсем нет сердца, Джек. Когда он давеча нес эти корзины в Моннертс, они были полные доверху. Туда и назад — четырнадцать миль, и без отдыха. И он ничего не ел, кроме того, что сощипнул мимоходом.

— Тем больше ему причины скорее попасть домой. Если бы он умел говорить, то, наверное, сказал бы то же самое, что говорю я.

— Может статься. Но все-таки он очень устал и, конечно, еле тащит ноги. Ты хоть не бей уж его больше, Джек, слышишь?

— Ну, ладно, не буду... Ползи же скорее, Джинкем. Еще какая-нибудь миля — и ты будешь дома, на лужке, по самые уши в хорошей, сочной траве. И почавкаешь всласть, и отдохнешь там до утра. Постарайся еще немножко, пошевеливайся!

Точно поняв, что ему говорят и какую оказывают милость, осел стал напрягать последние силы, истощенные долгим трудным переходом по горам и такою же долгою голодовкою.

Провожатые осла были мужчина и женщина, оба довольно необычайного вида. Мужчина отличался очень маленьким ростом и ковылял на деревянной ноге. Женщина была выше его на целую голову именно потому, что сам-то он был уж очень мал. Ее простая, домотканая, мешковато скроенная и сшитая одежда не могла скрыть ее красивой пропорциональной фигуры, а глаза и волосы были так хороши, что многие герцогини и принцессы охотно отдали бы за них все свои драгоценности, если бы можно было купить живые глаза и заставить чужие волосы расти на своей голове. Эти волосы, черные как вороново крыло, длинные и густые, были свернуты жгутом и заколоты вокруг головы шпильками. Как волосы, так и огромные черные глаза под такими же черными пушистыми бровями, с длинными ресницами, бронзовый цвет кожи и черты лица напоминали цыганский тип. Напоминало об этом типе и то, что на всем облике молодой женщины лежала печать привычной неопрятности, и каждый, взглянув на нее, мог сказать: «Какая бы это была красавица, если бы она имела обыкновение умываться, причесываться и одеваться!»

Тот, с кем она шла, был ее старший брат, за свою подпрыгивающую походку, к которой вынудила его деревянная нога, прозванный Джеком Прыгуном. Он тоже был похож на цыгана,

хотя вместе с сестрой происходил от одних и тех же родителей, коренных англичан. Оба они, подобно цыганам, занимались продажей кур и другой птицы на двух ближайших рынках — в Монмаутсе и Россе. Тщедушный, малосильный и вялый, Джек невольно подчинялся своей младшей сестре, Уинифреде, обладавшей избытком силы и энергии.

День был рыночный, и брат с сестрой ходили в Монмаутс, где продали свой товар и закупили себе кое-чего другого, необходимого в хозяйстве. До вершины перевала оставалось немного, а там остальная часть дороги была легче для усталых путников. Впрочем, Уинифреда поднималась таким легким шагом, словно и понятия не имела об усталости. Измучились только Джек да больше всего бедный ослик.

Однако отдых для терпеливого четвероногого неожиданно наступил раньше, чем это было обещано хозяином. В одном месте, где дорога врезалась между двумя откосами, поросшими густым кустарником, из-за кустов вдруг выскочил человек, вид которого мог привести в содрогание любых мирных путников, не приготовленных к таким встречам. Но те, перед которыми он так внезапно появился, не только не выразили испуга, а напротив, вполне дружески приветствовали его.

Это был мужчина лет тридцати, исполинского роста и богатырского телосложения, с целою копною темно-русых щетинистых, торчащих во все стороны волос на огромной голове, с рыжей, окладистой, включенной бородою и глазами, похожими на горящие уголья. Он также напоминал цыгана. Кафтан из толстого сукна бутылочного цвета и красный плисовый жилет были изодраны, словно их владельцу пришлось продираться сквозь колючую растительность. Лицо и руки у него были такие же грязные, как у той, которая в это время скалила ему в улыбку свои прекрасные зубы.

— Ну что слышно нового внизу, возле Моннертса? — спросил, поздоровавшись, исполин, хлопнув Джека по плечу.

— Нового много, Роб, — ответил тот. — Так много, что если бы все написать, то понадобилось бы столько бумаги, сколько войдет в обе эти корзины.

Хромой привык разнообразить свой товар, забирая все, что ему попадало в руки; так же разнообразны были и цветистые обороты его речи.

— Поделись со мною хоть частью этих новостей, Джек, — сказал тот, которого звали Робом, и спокойно присел на выступ откоса, заставляя этим остановиться и своих собеседников, к огромному удовольствию измученного осла.

— Гроза надвигается, Роб, гроза с трескучим громом и смертельными молниями, — начал Джек, располагаясь рядом с приятелем, между тем как его сестра осталась стоять, сложив руки под своим пестрым грязным передником. — Весь рынок был полон забияк со стороны Реглена и от лорда Уорстера. Заставляли всех встречных и поперечных кричать здравицу королю, а кто не хотел, тех лупили на оба бока.

— А Джек этого очень боится, потому и ограл громче всех. Я думала, у него глотка лопнет от усердия! — насмешничала сестра.

— А ты полагаешь, сладко бы мне было, если бы за мое молчание меня те озорники повалили, сняли с меня деревяшку да ею и переломали бы мне ребра? — огрызнулся Джек. — Разве ты не видала, как одного храбреца, осмелившегося крикнуть: «Да здравствует парламент!» — чуть в клочья не разнесли? Поэтому я и орал что было мочи: «Да здравствует король!» — а про себя добавлял другое. От этого у меня в душе ничего не изменилось, да и тело не потерпело нового искалечения. Роб знает, какие у меня мысли. Он во мне не усомнится, как ты, сестрица, не зубоскаль.

— Знаю, знаю, — успокоительно сказал Роб. — Ты такой же свободнорожденный форестерец, как и я, и не можешь быть заодно с теми роялистами и папистами, которые хотят закрепить нас телом и душой и заставлять работать дни и ночи только на них да их разодетых кукол-любовниц, черт бы их всех подрал! А что зря не следует лезть в петлю или под нож — с этим я тоже согласен...

Круто оборвав разговор с Джеком, рыжебородый обратился к Уинифреде с таким видом, который показывал, что ему хотелось бы поговорить с нею наедине. Джек понял это и потихоньку погнал осла дальше. Роб поднялся и стал против молодой девушки.

Эти двое людей вполне подходили друг к другу. Оба высокие, плотные, сильные, в цветущих еще годах — Уинифреда была лет на десять моложе Роба; оба смелые, безбоязненные, решительные и, несмотря на убожество одежды и даже неопрятность, полные природного величия, не зависящего от среды и обстановки. Так и чувствовалось, что они должны любить друг друга. И это было верно: их взаимная любовь была такая же пламенная, чистая и нежная, как если бы их сердца бились не под грязными лохмотьями, а под шелком и бархатом придворных одежд. Но оставшись наедине, они не обменялись ни одним словом любви. Должно быть, они считали это лишним.

— Обо мне ты ничего там не слыхала, Уини? — спросил Роб, наклоняясь к девушке, хотя она была не намного ниже его.

— Слышала, Роб.

— Да? А что именно?

— Удивляются, как это ты бежал из тюрьмы, и обвиняют Уилли Моргана в том, что он помог тебе. Третьего дня пришел отряд из Лиднея с тем офицером, который недавно поступил на службу к сэру Джону Уинтору... Кажется, его называли Тревором...

— Верно, Тревором. Я его знаю. Это он меня и засадил в тюрьму, — перебил Роб.

— Разве он?.. Хорошо, запомним. Ну, так вот этот Тревор схватил Моргана и потащил его в Лидней, где сэр Джон устроил собственную тюрьму. Там вышла маленькая передряга. Моннертский губернатор лорд Герберт сказал, что Морган подсуден ему, а лорд Уинтор объявил, что так как ты попался в браконьерстве в здешних лесах, а Морган тебе помогал, то это дело подсудно ему, Уинтору. Ну, за ним и осталось последнее слово, и Уилли теперь у него. А он и вправду немножко помог тебе, Роб?

— Не только немножко, а вполне. Если бы не он, я и сейчас сидел бы в Лиднее. А вот теперь он и сам попал туда. Но я думаю, ему недолго там быть, если то, что я сам слышал, верно...

— А что ты слышал, Роб?

— Да я познакомился с теми, которые на днях побывали в Лиднее и принесли оттуда слухи, что парламент выгнал из Лондона короля и повернул теперь все по-своему. Если это окажется верным, то ведь и лорду Уинтору недолго осталось своевольничать. Мы, форестерцы, покажем ему совсем другое лицо, чем он привык видеть у нас. Нам поможет один человек. Быть может, он и станет у нас во главе всех.

— Кто же это, Роб?

— Это один из настоящих друзей народа. Он только что вернулся с войны. Храбрец такой, каких мало, и притом честный человек.

— О, я знаю, о ком ты говоришь! — воскликнула девушка. — О сэре Ричарде Уольвейне? Верно?

— Совершенно верно, Уини. Он самый и есть. А ты разве знаешь его?

— Знаю. Он прежде часто бывал в Холлимиде, чуть не каждый день. И как, бывало, едет мимо нас, непременно остановится, чтобы поговорить с Джеком. Думается, кое-кто в Холлимиде помнит его еще лучше меня.

— Кто же именно?

— Старшая дочка мистера Поуэля мисс Сабрина. Я это знаю по секрету от их прислуги.

Девушка пустилась в подробности, не забыв упомянуть и о слуге сэра Ричарда, Губерте, который, по ее словам, тоже не пропускал случая «почесать язык» с ее братом. Эти подробности заставили было Роба нахмуриться, но он превозмог себя и, не высказав мелькнувшего у него в уме ревнивого подозрения, заговорил с девушкою более теплым тоном.

— Ну вот, дорогая Уинни, — продолжал он беседу, — этот самый сэр Ричард, как мне говорили, начинает набирать солдат для парламента. Если это правда, то одним из этих солдат, и наверное не худшим, будет и Роб Уайльд. Надеюсь, что он в грязь лицом не ударит.

— О, ты будешь самым храбрым из всех, милый Роб! — вскричала девушка.

И в пламенном порыве она бросилась своему собеседнику на шею и стала покрывать его лицо жгучими поцелуями.

Весь дрожа от блаженства, Роб отвечал девушке такую же бурною ласкою, до боли стиснув ее в своих мощных объятиях, хотя она и сама была не из хрупких. Но вдруг он разжал руки и напряженно к чему-то прислушался. Его примеру последовала и девушка. Тонкий слух лесного браконьера не обманул Роба: по направлению из Руардина ясно слышался топот по крайней мере двух лошадей. Может статься, это были друзья, но, быть может, и враги. Совесть человека, промышлявшего чужою дичью и вдобавок еще убежавшего из тюрьмы, подсказывала, что это скорее всего враги. Поэтому первым движением Роба было броситься назад в кусты и оставить девушку одну на дороге; ее, наверное, никто не тронет. Но пока он будет карабкаться на крутой откос, к месту, где гуще разросся кустарник и можно было укрыться, всадники легко увидят его. Они неслись вскачь и каждое мгновение могли появиться здесь. К счастью, Роб заметил в противоположном откосе покрытый сорными растениями пролом и вспомнил, что это должен быть вход в старые, давно заброшенные каменоломни, где когда-то добывался известняк. Недолго думая, он схватил девушку за руку и повлек за собою в пролом. Унифреда поняла, в чем дело, и доверчиво последовала за ним.

Но было уже поздно. Ехавший впереди всадник — Реджинальд Тревор — успел заметить беглецов. Он заинтересовался ими и пустил своего коня вслед за ними. Через минуту, не слезая с седла, так как пролом был достаточно высок и широк для прохода лошади с всадником, преследователь очутился в обширной каменоломне, лицом к лицу с Робом и его возлюбленной.

Видя, что их попытка скрыться не удалась, молодые люди остановились и стали выжидать дальнейшего.

— А, это ты, мой милый великан! — весело вскричал Реджинальд, окидывая беглецов насмешливым взглядом. — А с тобою и сестрица Джека Прыгуна. Знаю их обоих. В любовь, что ли, вы тут играете? Ха-ха-ха! Парочка подобралась на славу... Жаль только, что мне невольно пришлось прервать ваше приятное свидание. Но вы сами виноваты: что бы вам пораньше, а не у меня на глазах залезть сюда, чем целоваться на открытой дороге?.. Эх, неприятно мне это, но делать нечего. Придется разлучить вас, милые голубки... Ну, — продолжал всадник, обняв шпагу, — марш за мной, мистер Роб! В Лиднее соскучились по тебе, и я дал слово, что недолго заставлю тамошних твоих друзей томиться по тебе.

— Как бы вам не пришлось нарушить ваше слово, — спокойно сказал Роб, вытаскивая из-под кафтана длинный складной нож и готовясь к защите.

Это было полной неожиданностью для королевского офицера, не предвидевшего, что может встретить сопротивление. Не показав, однако, и вида, что удивлен, Реджинальд направил коня прямо на браконьера с очевидною целью опрокинуть его и взмахнул саблей для удара.

Но нанести удара ему не удалось. Роб быстро бросился вперед и вонзил лезвие своего ножа прямо в ноздрю белому коню, который, пронзительно заржав от боли, поднялся на дыбы и обернулся кругом. Это сразу отдало офицера во власть того, над кем он только что смеялся, и в следующее мгновение почувствовал, как точно железные руки обхватили его и стащили с седла.

Слуга Реджинальда не оставался праздным зрителем и поспешил на помощь своему господину. Но едва он успел с обнаженным кортиком показаться на сцене, как Унифреда, на которую слуга не обратил было никакого внимания, тигрицею набросилась на него, сдернула его с лошади и швырнула на землю. Таким образом, не прошло и нескольких минут, как офицер и его слуга, обезоруженные и спешенные, очутились в плену у своих почти безоружных противников.

Вдоволь посмеявшись над своими пленниками, Роб наконец сказал:

— Я отпущу вас обоих, если вы дадите мне слово, что не станете злоупотреблять моим великодушием и не нападете опять на меня... Впрочем, — прервал он сам себя, — от этой опасности я на время могу избавиться и другим способом... Вот, смотрите! — продолжал он, ломая, как щепы, шпагу и кортик

пленников и бросая обломки им под ноги. — Теперь можете сесть на ваших лошадей и продолжать свой путь, — с насмешливым поклоном заключил браконьер, отступая назад.

Королевский офицер молча встал, помог своему слуге подняться на ноги и сесть в седло, потом сел и сам на свою лошадь, все еще дрожавшую от боли, причем из носа ее текла кровь. После этого господин и слуга поспешили выбраться из пещеры, где все вышло совсем иначе, чем они ожидали, когда въезжали в нее, и пустились прямо к дороге.

— Ну, на время мы от них избавились, Уини! — произнес Роб, глядя вслед исчезающим за поворотом всадникам. — А ловко мы с ними расправились, ха-ха-ха! Но, разумеется, этим дело не кончится и нам немало придется еще повозиться с этими франтами... Впрочем, быть может, мы и одолеем их, как ты думаешь, Уини, а?

— Конечно, милый Роб! Бог нам поможет! — Убежденно ответила девушка, снова бросаясь в мощные объятия своего возлюбленного.

Глава IX

ПОДГОТОВКА К БУДУЩЕМУ

Хотя дошедший до Роба Уайльда слух о том, что парламент будто бы выгнал короля из Лондона, и был преувеличен, но доля правды в нем все-таки была. Действительно, встретив со стороны парламента сильный отпор в своем смелом стремлении нарушить конституцию, Карл почувствовал себя в столице крайне неуютно. Мало того: поговаривали, что парламент хочет прижать и королеву, и эта тонкая интриганка находилась теперь в сильном смущении; она поняла шаткость тех прав, которые привыкла считать «незыблемыми» и «неприкосновенными».

Страффорд лишился своей гордой головы. Лод сидел в тюрьме, готовый потерять и свою голову. Королева могла ожидать, что не сегодня завтра «кровожадные островитяне» захотят положить под свой острый топор и ее красивую венценосную головку. Ведь одна такая головка, прекраснее ее, уже скатилась под этим топором. Пример был дан. Ежедневно по улицам и мимо дворца двигались громадные толпы черни и грозные крики: «Долой епископов!» врывались в окна. Слушая эти крики, Карл в ужасе дрожал, вспоминая эпиграмму своего отца: «Не будет епископов, не будет и королей». Не лучше ли поискать более безопасное убежище, чем уайтхольский дворец? И королевская

чета переселилась в Виндзор, где королева потихоньку успокоилась и затем через Дувр ускользнула в Голландию.

Она захватила с собой столько золота и драгоценностей, что могла держать двор и за границей, давать пиры и даже набрать армию для обратного завоевания и нового закрепощения ограбленной ею страны.

Неприятно останавливаться перед такими делами и еще неприятнее говорить о них. Грустно думать, что хотя Англия и постарела на два столетия после Карлов Стюартов и Генриетт Медичи, всячески оскорблявших и грабивших эту страну, но она за это время нисколько не поумнела. Последняя победа либералов как будто противоречит такому взгляду, однако, что значит эта так называемая «победа», когда сам английский народ в лице его представителей в парламенте в течение последних десяти лет санкционировал деяния, покрывшие его имя долго несмываемым позором? Понадобится еще несколько веков, чтобы стерся в глазах цивилизованного мира этот позор.

Сравним Долгий парламент и нынешний. Когда первый открыл свои славные заседания, то составлявшие его истинные патриоты думали лишь о том, чтобы не пропустить безнаказанным ни одного преступления против страны и народа. «Долой голову Страффорду! Лода и двенадцать непокорных епископов — в Тауэр! Очистить звездную палату и палату высшей комиссии! Уничтожить монополии, частные королевские займы и все несправедливые налоги и поборы!» Эти требования не только предъявлялись, но тут же и приводились в исполнение, как по мановению волшебной палочки. Но тогда судьбы Англии направлялись ее добрым гением, и ей все удавалось. Слетела голова Страффорда, Лод отправился в Тауэр, и пресловутые королевские эдикты за последнее десятилетие были вырваны из книги государственных актов.

Что же мы слышим и видим теперь, в наши дни? Мы слышим много прекрасных речей и видим парламент, образовавшийся при условиях, почти одинаковых с теми, которые вызвали к существованию Долгий парламент, и как бы повторявший его. Видели и стушевавшихся перед этим парламентом министров, оскорблявших народ не менее, чем делали это Страффорды, Дигби и Лоды. Но вместо привлечения к ответственности, заключения в Тауэр и смертной казни, постигших министров 1640 года, министры 1880-го были награждены новыми орденами и титулами.

Живи Томас Уэнтворт, граф Страффорд, в наше время, его голова не скатилась бы на эшафоте под секирою палача, а была бы украшена еще и новою короною — герцогскою. Лод же,

наверное, удостоился бы причисления к лику святых, потому что лишней земной почести для него, как архиепископа, в Англии уже не оставалось.

Как только Карл благополучно проводил свою жену за море, он сам поспешил в Йорк, где, окруженный толпой местных усердных сторонников, начал проявлять некоторую деятельность. В настоящее время столицы севера и юга переменялись характерами. При Карле Йорк был наполнен врагами свободы, а Лондон — ее друзьями; в наши дни Йорк поднялся на вершину свободолюбия, между тем как Лондон тонет в липкой тине беспросветного рабства.

Перемену эту нетрудно объяснить. Живущие в королевских столицах ближе к источнику нравственной заразы. Там царит кумовство и сватовство; там каждый жалкий писака может найти себе покровительство, поощрение и успех, там развращающее влияние современной финансовой системы питает целый сонм биржевых игроков, учредителей дутых акционерных обществ, торговых мошенников и всякого рода трутней, живущих на чужой счет. И компания таких лиц сменила собою тех честных купцов и ремесленников, которые в золотые дни парламента по справедливости заняли господствующее положение в стране...

Разошедшись с парламентом, Карл внял сладким голосам окружавших его Гертфордов и Дигби, напевавших ему, что его королевское достоинство требует победоносной борьбы с мятежным собранием. Король стал готовиться к этой борьбе, принимать меры для своей безопасности, рассылать по всей стране полутребования-полупросьбы о ссуде ему денег и придумывать разные другие способы добывания средств для борьбы.

Как мы видели, одним из его агентов по сбору денег в частную казну короля был сэр Джон Уинтор, придворный сановник и частный секретарь королевы. Этот ловкий пройдох отлично умел устраивать свои делишки, расстраивая чужие дела. Получив в бесконтрольное управление богатейшую лесную и углекопную область — Форест, он построил себе близ Лиднея обширный дом, названный им «Белым». В настоящее время этот дом уже не существует, потому что сам сэр Джон был вынужден предать его огню, но место, на котором он стоял, до сих пор слывет под названием «Белого дома». Когда двор покинул Лондон, сэр Джон засел в своем новом доме и, предвидя близкую грозу, привел его в состояние обороны.

Первые зловещие раскаты этой грозы слышались ему, когда вернулся из Холлимида Реджинальд Тревор и передал ему, что там произошло. Но сэр Джон был человеком, привыкшим управлять своими чувствами и поступками. Он никогда

ничего не делал сгоряча и тщательно обдумывал каждое свое решение. Не вспыхнул он и теперь, как можно было ожидать, а спокойно выслушал доклад Реджинальда и сказал:

— Не волнуйтесь, капитан Тревор, из-за того, что говорит или делает Эмброз Пууэль. В свое время он за все ответит. В настоящее время я озабочен главным образом усилением нашего небольшого гарнизона и пригласил к себе еще одного офицера, который прибудет завтра или послезавтра. Это полковник Томас Ленсфорд.

— А! Очень приятно слышать, — заметил Реджинальд. — Ведь под его начальством я и состоял в нашей северной экспедиции.

— Ах да, в самом деле, я и забыл! — воскликнул сэр Джон. — Ну так вот он приведет с собой десятка два надежных людей, и когда отдохнет и пооглядится здесь, тогда вам можно будет вместе с ним сделать новый визит холлимидскому послушнику. Во всяком случае мы так или иначе заставим его раскаться в своих словах и в своем дерзком поступке. Получим с него и деньги в полной сумме, требуемой королем. Если этот бунтарь не отдаст добром, мы возьмем силою.

Реджинальд Тревор умолчал о том, что в доме «ослушника» и «бунтаря» есть нечто, ради чего он желал бы, чтобы этого дома не трогали. Впрочем, в эту минуту, когда сердце его было полно горечи, он старался не думать о том, что угрожало хозяевам Холлимида. Молодой человек устремил все свои помыслы на предстоящее прибытие полковника Ленсфорда, которого хотя и не любил, но ценил как доброго товарища в попойках и разного рода веселых развлечениях...

Глава X

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

Дней десять спустя после описанных событий в Холлимиде происходила соколиная охота. Несмотря на свои мирные наклонности, Эмброз Пууэль не был противником полевых sports, лишь бы только они не сопровождались излишней жестокостью. Сам он ни в каких охотах не принимал активного участия, но дочерям позволял развлекаться. Старшая дочь была страстная любительница соколиной охоты, а младшая интересовалась этим умереннее, и, кажется, больше лишь потому, что тогда было принято и дамам увлекаться этим развлечением.

Общество состояло из Сабрины, Веги, сэра Ричарда Уольвейна и Юстеса Тревора. Последний до сих пор все еще гостил

в Холлимиде. Он находился там в качестве раненого, нуждающегося в уходе. Что же касается вопроса, почему и сэр Ричард все еще не возвратился под родительский кров в Эбергевенни, то на это дадут ответ последующие события.

Местом охоты выбрано было болотце с большими лужами и тоненьким ручейком, струившимся среди кочек. В лужах охотилось за лягушками и другою болотною тварью множество пернатой дичи: цапли, утки, глухари и прочее.

Соколов было два. Когда из болота поднялась цапля, очевидно стремившаяся в свое гнездо, с соколов были сняты шапочки и обе птицы, звеня бубенчиками и таща за собою путла, стрелою понеслись вверх за обреченной добычей.

Приближаясь к цапле, соколы стали делать круги, намереваясь атаковать ее с двух сторон. Испустив крик испуга, цапля поспешила выбросить содержимое своего зоба, чтобы облегчить себя, и попыталась подняться выше своих врагов. Но соколы быстро задвигали крыльями и, летя концентрическими кругами, опередили ее. Затем тот, который был старшим, достигнув нужной ему высоты, как бы замер на мгновение, а затем вдруг ринулся вниз на добычу.

Но этот маневр ему не удался. Цаплю трудно взять с первого раза. Неуклюжая и неповоротливая на вид, на самом деле она обладает удивительным искусством делать неожиданные повороты и долго может увертываться от ястреба или сокола, если он один. Но когда преследователей двое, участь цапли решается скорее.

Так было и в настоящем случае. Место первого сокола, потерпевшего неудачу, моментально занял второй и с победоносным криком бросился на жалобно кричавшую цаплю. Через несколько мгновений сокол острыми когтями впился в тело жертвы. Обе птицы судорожно забили крыльями, стараясь ослабить друг друга. Вскоре к борющимся птицам присоединился и первый сокол, отдохнувший на высоте, на которую он снова было поднялся. Началась яростная борьба в воздухе.

Несмотря на неравенство сил, цапля долго сопротивлялась, и когда наконец все три птицы стали опускаться на землю, сокольничий поспешил к тому месту, куда они падали. Он знал, что в предсмертных судорогах цапля зачастую пронизывает противников своим длинным и острым клювом, и хотел это предупредить. Однако цапля упала на землю уже мертвою, вместе с вцепившимися в нее победителями. Сокольничий громким криком известил зрителей о благополучном исходе птичьей битвы.

— О, я так и знала, что наши милые соколики не осрамят себя! — весело крикнула своим звонким голоском Вега, подпры-

гивая и хлопая в ладоши. — Видели ли вы когда-нибудь таких молодцов?

Вопрос девушки не был обращен ни к кому в особенности, поэтому, не дожидаясь ответа, она пустила в ход свою прелестную лошадку и помчалась к сокольничему, который с трудом освобождал от мертвой цапли соколов. За Вегой понесся и Юстес Тревор, между тем как Сабрина и сэр Ричард Уольвейн оставались на местах и, сидя также верхами, вели вполголоса беседу.

Объехав с сотню ярдов вокруг изгиба болота, молодые люди остановились. Сокольничему наконец удалось заставить соколов выпустить свою добычу. Соколы принадлежали Веге, и сокольничий служил лично ей. Она и распоряжалась охотой по своему усмотрению. Полюбовавшись на поднесенную ей цаплю, девушка сказала сокольничему:

— Отдайте ее соколам. Видите, с каким аппетитом они смотрят на нее. Они голодны и вполне заслужили свой корм.

Цапля была из редкостных по красоте оперения; в особенности был хорош ее пышный хвост. В другое время Вега не отнеслась бы так равнодушно к такой красивой птице и, наверное, распорядилась бы сделать из нее чучело.

— Прошу у вас милости, — обратился Юстес к своей спутнице.

— Какой, мистер Тревор? — поспешно спросила девушка.

— Позвольте мне взять несколько перьев этой птицы.

— Пожалуйста. Сокольничий даст вам их. Какие? Наверное, из хвоста?

— Да, именно их-то я и желал бы получить.

— Слышите, Ван-Дорн? Выщиплите хвостовые перья, которые получше, и отдайте мистеру Тревору.

Ван-Дорн, голландец по происхождению, превосходно знавший свое дело, ловко вытащил десяток самых красивых перьев из хвоста погибшей цапли, обвязал их тоненькою бечевкою, имевшеюся у него в кармане, и вручил молодому кавалеру. Затем он отправился к соколам, которые, нахохлившись, сидели в стороне.

— На что вам понадобились эти перья, мистер Тревор? — после некоторого молчания спросила девушка.

— Я хочу украсить ими свою шляпу.

— Она и так украшена перьями, несравненно более красивыми.

— Может быть. Но зато несравненно менее ценными для меня. Перья цапли я буду носить в память об одном из самых прекрасных дней моей жизни. С этими словами он снял свою

шляпу, сорвал находившиеся на ней роскошные страусовые перья и на место их воткнул только что полученные. Вега следила за ним с упреком на языке, но с блаженством в сердце.

— Ну зачем вы это сделали? — притворно-укоризненным тоном проговорила она, когда Юстес с пренебрежением изломал страусовые перья и пустил их по ветру. — Эти иноземные перья были так хороши и они так дорого стоят. Вот и шляпу испортили, и, что хуже всего, забыли, что перья с побежденной птицы — плохой трофей.

— Тем более они подходят ко мне, — возразил Юстес.

— Почему? — удивилась девушка.

— Да просто потому, что ведь и я — побежденный.

— Вы побежденный! Когда? Где? — сыпала она вопросами, недоумевая, о какой побежденности он говорит: намек ли это на поединок, в котором он был ранен, или что-нибудь другое?

Кстати сказать, ни сам Юстес Тревор, ни сэр Ричард Уольвейн ни словом не обмолвились перед другими о своей стычке, после которой они подружились, но мало-помалу все догадались, откуда у Тревора получилась на руке «царапина», до сих пор еще не совсем зажившая

— Вега, мистер Тревор! Пойдемте теперь порадовать моего Мёра, — крикнула им издали Сабрина. — Он еле жив от нетерпения получить и свою долю, — продолжала она, поравнявшись с сестрой и ее спутником.

«Милый Мёр» был красивый кобчик, сидевший на левой руке у Сабрины. Как известно, эта птица не любит дичи, а предпочитает лесную и полевую добычу. В интересах кобчика и хлопотала его хозяйка.

Вега очень не хотелось прерывать начавшуюся многозначительно беседу с Юстесом, и девушка попробовала было возразить сестре. Однако Сабрина настояла на своем, и вся компания, не исключая и Ван-Дорна, отправилась на соседний руардинский хребет.

Дорогою кобчик то и дело подымался то за жаворонком, то за стрепаткой, то за горлицей и с одного налета всех их отправлял мертвыми на землю. Сабрина была в восторге и поощряла своего любимца на новые подвиги. Между тем Вега и ее кавалер с нетерпением ожидали, когда им представится новый случай досказать то, что горело у каждого из них на языке. Ван-Дорн беспокоился об участии своих соколов, оставленных им пока на попечении подручного, и в то же время особым свистом разжигал воинственный пыл кобчика. Он делал это с таким неподражаемым умением, что ради этого и был приглашен Сабриною в новую экскурсию, хотя, в сущности, он был

нужнее при соколах, плохо слушавшихся других, кроме Веги, которой они принадлежали, да его самого.

Но вот вдруг Ван-Дорн прервал свой свист и воскликнул:
— Сюда идут солдаты!

Мгновенно вся компания обернулась туда, куда смотрел сокольничий — в сторону Дрейбрука, и разными интонациями подтвердила:

— Да, да, верно, солдаты!

Действительно, из лесной чащи со стороны Дрейбрука выступал довольно большой отряд всадников, одинаково одетых и вооруженных. Ехали они по двое в ряд.

Вид этого отряда сразу прекратил дальнейшую забаву с кобчиком. Сабрина призвала его к себе, посадила на руку, накрыла шапочкой и прикрепила путлом к своей руке, а Ван-Дорн поспешил вперед к оставленным у болота соколам, чтобы препроводить их домой.

— По-моему, это отряд наемников Джона Уинтора из Лиднея. Как вы думаете, мистер Тревор?

Вопрос этот был сделан Ричардом Уольвейном, подъехавшим к молодому человеку, который, в свою очередь, спешил ему навстречу.

— Я думаю то же самое, что и вы, — ответил юноша. — Вон во главе мой кузен Редж... Видите его? Он на сером коне, в черной шляпе с красным пером. Вы уже раз видели его... помните, в первый день или, вернее, вечер нашего приезда сюда.

— Помню, помню и узнаю его шляпу и перо. Кажется, и лошадь была та же... Но кто же это рядом с ним? Кажется, кто-то из начальствующих. Смотрите, обертывается на седле и что-то кричит отряду.

— Вижу, но не знаю, кто это, — ответил Юстес, заслонив глаза рукой от яркого солнца, чтобы лучше видеть подъезжающих. А эта орава что еще значит? — продолжал он, указывая на разношерстную толпу, следовавшую пешком за всадниками.

В толпе были и женщины в цветных платьях и платках.

— Это, наверное, народ из Мичельдина, из любопытства следующий за солдатами, — сказал сэр Ричард.

Но он хорошо знал, что это за толпа и зачем она сюда идет. Не будь здесь его самого, не шла бы сюда и эта толпа. За время своего пребывания в Холлимиде он совершил немало экскурсий по окрестностям, в Мичельдин, Кольфорд и другие промышленные центры Фореста. Немало людей перевидал он, много говорил с ними о свободе, и его слова всюду встречали сочувственный и радостный отклик. Поэтому тревога, с которой

он смотрел на пеших провожатых военного отряда, относилась не к тому, что и они шли, а к их численности, которую он про себя сравнивал с численностью солдат.

Дочери мистера Поуэля тоже догадывались, в чем дело, хотя и не вполне. Подозвав своих кавалеров, они поспешили вернуться домой. Когда кавалькада снова очутилась возле болота, где происходила соколиная охота, Ван-Дорн, также смекнувший кое-что, выбивался из сил, чтобы остановить соколов, гонявшихся за другою цаплею, нечаянно вспугнутою Гектором и другими собаками, шнырявшими по густой осоке, где водилась дичь. Лишь услышав властный голос хозяйки, разошедшиеся пернатые хищники решились оставить новую добычу и вернуться на свои места.

Этим и закончилась охота.

Глава XI

НОВЫЙ ПОСЛАНЕЦ

Охотничья компания вернулась в Холлимид без сэра Ричарда. Что-то шепнув дамам, он вместе со своим неразлучным Губертом повернул в сторону Руардина. Оба всадника быстро понеслись по горным и лесным тропинкам и вскоре очутились в Руардине, который в то время был небольшим местечком с двумя сотнями домиков, расположенных вокруг почтенного вида старинной церкви. Все местечко, окруженное холмами, вдоль и поперек было изрезано ложбинами и ущельями.

Лошадиный топот привлек ко всем окнам и дверям любопытных, а когда всадники остановились перед постоянным двором на взмыленных и тяжело дышавших лошадях, любопытство местного населения еще более увеличилось.

— Губерт, — обратился сэр Ричард к своему спутнику, — протруби в рог сигнал созыва.

Губерт был трубачом в той армии, которая так храбро сражалась во Фландрии, поэтому знал все сигналы. Достав из-под своего кожаного колета металлический рожок, он звонко протрубил «сбор».

Не успели еще замереть звонкие переливы рожка в отголосках, отбрасываемых церковною башенкою и соседними развалинами древнего рыцарского замка, как из всех ближайших домов стали выбегать люди, спешившие к месту, откуда раздался призыв. Вскоре во всем местечке не осталось ни одного закоулка, из которого не появились бы люди обоего пола и всех возрастов. Вокруг всадников тотчас же собралась довольно вну-

шительная толпа. Ближе всех теснилось около них человек двадцать мужчин. По их лицам было видно, что они хотя и поняли призыв и последовали ему, но не знали, что он означает и по какому случаю сделан.

— В чем дело, сэр Ричард? — спросил один из них.

Спрашивавший был человек исполинского роста, на целую голову возвышавшийся над толпою. Это был наш знакомец Роб Уайльд.

— Из Лиднея идет отряд солдат, Роб, — ответил сэр Ричард. — Идет через Дрейбрук в Холлимид. Полагаю, ты со своими друзьями пожелаешь взглянуть, что там будут делать эти солдаты.

— Вы не ошиблись, сэр Ричард. Здесь немало найдется охотников поглядеть на это вместе с Робом Уайльдом, — отозвался великан.

— Очень рад слышать это, — сказал рыцарь и, перегнувшись через седло, стал что-то шептать ему на ухо.

Затем, приветливо кивнув головой собравшейся толпе, сэр Ричард натянул поводья, дал своей лошади шпоры и прежним галопом понесся назад к Холлимиду. Губерт не отставал от своего господина.

Немного спустя в холлимидском доме происходил следующий разговор:

— Значит, идут, сэр Ричард?

— Идут, идут, мистер Поуэль. По всем признакам, это именно отряд Уинтора. Во главе идут двое. Один из них, насколько мы могли разглядеть издали, Реджинальд Тревор, другого мы не узнали.

— Это все равно, кто бы он ни был. Визит этот, конечно, имеет целью вымогательство того, что они называют займом. Я же называю это настоящим грабежом.

— Я — тоже.

— Что же вы посоветуете мне предпринять, сэр Ричард? Три тысячи фунтов стерлингов у меня имеются здесь, в доме. Пожалуй, все-таки придется отдать их. Но если вы находите, что можно обойтись и без этой недобровольной дани, то я опять откажу.

— Позвольте мне, мистер Поуэль, как следует ознакомиться с составом той толпы, которая следует за отрядом. Кажется, это народ вполне надежный, собравшийся из Мичельдина, Дрейбрука и других ближайших местечек по пути следования отряда. Потом необходимо знать численность и настроение этих людей. От этого все и будет зависеть. Когда я узнаю это, можно будет и решить, как нам действовать.

Разговор этот происходил перед домом. Мистер Поуэль стоял на крыльце, а сэр Ричард, только что подъехавший, сидел еще на коне. Затем рыцарь сошел с коня, который был уведен конюхом в стойло. Помещик же со своим гостем стал обходить усадьбу, делая нужные распоряжения относительно ожидаемых «визитеров». Покончив с этим, сэр Ричард отправился в дом и вошел в гостиную, где у одного окна стояли Вега с Юстесом, а у другого — в грустном одиночестве — Сабрина. Едва успел к последней присоединиться сэр Ричард, как снаружи к воротам подскочил Реджинальд Тревор, сопровождаемый другим, по-видимому, тоже начальствующим, лицом. За ними следовал в прежнем порядке, также попарно, длинный хвост солдат. Ворота и широкая калитка, проделанная в решетке, отделявшей двор от аллеи, заранее были растворены, и всадники беспрепятственно могли проникнуть в усадьбу.

— О, да ведь это полковник Ленсфорд! — вскричал Юстес, взглядевшись в спутника своего кузена.

— Полковник Ленсфорд? Вот как? — заметила Вега. — Я кое-что слышала о нем.

— Томас Ленсфорд? — озабоченно произнесла Сабрина, видя, как грозно хмурится чело сэра Ричарда. — Что он представляет собою?

— Один из самых отъявленных... Впрочем, вы сейчас и сами поймете, что это за человек, — отвечал сэр Ричард, кусая губы.

Подъехав к дому, Ленсфорд мельком взглянул в окно на Вегу, но в прекрасное, смуглое и серьезное лицо Сабрины он впился восхищенным взглядом человека, встретившего свой идеал женской красоты. Реджинальд Тревор, наоборот, смотрел только на предмет своих тайных вздохов, снова предаваясь напрасной надежде увидеть на пунцовых губках девушки хоть беглую тень милой улыбки.

— Ого! Вот так красавица! Настоящая Венера! — вполголоса проговорил полковник Ленсфорд, подвигаясь далее к крыльцу.

— Кого это вы называете Венерой? — тревожно осведомился Реджинальд, хорошо знавший бесшабашное волокитство своего начальника.

— Кого? Разумеется, ту, которая стоит во втором окне, вон ту, высокую, черноволосую и черноглазую. Это прямо чудо красоты! Белобрысая в первом окне не в моем вкусе. Очень уж пресноваты эти так называемые блондинки.

— Вы правы, полковник, — произнес сквозь зубы Реджинальд, с одной стороны, оскорбленный таким пренебрежительным отзывом о предмете его страсти, а с другой, находивший нужным и поддержать противоположный вкус Ленсфорда.

— Впрочем, — продолжал полковник, — и белобрысая недурна, надо отдать ей справедливость. За неимением лучшего и она... Ах, черт возьми! — вдруг прервал он сам себя, только теперь заметив возвышающуюся за Сабриною фигуру человека, которого боялся и ненавидел.

Неожиданность встретить здесь этого человека была так велика для Ленсфорда, что он даже побледнел.

«Однако Юстес-то все еще здесь?» — тоже изумлялся про себя Реджинальд, когда увидел, что из-за плеча Веги на него смотрит двоюродный брат. Он предполагал, что Юстес уже давно уехал домой к отцу.

Возмущенная дерзкими взглядами Ленсфорда, старшая хозяйская дочь отошла от окна. Сестра последовала ее примеру, между тем как сэр Ричард подошел к Юстесу Тревору и сказал ему:

— Мистер Тревор, я желал бы, чтобы вы были свидетелем, как ведут себя ваши кавалеры и королевские офицеры. Если не ошибаюсь, вам сейчас представится прекрасный случай.

В словах и тоне говорившего был такой намек, который десять дней назад заставил бы Юстеса обнажить шпагу, тем более что на помощь ему приближался его родственник. Но в эту минуту юноша и не подумал сделать это. За протекшие десять дней его политические воззрения сильно изменились, и вместо ответа от поспешно прижался лицом к стеклу окна.

Остановившись перед крыльцом дома, Ленсфорд скомандовал отряду образовать линию, параллельную фасаду дома. При этом маневре оба кузена очутились лицом к лицу. Юстес по-дружески поклонился Реджинальду. Тот ответил ему с холодной сдержанностью, причину которой юноша смутно почувствовал.

Между тем сам мистер Поуэль оставался на крыльце, точно в той же позе, как в тот достопамятный вечер, когда он с таким презрением разорвал заемное письмо короля. По открытому лицу старика не видно было, чтобы он боялся за свой поступок и страшился ответственности за него. Напротив, старик смотрел так же смело и презрительно, как тогда. Окинув взглядом военный отряд и окружающую его толпу, он сравнил приблизительную численность обеих сторон и пришел к заключению, что ему можно продолжать прежнюю тактику. И когда полковник Ленсфорд приблизился с той же небрежностью, к которой привык в качестве бывшего придворного, он был встречен взглядом, полным достоинства и спокойной самоуверенности. Уже раздраженный тем, что видел в окно, королевский офицер еще более

был разгневан этой «грубой» встречей и решил показать свои когти.

— Вы, Эмброз Поуэль? — резко бросил он вопрос помещику, осаживая своего коня перед ступенями крыльца.

Он даже не счел нужным поклониться.

— Да, сэр, я Эмброз Поуэль, — ответил старик. — Если вы сомневаетесь в моей подлинности, то обратитесь за справкою к 'сопутствующему вам джентльмену. Этот джентльмен должен хорошо знать меня, — со свойственным ему сарказмом прибавил он.

Это был новый удар Реджинальду Тревору, но сейчас не время было ему отвечать на него, и он угрюмо промолчал.

— О, я считаю свидетельство капитана Тревора излишней формальностью, я и без нее верю, что вы именно тот, кто мне нужен, — пренебрежительно ответил Ленсфорд.

— По какому делу я вам нужен, сэр? — твердо спросил мистер Поуэль, заметив, что полковник говорит с ним таким тоном, каким привыкли полицейские говорить с пойманным преступником.

— Мне нужно от вас, чтобы вы уплатили ваш долг.

— Вы ошибаетесь, сэр. У меня нет долгов.

— Нет, есть, и вы это отлично знаете, мистер Поуэль! Но, быть может, вы желаете, чтобы я называл это обязательством? Извольте, я скажу и так: мне нужно от вас, чтобы вы погасили свое обязательство.

— Никаких непогашенных обязательств я за собою не признаю.

— Опять позволю себе возразить вам. Вы должны королю три тысячи фунтов стерлингов. Как подданный его величества, вы обязаны помочь ему нести государственные тяготы, обязаны, подобно другим подданным, внести и свою лепту на нужды государственной обороны. Вы однажды уже отказались исполнить эту обязанность...

— И теперь отказываюсь от этого незаконного требования, — спокойно оборвал старик. — Вам не удастся получить от меня ни одного пенни.

— Однако мы получим.

— Никогда!

— А, вы продолжаете упорствовать! — злобно воскликнул Ленсфорд. — Но я научу вас повиновению! Повторяю: если вы не дадите добровольно требуемой королем суммы, я возьму ее у вас силою, слышите? Я должен это сделать и сделаю! Если у вас не найдется этой суммы, я возьму ее вашей дорогой посудой, которой, как слышно, у вас излишек. Я говорю со-

вершенно серьезно, мистер Поуэль, — продолжал он, заметив на лице своего собеседника насмешливую улыбку, — и знаю, что говорю. Томас Ленсфорд никогда не бросает своих слов на ветер, и вы сильно ошибаетесь, если воображаете, что он уйдет отсюда с пустыми руками.

— О, если вы Томас Ленсфорд, то я знаю, что с пустыми руками вы действительно ниоткуда не уходите. Я слышал о вас, сэр. Такие разбойники, как вы, всегда и везде найдут чем поживиться, но только не всегда им это удастся, — продолжал иронизировать владелец Холлимида.

— Как? Что такое?! Вы осмеливаетесь называть разбойником меня, королевского офицера! — крикнул Ленсфорд угрожающим голосом.

— Осмеливаюсь, и сделал бы это даже в том случае, если бы рядом с вами стоял сам ваш король, — с тою же твердостью и с тем же спокойствием произнес старик.

— А, проклятый бунтовщик! — скрежеща зубами, прошипел про себя Ленсфорд. — Берегитесь, я заставлю вас раскаяться в ваших дерзких словах! — продолжал он вслух. — Знайте, мистер Поуэль, что я имею полномочия подавлять всеми мерами всякое неповиновение воле короля... Но долго разговаривать с вами я не намерен. Если вы не желаете дать королю трех тысяч фунтов взаймы, то давайте их так, как уплачивают долг. Еще раз советую вам...

— О, я совершенно не нуждаюсь в ваших советах, сэр, — не изменяя своему спокойствию, продолжал старик. — И как вы ни вертитесь, я все-таки смотрю на вас, как на простого вымогателя или попрошайку, и повторяю: ничего не дам вам, слышите? Ровно ничего.

— Так я обойдусь и без вашего согласия.

— Попробуйте.

— А вот увидите! — стиснув зубы, проговорил Ленсфорд и, обернувшись к своим людям, крикнул: — Эй, сержант! Берн десяток солдат — и марш за мной!

Выкрикнув эту команду, он ловко соскочил с лошади и поднял было ногу на нижнюю ступеньку крыльца.

— Ну, нет, так просто вы в мой дом не войдете! — произнес решительным тоном старик.

С этими словами он быстро повернулся к массивной двери, вошел в нее и запер ее изнутри тяжелым засовом. Вслед за тем захлопнулись все остальные двери и окна нижнего этажа и закрылись тяжелыми дубовыми ставнями.

НЕУДАВШИЙСЯ ПРИСТУП

В то время когда хозяйские дочери отошли от окон, сэр Ричард успел шепнуть самому хозяину только одно слово: «Сопротивляйтесь!» Это слово и вселило в сердце старика новую бодрость. Он остался на крыльце, а сэр Ричард снова занял свой наблюдательный пост у окна, ближайшего к парадному крыльцу и не закрытого ставней.

Судя по особому блеску в глазах сэра Ричарда, можно было понять, что рыцарь остался доволен смотром своих сил. Солдат, приведенных полковником Ленсфордом, было не более сорока человек, да и то по большей части из того сорта, который называется «всяким сбродом». Защитников же Холлимида собралось не менее двухсот. Правда, между ними оказалось много женщин, но зато таких, которые были не хуже мужчин. Вся эта толпа казалась безоружной, но, взглядевшись попристальнее, можно было заметить, как одни прятали под одеждой огородные вилы, сечки, топоры, серпы, а другие — молотки с длинными рукоятками, мотыги и тому подобные орудия, употребляемые местными горными рабочими. Все это были орудия мирного труда, но в случае надобности могли в сильных руках превратиться в смертоносное оружие.

Поднявшись во второй этаж, сэр Ричард чуть не вскрикнул от радости, увидев, что в дальний конец аллеи, упирившийся в проселочную дорогу, которая со своей стороны примыкала к большой проезжей дороге, вступает новая толпа народа, хотя малочисленнее первой, зато более сплоченная и, по-видимому, лучше дисциплинированная. Эта толпа шла под предводительством человека исполинского роста и телосложения, в котором нетрудно было узнать Роба Уайльда.

Великан оказался верен в своем слове и хорошо умел выполнять дело, за которое брался. Его люди были не только поголовно вооружены, но еще и настоящим боевым оружием — пиками, алебардами, кремневыми ружьями и секирами. Все это оружие они открыто несли в руках, и оно грозным блеском сверкало на солнце.

Совершенно успокоенный сэр Ричард снова спустился вниз и, стоя возле дверей, которые вели на крыльцо из дома, слышал почти всю беседу мистера Поуэля с Ленсфордом. Когда мистер Поуэль захлопнул входную дверь, сэр Ричард обратился к Юстесу Тревору, все еще стоявшему у своего окна, и торопливо сказал ему:

— Ну, мистер Тревор, наступает время действовать. Я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы не допустить нашего доброго и радушного хозяина быть так нахально ограбленным. Если желаете, можете оставаться нейтральным. Вообще поступайте, как сами сочтете нужным или удобным для себя.

— Напрасно вы думаете, что я могу остаться безучастным зрителем разыгрывающихся событий. Понадобится драться — буду и драться, как умею, — с живостью ответил юноша.

— За кого? — полюбопытствовал сэр Ричард.

— Ах, зачем вы задаете мне такой вопрос? После того, что я сейчас видел и слышал, ясно, на чьей стороне я теперь могу быть! — чуть не со слезами на глазах воскликнул Юстес. — До сих пор я совсем не знал, что делается королем, и, разумеется, не могу поощрять такие действия. Кроме того, вы, должно быть, забыли, что я обязан вам своей жизнью, и буду очень рад доказать вам свою глубокую благодарность. Вы покорили не только мою шпагу, но и мое сердце, то и другое всегда к вашим услугам.

— Теперь я вижу, что вы истинный друг не только мне, но и тому делу, которому служим я и мои единомышленники, то есть делу человеколюбия и справедливости! — с жаром проговорил рыцарь, крепко пожимая руку юноши. — Ваша готовность быть в союзе с нами глубоко меня трогает и умиляет. Но не забывайте в вашем великодушном порыве, что, становясь на нашу сторону, вы восстанавливаете против себя своего отца и всю свою родню. Обдумайте это, взвесьте, прежде чем обнажать за нас свою шпагу. Если дело сейчас дойдет до битвы — что очень возможно, — то как бы вам не пришлось скрестить оружие с родственником, который...

— Все это я уже обдумал, сэр Ричард, — перебил Юстес, весь горя от внутреннего возбуждения. — Я понял, что ваше дело — правое, а то, которое защищает Редж, — неправое, и ставлю дело человеколюбия и справедливости выше всяких родственных связей. Если нам с двоюродным братом придется скрестить шпаги как защитникам противоположных интересов и стремлений, то пусть нас потом судит наша собственная совесть.

Не часто можно наблюдать на мужском лице выражение такой восторженной радости, какая отражалась на лице сэра Ричарда во время горячей речи его нового друга. Этот юноша, которого он случайно встретил, сразу вызвал его симпатию. Даже вооруженное «недоразумение» с ним не уменьшило этого внутреннего влечения. Более того: существовавшая до этой минуты разница в политических убеждениях не могла изменить расположение сэра Ричарда к этому милому юноше. И вот вдруг,

когда наступил решительный момент и явилась надобность открыто выступить против того или иного начала, оказывается, что его прежний политический противник стал его горячим, убежденным сторонником. Сознание этого доставило сэру Ричарду одну из лучших минут его жизни. Такого переворота в душе Юстеса он совсем не ожидал, почему, искренне жалея благородного юношу, и предлагал ему отстраниться от надвигающихся событий.

— Не могу и выразить вам, как я рад видеть вас на нашей стороне, дорогой Юстес! — растроганным голосом произнес рыцарь, снова пожимая руку юноши. — Такая шпага, как ваша, большая помощь во всяком деле. Очень может быть, что вам сейчас же придется омочить эту шпагу в крови врагов свободы.

Сэр Ричард вовремя успел помочь мистеру Поуэлю распорядиться закрытием и защитой всех окон и наружных дверей в доме. Встретившись в сенях с хозяином, рыцарь сказал ему, что он и мистер Тревор попытаются урезонить непрошенных посетителей, и просил передать молодым хозяйкам, чтобы они ничего не боялись.

Сэр Ричард и не заметил, как с площадки верхней лестницы соскользнула высокая женская фигура и быстрыми шагами стала приближаться к нему. Только шелест юбок заставил обоих мужчин оглянуться. Они увидели Сабрину, подходившую с решительным выражением на своем энергичном лице. Пока сэр Ричард спешил ей навстречу, чувствуя, что она именно ему хочет сказать что-то очень важное, мистер Поуэль, не желая стеснять молодых людей, тактично удалился.

— О, Ричард! — дрожащим голосом промолвила Сабрина, доверчиво положив ему руку на плечо. — Что вы задумали сделать? Надеюсь, ничего слишком поспешного?

— Разумеется, нет, моя дорогая, — ответил рыцарь. — Разве вы заметили во мне склонность к необдуманным действиям?

— До сих пор нет, но...

— Но и теперь я себе не изменю. Будьте уверены, что слепо я никогда ни во что не бросаюсь. Мною все предусмотрено и приготовлено, и ни вашему дому, ни тем более вам самим, то есть всей вашей милой семье, не будет угрожать никакая опасность. Того, за чем явились эти вымогатели, они не получают, и вообще здесь ничем не воспользуются. За это ручаются явившиеся к нам на помощь верные друзья.

Шепнув еще несколько успокоительных слов на ухо Сабрине, он горячо поцеловал ей руку и позвал Тревора, который вел почти слово в слово такую же беседу с Вегой, отыскавшей юношу в одной из нижних комнат, где он помогал ее отцу делать

новые распоряжения по дому и усадьбе. Очаровательная блондинка с трудом сдерживала слезы. Но, подобно сестре, и она не боялась за саму себя, а лишь за того, который заставил ее понять, что такое любовь.

Несколько минут спустя после этих интимных бесед новые союзники вместе со своими слугами очутились среди толпы своих партизан за решеткою усадьбы. Это привело в большое смущение и недоумение полковника Ленсфорда и его офицера, которые только что расставили было вокруг всего дома и двора караульных, получивших приказание никого за черту усадьбы не выпускать.

— Честные форестерцы! — крикнул сэр Ричард толпе, смотревшей на него в ожидании. — Вы видите, что происходит? Неужели вы допустите, чтобы на глазах у вас ограбили вашего лучшего друга Эмброза Поуэля? И притом кто же бы ограбил? Ваш самый лютый враг Джон Уинтор. Может ли это быть?

— Нет! Мы никогда не допустим этого! — раздался в ответ хор твердых голосов.

— Вы, конечно, знаете, что эти солдаты, одетые в королевские мундиры, присланы сэром Джоном Уинтором? — продолжал рыцарь.

— Знаем, как нам не знать этих разбойников, будь они прокляты вместе с Джоном Уинтором! — с озлоблением крикнул один из толпы, выступая вперед. — С тех пор как над Форестом поставлен этот Уинтор, у нас не было ни одного спокойного дня. Он отнимает у нас все наши права, которые так же стары, как наши горы и леса. Наши угольные шахты, наш лес, даже нашу дичь — все он забрал в свои разбойничьи руки. Даже самую дичь он объявил своей, хотя она испокон веку принадлежала каждому из нас, который не жалел труда добывать ее. Я заявляю протест против злоупотреблений сэра Джона Уинтора!

Этот протестант, видимо считавший самой серьезной обидой запрещение свободной охоты на местную дичь, был не кто иной, как браконьер Роб Уайльд.

— Мы все присоединяемся к твоему протесту, Роб! — донеслось из толпы. — Коли будет нужно, мы на одних словах не остановимся!

— Вот этот джентльмен, — продолжал великан, указывая на сэра Ричарда, — хочет помочь нам вернуть наши права. Только он один и может это сделать. Стойте за него, как будет стоять он за вас.

Взоры толпы впились в сэра Ричарда. Многие из этой толпы видели его впервые, но все уже слышали о нем как о правдивом

и смелом человеке, открыто объявившем себя сторонником народа и парламента против короля и двора. Поэтому можно было понять, что не одна личная вражда к сэру Джону Уинтору заставляла его говорить так, как он говорил собравшемуся народу.

— Честные мои форестерцы, — произнес рыцарь, когда до него донесся одобрительный гул толпы, — благодарю вас за ваше доверие. Я знаю все ваши огорчения, причиненные произволом сэра Джона Уинтора, и приложу все свои силы, чтобы помочь вам вернуть ваши права и восстановить вашу прежнюю свободу. Но для этого вы и сами должны помогать мне. Готовы ли вы тут же на месте помочь мне дать хороший отпор этим негодяям, которые уже принялись ломать двери вашего преданнейшего друга?

Действительно, в это время солдаты по распоряжению Ленсфорда принялись высаживать и ломать тяжелую дубовую дверь господского дома. Но это плохо им удавалось, несмотря на все их усилия и проклятия.

— Готовы, готовы, все до единого! — кричали одни в ответ сэру Ричарду.

— Можете надеяться на нас, как на свои руки! — заявляли другие.

— Мы — форестерцы, и не побоимся никаких солдат! Начинайте, сэр Ричард, мы за вами! — гремели третьи.

— Хорошо, друзья мои, я верю вам! — отвечал рыцарь.

Глаза его горели торжеством. Двести решительных, мужественных, сильных духом и телом людей против нескольких десятков жалких наемников — разве тут можно было сомневаться в успехе.

Дав толпе нужные инструкции, рыцарь вместе с Юстесом Тревором встал во главе ее и двинулся к решетчатой ограде усадьбы. Ворота в эту ограду были заперты и охранялись двумя солдатами. Сэр Ричард не был намерен просить этих солдат отворить ему ворота: он знал, что путь ему откроет его сабля и сабля его друга, а если этого мало, то поможет сам народ.

Но солдаты и сами широко раскрыли ворота. Им их собственная шкура была дороже достоинства напаяленного на них мундира. Грозный вид десятифутовых пик, сверкавших над головами толпы, валившей вслед за всадниками, заставил этих трусов поспешно скрыться в глубине двора, за спинами товарищей.

Бывший вице-комендант Тауэра полковник Ленсфорд замер на месте. Густая толпа рослых, бородатых, хорошо вооруженных форестерцев, предводительствуемых двумя дворянами, из кото-

рых один был известным своей храбростью офицером, была ему сейчас не по плечу. Этот грубый проходимец, заслуживший впоследствии прозвище «Кровавого», был настолько же малодушен и труслив, насколько жесток. По приказу короля он мог немножко почваниться, когда чувствовал за собой силу, но здесь за его спиною этой силы не было и его чванство сразу оселось. Он видел, как убежали караульные от ворот и с какою тревогою оглядывались ломавшие дверь, бросив свое дело; видел, как даже его старший сержант побледнел, и тогда он понял, что ему несдобровать, если дело дойдет до схватки с надвигавшимся на него сильным противником, воодушевленным желанием во что бы то ни стало отстоять Эмброза Поуэля.

Полковник вполголоса что-то скомандовал своему отряду, и через минуту все солдаты вновь были на лошадях. Хмурые и злобные, они напоминали волков, внезапно попавших в облаву.

Глава XIII

БРАТЬЯ-ВРАГИ

Сэр Ричард и Юстес Тревор ехали прямо на воинский отряд. За ними плотною массою шла толпа, которая, вступив за ограду усадьбы, разделилась на две половины и окружила весь отряд. Все происходило в стройном порядке, хотя не было слышно ни слова команды. Роб Уайльд руководил толпою одними знаками, очевидно заранее условленными. Пока сверкающие алебарды и пики еще не были направлены на солдат, но довольно было уже того, что эта грозная щетина окружила носителей королевского мундира. Это показывало, что местное население несколько не боялось королевских наемников и готово было схватиться с ними грудь в грудь, заранее уверенное в победе.

— Капитан, или, как вас теперь называют, полковник Ленсфорд, — начал сэр Ричард, подъехав к начальнику отряда, — вы ведете себя здесь, словно все еще находитесь в Нидерландах, где можно было беспрепятственно грабить. Позвольте же напомнить вам, сэр, что здесь — Англия; здесь ваши повадки не в обычае, хотя бы им покровительствовал сам король. Именем народа предлагаю вам оставить ваше предприятие, в противном случае не сетуйте на последствия вашего отказа.

Разумеется, настоящий воин ответил бы на такой град оскорблений оружием. Так и советовал Ленсфорду сделать Реджинальд Тревор, который хотя также проглотил молча много обид,

однако совсем по другим причинам. Но он напрасно ободрял своего начальника. Тот растерянно молчал, придумывая, как бы поудобнее вывернуться из создавшегося критического положения. Одного взгляда на его наемников было достаточно, чтобы убедиться в их полной ненадежности.

Видя, что Ленсфорд совсем растерялся, сэр Ричард громко сказал:

— Ваше колебание происходит, вероятно, потому, что вы желаете избежать столкновения, со свойственной вам гуманностью опасаясь подвергнуть опасности ваших наемников, производящих впечатление кротких агнцов. В таком случае я вполне сочувствую вам.

Эти иронические слова были встречены громким смехом со стороны форестерцев.

Помолчав немного, рыцарь снова продолжал:

— Если вам заблагорассудится удалиться отсюда, не удостоив показать нам, насколько хорошо вы умеете владеть оружием, то мы готовы примириться с этим лишением и предоставить вам свободный пропуск. Но, быть может, вы все-таки решитесь попытаться дать возможность вашей сабле отличиться, так мы готовы и на это.

Слушать эти насмешки было истинною пыткой для Ленсфорда, тем более что их сопровождал хохот и свист толпы, обрадованной смущением храброго воина. Горше же всего для этого воина было то, что из окна верхнего этажа насмешливо смотрели две красавицы, одна из которых только что была предметом его восторгов.

Однако, несмотря на все это, Ленсфорд не мог найти в себе достаточно мужества, чтобы принять вызов своего противника, и он уклончиво ответил:

— Сэр Уольвейн, я нахожусь здесь вовсе не с целью сводить личные счеты. Это я успею сделать в более удобное время. Сейчас я здесь, в имении мистера Эмброза Поуэля, в качестве начальника ополчения, чтобы получить с этого джентльмена ссуду королю. Раз он отказался дать эту ссуду, мне, не имеющему приказания доходить до крайностей, нежелательных и для меня самого, остается только отвезти его ответ моему начальству.

Можно представить себе, каким гомерическим хохотом покрыла толпа форестерцев эти слова, обнажавшие до самого дна всю низменность души говорившего. Тот, который до сих пор разыгрывал из себя перед этой толпою неустрашимого орла, вдруг оказывался жалким, трусливо дрожащим перед силою воробьем.

Когда толпа попритихла, сэр Ричард сказал Ленсфорду:

— Да, сэр, это будет самое лучшее, что вы можете сделать. И чем скорее сделаете, тем выгоднее будет и для вас самих, и для ваших людей.

Ленсфорд молча повернул своего коня по направлению к воротам. Толпа беспрепятственно пропустила его, Реджинальда Тревора и весь их отряд, но потом провожала долго несмолкавшим гулом всяческих насмешек, который навсегда врезался в их память.

Но Реджинальд Тревор, один из всех смотревший гордым львом, припертым к стене настолько многочисленными охотниками, что сопротивляться им было бы бесполезно, и затаившим свою ярость, тут же вернулся назад. Отозвав в сторону своего двоюродного брата, он сказал ему:

— Я попросил у своего начальника позволения переговорить с тобой. Юстес, как мог ты покинуть короля?

— Спроси лучше: как мог покинуть король свой народ? — возразил Юстес. — После всего того, чему я здесь был свидетелем и что было сделано именем короля и по его воле, я считаю себя вправе отвернуться от него.

— Это объяснение может оправдывать тебя в глазах твоих новых и, очевидно, уже очень дорогих твоему сердцу друзей, — иронизировал Реджинальд, — но что скажет на это твой отец? Едва ли он одобрит тебя.

— Очень может быть. Но что же делать! — произнес со вздохом юноша.

— «Что же делать?» — укоризненно повторил Реджинальд. — Как быстро остыли твои родственные чувства, Юстес! Ты считался одним из самых образцовых сыновей, и вдруг...

— И вдруг я достиг таких лет, когда принято считать человека достаточно зрелым для того, чтобы он мог быть самостоятельным и не нуждаться в совете даже таких мудрых братьев, как ты! — с легким раздражением досказал Юстес.

— Хорошо, Юст, пусть будет так! — с горечью проговорил Реджинальд. — Но смотри, как бы тебе не пришлось раскаяться в том, что ты сейчас делаешь!

— Это тоже мое дело, — ответил юноша, нетерпеливо передернув плечами. — Но о чем ты-то беспокоишься, Редж? Во всяком случае на тебя последствия моих поступков не падут. Иди своей дорогою и не мешай мне следовать по моей.

— Ах, Юст, погубишь ты себя... положишь свою юную голову на плаху!

— Что ж, пойду и на это, если понадобится, — заявил храбрый юноша. — Но если дело дойдет до плахи, то ведь плаха

не на одной только стороне. До сих пор та сторона, на которой находишься ты, не обладала исключительной привилегией снимать головы, да, наверное, и не будет обладать ею. Те, которые сняли с плеч голову Страффорда, в один прекрасный день могут снести голову и кое-кому... повыше. Он вполне заслужит этого, если будет продолжать так, как начал.

— Что-о! Ах ты, молокосос! — вскричал Реджинальд, взбешенный таким ответом. — Ну, нет, будь уверен, что король сохранит и свою голову, и корону на ней достаточно долго, чтобы успеть наказать каждого изменника, каждого низкого ренегата вроде тебя!

Эти гневные слова были внушены королевскому офицеру не одною преданностью королю, но и другим чувством, более субъективным, относившимся к одной из тех девушек, которые смотрели из верхнего окна дома и могли слышать все, что говорилось на дворе.

Юстес Тревор, с своей стороны, пылал желанием обнажить оружие против своего обидчика, но этот обидчик был его кровным родственником, всегда относившимся к нему хорошо. Как решиться пролить эту родственную кровь? Судорожно сжимая рукоятку шпаги и чувствуя себя не в состоянии оставить без протеста брошенное ему в лицо обвинение в «низком ренегатстве», юноша глухо проскрежетал сквозь зубы:

— Редж, помни, что если бы ты не был моим родственником, то...

— То ты убил бы меня?! — вскричал Реджинальд. — Ну что ж, убивай, если... осмелишься! — добавил он, в свою очередь хватаясь за рукоятку шпаги.

— И осмелюсь, будь уверен! — дрожа от возбуждения, ответил Юстес. — Но только не здесь, не теперь...

— Хорошо! — подхватил старший кузен. — Я буду ожидать новой встречи с тобой... быть может, на поле битвы. И тогда, клянусь тебе небом, я заставлю тебя раскаяться, не дам тебе пощады. Я и на тебе оправдаю наш девиз. Когда я направлю на тебя свое оружие, то ты услышишь из моих уст один крик: «Без пощады!»

— Хорошо, Редж, когда я услышу от тебя этот крик, то отвечу тебе тем же криком! — твердо проговорил юноша.

Реджинальд молча повернул коня и понесся догонять свой отряд. С этой минуты в его отравленном ревностью сердце созрело твердое решение действительно не давать никакой пощады своему двоюродному брату, если придется встретиться с ним на поле битвы.

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

Через несколько недель после описанного началась страшная междоусобица. Вся Англия резко разделилась на два противоположных лагеря. Помимо двух главных лагерей, каждое графство, каждый округ разбился на мелкие отряды, предводители которых шли друг на друга с таким же мужеством и доблестью, как настоящие боевые военачальники.

Большинство поместного дворянства укрылось в защищенных стенами городах. Те, которые были в состоянии укрепить свои усадебные дома, оставались на месте и собирали к себе друзей и сторонников. Дороги сделались небезопасными для мирных путников. Когда на них встречались незнакомые друг другу люди, тотчас же раздавался окрик: «Вы за кого: за парламент или за короля?» Когда получался неблагоприятный ответ, хватывалось оружие и начинался бой, сопровождаемый яростными криками: «Без пощады!» и кончавшийся поражением и даже смертью сторонников той или другой стороны.

При возникновении так называемого «великого мятежа» — хотя это движение следовало назвать иначе — в графствах, опоясывающих Уэльс, в большинстве были роялисты, если не по численности, то по своему весу и силе. То же наблюдалось и в самом Уэльсе, где население находилось всецело под руководством и давлением знатного и богатого дворянства, строго контролировавшего его политические склонности и действия. Яркую иллюстрацией этому может послужить Монмаутсшир, где граф Вурстер держал в повиновении всех, даже самых буйных.

Где не было таких сильных влиятельных лиц, там, как, например, в Пемброке и Глеморгане, на юге Уэльса и в некоторых его северных графствах и областях, население тяготело, разумеется, к свободе. Из окраинных графств особенно стойко было предано королю салопское. Это было очень естественно, потому что его население в течение целых столетий привыкло преклонять голову и колени пред своими деспотами — так что рабская покорность и угодливость перед знатью крепко засели ему в плоть и кровь.

То же самое, и даже еще в большей степени, было и в Гирфорде. Его полупастушеское, полужемледельческое население само, без всякого принуждения, стояло на стороне королевской власти. Всюду и во все времена на земле близость к природе и занятие мирным трудом среди полей и лугов настраивало

население на тот мечтательный лад, который оказывает своим несопротивлением, своей кроткой пассивностью самую сильную поддержку своеволию и тирании деспотов. Не будь этого, никогда не мог бы иметь места илистый империализм во Франции, не говоря уже о его еще более вязкой имитации в Англии.

Итак, Гирфордское графство было строго монархическое, но все же с примесью противоположного элемента. Многие из простого народа, в особенности те, которым приходилось жить ближе к Глостерскому графству, были настроены иначе, и среди тамошнего дворянства встречались такие благородные исключения, как, например, Кэйрлы, Поуэли, Гоптоны и благороднейший из всех сэр Роберт Гарлей из Брамpton-Брайана. Если в этом славном списке не встречается имени сэра Ричарда Уольвейна, то только потому, что автор нашел более удобным сохранить за этим доблестным рыцарем его боевое имя, умолчав о действительном.

Из западных графств, заслуживших наибольшую славу за свое доблестное поведение во дни великой скорби английского народа, всех более отличалось Глостерское. Когда светоч свободы повсюду еле теплился и сильно чадил, он горел ярким пламенем только на берегах Северны, а в двух главных городах этого графства, в Глостере и Бристоле, пылал все озаряющим костром. Этот светоч, или костер, или маяк, освещал путь друзьям свободы и поддерживал в них необходимую бодрость духа в борьбе с угнетателями.

Бристоль, как город портовый, был важнее Глостера. Он являлся крупным складочным местом и центром заморской торговли, вследствие чего население этого города, разумеется, было свободно от узких воззрений и предрассудков, свойственных нашим островитянам. Некоторые из бристольских граждан уже в то время достаточно просветились и поняли, что мир создан вовсе не для наслаждения одних королевских сибаритов и для мучений их подданных и рабов. Сообразно с этим пониманием, бристольцы и отдавали предпочтение парламенту, когда пробили час выбирать между собранием народных представителей и королем. Поэтому, когда в Бристоль был назначен военным губернатором полковник Эссекс, сын лорда-главнокомандующего армией парламента, его там приняли с распростертыми объятиями, и ни один голос не поднялся против него.

Однако вскоре же свободомыслящие бристольцы сделали открытие, сильно удивившее и смутившее их. Открытие это состояло в том, что человек, присланный самим парламентом для защиты интересов сторонников свободы, оказался способным скорее на другое. Живи полковник в наше время, он был бы

вигом, хотя и с наклоном в сторону ториев. Будучи бристольским губернатором в 1642 году, он настолько склонялся к роялизму, что хвастался своей нестриженной головой и покровительствовал тем, которые носили длинные локоны и не иначе как с пеною у рта говорили о пуританах и квакерах. В Бристоле тогда было много длиннокудрых дворянчиков в качестве пленников, взятых Стемфордом при Гирфорде и живших совершенно свободно в городе. Снисходительный полковник не только постоянно водил с этими пленными компанию, но и состязался с ними за кубком вина в насмешках над круглоголовыми, принадлежавшими к плебейам и лишенными всякого вкуса к дворянскому чванству.

На счастье правого дела, язык этого полуренегата был длиннее его осторожности, а голос оказался настолько громким, что достиг до чуткого слуха парламента. Благодаря этому в один прекрасный вечер, когда Эссекс участвовал в пирушке своих друзей-роялистов, его вызвали в переднюю, где оказался человек, который с суровым видом сказал ему:

— Полковник, на меня возложена неприятная обязанность арестовать вас

— Арестовать?.. меня?! — повторил губернатор, сверкнув глазами. — Да вы с ума сошли, милостивый государь! Кто вы?

— Вот этот документ подтвердит вам мои слова и объяснит, кто я, — спокойно ответил суровый человек.

С этими словами он вручил губернатору сложенный вдвое лист пергамента, на котором красовалась печать, но не королевская, а печать парламента. На этом листе был написан приказ на имя полковника Натаниэля Финса взять под стражу бристольского военного губернатора полковника Эссекса и занять его место. Под приказом, кроме печати, была подпись: «Обер-секретарь парламента Ленталь».

Пораженный губернатор разразился было шумным протестом, но тем и ограничился, потому что весь гарнизон крепости, еще утром находившийся под его командой, также оказался арестованным. Эти «доблестные» защитники города, узнав о перемене над ними начальства, нашли более благоразумным молча покориться обстоятельствам.

Таким образом низложенный губернатор, вынужденный расстаться со своими приятными собутыльниками, был препровожден в крепостную тюрьму, как простой преступник. Это он-то, сын графа Эссекского, военный губернатор одной из самых важных крепостей! Тот же самый парламент, который облек было его таким высоким доверием, и низложил его, когда убедился в его двоедушии.

СЕРЖАНТ НАРОДНОЙ ГВАРДИИ

— Ну вот, теперь мы скоро доберемся и до города, Уини. Ах, как я рад! Наверное, не меньше меня радуешься и ты, приятель, а?

Так говорил Джек Прыгун, обращаясь то к сестре, шагавшей рядом с ним, то к своему ослику, как всегда тащившему на своей терпеливой спине пару больших корзин.

На этот раз мы встречаем брата и сестру не на одной из форестских дорог, а на пути к Бристолу, высокие кровли зданий которого начали уже вырисовываться вдали.

Можно было подумать, что животное поняло слова своего хозяина: осел с оживлением поднял голову, весело тряхнул своими длинными ушами и прибавил шаг.

— Ну, до города еще добрых три мили, — заметила девушка. — Не скоро еще доберемся до него.

— Нам нужно попасть в него не позже семи часов, — продолжал Прыгун. — Авось поспеем.

— Поспеем, если нас ничто не остановит, — проговорила девушка, с беспокойством оглядываясь вокруг.

— Ну что же может остановить нас? — возразил ее спутник, отирая рукавом куртки вспотевший лоб. — Губернатор в Глостере сказал, что здесь мы если и встретим кого, то разве только разъезды наших солдат. Хорошо, кабы так... Ах, как стало теперь неприятно путешествовать! Каждую минуту так и жди что на тебя налетят эти королевские сорванцы. Если бы нам давеча не посчастливилось незаметно прошмыгнуть мимо той компании, которая сломя голову неслась в Берклей, а моя деревяшка была бы прозрачная, то я мог бы лишиться не только последней ноги, но, пожалуй, и головы. Ну а здесь, полагаю, не так страшно. Эта сторона пока еще в руках у наших...

— Ну, ты не очень надейся на это, Джек, — возразила сестра. — Пока мы не попадем в город, нужно всего опасаться. Разве ты не слыхал, как говорили бывалые люди, что королевские драгуны рыщут по всей стране. Их главарь принц Руперт прямо какой-то бешеный зверь: давит народ конями, стреляет в него из пистолета, словно в лесную дичь. Как бы и нам не попасть здесь в какую-нибудь беду, Джек. Меня томит какое-то предчувствие. Впрочем, быть может, оно и ошибочное...

— Будем надеяться, что оно ошибочное, Уини. Пока ведь с нами ничего не случилось особенного, хотя, конечно, можно наткнуться на беду и перед самым городом. Но, бог даст, с

нами ничего не случится такого... Не забывай, что если мы попадем благополучно в город и выполним данное нам поручение, то и пользу получим хорошую. Мы сразу заработаем столько, сколько нам не выручить в целый год нашей торговлей. Разве это не важно для нас с тобой, Унни, как ты думаешь, а?

— Конечно, важно, иначе я ни за что не отправилась бы в такой дальний и опасный путь, — согласилась девушка.

Говоря так, она, однако, сильно кривила душой. Главная цель предпринятого ею с братом действительно довольно рискованного и дальнего путешествия была иная: в Бристоле девушка надеялась встретить человека, которого не видела уже несколько месяцев и который был ей дороже всего на свете. Этот человек, как вероятно уже догадался читатель, был Роб Уайльд, местный браконьер. Он сделался солдатом и, произведенный вскоре же за особенное отличие в чин сержанта народной гвардии, состоял в числе мелких начальников бристольского гарнизона.

— Бодрись, Джинкем, бодрись, дружище! Скоро доберемся до отдыха и вот как накормим тебя! — поощрял Джек осла.

И они все трое ускоренным шагом продолжали путь, мечтая каждый о своем: безногий — о награде, которую он должен получить в Бристоле, девушка — о свидании с другом сердца, а осел — об отдыхе и обещанном корме.

Пока наши путники шагают, бросим беглый взгляд на разыгрававшиеся события.

Это было вскоре после взятия Сиренстера принцем Рупертом, когда все население города было почти поголовно истреблено без различия пола и возраста, а уцелевшие в резне были уведены или, точнее, уволочены в Оксфорд для доставления «приятного» зрелища королю. Чтобы встретить это «триумфальное шествие», король в сопровождении всех своих придворных и сподвижников отбыл из этого города, хотя и вмещавшего в своих стенах столько высших учебных заведений, но более хваставшегося просвещением, нежели обладавшего им действительно. Целых десять миль проехал этот нарядный сброд, желая поскорее насладиться зрелищем сотен несчастных пленников, полунагих, босых, кочневших от зимнего холода, покрытых ранами, облепленных грязью тех дорог, по которым их гнали, как скотину на рынок.

Один беспристрастный историк — во всяком случае не сторонник парламента — так описывает этот ужасный эпизод:

«Связанные попарно пленники сгонялись в Оксфорд. Король в сопровождении своих ближних дворян, генералов и толпы городской черни отправился им навстречу. Бесконечную вереницей тянулись пленники по дороге, окруженные кавалерией. Среди

этих пленников находились дворяне, солдаты, земледельцы и горожане. Вся окрестность дрожала от гула лошадиного топота. Пленники местами брели в грязи по колена. Конвойные подстегивали их и гнали, как баранов на бойню. Многие были покрыты ранами, все были страшно измучены. Среди этой толпы страдальцев особенно выделялась трагическая фигура почти совершенно нагого человека, сидевшего на лошади, которую вел в поводу один из конвойных. Несчастный не мог держаться на ногах, ему поневоле была оказана милость, то есть его бросили на спину лошади. Это был совсем еще молодой очень красивый человек. Будучи едва жив, он все-таки старался сидеть прямо. Красота молодого тела подчеркивалась множеством зияющих ран, из которых струилась алая кровь. Когда этого умирающего юношу подвели к королю, одна старушка-горожанка крикнула: «Что, получил свое, негодный изменник?! Хорошо тебя отделали?» Юноша окинул старушку укоризненным взглядом, хотел что-то возразить, но тут же свалился с лошади и умер...

Таково было зрелище, которым принц Руперт угощал своего дядю после взятия Сиренстера. «Мягкосердный», как его называли льстецы, король глядел на весь этот ужас без малейшей жалости во взоре, а его свита оскорбляла несчастных пленников разными непристойными шутками, смехом, глумлением, в то же время славословя и поздравляя бесчеловечных «победителей».

Падение Сиренстера было сигналом к падению еще целого ряда таких важных пунктов, как Тьюксбери, Мальмсбери, Девайзес, занятых было войсками парламента. Даже превосходно укрепленным замкам Седлей и Берклей пришлось подвергнуться перемене гарнизона и развевавшихся на их сторожевых башнях флагов и знамен. Вообще сторонники парламента в это время были стиснуты со всех сторон.

Неудивительно поэтому, что Джек Прыгун и его сестра боялись встречи с роялистами, или «кавалерами», как их преимущественно называли в народе. Эти беспутные «рыцари» не щадили даже скромных сельских разносчиков. Один из них, сын знатного вельможи Гастингс, заслужил себе издевательством над торговцами сельскими продуктами прозвище «Грабителя разносчиков». Пример подавал сам принц-грабитель Руперт. Где он находился со своим блестящим сбродом, там каждый мирный путник рисковал быть обобранным и при малейшем сопротивлении — хладнокровно зарезанным разбойниками в мундирах.

В сущности, опасение Джека и его сестры быть ограбленными могло казаться очень странным, так как ни на них самих, ни в корзинах на спине осла не было ровно ничего ценного.

Только намек Джека на то, что его деревянная нога непрозрачна, мог послужить догадливому человеку некоторым указанием на настоящую причину тревоги Прыгуна.

Поощряемый ласковыми словами хозяина, его длинноухий подвигался вперед с таким усердием, что Джек едва поспевал за ним и порою готов был даже немножко и поумерить пыл животного, рвавшегося попасть поскорее к яслям с обещанным кормом. К счастью для путников, никаких подозрительных встреч не произошло, и к назначенному времени они уже были у ворот Бристоля.

Бристоль в те дни был сильно укрепленным городом, окруженным крепкими стенами и мощными старинными бастиянами, только что заново отремонтированными и оборудованными. Ворота были заперты, подъемный мост был поднят и стража была наготове. Короткий зимний день давно кончился, и сделалось совершенно темно. Местность перед воротами освещалась чем-то вроде маленького маяка, устроенного на воротах, что давало возможность часовым ясно видеть каждую приближающуюся фигуру.

Когда наши путники вместе со своим ослом подошли к воротам, часовой окинул всех троих пронизывающим взглядом. Сразу определив по их убогому виду, кто они, он крикнул дежурному сержанту, что в город просятся «женщина, мужчина и осел». Наперекор обычаю, часовой упомянул сначала о женщине, а не о мужчине, вероятно, потому, что она прежде всего бросилась ему в глаза и поразила его своим ростом. Сверх обыкновения и сержант оставил ошибку часового без замечания. Молча поспешив к воротам, он выглянул в окошечко, закрытое железною створкою, и отдал приказ опустить мост.

Этим самовольным распоряжением сержант брал большую ответственность на свои плечи, хотя и достаточно широкие и крепкие, чтобы вынести любую тяжесть. Сержант этот был Роб Уайльд. Как нарочно, начальник стражи в это время отсутствовал, и Роб надеялся, что небольшое превышение власти будет ему прощено.

— А, Уини! Это ты? — вскричал он, узнав женщину. — Потерпи минуточку, пока мы опустим мост.

И он бросился сам помогать людям опускать мост. Усталая путница терпеливо ждала. Она готова была прождать хоть целый час, раз услышала голос любимого человека; и поняла, что скоро увидит и его самого. Через минуту завизжали тяжелые блоки, загремели толстые железные цепи и мост плавно опустился, образуя широкий проход.

— Здравствуй, Уини! — весело приветствовал Роб Уайльд

девушку, отведя ее в тень. — Откуда вы явились? — продолжал он, поцеловав ее в губы.

— Из Глостера, — ответила она.

— С товаром?

— Нет, мы пришли сюда совсем по другому делу.

— Так зачем же ваш осел с корзинами на спине? Значит, они пустые?

— Пока пустые, но назад надеемся отправиться нагруженными.

Девушке не хотелось сразу сказать правду. Она и от Джека скрыла, что, собственно, погнало ее сюда. Если в Глостере ее брату было дано одно поручение в Бристоль, то совершенно случайно. Джек во всем верил сестре и слушался ее. Когда она сказала, что нужно идти в Бристоль и захватить с собой осла с пустыми корзинами, он не стал долго расспрашивать, зачем и почему, а просто молча приготовился в путь в назначенное ею время. И только теперь он догадался, в чем дело.

— Так, значит, вы собираетесь и назад? — продолжал Роб.

— Разумеется. Как только покончим с делом, ради которого пришли, сейчас же и пустимся обратно, — ответила девушка. — А почему бы нам не сделать этого?

— Да ведь дороги теперь не прежние. На каждому шагу могут быть опасности. Если бы я знал, что вы идете в такую даль, я бы очень беспокоился. Нет, право, вам лучше пока остаться бы здесь.

Сердце девушки замерло от радости. Она несколько месяцев уже не видела своего возлюбленного. За это долгое время он превратился в воина, даже в сержанта, и притом, как ей казалось, такого блестящего, что ни один офицер, ни один генерал, даже сам главнокомандующий не мог бы с ним поспорить в представительности. Да и в самом деле, при своем громадном росте, богатырской фигуре, затянутой в мундир, с стальной каскою на голове, с широкой сержантской перевязью через плечо, в высоких сапогах со шпорами, он мог показаться простодушной сельской девушке каким-то сказочным принцем. И это тем более, что с детства она привыкла видеть его в такой же грубой простой одежде, в какой ходила сама, часто оборванным и грязным, что, однако, не помешало ей полюбить его.

С тех пор, как Уинифреда узнала о постигшей Роба перемене, повлекшей за собою его перемещение в большой город, она не имела ни минуты покоя. Ей казалось невероятным, чтобы он остался ей верен при этих новых условиях. Мало ли он теперь видел красивых девушек, которые могли обольстить его? Ведь

он сам был так красив, по ее мнению, что должен был привлекать к себе все женские сердца. Но слова «милая Уини» и выражение заботливости о ее безопасности доказывали, что он к ней не переменялся. О том же свидетельствовали и его честные глаза, глядевшие на нее с прежней нежностью, и его ласковый голос. Прочь все сомнения!

В сладостном упоении она сама бросилась к нему в объятия и крепко его расцеловала. Потом начала было рассказывать, зачем привела с собою брата с Джинкемом. Но сержант прервал ее:

— Об этом мы поговорим потом, когда у нас будет побольше времени. А теперь скажи только, где вы думаете остановиться в городе?

— Да там же, где останавливались раньше, когда бывали здесь, в гостинице под вывескою «Птичий куст».

— Это что за Авонским мостом?

— Да, улицы за две от него.

Бристоль не был для Уинифреды незнакомым городом, она не раз уже бывала в нем с братом и ослом. Товар на рынках этого многолюдного города всегда хорошо продавался и оплачивался.

— Я бы пошел вас проводить, если бы не был сегодня дежурным у ворот, — объявил сержант. — Я не имею права ни на минуту покидать своего поста. Если бы был на месте мой капитан, он, наверное, отпустил бы меня на часок. Но, к несчастью, его нет... Кстати, Уини, ты знаешь моего капитана, уже видала его.

— Разве? Где же я его могла видеть?

— Да в Холлимиде, нынче летом.

— Так это сэр Ричард?

— Нет, не он, — поспешно ответил Роб, у которого насчет сэра Ричарда были сомнения, подсказанные ревностью. — Это Юстес Тревор, который сначала подрался было с этим самым сэром Ричардом, а после драки крепко с ним подружился и им был введен в Холлиמיד. Ты ведь слышала тогда об этой истории, Уини?

— Слышала. Он долго прожил в Холлимиде, и я даже знаю почему, — сказала девушка. — Там есть хорошенькая, светловолосая барышня, и мы ожидали, что она будет его невестой.

— И будет, — с уверенностью проговорил Роб, — лучшего жениха ей и не найти... Но что же мы все толкуем о других, а о себе забываем? — совсем другим тоном продолжал он, вновь притягивая к себе девушку. — Ты себе и представить не можешь, как я рад тебя видеть, моя дорогая козочка!

Уинифреда теперь чувствовала, что это была правда.

— Ах, лиходейка-судьба! — снова заговорил он, обменявшись с нею десятком горячих поцелуев. — Какая досада, что нет капитана! Но он хотел вернуться непременно сегодня же. Быть может, ты подождешь меня, если я приду ночью поболтать с тобой по душам? А если ты чересчур устала, то отложим это до завтра.

— Нет, я лучше прожду тебя хоть до самой утренней зари, милый Роб. Приходи, когда можешь. Я...

Она хотела еще что-то добавить, но в это время к молодым людям подковылял Джек, до тех пор остававшийся в стороне.

— Уини, нам некогда здесь долго задерживаться, — встревоженно сказал он. — Ты знаешь, дело не терпит.

— Да, да, правда! Идем, Джек, — торопливо ответила девушка с виноватым видом.

Сержант в недоумении перевел свой взгляд с Джека на его сестру и обратно. Очевидно, они что-то от него скрывали, но что именно? Какой мог быть у них секрет от него?

Как ему ни хотелось узнать этот секрет, он не решался прямо предложить вопрос, который мог казаться неуместным, и сильно мучился этим. Уинифреда своим тонким женским чутьем угадала его мысли и шепнула ему:

— Не думай ничего дурного, милый Роб. У нас есть небольшое дельце, о котором мы обещали никому не говорить, пока оно благополучно не обделается. Когда ты придешь в гостиницу, оно будет покончено и я все скажу тебе.

— Хорошо, я верю тебе, дорогая, — сказал сразу успокоенный Роб, еще раз крепко целуя девушку. — Идите с миром. При первой возможности я прибегу к тебе.

— Ах, как бы нам не опоздать! — озабоченно ворчал Джек, усиленно подпрыгивая и постукивая своей деревяшкой по гулкой городской мостовой. — Помнишь, Уини, ведь губернатор сказал — не терять ни одной минуты. А ты столько времени проболтала с милым дружком. Я был как на иголках... Но вот что: не лучше ли нам пройти прямо в замок, чем еще завертывать в гостиницу? Как ты думаешь, а?

— Нет, — возразила девушка, — сначала мы поставим Джинкема на место и велим его покормить, а потом и в замок. Без Джинкема даже скорее выйдет. Авось не опоздаем.

Как всегда, Джек сдался на доводы своей сестры, рассудительность которой ставил выше своей собственной. С обычными своими прибаутками он стал погонять осла к мосту.

В ГОРОДЕ И ЗАМКЕ

Через реку Авон, разделяющую город Бристоль на две половины, был перекинут мост, посередине шоссированный, унизанный по обеим сторонам зданиями и укрепленный с концов башневидными сооружениями: таков всегда был вид мостов в старые годы. Среди жилых домов и торговых помещений красовалась даже церковь очень оригинальной постройки и удивительно непропорциональных размеров: семидесяти футов в длину и только двадцати одного в ширину.

Мост этот сыграл значительную роль в политических судьбах Бристоля, так как его обитатели — «мостовики», как их называли в отличие от других, — были все поголовно приверженцами парламента, и он, в особенности по вечерам, являлся местом собрания единомышленных граждан всего города.

Так и в этот темный и холодный мартовский вечер, который мы описываем, на одном из концов моста собралась довольно многочисленная толпа с целью потолковать о событиях дня и высказать свои предположения насчет будущего. Ревностный патриотизм заставлял собравшихся пренебречь личными удобствами. Тысячеголовая толпа, сжатая со всех сторон не лучше сельдей в бочонке, терпеливо стоит целыми часами, лишь бы только услышать слово правды и безобманного обещания.

Я не знаю зрелища более великого и приятного, чем то, которое представляет вид собрания свободомыслящих людей, этого моря народных лиц, на которых так ярко выражается природная склонность человека ко всему, что носит в себе истину и добро и отвращение ко всему лживому и злему. Наоборот, не нахожу зрелища более жалкого и позорного, чем то сборище, среди которого проповедуется насилие. На этих сборищах скапливаются все мракобесы, все враги свободы, все угнетатели человечества.

В числе собравшихся на Авонском мосту было немало обмундированных и вооруженных людей, хотя и не принадлежавших ни к одному из полков регулярной армии. Все это были добровольцы, тогда еще впервые явившиеся в Англии на смену насильственно набираемым «тренированным бандам». Эти добровольцы держали караул на мосту под начальством молодого офицера, имя которого впоследствии озарило славою страницы летописи, а меч навсегда дал себя чувствовать врагам свободы. Это был капитан Джоң Бэрч из торгового сословия.

Писатели Реставрации забросали липкой грязью память этого честного человека, с презрением называя его низкородным, по-

гонщиком вьючных лошадей, выскочкою и тому подобными якобы позорными кличками, как они со злобою упрекают и Оливера Кромвеля в том, что он был пивоваром. Между тем Джон Бэрч вовсе не был «низкородным»: он происходил из семьи состоятельных торговцев и сам занимался торговлей, которую вел на широкую ногу. В то время вовсе не считалось стыдом производить торговлю; ею занимались и многие дворяне, несмотря на их показное презрение к «торгашам». К тому же Джон Бэрч, судя по его дошедшей до нас обширной корреспонденции, обладал и некоторым образованием, а грамотностью превосходил многих своих высокопоставленных современников, не исключая и самого короля. Превосходил он многих и природным умом, и стойкой храбростью. В качестве партизанского вождя он стоит на первом месте, и описания его подвигов в этой народной войне читаются, как самый интересный роман с приключениями.

Будучи одним из первых по времени и усерднейшим сторонником парламента, Джон Бэрч набрал в Бристоле многочисленный отряд добровольцев, преимущественно из «мостовиков». С частью этого отряда он и держал на мосту караул, назначенный не столько против внешних врагов, сколько против внутренних, ютившихся в стенах самого города, так как в Бристоле находилось множество пленных роялистов. Хотя они и находились под присмотром, но им разрешалось на честное слово разгуливать по улицам, и при первом же удобном случае они могли нарушить это слово, что многие из них, к своему вечному стыду и позору, и сделали.

В глазах короля их это нисколько не роняло; напротив, это только способствовало его благосклонности к ним и побуждало его давать им повышения, вплоть до самых ответственных должностей, как он сделал, например, с Вавасором.

Измена, не только терпимая, но и поощряемая бывшим бристольским губернатором Эсексом, находившимся теперь в берклейском замке, не была еще уничтожена; она только притаилась, готовая при первой возможности поднять свою змеиную голову, и новому губернатору Натаниэлю Финсу стоило немалого труда держать ее в страхе. К счастью, у него в этом деле был хороший помощник в лице Джона Бэрча. Энергичный капитан-доброволец казался точно нарочно рожденным для этой обязанности. Благодаря двуличности бывшего губернатора ему раз самому пришлось пострадать: он был ни за что ни про что посажен Эсексом под арест. С тех пор Бэрч сделался особенно бдительным и осторожным.

И вот, обозревая свой участок, он увидел приближавшуюся группу, которая не могла не поразить его: шел маленький муж-

чина с деревянной ногой, шла женщина, чуть ли не вдвое выше его ростом, а между ними шагал осел, навьюченный двумя корзинами. Это были Джек Прыгун, Уинифреда и Джинкем.

Хотя сам Бэрч не был погонщиком вьючных животных, как его обзывали враги, а был крупным торговцем, производившим скупку разных товаров по всей провинции, он все же отлично знал все местные дороги и способы доставки товаров. Поэтому он с первого же взгляда догадался, что это идут разносчики, простые сельчане. Мост был достаточно освещен фонарями и огнями из домов, и когда путники приблизились, капитан мог ясно рассмотреть их лица. По этим лицам наблюдательный Бэрч понял, что это люди бывалые. Если они шли из Глостера или хотя из Берклея, то могли подхватить дорогой кое-какие важные новости, которые не мешало бы узнать от них. Рассуждая таким образом, Бэрч вышел на середину шоссе и остановил разносчиков вопросом:

— Откуда идете, почтенные люди?

— Из Глостера, ваша честь, — ответил Джек.

— А по какому делу вы пришли в Бристоль?

— По своему обычному. Как видите, мы разносчики.

— Да, но корзины ваши, кажется, пусты, — сказал капитан, взглянув в корзины и двинув их толчком. — Почему это так?

Вопрос этот смутил было Джека, но сестра поспешила спасти положение, ответив своим громким и ясным голосом:

— Мы пришли купить здесь кое-что для Глостера и других мест подальше. Мы, собственно, из Динского леса. В Глостере всего не достанешь, что бывает нужно в нашей стороне.

— Ах, вы из Динского леса! — подхватил капитан. — А когда вы вышли оттуда?

— С неделю тому назад, ваша честь, — снова подал голос Джек.

— Да, оттуда не близко, — заметил Бэрч, покосившись на деревяшку разносчика. — Наверное, вам попадалось немало народа по пути, особенно между Глостером и нашим городом. Не можете ли вы, добрые люди, сказать мне...

Капитан круто оборвал свою речь, заметив, что кругом начинают собираться любопытные. Он хотел продолжать свои расспросы, отведя путников в сторону, но вдруг увидел, как к женщине подошел мужчина исполинского роста в форме кавалерийского сержанта и по-дружески заговорил с этой женщиной.

— А, сержант Уайльд! — воскликнул офицер добровольцев. — По-видимому, вы знаете этих людей?

— Как мне не знать их, капитан, когда мы вместе родились и росли в Дин-Форесте! — воскликнул бравый сержант.

— Ну и отлично, — заметил вполне успокоенный капитан и дал своим людям знак пропустить путников через мост.

Обменявшись еще несколькими словами с капитаном, Роб обернулся к Уинифреде и схватил ее за руку.

— Милая Уини, — шепнул он девушке, — я отпросился на часок. Капитан Тревор вернулся, едва вы успели отойти от ворот. Когда я ему сказал о вас, он велел мне позаботиться о хорошем ночлеге для вас. Славный он человек, не правда ли, Уини?

— Хороший, Роб. Мало таких хороших, — ответила Уинифреда, про себя отмечая, чем именно вызывалась доброта мистера Юстеса Тревора к ней и ее брату: конечно, любовью к их прекрасной землячке.

Джек хмурился и неодобрительно качал головой. Новая задержка на мосту была для него настоящей пыткой: из-за этой задержки могли разлететься в пух и прах все его надежды на хорошее вознаграждение. Что же касается его сестры, то последняя мало об этом заботилась: она чувствовала себя совершенно вознагражденною за все трудности долгого пути, видя шагающего возле себя любимого человека.

Между тем к Джону Бэрчу, смотревшему вслед тем, с которыми он только что разговаривал, подошла торопливыми шагами женщина, закутанная в длинный темный плащ со спущенным на лицо капюшоном. Оглянувшись кругом и не видя ничего подозрительного для нее, эта женщина откинула капюшон, и свет фонарей озарил прелестное женское личико с тонкими породистыми чертами.

— Марианна! — вполголоса вскричал капитан. — Зачем вы пришли сюда? В чем дело?

— Ваша жизнь в опасности, Джон, — в страшном возбуждении ответила та, которую звали Марианной. — Я только что узнала это и поспешила, чтобы сообщить вам.

— Откуда же угрожает мне опасность, Марианна?

— От изменников. Они готовятся... вооружаются... хотят поднять народ в пользу короля! — отрывисто говорила молодая женщина, дрожа с головы до ног и задыхаясь.

— Но кто они? Где? И откуда вы узнали об этом?

— Они собрались кто в доме у Йоменса, кто у Баучера. Ждут подкрепления с улицы... Среди них... мой отец и брат... О, господи! Но ваша жизнь мне дороже всего на свете. Берегите ее, дорогой Джон! Не пренебрегайте моим предостережением!

— Не беспокойтесь, милая Марианна, не пренебрегу. Не медля ни минуты, я приму меры против заговорщиков. Не бойтесь за меня.

Торопливое объятие, торопливый, но жгучий взаимный поцелуй — и молодая женщина или, вернее, девушка, снова закрывшись капюшоном и завернувшись в плащ, поспешно удалилась с моста. Полным любви взглядом провожал ее изящную фигуру молодой капитан, и когда она наконец совсем скрылась в ночной темноте, он со вздохом отвернулся и прошел в караульную.

Эта девушка считалась одною из замечательнейших бристольских красавиц. Отец ее был очень богатый и гордый купец. Если бы этот отец слышал, что говорила его дочь Джону Бэрку, он собственноручно сбросил бы ее с моста в воду.

Некоторое время спустя, капитан Бэрч неся во главе отряда добровольцев по направлению к городской крепости, к так называемому «Замку». Весь отряд, сидя на превосходных конях, был с головы до ног вооружен, как на войну.

В это самое время в Замке происходил военный совет под председательством самого губернатора Натаниэля Финса. Кстати нужно сказать, что этот человек хотя и был неизменно предан парламенту, но другими достоинствами, необходимыми для его ответственной должности, не обладал. По профессии он был стряпчим, и лучше разбирался в юридических тонкостях, чем в административных и тем более военных делах. Человек безусловно честный, прямолинейный и наружно спокойный, в действительности же он был горяч и несдержан, так что часто отталкивал от себя своих лучших друзей и портил самые лучшие свои намерения, не умея обузывать свой резкий язык. К счастью, он был окружен людьми с большим дипломатическим тактом и военной опытностью; они контролировали его действия и удерживали его от многих пагубных ошибок и увлечений. К числу этих людей принадлежал сэр Ричард Уольвейн.

Этот рыцарь, как и Юстес Тревор, очутился в Бристоле потому, что весь Дин-Форест с соседними областями был временно захвачен роялистами. Сэра Джона Уинтора, оперировавшего в западной части этой провинции, поддержали в других местах лорд Герберт и Гарри Линджен. Особенно трудно было бороться с прекрасно дисциплинированными и хорошо вооруженными наемными и партизанскими отрядами лорда Герберта, и сторонники парламента отовсюду были вытеснены из Фореста. Не теряя, однако, бодрости духа, сэр Ричард соединил свой отряд с главными парламентскими силами, двинувшимися против регулярных королевских войск. В описываемое время обе армии действовали в Вурстершире, Варвике и Салопе. Они уже вступили в битву при Эджхилле — битву, оставшуюся нерешенною, но в которой с обеих сторон проявлялось столько же стойкой храбрости, сколько и жалкой трусливости.

Не были повинны в трусости лишь отряды сэра Ричарда; напротив, все они проявили чудеса стойкости, и не при одном Эджхилле, но и на других полях сражения. Особенно отличился отряд, находившийся под командой сержанта Роба Уайльда, одно имя которого внушало панический ужас королевским солдатам. Даже блестящая конница принца Руперта старалась по возможности избегать стычки с этим отрядом, хотя превосходила его вдвое одной численностью. Силою обстоятельств Роб со своим отрядом был вынужден войти в состав бристольского гарнизона; это было крайне неприятно свободолюбивым форестерам, всегда стремившимся к простору, но горькая необходимость заставила их покориться.

Вместе с сэром Ричардом и «большим сержантом», как называли в народе Роба Уайльда, очутился и Юстес Тревор, весь душою и телом предавшийся парламенту с того дня, когда он в Холлимиде собственными глазами убедился в неправоте той партии, к которой принадлежал раньше.

Вернемся, однако, к новому бристольскому губернатору.

В описываемый нами вечер 7 марта, то есть всего несколько дней спустя после ареста Эссекса, он собрал в одной из своих приемных в Замке всех старших офицеров, командовавших отдельными частями местного гарнизона. Его предшественник непременно провел бы этот вечер, как и все предыдущие, в веселой компании легкомысленных кавалеров и дам, но Натаниэль Финс был человек серьезный; положительный и всему на свете предпочитал исполнение своих обязанностей, хотя иногда и не совсем верно понимал их.

Но в эту минуту и он не хуже своих офицеров понимал, что дело, которое они защищают, находится в критическом положении. Взятие Сиренстера, сопровождавшееся кровопролитнейшей резней, сдача Малмсбери, Тьюксбери и Дивайзеса, оставление седлейской и берклейской крепостей — все эти тяжелые удары, сыпавшиеся непрерывным рядом, могли всполошить хоть кого.

По всей видимости, победоносные пока роялисты намеревались попытать теперь свои силы на Бристоле. Роялисты особенно зарились на Глостер и Бристоль, как на складочные пункты, обещавшие наибольшую добычу. Кроме того, Бристоль являлся ключом к богатой северной равнине с ее цветущими городами и селами, вплоть до Шрьюсбери, господствовавшим над оживленной торговлей с южным Уэльсом.

Вся ближайшая территория находилась во власти принца Руперта, который во главе своего сильного корпуса беспрепятственно совершал набеги и грабил без всякого стеснения. В послед-

нее время шел слух, что он готовится овладеть и Бристолем путем штурма или осады. Слух этот и понудил губернатора созвать военный совет для решения насущных вопросов обороны города.

Но для Бристоля были страшны не одни внешние враги, — страшнее их были внутренние. Яйцо измены, высиженное при Эссексе, не было болтуном. В нем скрывалась живая сила, которая ждала лишь луча тепла и надежды, лишь руки помощи, чтобы пробить скорлупу и вылететь из своей темницы на свет, готовой на бой, во всеоружии своих острых когтей и смертоносного клюва.

В этот вечер Натаниэль Финс был необыкновенно возбужден, смущенный той неприятной задачей, которую оставил ему в наследство его предшественник. Уныния, однако, в нем не было заметно. Напротив, трудная минута заставила его только собрать всю силу своего духа, и когда совещание уже подходило к концу, он со свойственной ему горячностью воскликнул:

— Прежде чем врагу войти в Бристоль, ему придется перешагнуть через мой труп!

— И через мой! И через мой! — единодушно вторили ему заседающие с ним патриоты.

Голоса их звучали страстной убежденностью, но не все были искренни. Так, например, громче всех кричал о своей преданности отечеству и парламенту полковник Ленгриш, в тиши готовивший измену, которую впоследствии и совершил.

Самым спокойным и сдержанным оказался сэр Ричард Уольвейн. Как человек более дела, нежели слов, он не любил пышных и витиеватых прокламаций. Слова же хотя бы того же Финса вскоре действительно оказались именно только такой прокламацией, потому что впоследствии враг, вступив в город, не перешагнул через тело губернатора, а вошел самым удобным путем — путем открытых перед ним настежь городских ворот. Сдача Бристоля произошла так легко, что не могла не показаться преступною, причем сам бывший стряпчий угодил в тюрьму, куда его посадили не враги, а собственные прежние друзья. Он ходатайствовал о помиловании, и оно было ему оказано, но он должен был навсегда оставить всякую общественную деятельность.

Совещание в Замке уже окончилось, и все собирались разойтись, как вдруг в дверях появился дежурный адъютант и доложил, что пришли какие-то люди, добивающиеся быть немедленно принятыми губернатором по важному делу. Никому другому об этом деле они не желают сказать.

— Что это за люди? — спросил губернатор.

— Не могу знать, ваше превосходительство, — ответил аью-

тант. — Они ожидают за воротами. Известие о них принес мне капрал стражи, который находится здесь у дверей.

— Позовите его сюда.

Через минуту перед губернатором уже стоял навытяжку капрал.

— Что за люди, желающие меня видеть в такой поздний час? — повторил ему свой вопрос Финс.

— Ваше превосходительство, — отвечал капрал, — я знаю только одного из них. Это сержант Уайльд из дин-форестского отряда. С ним пришли двое неизвестных мне: маленький мужчина и очень высокая женщина. У мужчины одна нога деревянная.

— Позвольте мне сказать, полковник, — начал сэр Ричард, привстав со своего места, — мне знакома вся эта компания, судя по описанию капрала. Сержант Уайльд мой подчиненный. Могу ручаться за него, как за самого себя, а также и за тех, с кем он пришел сюда. Эти лица могли прийти сюда только с добрым намерением.

— Ну, в таком случае пусть войдут сюда все трое, — приказал губернатор.

Адъютант и капрал исчезли. Когда двери за ними затворились, Финс стал расспрашивать сэра Ричарда о тех, за которых тот так ручался. Едва успел капитан Уольвейн сообщить губернатору нужные сведения, как адъютант уже привел Роба Уайльда с его спутниками.

Глава XVII

ОТКРЫТЫЙ ЗАГОВОР

Присутствовавшие на совете офицеры стали по обе стороны губернатора и с любопытством смотрели на входившую группу, состоявшую из трех людей, которые, переступив за порог комнаты, выстроились в ряд, причем маленький мужчина пришелся между рослым сержантом и почти такой же высокой женщиной.

— Добрый вечер, сержант, — сказал сэр Ричард, подходя к новоприбывшим и ответив приветливым кивком головы на поклоны разносчиков и на отдание Уайльдом чести по уставу. — Вероятно, вы привели ваших друзей с какою-нибудь жалобой на причиненную им обиду? Быть может, они потерпели от наших солдат или от здешнего населения?

— Нет, полковник, — возразил Роб, — они не из тех, которые любят беспокоить начальство жалобами. Но дело в том,

что они принесли из Глостера весть от полковника Массея, которую должны передать господину губернатору. Они только что вошли в город и попросили меня немедленно привести их сюда с этой вестью.

Глаза присутствующих с еще большим вниманием обратились на спутников сержанта. Весть от полковника Массея, командовавшего в Глостере, да еще в такой критический момент, — это, должно быть, что-нибудь особенно важное.

— Может быть, вашему превосходительству угодно выслушать этих вестников с глазу на глаз? — сказал сэр Ричард, выказывая намерение покинуть залу совещания и подавая этим пример остальным офицерам.

— О нет, зачем же! — воскликнул губернатор. — Я не вижу в этом никакой надобности. Прошу вас всех остаться, господа. В сообщениях полковника Массея мы все одинаково заинтересованы... Так что же поручил вам, добрые друзья мои, передать нам полковник Массей? — обратился он к Джеку и его сестре, пытливо оглядывая их обоих. — Говорите прямо, без стеснения и не таясь.

Слова ободрения были излишни для Джека и Уинифреды; брат и сестра привыкли иметь дело со всякого рода людьми и никого не боялись.

— То, что мне велено передать вашей чести, написано на бумажке, — сказала Уинифреда. — Бумажка у моего брата, и он спрятал ее в надежное место на случай, если бы на нас напали кавалеры, которые рыскают по стране.

— Ну, здесь их нечего опасаться, и брат твой спокойно может достать спрятанную бумагу и передать мне, — заметил губернатор.

Джек прислонился к стене и с помощью сестры отвязал свою деревянную ногу, отвинтил ее верхнюю часть, причем в деревяшке открылось небольшое углубление, из которого и был извлечен свернутый в трубочку листок бумаги.

Развернув врученный ему листок, Финс вслух прочитал следующее:

«Глостер, 7 марта. Руперт с 8000-м отрядом идет на Бристоль. Рассчитывает быть у ваших ворот вскоре же. Советую держать их на запоре. Сожалею, что не могу поспешить к вам на помощь: я сам прижат в стороне Монмаутшира. Бретт и лорд Джон Соммерсет со своим папистским сбродом пересекли Форест и теперь нападают на нас со стороны Хайнема. Но я во всяком случае удержу Глостер, как, надеюсь, и вы удержите Бристоль. Массей».

— Удержу, чего бы мне это ни стоило! — в новом порыве

восторженности вскричал Финс. — До последней капли крови будем защищать этот город, не так ли, джентльмены?

Вопрос этот был покрыт пылкими заявлениями офицеров о своей готовности умереть за Бристоль.

Не успел еще замолкнуть гул голосов, как дверь с шумом отворилась и в залу без всякого доклада поспешно вошел новый офицер, по встревоженному лицу которого было видно, что ему не до церемоний.

— Ваше превосходительство... джентльмены, под нашими ногами мина, готовая взорваться! — с трудом проговорил он, еле переводя дух и дрожащей рукой поправляя на себе сбившуюся при быстрой верховой езде перевязь сабли.

— Стоим на мине?! — повторил изумленный губернатор. — Что вы такое говорите, капитан Бэрч? Я вас не понимаю.

— Среди нас измена... сбор заговорщиков... — почти хрипел Бэрч. — Вооружены... собираются произвести смуту в городе...

— А вам известно, где они собрались? — спросило сразу несколько голосов.

— Частью в доме Роберта Иоменса, а частью у Джорджа Баучера. Почти у ваших дверей я получил предупреждение, что и у Эдуарда Сэкра нечисто.

Если сопоставить это известие с сообщением полковника Масея, то нетрудно было догадаться, что принц Руперт и его тайные сторонники в Бристоле сговорились овладеть городом в эту же ночь. Руперт со своим корпусом наемников должен был напирать извне, между тем как его друзья в городе намеревались устроить побоище в самих стенах и под шумок отворить ему ворота.

Ленгриш, Уитель и двое других из присутствовавших на совещании у губернатора офицеров, также принадлежавших к стражникам Руперта, попытались было дискредитировать донесение Бэрча, но, к счастью, голоса их не были услышаны.

— Арестовать заговорщиков! — решило большинство офицеров с губернатором во главе.

— Слышите, капитан Бэрч? — обратился Финс к офицеру-добровольцу. — Заговорщиков нужно немедленно арестовать. Поручаю это дело вам, как наиболее знакомому с местами сборищ. Возьмите, сколько нужно, своих людей и сделайте все, чего потребуют обстоятельства. В качестве моего представителя посылаю с вами вот этого джентльмена, — заключил он, указывая рукой на своего адъютанта.

Получив еще несколько инструкций, адъютант с капитаном Бэрчем поспешно удалились. Но вслед за ними явился также без доклада и в сильном возбуждении новый офицер-добро-

лец, капитан Джереми Бёк, известный у писателей Реставрации под презрительной кличкой «хлопотливого торгаша». Был ли он «хлопотливым борцом» за правду — это им было вполне доказано в описываемую ночь. Между прочим, он доставил много новых важных сведений о роялистском заговоре, которыми подтверждались и пополнялись предыдущие сообщения.

Ввиду того что в Бристоле очагов измены оказалось более, чем было известно Бэрчу, губернатор уполномочил и капитана Бёка произвести «выемку» заговорщиков в тех местах, которые сделались известными ему помимо Бэрча.

Лишь только Бёк вышел из губернаторской приемной, как на смену ему явился капитан Юстес Тревор, не менее своих предшественников встревоженный и взволнованный.

— Что случилось, Тревор? — встретил сэр Ричард своего подчиненного. — Как могли вы оставить свой пост у ворот, не испросив на то надлежащего разрешения, капитан?

— Извините, полковник, — торопливо проговорил Тревор. — Но время не терпит, и я нашел нужным лично прискакать сюда, чем посылать кого-нибудь. Особенно важно то, что здесь присутствует сам господин губернатор...

— Что же случилось, капитан? — спросил губернатор, вместе с своим штабом внимательно прислушивавшийся к каждому слову нового вестника.

— Стоя на своем посту, я увидел в некотором расстоянии от города подозрительное зарево, происходящее как бы от лагерных костров. Я счел своей обязанностью лично донести об этом по начальству и очень рад, что нашел здесь и высшее начальство в лице вашего превосходительства.

Да, полковник Массей не ошибся. Губернатор со своей свитой поспешил подняться на сторожевую башню Замка. Действительно, со стороны Дёргем-Доуна и вплоть до Кингс-Уэстона весь горизонт освещался желтоватым заревом.

— Разумеется, это бивуачные огни! — вскричал один из старых бывалых офицеров. — В этом нет никакого сомнения.

— Очевидно, так, — подтвердил губернатор. — В свое время мы поблагодарим за предупреждение полковника Массея и остальных верных и преданных сынов родины, не скрывших от нас грозящей нам опасности. Пока капитаны Бэрч и Бёк исполняют данные им поручения об аресте заговорщиков, не будем медлить и мы исполнением наших дальнейших обязанностей.

С этими словами Финс спустился с дозорной башни и вместе с несколькими офицерами отправился обозревать городские укрепления.

Между тем капитан Бэрч уже стучался у дверей дома Ро-

берта Иоменса, требуя впуска. Весь дом был окружен пешими и частью конными солдатами-добровольцами. В случае надобности были бы выломаны двери. Кроме того, Бэрч принял все необходимые меры против возможных вылазок неприятеля и в других местах.

Дом был очень обширный, так как принадлежал одному из местных богачей. По сведениям Бэрча, в этом доме в настоящую минуту было собрано более сорока вооруженных роялистов. Услышав зловеший стук в наружную дверь и еще более зловещие слова: «Отоприте и сдайтесь без сопротивления!» — заговорщики схватились было за оружие и хотели попытаться пробиться силою на улицу. Однако, когда они выглянули из окон и увидели форменную осаду, сердца у них упали. Если они не хотели лечь на месте поголовно, не принеся ни малейшей пользы своему делу, то им действительно не оставалось ничего иного, как сдаться без сопротивления. И они покорно сдались. Ждать пощады им было нельзя. Они знали, что среди добровольцев есть люди, только чудом избежавшие резни, устроенной роялистами в Сирелстере, и те не упустили бы возможности жестоко отомстить за своих злополучных сограждан, погибших в этой резне.

Не зевали Бёк и Тревор, отправленные губернатором «очистить» гнезда заговорщиков, что и было ими исполнено с таким же успехом, как Бэрчем. Все обошлось без кровопролития: роялисты везде сдались, уступая силе противника и сберегая свою жизнь в надежде, быть может, на лучшее будущее.

Нужно сказать правду: не будь неусыпного Бэрча и неумолимо деятельного Бёка, улицы Бристоля в ту ночь наверное были бы орошены потоками крови. После действительно узналось, что принц Руперт, стоя перед городом, с терпением ожидал условленного колокольного сигнала, которым его сообщники в городе хотели дать ему знать, что местный гарнизон перебит ими и ворота открыты. Стоит лишь вступить в Бристоль и взять его.

Но титулованный разбойник так и не дождался желанного сигнала. В городе все оставалось спокойно, а его стены по-прежнему были унижены черными силуэтами людей, оружие которых блесло и сверкало в лучах фонарей. Незадолго до утра лагерные костры, обозначающие стоянку Руперта, угасли, и он во главе своей армии повернулся спиной к богатому портовому и торговому городу, который в заносчивых мечтах уже видел своим.

РАЗНОХАРАКТЕРНАЯ СЕМЬЯ

Неблагоприятно сложившиеся политические события заставили всех наших добрых знакомых собраться в Бристоле, как в наиболее надежном убежище. Пришлось укрыться в нем и мистеру Эмброзу Поуэлю с обеими дочерьми. Его планы укрепления Холлмида и защиты своего поместья с помощью друзей и приверженцев оказались невыполнимыми. Сэр Ричард объявил, что все старания укрепиться в деревянном доме будут напрасны: первая же раскаленная стрела, какая будет пущена неприятелем из специальных метательных снарядов, подожжет строение. Противник же завладевал одним за другим всеми густо населенными и хорошо укрепленными и защищаемыми пунктами в Форестской области. Сила была пока на его стороне. Послушавшись совета сэра Ричарда, мистер Поуэль, скрепя сердце, решился переселиться в Бристоль одновременно с отрядами добровольцев патриотов.

У Эмброза Поуэля была сестра, состоявшая в замужестве за одним богатым плантатором в Вест-Индии. Имя ей было Гвендолина и по мужу она носила фамилию Лаланд. Муж ее, за год до своей смерти, последовавшей незадолго до описываемого нами времени, ликвидировал все свои дела в Вест-Индии и переехал на родину своей жены, где от непривычной праздности и разных излишеств вскоре же заболел и умер, оставив жене и единственной дочери Клариссе огромное состояние.

Клариссе Лаланд было всего восемнадцать лет, и она отличалась необыкновенною, оригинальною красотою. Среди предков ее отца были мулаты, и это сказывалось в бронзовом цвете ее прекрасного лица, в огромных жгучих темных глазах, в особом оттенке густых, курчавых черных волос, с которыми не могла справиться ни одна гребенка, и в ярко-пунцовых полных, чувственных губах.

Избалована была эта единственная дочка богатых родителей донельзя. Прихотям ее и причудам не было конца. Своенравная и страстная натура Клариссы не терпела никаких противодействий своей воле и не знала никакого удержу. Воспитанная в атмосфере рабства и лести, она, естественно, могла сочувствовать только монархизму, казавшемуся ей олицетворением всех ее идеалов — величия, пышности, изящества и красоты. От демократов она с отвращением и почти с ужасом отвертывалась.

Хуже всего было то, что и мать стала разделять вкусы дочери. Мистер Поуэль совсем не узнавал в сестре свою преж-

нюю любимицу, скромную провинциальную девушку, которая раньше всегда так горячо входила в его интересы и разделяла все его взгляды и убеждения. Он много лет с нею совсем не видался и был неприятно поражен происшедшей с ней за морем переменой. Между тем судьба, как нарочно, заставила его искать гостеприимства именно у этой сестры.

Гвендолина Лаланд была в высшей степени гостеприимна. Постоянно устраивая званые обеды, вечера, балы и тому подобные собрания с великолепными угощениями и разного рода увеселениями, она, в сущности, только продолжала то, что началось по желанию ее покойного мужа. Центром этих собраний, на которых присутствовала вся местная знать — аристократическая и денешная, служила, разумеется, Кларисса. За нею увивались все мужчины, свободные от брачных уз. В числе ее поклонников одно время состоял и веселый полковник Эссекс, завсегдатай всех пышных обедов, балов и пикников. Мать и дочь, видимо, благоволити ему, потому что он был сын лорда и в один прекрасный день сам смог сделаться лордом. Но когда Эссекс был уличен в измене и посажен в тюрьму, надежды его и Лаландов рассеялись, как дым.

Однако и после исчезновения Эссекса из дома радушной вдовы последняя продолжала прежний образ жизни. Не проходило почти ни одного дня, чтобы в этом доме не было многолюдного веселого сборища. Хотя город и находился в полуосажденном положении, но это нисколько не отражалось на богатом доме, где думали только о забавах, развлечениях и дорожных яствах.

Из семьи Эмброза Поуэля всех ближе подходила к Гвендолине и Клариссе Лаландам жизнерадостная Вега, но и ее смущали их чересчур уж свободные манеры и склонности. Сам же мистер Поуэль и его старшая дочь Сабрина являлись полной противоположностью своих родственниц и чувствовали себя крайне неуютно в их гостеприимном доме. Не раз пожалел мистер Поуэль о том, что не поселился в Глостере вместо Бристоля. Ему хотелось бы исправить эту ошибку, но это было очень рискованно, потому что дороги между обоими городами с каждым днем становились все более и более опасными, и он поневоле мирился с необходимостью переждать в доме сестры дни смуты и тревоги.

Гражданская война шла с переменным счастьем. Открытие заговора 7 марта и арест всех заговорщиков дали временный перевес патриотам. Принц Руперт отошел от Бристоля. Был избавлен от непосредственной опасности и город Глостер, которому угрожали отряды лорда Герберта, надвигавшиеся со сто-

роны Монмаутшира. Это было сделано сэром Вильямом Уоллером, известным под двумя прозвищами: «Вильяма Победителя» — за совершенный им ряд блестящих подвигов, и «Ночной Птицы» — за его пристрастие к ночным экспедициям.

Разбив наголову часть партизанских войск лорда Герберта, наседавших на Глостер, он выгнал из Динского леса королевские войска, находившиеся под предводительством принца Мориса, после чего направился в Гирфордшир и занял главный город этого графства, оставленный слабым и бездеятельным парламентарием Стамфордом. Захватив там в плен целую банду роялистов, Уоллер вернулся к Глостеру, а оттуда направился к Бристолю.

Уоллер не любил нигде засиживаться. Сдав Финсу своих пленников, состоявших преимущественно из самого цвета гирфордширского дворянства, он полетел в Соммерсетшир, чтобы помериться силами с принцем Морисом и маркизом Гертфордом.

Население Бристоля могло свободно вздохнуть. Внутренняя измена была подавлена в тот самый момент, когда она надеялась на успех. Главари заговора 7 марта были приговорены к смерти и вскоре же казнены. Среди судей не нашлось ни одного голоса, который решился бы ходатайствовать о смягчении их участи.

Эти главари — Иоменс и Баучер — имели повсюду большие связи, и за них многие хлопотали, но безуспешно. Сам король попробовал было пустить в ход все свое еще остававшееся у него влияние, чтобы их спасти. Он предлагал в обмен за них всех пленных, захваченных его сподвижниками в Сиренстере, но не помогло и это. Юрист Финс на это предложение, сделанное ему одним из приближенных короля, очень находчиво ответил:

— Люди, которых мы судили и осудили, — не воины, а шпионы и заговорщики. Ваши же пленники, взятые в Сиренстере, бились с оружием в руках. Это большая разница. На предложенный вами обмен мы согласиться не можем, и я предупреждаю вас, что за каждого сиренстерского пленника мы повесим целый десяток ваших длинноволосых кавалеров. Прошу вас это запомнить.

Королевская партия знала, что Финс шутить не любит и привык свои слова подкреплять делом. Новых попыток спасти Иоменса и Баучера больше не делалось, и сиренстерские пленные не были казнены.

Но король действовал так вовсе не из сострадания и жалости, а просто по расчету. В руках парламентариев находились роялисты, настолько важные по своему роду, положению и состоянию, что король боялся подвергнуть риску их жизнь. У этих роялистов были еще более сильные связи, чем у Иоменса и

Баучера, так что можно было опасаться, как бы они не обратились против самого короля в случае, если бы по его упорству угроза Финса была приведена в исполнение. Зато королевский провост-маршал¹ Смитс впоследствии отомстил сиренстерцам, находившимся в заключении в Оксфорде, тем, что в тиши заморил их всякими лишениями и жестоким обращением.

До последней минуты своей жизни Иоменс и Баучер, эти «государственные мученики», как называют их роялистские писатели, не переставали кричать о своей невинности, но им никто не верил. Очевидность доказывала, что они собирались пролить кровь своих ничего не подозревавших сограждан. Недаром же при аресте они оказались вооруженными вместе с остальными заговорщиками. Кроме того, судебным следствием было установлено, что они собирались впустить в Бристоль принца Руперта с его разбойничьей шайкой, а это значило бы обречь город на разграбление, мирных граждан — на убой, а женщин — на позор. Только по опубликовании следственных актов бристольцы смогли понять ту страшную опасность, которой они подвергались в ночь 7 марта и от которой они были спасены почти чудом.

Между тем госпожа Лаланд собирала вокруг себя и своей прелестной дочери не одних приверженцев короля, но и сторонников парламента. Разумеется, она охотно допускала в свой избранный круг только таких лиц из противоположной партии, которые своим происхождением и манерами не шли вразрез с этим кругом. Таких лиц среди парламентариев было еще довольно много, так как партия чистых патриотов лишь впоследствии приняла специальную окраску.

Среди других приверженцев парламента в доме вдовы Лаланд появлялись и сэр Ричард Уольвейн и его юный приятель Юстес Тревор. Одного из них даже встречали там особенно радушно по причинам, которые выяснятся потом. Появление этих лиц несколько смягчало горечь мистера Поуэля, сильно страдавшего в той шумной толчее, которая составляла главное условие существования его сестры.

Сэру Ричарду часто приходилось отлучаться из города в погоне за роялистами. В последнее время он имел много дела с отрядами принца Мориса, которые старались пройти обходом в Соммерсетшир, чтобы присоединиться к отрядам Гертфорда. Сэр Ричард не давал покоя противнику и преследовал его как тень. При каждой стычке он наносил ему чувствительное поражение и разбивал все его планы. После одной блестящей экс-

¹ Главный надсмотрщик за арестантами, тюремный староста.

педиции он вернулся в Бристоль в одни ворота, между тем как из других выступал Уоллер, который явился в этот город с целью взять под свои знамена лучшую часть тамошнего гарнизона. Так как «Победитель» был снабжен большими полномочиями, то губернатор не мог противиться этому, хотя ему и было очень досадно лишиться части своих лучших защитников.

Через несколько дней после своего возвращения сэр Ричард получил приглашение на бал, который устраивала мадам Лаланд. Такое же приглашение было получено и Юстесом Тревором. Выходило так, что будто она давала бал только в честь этих лиц, что очень удивило и даже раздражило многих роялистов, также приглашенных на этот бал. Вид Юстеса Тревора раздражал их в особенности. Они считали юношу низким ренегатом, покинувшим своего короля в критический момент. Как могла сделать это мадам Лаланд, когда тела злополучных «государственных мучеников» еще не успели остыть в могиле? Нашлись и такие, которые объясняли это тем, что мадам Лаланд заискивает у «восходящих светил». Некоторые успехи, выпавшие в последнее время на долю приверженцев парламента, многих заставляли верить в их полную победу в недалеком будущем.

Не это ли имела в виду и Гвендолина Лаланд?

Но такое предположение было неверно. На приглашении «новых светил» настояла Кларисса по причинам, известным только ей. Своенравная девушка не привыкла давать отчет в своих поступках никому, даже матери, которая, напротив, сама находилась под ее влиянием. Что будут говорить о ней другие, Кларисса совсем не заботилась, лишь бы она могла настоять на своем. Она знала, что хороша, знала, что умеет танцевать, как баядерка, хотела веселиться и блистать в обществе, хотела любить и быть любимой, а до всего остального ей и горя было мало.

В Бристоле было много дворян всех сортов: и среди коренных жителей, и среди временно искавших в нем убежище, вроде мистера Поуэля с дочерьми, и среди приведенных насильно в его стены в качестве пленников. Мадам Лаланд было из кого выбирать своих гостей. Число разосланных ею на этот раз приглашений было очень велико. Почти все приглашенные явились на ее любезный зов, и в назначенный час вечера великолепные гостиные и залы Монсерат-Хауза стали наполняться именитою публикою, состоявшею не из одних длинноволосых или коротко остриженных дворян, но и из представителей местного крупного купечества. При новом губернаторе балы в Бристоле были редкостью, и золотая молодежь с жадностью ловила каждую возможность повеселиться и пофлиртовать. Этой молодежи и было

особенно много. Но были люди и пожилые, для которых также было довольно приманок в доме мадам Лаланд в виде лакомого угощения, интересных бесед и новых знакомств.

Всех собравшихся было не менее двухсот человек обоего пола. Бал обещал быть тем более интересным, что приглашенным предоставлялось право быть в каком угодно костюме и даже в масках. Разнообразие костюмов оказалось поразительное. Большинство дам было в масках, по крайней мере в начале бала, во время же танцев почти все маски очутились на полу, открыв лица такой красоты, которую было прямо грешно скрывать.

Однако знатоки утверждали, что всех прелестнее были хозяйская дочь и ее две кузины, Сабрина и Вега Поуэль, которые и помогали мадам Лаланд принимать гостей. И действительно, эти три девушки совершенно различных типов были так ослепительно хороши, каждая в своем роде, что сам Париж признал бы за ними пальму первенства.

На бале оказался и Реджинальд Тревор, явившийся после своего кузена Юстеса, который сопровождал сэру Ричарду. Реджинальд и Юстес Треворы не виделись друг с другом довольно долго, именно с того дня, когда они неожиданно столкнулись в Холлимиде. Реджинальд участвовал с монмаутсширскими отрядами лорда Герберта в балаганной осаде Глостера, так быстро прекращенной Уоллером, который забрал его в плен и препроводил в Бристоль. Кстати сказать, во время сражения при Эджхилле попал в плен и полковник Ленсфорд, не постыдившийся громко крикнуть «Пощадите!», когда этого храбреца со всех сторон окружил неприятель. Пленника поместили в Варвик-Кэсле.

Находясь в Бристоле уже несколько недель, Реджинальд Тревор знал, что его кузен состоит в капитанском чине под начальством сэра Ричарда и вместе с ним сражается против роялистов, стремившихся овладеть одним из крупных торговых центров между реками Авоном и Северной. И вдруг старший кузен видит Юстеса в одной с ним гостиной! Эта новая встреча была для него очень неприятна. Ведь Юстес был из числа тех, которые взяли его в плен, и, кроме того, это был тот самый человек, которому он, Реджинальд, угрожал не давать пощады в случае встречи с ним на поле битвы. Все это углубило в мыслях Реджинальда ту пропасть, которая легла между ним и его кузеном еще в Холлимиде.

Но Юстес смотрел на это совсем иначе. Он со своим простодушием не чувствовал к Реджинальду никакой вражды и видел в нем лишь политического противника, с которым при встречах на нейтральной почве всегда был готов обмениваться

крепким рукопожатием. Он искренне обрадовался, когда увидел в этом мирном собрании и Реджинальда. Полный самых добрых чувств, он подошел было к брату с протянутой рукой. Но вместо ожидаемой им трогательной сцены примирения вышло нечто совершенно другое, заставившее его очнуться от своих прекрасных мечтаний. Произошел обмен слов, хотя и коротких, но острых и режущих, как боевые мечи.

— Так ты исполнил-таки свое безумное решение? — бросил ему Реджинальд резким тоном.

— Какое решение? — с искренним удивлением спросил Юстес.

— А, ты еще спрашиваешь?! Притворяешься непонимающим? — продолжал Реджинальд. — Ты изменил своему государю и родному отцу!

— Зато не изменил своей совести, — с достоинством возразил Юстес, начиная понимать свою ошибку в оценке истинного характера и настроения кузена. — Бог и совесть для меня выше короля и даже выше моей привязанности к отцу, как бы сильна она ни была.

— Вижу, вижу, ха-ха-ха! — злобно смеялся Реджинальд. — Продолжай, как начал. Пока еще твои стриженные головы берут кое-где верх. Но скоро, — скорее, чем вы можете вообразить, — все перевернется иначе. Радуйся, Юстес, что тебя не было среди тех, которым удалось добраться до меня при Хайнеме. Я успел уложить там около десятка бунтовщиков. Если бы и ты находился среди них, несдобровать бы и тебе.

Сделав над собою усилие, Юстес старался придать этой беседе вид шутки и с легким смехом произнес:

— Нет, Редж, если бы мы с тобой встретились там, то тебя сейчас, пожалуй, здесь бы не было.

Бросив это замечание, он поспешил отойти от кузена.

Глава XIX

В КОГТЯХ РЕВНОСТИ

В эту ночь двоюродные братья более не вступали в беседу. Когда они случайно сталкивались, то делали такой равнодушный вид, точно не были даже знакомы. Новых попыток к примирению Юстес не делал и жалел о сделанной уже им.

Реджинальд также не думал о примирении. Чувство более сильное и глубокое, чем оскорбленная преданность королю, за-

ставляло его относиться к Юстесу, как к своему злейшему врагу. Чувство это было ревностью, которая впервые заползла в сердце Реджинальда при последней встрече с кузеном в Холлимиде и с тех пор успела превратиться во всепожирающую страсть. Он был уверен, что Юстес вытеснил его образ из сердца Веги, и не поверил бы никому, кто стал бы доказывать ему, что Вега и до знакомства с Юстесом ни одной минуты не интересовалась им, Реджинальдом.

Каковы бы ни были политические разногласия между остальной массой гостей в Монсерат-Хаузе, наружу они пока не прорывались. Роялисты и круглоголовые сходились группами или по одному из каждой партии и мирно между собою беседовали, шутили, смеялись как ни в чем не бывало. Офицеры, уже сталкивавшиеся на полях битвы и старавшиеся там отнять друг у друга жизнь, здесь встречались, как добрые друзья, и старались шутить над изменившимися условиями встречи. А когда начались танцы, то не одну яркую роялистку можно было увидеть несущуюся по паркету чуть не в объятиях какого-нибудь усерднейшего сторонника парламента, даже и носившего его мундир, или самого пламенного роялиста в паре с прелестной парламентаристкой. Впрочем, большинство молодежи совсем не интересовалось политикой и со всем пылом беззаботной юности предавалось лишь наслаждению прекрасным моментом веселья. Серьезные дела молодежь предоставляла старшим.

Сабрина Поуэль танцевала почти исключительно с одним сэром Ричардом Уольвейном, с которым ей было о чем поговорить; они были уже женихом и невестой. Что же касается ее младшей сестры, то, будучи страстной поклонницей Терпсихоры, она готова была кружиться под задорные звуки музыки хоть со всеми танцорами. Она так и перелетала из рук в руки, не отказывая ни одному из многочисленных кавалеров, искавших чести и удовольствия потанцевать с такою красавицей.

Поведение Веги не нравилось Клариссе. Хотя она тоже не имела отбоя от кавалеров, но не желала, чтобы какая-нибудь другая дама, в особенности ее собственная кузина, на которую она смотрела, как на деревенскую простушку, могла поспорить с ней в чем-либо; избалованная дочка госпожи Лаланд привыкла царить в городском обществе и не выносила соперничества. Но всего досаднее было то, что Вега осмелилась соперничать с нею еще и в любви к Юстесу Тревору; этого уж не могла бы стерпеть и всякая другая женщина, даже и не одаренная таким бурным темпераментом, как Кларисса Лаланд. Поэтому можно себе представить, что творилось в душе и сердце этой взбалмошной полумулатки!

Распорядительницей бала была сама Кларисса. Она составила программу музыки и танцев; управляла и подбором пар, назначая, кому с кем, в каком танце и сколько времени участвовать. Сама же она старалась иметь своим постоянным кавалером Юстеса Тревора, не обращая внимания на то, что это возбуждало насмешливые толки. Такое явное предпочтение хозяйской дочерью «ренегата» перед всеми другими кавалерами побуждало некоторых роялистов высказывать предположение, что благосклонность Гвендолины Лаланд к парламентариям основана именно на благосклонности Клариссы к «ренегату».

Со своей стороны и Вега терзалась муками любви и ревности. Давно ли прошли те дни, когда она так пренебрежительно толковала с сестрой о любви, а теперь вот и сама очутилась во власти этого чувства, казавшегося ей тогда таким непонятным и бессмысленным. И как нарочно, казалось, что на ее долю выпали одни шипы этой загадочной розы, именуемой любовью, то есть одни терзания ревностью. Ведь уверенности во взаимности Юстеса она не имела. Положим, в ту минуту, когда он на соколиной охоте променял свои великолепные страусовые перья на хвост убитой ее соколом цапли, у нее была основательная надежда услышать из его уст признание в любви, но надвинувшиеся вслед за тем события помешали этому. С тех пор не было больше ни одного свидания с глазу на глаз, поэтому девушка так и оставалась в неведении относительно настоящих чувств ее избранника. Но она была верна своему слову. Никакая сила не могла бы заставить ее разлюбить Юстеса; даже уверенность в том, что он уже не любит ее, да никогда и не любил. Но страдала и мучилась она невыразимо, и лишь одурманивающая атмосфера бального угара давала ей возможность удерживать в этот вечер свое душевное равновесие.

Между тем Юстес по каким-то тайным соображениям казался весь поглощенным Клариссой, которая употребляла всевозможные уловки, чтобы он почти не отходил от нее. И то, что так заставляло страдать Вегу, приносило радость не Клариссе, но еще одному лицу — Реджинальду Тревору. С одной стороны, он считал ухаживание своего кузена за хозяйской дочерью искренним, а с другой — он, привычный сердцеед, воображавший, что и Вега не могла избежать влияния его всепокоряющего обаяния, был убежден, что если этот пряничный херувимчик Юстес не вертится больше возле нее, то, значит, она его любезностей не поощряла и, стало быть, таит нежное чувство к другому, то есть к нему самому, Реджинальду. И это было для него большим утешением в его остальных горестях.

В Монсерат-Хауз его, собственно, и привела только безум-

ная надежда на то, что он там вновь увидит предмет своей страсти и объяснится с ним. Что же другое могло привести его туда? Не соблазны же бала или изысканного ужина? Он любил Вегу, как никогда никого не любил, и судорожно цеплялся за надежду, что и Вега должна полюбить его. Девушку могла бы заставить разочароваться в нем только обида, причиненная им отцу. Но ведь он нанес эту обиду не по собственному побуждению, а под давлением долга службы, по приказу свыше. Во всяком случае она могла бы забыть или простить ему это. Любовь всегда все прощает. Надо было только услышать подтверждение этого от самой Вегги. Вот почему он и явился на бал.

Случай для объяснения с Вегою не замедлил представиться. Хозяйка дома за своими племянницами не присматривала; она вся была поглощена заботою о своей ненаглядной дочке; мистер Поуэль на балу не присутствовал, потому что вообще никогда не участвовал в увеселениях этого дома, где жил лишь временно и поневоле. Дочерям же своим он не запрещал пользоваться удовольствиями, свойственными их возрасту, и считал их достаточно благоразумными, чтобы не нуждаться в присмотре.

Сестры стояли отдельно, когда к ним приблизился Реджинальд. На его учтивый поклон они обе приветливо ответили и без всякой натянутости вступили с ним в разговор. Они слышали, что он, хотя и сражался за начала, которым они, разделяя политические убеждения своего отца, не сочувствовали, но проявлял истинную храбрость и стойкость. За эти свойства женщины всегда склонны многое простить мужчине. Да к тому же он ведь теперь был человеком побежденным, несчастным пленником, а это вызывало к нему сострадание благородных сердец. Такие сердца были у обеих сестер, и они теперь еще раз доказывали это.

Немного поговорив с «несчастливым пленником» о событиях последнего времени, Сабрина оставила его одного с сестрой, чтобы не мешать им. Она научилась понимать Вегу и знала, что смело может предоставить ее самой себе.

— Я думаю, вы уже забыли меня, мисс Вега? — начал Реджинальд, лишь только Сабрина ушла от них.

— Напрасно вы, капитан Тревор, полагаете, что у меня такая короткая память, — с милой улыбкой ответила девушка. — Почему вы предположили, что я уже забыла вас?

— Потому что с тех пор, как мы виделись в последний раз, случилось так много нового, произошло такие события и вам пришлось встретить столько новых людей, гораздо интереснее меня, — мог ли я надеяться, что вы не забудете меня?

Он говорил с видом скромности, почти смирения, без тени

прежнего фатовства. Это еще более затрагивало в сердце молодой девушки струну сострадания.

— Ничто не может заставить меня забыть друга, каким вы были для нас и каким, наверное, остались бы, если бы не роковые обстоятельства, которые превратили стольких друзей во врагов, — поспешила девушка успокоить «бедного» пленника, своим смиренным видом точно умолявшего об участии.

— Никто больше меня не жалеет об этих обстоятельствах, и по очень веской причине.

Реджинальд и в самом деле имел «вескую» причину огорчаться оборотом тех событий, в которых и он был действующим лицом. Хотя он и был пленником лишь на честное слово и не содержался ни в каком заключении, но все время находился под страхом, что его схватят и отведут в крепость, откуда была одна дорога — на место казни. Король не переставал осыпать «изменников» разными угрозами, и если бы ему удалось привести их в исполнение, то в ответ на это и сторонники парламента не пощадили бы пленников из королевской партии, и Реджинальд мог бы пасть одною из первых жертв их справедливой мести.

Но не это пугало Реджинальда. Была надежда на то, что будет произведен обмен пленных. Тогда Реджинальд мог со временем иначе пристроить свою шпагу и снова поправить свою карьеру. Вега же думала, что «бедный» пленник горюет только о потере свободы и опасается за свою будущность, поэтому и продолжала в прежнем приветливом тоне:

— Да, вас постигло большое несчастье, капитан Тревор, и я от всей души жалею вас. Особенно грустно мне то, что вы пострадали за неправо дело.

— О, благодарю вас! — воскликнул он, обрадованный и ободренный добротой девушки, не вслушавшись в ее последние слова. — Но я говорю не о своем поражении. Эту участь испытал не я один, и я знаю, что она постигла меня не по моей вине. Нет, это гражданская война мучит меня тем, что из-за нее я лишился многих прежних друзей, и в особенности, — добавил он пониженным голосом, — меня терзает боязнь лишиться вашей дружбы.

— Но мы к вам нисколько и не переменились, мистер Тревор, — уверяла его мягкосердечная девушка. — Действительно, одно время и отец и все мы были очень раздосадованы вашими действиями против отца. Но потом мы рассудили, что вы были лишь исполнителем чужой воли и поступить иначе не могли.

— Вы поняли это правильно, как я, впрочем, и ожидал, — продолжал молодой человек, все более и более увлекаясь и под-

даваясь своим иллюзиям. — Действительно, никогда ни одно служебное поручение не было мне так противно и так мало согласовалось с моей личной волей, как то, которое разлучило меня... с вами! — решительно выпалил он, немного замаявшись было перед этими смелыми словами.

Сильно смущенная этой неожиданностью, Вега отступила на шаг и даже отвернулась, не найдясь сразу, что ответить. Он этого не понял и принял за особый поощрительный маневр со стороны девушки, а поэтому и продолжал страстным шепотом свои излияния:

— Да, мисс Вега, только об одном этом я сожалел и скорбел за все это бесконечно долгое время. Сколько служебных ночей провел я в неотступных думах о вас... Впрочем, когда служба и не обязывала меня бодрствовать, мои ночи все равно оставались бессонными из-за вас!

— Не понимаю, сэр, — попробовала отделаться шуткою Вега, — причем я в вашей бессоннице?

Но эта притворная шутка вдруг напомнила Реджинальду, что в сущности девушка никогда не давала ему прямого повода говорить ей такие вещи, какие он сейчас говорил.

— Ах, — разочарованно произнес он, — если вам это непонятно, то мне нечего больше и объяснять... А я так надеялся, что вы поймете меня!

Но она отлично понимала его в эту минуту и даже была не прочь немножко поддержать его надежды: в ней заговорила ревность. Девушка заметила, как Кларисса повисла на руке Юстеса Тревора и без всякого стеснения обдавала его самыми жгучими взглядами и томными улыбками, на которые, казалось, он отвечал тем же. Пара эта готовилась начать новый танец. Зрелище, причинявшее Веге боль, как от острой пытки, и послужило на пользу Реджинальду. Когда он несмело, не надеясь на успех, попросил ее протанцевать и с ним несколько туров, она, к его удивлению, приняла это предложение. Этим девушка снова сбила его с толку. Он не догадывался, что это служит для нее лишь прикрытием в ревливой игре.

Начался контрданс — тот самый испанский танец, который через Францию проник в Англию, предшествуя котильону, кадрили и другим подобным «квадратным» танцам.

Пар образовалось столько, что часть их решила перенестись в сад. Музыка помещалась так, что была одинаково слышна и в доме и в саду. Двери и окна одной из зал выходили на обширную террасу, перед которой расстилалась большая площадка для игр на открытом воздухе. Эта площадка была так хорошо утрамбована, что на ней так же легко было танцевать, как на

паркете. Терраса и окружающие ее деревья были обвиты гирляндами пылающих разноцветных фонарей и шкаликов, а воздух был напоен смешанным ароматом цветов, в изобилии росших на садовых куртинах. Кларисса пожелала танцевать именно здесь, в этой чудной обстановке природы, в теплую летнюю ночь, где девушка чувствовала себя точно на родине, среди пальм и огромных светляков.

В ее больших темных глазах восточного разреза светилось удовольствие, словно она и в самом деле была перенесена в родную страну. Но в действительности Кларисса совсем и не думала о ней в эту минуту. Причина ее хорошего настроения была иная. Девушка и не скрывала этого. Одаренная чисто тропической страстностью и никогда не встречавшая противодействий, она не привыкла ничего утаивать. Чего хотела, того открыто и домогалась. Вот сейчас задумала покорить сердце Юстеса Тревора и добивалась этого напрямик. Казалось, она и на этот раз достигает своей цели. Молодой кавалер один танец уже протанцевал с нею, а теперь готовился пройтись с нею и в контрдансе. По всей видимости, он был совсем очарован своей дамою: внимательно слушал ее болтовню, оживленно отвечал ей, всецело разделял ее радости, — словом, всячески способствовал ее торжеству.

Все это так казалось и Веге и доводило ее ревность до высшей точки кипения. Но ревность, это зеленоглазое чудовище, обладает свойством все преувеличивать и искажать, а потому бедная Вега совсем неверно истолковывала то, что видела. Беспристрастный наблюдатель, умеющий верно читать на лицах, во взглядах и движениях людей, подметил бы, что Юстес Тревор только притворялся заинтересованным Клариссою Лаланд, в действительности же был бы очень рад избавиться от нее. Дело было в том, что он также страдал всеми муками ревности, потому что видел рядом с Вегою своего кузена. Юноша знал, что Реджинальд раньше его был знаком с домом Поузлей, и когда сам он, Юстес, был введен в этот дом, то, как он теперь припоминал, тамошняя домашняя челядь перешептывалась о том, что между младшей хозяйской дочерью и статным новоприезжим офицером, Реджинальдом Тревором, завязывается нечто большее, чем обыкновенная дружба.

Действительно ли это было так? Не возобновляются ли теперь на его глазах прежние отношения, временно прервавшиеся по причине возникшей политической смуты, выбившей из привычной колеи всю страну? Юстес с тоскою задавал себе эти вопросы и мучился ревностью. Ведь и он верил тому, что так искусно разыгрывалось при нем, но он не знал, что Вега вовсе

не была такою простушкою, какою могла казаться на первый взгляд. Она отлично умела кокетничать не хуже любой великосветской львицы...

Удивительно, как были перепутаны сердечные дела квартета: Реджинальд — Вега и Юстес — Кларисса. Двое мужчин любили одну и ту же женщину, две женщины любили одного и того же мужчину; двое же из этого квартета не были любимы теми, которых любили сами, и что было всего страшнее, именно эти нелюбимые предметами своего избрания ликовали и торжествовали воображаемую победу, между тем как любимые терзались всеми муками отвергнутой любви!

Печальное недоразумение между молодыми людьми продолжалось в течение всего танцевального вечера. Один танец сменялся другим, но ни в одном из них Юстес Тревор не был кавалером Веги. Вина была не его, хотя и могло казаться, что виноват именно он. На первый танец с Клариссою не он выбрал ее, но был выбран ею, то же самое вышло и во второй. Оттанцевав с хозяйской дочерью как бы по обязанности, от которой неудобно уклониться, он хотел подойти к Веге и пригласить ее на составлявшийся контрданс. Однако неотступно следившая за ним Кларисса перехватила его опять.

— Ах, капитан Тревор, как вы хорошо танцуете! Совсем по-другому, чем прочие наши кавалеры, — сказала она ему полупокровительственно-полувызывающе.

Не дав молодому человеку оправиться от смущения, в которое вверг его этот слишком прозрачный комплимент, Кларисса стремительно продолжала:

— Надеюсь, и вы настолько довольны моей манерой танцевать, что пригласите меня и на контрданс? Не правда ли?

В устах каждой чопорной англичанки такие слова были бы явным бесстыдством и, наверное, получили бы должный отпор даже от такого вежливого кавалера, каким был Юстес Тревор. Но к пылкой, воспитанной в совершенно иных условиях и донельзя избалованной креолке следовало быть снисходительным. Поэтому Юстес с вынужденной галантностью ответил:

— С большим удовольствием. Весь к вашим услугам, мисс.

Восхищенная Кларисса, не сомневавшаяся в его искренности, поспешно подхватила его под руку и увлекла в сад. Увидев это, охваченная ревностью Вега взяла себе кавалером Реджинальда Тревора, сходя с ума по его двоюродном брате, которого она считала навеки погибшим для себя. Конечно, этой несносной кокетке Клариссе удалось влюбить его в себя по уши! Это ясно, как божий день. Иначе неужели бы он не нашел случая подойти к ней, Веге, чтобы сказать хоть одно любезное слово?

Окончив второй танец с креолкой, Юстес кое-как отделался от своей чересчур навязчивой дамы и стал отыскивать Вегу, надеясь хоть теперь наконец перемолвиться с нею парюю слов. Но, к его отчаянию, она оказалась все еще в компании со своим кавалером по контрдансу и, по-видимому, была очень довольна им. Казалось, что Вега и Реджинальд только друг для друга и существуют на свете.

Увидев идущего к ним Юстеса, Реджинальд, стоявший перед своей отдыхающей под деревом дамою, немного отступил назад и остановился в позе холодной напряженности, с блеском торжества в глазах и тенью насмешливой улыбки на губах. Двоюродные братья не обменялись ни словом, ни взглядом. Кто их не знал, тот мог подумать, что они совсем незнакомы. Поклонившись Веге, Юстес несмело спросил ее:

— Могу я просить вас на танец со мною, мисс Вега?

В другое время он отнесся бы к ней иначе и сказал бы: «Милая мисс Вега» или прямо: «Милая Вега», но в эту минуту она не казалась желающей быть «милой» для него.

— Извините, я уже ангажирована, — пренебрежительно ответила девушка и отвернулась.

Юстес понял, кем она снова ангажирована, и, с трудом скрывая свое огорчение, отвесил новый поклон, церемоннее первого, и поспешил скрыться в толпе.

В течение этого вечера пропасть между Юстесом Тревором и Вегою Поуэль все более расширялась и углублялась. Условия танцев часто заставляли их сталкиваться, но молодые люди старались даже не глядеть друг на друга; а когда их взгляды нечаянно встречались, то лишь вскользь и с таким выражением, словно каждый из взглянувших чувствовал себя в чем-то виноватым перед другим. Но украдкой они все-таки очень внимательно следили друг за другом, и жало ревности все острее и глубже вонзалось в их истерзанные сердца.

Кларисса и Реджинальд, наоборот, находились в полнейшем упоении. Между ними было много общего. Одинаково тщеславные креолка и ее кавалер умели производить известное обаяние на особ противоположного себе пола, которым желали нравиться. Реджинальд все же был красивым и видным мужчиною того воинственного типа, который так привлекателен для большинства женщин. Он и в самом деле всегда был женским баловнем, поэтому не удивительно, что он почти не сомневался в расположении к себе и Веги. Если одно время он и поддавался было сомнению, то поведение Веги по отношению к нему вернуло ему его прежнюю самоуверенность и он торжествовал теперь победу.

В таком же состоянии блаженной уверенности в победе на-

ходила и Кларисса Лаланд. Когда она гостила в Холлимиде, перед тем как Поуэли были вынуждены переселиться в Бристоль, она слышала о том, что там провел три недели и Юстес Тревор, слышала и о его внезапном обращении из роялиста в парламентария и чутьем угадала причину этого обращения. Однако при ближайшем наблюдении она не открыла ничего, подтверждающего ее догадку. Юстес хотя и продолжал посещать Холлимид, но всегда в сопровождении своего непосредственного начальника сэра Ричарда Уольвейна. Беседовать с Вегою ему приходилось постоянно под наблюдением остальных присутствующих, между прочим, и самой Клариссы, когда та одновременно с ним бывала у своих форестских родственников. Правда, без нее Юстес с Вегою, быть может, и встречались наедине, но никакой особенной близости между ними не было заметно.

Разумеется, блестящая красота Веги, отрицать которую Кларисса не могла, давала повод подозревать, что редкий мужчина окажется в состоянии пройти мимо равнодушно. Но разве она сама, Кларисса, не была в полном смысле красавицей, и даже еще более бросающейся в глаза, чем Вега, как ее уверяли льстивые языки и зеркало? И разве она не обладает всей силою очарования? Нет, не «бледной» красоте форестской кузины спорить с нею, жгучею креолкою! Юстес должен любить ее, одну ее, Клариссу! А что он иногда украдкой так странно поглядывает на даму своего кузена, то это ничего не значит; быть может, она нравится ему в качестве будущей жены его двоюродного брата.

Таким образом, в то время как одна пара мучилась воображаемыми горестями, другая ликовала, предаваясь таким же воображаемым радостям.

Глава XX

РАСКРЫТИЕ ИГРЫ

Бал завершался танцем-соло. Этот вид танцев плохо прививался в Европе, пока его не одобрила французская королева. Пример королевы заразительно подействовал сначала на близкие ко двору круги, потом понемногу начал распространяться и по всей Франции, но еще мало был знаком в Англии. Кларисса Лаланд вздумала доставить своим гостям особенный сюрприз, показав им в первый раз танец-соло, заимствованный у туземцев Антильских островов. Время для этого танца было выбрано после ужина, когда возбуждение выпитым вином должно было

придать этому чересчур смелому танцу особенную привлекательность в глазах публики. Положим, Кларисса заботилась только об одном лице из публики, но ведь приходилось немного считаться и с другими.

Танец-соло, введенный Клариссою в свою программу, — собственно говоря, в финале этой программы, — изображал индейскую девушку, собирающую цветы. В качестве этой девушки выступала, разумеется, сама затейница танца. Начала она с тихих, медленных движений, сопровождаемых соответствующей пантомимой. Вокруг нее воображаемые цветы. Она идет по лесной тропинке и подходит то к одному цветку, то к другому, но не срывает ни одного. Остановившись на мгновение перед каким-нибудь цветком, она вдруг отпрыгивает от него и перепархивает к другому.

Танец этот очень богат фигурами и разнообразием поз в зависимости от того, растут ли воображаемые цветы на правой стороне или на левой, внизу, на земле, или вверху, на ветвях деревьев. Все это дает возможность развивать ловкость, грациозность и искусство пантомимы. Стан танцующей выказывает всю свою изворотливость и гибкость.

Все еще не находя желаемого цветка, танцорка вдруг останавливается, причем вся ее фигура меняет свое выражение. Очевидно, ее смущает какой-то шум в лесу. Она низко наклоняется к земле и прислушивается. Сперва она выражает недоумение, затем тревогу. И вдруг бросается бежать, но не по прямой линии, а зигзагами, словно она в своем смятении сама не знает, куда броситься, чтобы избежать угрожающей ей опасности. Движения ее становятся все более и более порывистыми, жестикულიции — возбужденнее. Наконец она несется в вихре бешеного вальса. Временами останавливается как бы для отдыха, изображая полное изнеможение и пантомимой умоляя публику поспешить к ней на помощь. Но публика знает или предупреждена, как в настоящем случае, что «спасти» танцорку должен только тот, кому она бросит какой-нибудь предмет: платок, ленту, перчатку или еще что-нибудь. Роль «спасителя» состоит в том, что он выходит на арену танца и останавливается в позе желающего помочь. Тогда танцорка бросается ему на грудь, разыгрывая восторги радости по поводу своего спасения и выражая благодарность спасителю. Разумеется, этим спасителем должен быть мужчина.

К этому танцу Кларисса надела соответствующий костюм, какой носят карибские королевы: короткую белую газовую юбку и лиф из того же воздушного материала, с очень низким вырезом и широкими рукавами. В волосах, ушах, на открытой шее и на

почти обнаженных руках сверкали драгоценности. Костюм этот с особенной яркостью подчеркивал оригинальную красоту танцорки. И когда танцорка, подобно блестящей бабочке, запорхала от цветка к цветку, выказывая изумительную грациозность и гибкость, даже самые строгие пуритане не могли не восхититься ею.

Мужчины затаили дыхание в томительном ожидании, кого именно из них изберет индейская чаровница своим спасителем. Все уже заметили, к кому именно клонятся ее симпатии, но интересно было знать, не захочет ли она прикрыть свое истинное чувство, вызвав к себе «на помощь» кого-либо из остальных кавалеров. Томиться долго неизвестностью никому не пришлось.

Сняв с правой руки расшитую драгоценными камнями перчатку, какие в то время носили богатые дамы, и протянув руку с видом готовящейся бросить перчатку, она изящными волнообразными движениями переступала с ноги на ногу, вглядываясь в лица зрителей, как бы отыскивая между ними избранника. Многие были заинтересованы ею и втайне надеялись, что драгоценная во всех отношениях перчатка будет брошена им. Но она упала к ногам как раз того человека, который вовсе не желал ее, к ногам Юстеса Тремора. Отказаться поднять перчатку было нельзя. Молодой человек поднял ее и выступил вперед. В нескольких шагах от танцорки, под самую залитую огнями террасою, он остановился и, по условиям танца, раскрыл свои объятия. В то же мгновение к его груди приникла другая, молодая, упругая грудь, будто волновавшаяся и тяжело дышавшая. Но это нисколько не восхитило юношу: эта грудь не привлекала его.

Однако этим дело еще не кончилось. Юстесу Тремору пришлось взять под руку воображаемую караибскую королеву и прогуляться с нею по иллюминированным аллеям сада. Такое зрелище было новым ударом ножа в сердце бедной Вегги. Прелестная блондинка была близка к отчаянию и, пожалуй, заболела бы или наложила бы на себя руки, если бы не судьба. Эта всевластная богиня нашла, что истинная любовь должна восторжествовать над всеми ложными видимостями, недоразумениями, ошибками и заблуждениями людей и прихотями враждебных сил. Быть может, все объяснилось бы когда-нибудь и само собою, но могло случиться и другое: зеленоглазая ревность могла погубить все намеченные ею жертвы. Как бы там ни было, но судьба послала Вегге и еще кое-кому помощь в лице двух бдительных добрых гениев, вполне раскусивших всю суть дела. Этими гениями оказались Сабрина Поуэль и сэр Ричард Уольвейн.

— Не знаете ли вы, моя дорогая, — спросил сэр Ричард у своей невесты, с которою переходил на интимное «ты» только

в особенных случаях, — почему ваша сестра совсем не танцевала с Юстесом Тревором? Да я и вообще весь этот вечер не видел их рядом. Уж не случилось ли чего-нибудь особенного между ними?

— Да, кажется, у них произошло какое-то недоразумение, — ответила Сабрина.

— Но по какому же поводу?

— Положим, повод-то есть...

— Вы думаете, что тут замешана ваша экзотическая кухня?

— А вы разве не думаете этого, Ричард?

— Как вам сказать, дорогая Сабрина?.. Положим, она довольно откровенно ведет себя с Юстесом. Но я все-таки не думаю, чтобы мисс Вега имела основание ревновать к ней.

— Почему же?

— Да просто потому, что Тревор несколько не заинтересован мисс Клариссой.

— Так почему же он так носитя с ней весь вечер?

— Спросите лучше, почему она так цепляется за него в нарушение всех правил приличия. Что же касается Юстеса, то он только из вежливости или по какой-нибудь другой причине делает вид, будто ему приятны ее авансы. На самом же деле он любит вашу сестру. Это я знаю от него самого. В одну откровенную минуту он мне во всем сознался.

— Он мог измениться с тех пор. Кларисса очень хороша и умеет привлекать к себе.

— Да, она хороша и привлекательна, но только не для Юстеса. Он не из тех, которых может привлечь каждое красивое женское личико. В Уайтхолле он прослыл за человека с сердцем твердым, как алмаз, и все старания тамошних красавиц тронуть это нечувствительное сердце оказались тщетными. Говорят, это и было причиною того, что ему пришлось уйти оттуда. Он отверг явную благосклонность даже самой важной дамы при дворе, так что и та оказалась против него. Когда такой человек кого-нибудь полюбит, то сомневаться в прочности его чувства нет основания. Юстес Тревор искренне полюбил вашу сестру и никогда не изменит этой любви. Будьте уверены.

— Однако смог же он чуть не в один миг изменить свои политические убеждения, — резонно заметила Сабрина.

— О, это совсем другое дело, и свидетельствует только в его пользу! — воскликнул сэр Ричард — Он не по собственному выбору шел по ложному пути, и когда убедился, что этот путь ложный, то, недолго думая, с мужественной решительностью свернул с него. С пути же, свободно им избранного, он уж не сбивается и никогда не сойдет. Не вернее ли предположить, что сама Вега изменилась к нему? Она сегодня что-то очень

долго находилась в обществе другого Тревора. Что это значит, по-вашему?

— Право, не знаю. Может быть, старший Тревор насильно навязывается ей, а она, оскорбленная явным пренебрежением Юстеса, затеяла эту игру.

— По всей вероятности, это игра с обеих сторон. Оба — и ваша сестра, и мой юный друг — проделывают все это просто так... в пику друг другу. Но эта игра очень рискованная, и нам нужно постараться скорее прекратить ее, пока еще не поздно.

Сабрина и сэр Ричард давно уже были помолвлены друг с другом, и если бы не мешала гражданская война, разразившаяся в стране, то были бы уже мужем и женою. Их интерес к сердечным делам Веги и Юстеса Тревора носил покровительственный характер. Особенно тревожилась Сабрина, видя, что счастьем ее любимой сестры грозит серьезная опасность.

— Да, дорогой Ричард, вы правы, — обрадованно подхватила она последние слова жениха, — нам надо остановить эту игру... Но серьезно ли вы уверены в любви Юстеса к Веге?

— Повторяю вам — вполне уверен, — поспешил ответить сэр Ричард. — Не дальше как сегодня, когда мы ехали с ним сюда вдвоем, он снова открыл мне свое сердце и прибавил, что никогда, ни на один вечер он не отправлялся в таком тяжелом настроении, как именно на этот. Я спросил его о причине такого настроения, и он мне сознался, что боится, не ошибается ли он, надеясь на взаимность Веги! Он слышал, что во время его отсутствия из Бристоля его кузен Реджинальд часто бывал здесь, что тот тоже влюблен в Вегу и что, быть может, ему удастся покорить сердце этой еще малоопытной в знании людей девушки...

— О, — с живостью перебила Сабрина, — я положительно знаю, что Реджинальд Тревор никогда не может быть предметом мечтаний моей сестры! Она...

Молодой девушке не удалось договорить: помешал шум приближающихся шагов и говор. Жених и невеста сидели в беседке, сплошь покрытой густой листвой вьющихся растений. Беседка освещалась висячею лампой, которая только что перед этим почему-то погасла. Поэтому в беседке было теперь темно. Шаги идущих вдруг остановились перед входом в беседку. Это были Кларисса и Юстес Тревор. Беззастенчивая креолка вела своего кавалера на место, где не ожидала никого встретить.

— Как странно, что вы могли перейти на сторону парламента, капитан Тревор! — звенел возбужденный голос Клариссы.

— Почему это кажется вам странным, мисс? — раздался холодно-вежливый голос Юстеса.

— Потому что ваш отец и вся ваша семья находятся на стороне короля. Не изменил королю и ваш храбрый кузен. Да и вы сами совсем не подходите к этим плебеям... круглоголовым, как их называют. У вас с ними ровно ничего нет общего.

— Нет, мисс, вы ошибаетесь, у меня с ними общее то, что я так же, как и они, люблю свободу и правду. Я удивляюсь их стойкости, их самопожертвованию, их мужеству, с какими они добиваются своего права на сносное человеческое существование.

— Однако и роялисты не менее стойки. Напротив, говорят, что они даже и храбрее ваших оборванцев.

— Вы заблуждаетесь в этом, мисс... Простите, что я, во имя правды, противоречу вам. Роялисты вовсе не храбрее наших партизан. До сих пор они были только лучше вооружены. Это давало им возможность грабить каждую незащищенную ферму, каждую усадьбу, каждое селение. Вот в чем их преимущество над нами. Но скоро колесо фортуны повернется в другую сторону, и мы рассчитаемся с Рупертом и его грабителями за все их бесчинства.

— Ах, капитан Тревор, как можете вы так отзываться о принце Руперте, словно об атамане разбойников с большой дороги!

— Он такой же гнусный убийца! Впрочем, и сам король не лучше его. Стоит только припомнить, как он поступил с несчастными сиренстерскими пленниками.

— Ах, какой вы, однако, гадкий бунтовщик! — вскричала Кларисса со смехом, доказывающим, что участь сиренстерцев несколько ее не трогает. — И что вы ни говорите, капитан Тревор, но я не могу не называть вас ренегатом.

— Называйте меня, как вам будет угодно, мисс, — прежним равнодушным тоном произнес Юстес. — Я сделал то, что должен делать каждый честный человек. Когда он увидит, что необдуманно, по чужой ложной указке идет не туда, куда следует, он тотчас же поворачивает в другую сторону. Я так и сделал и несколько не стыжусь этого, напротив, горжусь этим.

«Прелесть, что за прямой и открытый характер!» — думал о Юстесе сэр Ричард, с наслаждением прислушиваясь к его правдивым ответам. То же самое думала и Сабрина, с тем лишь добавлением, что находила Юстеса вполне достойным быть мужем ее сестры. Только бы устроить эту партию!

Очевидно, Кларисса подумала, что Юстес обиделся ее словами, и поспешила умиротворить его.

— О, сэр, — говорила она дрожащим от страсти голосом, — не подумайте, что я серьезно назвала вас так... Нет, нет, я

только пошутила. Я вовсе и не думаю упрекать вас. Ведь мы, женщины, все очень слабы в делах политики. В особенности я, я совсем не осведомлена в них, потому что нахожусь здесь очень недавно. Как вам известно, моя родина не здесь. В действительности я совсем не знаю, какая партия права, какая нет. Да, по правде сказать, мало этим и интересуюсь... во всяком случае не настолько, чтобы из-за этих вопросов ссориться с друзьями, а тем более с вами, капитан Тревор. Прошу вас забыть мои необдуманные шутки, как будто бы их и не было. Забудете? Да?

Она перешла чуть не на умоляющий тон кающейся преступницы. Кажущаяся кротость и смирение его собеседницы подкупили Юстеса. Он подумал, что, в сущности, у нее недурное сердце и много настоящей женственности, а если она так странно ведет себя, то это потому, что плохо воспитана и все время была окружена у себя на родине дурным обществом. Это побудило его пожалеть ее и сердечно ответить ей:

— Мне не за что прощать вас, дорогая мисс, и ничего забывать из ваших слов. По-своему вы, быть может, правы: и не мне обижаться на вас за это.

Он и в мыслях не имел, что его дружеский тон и нечаянно сорвавшиеся с языка слова «дорогая мисс», которым он не придавал особенного значения, могут быть приняты как доказательство таких чувств, каких у него не было. Кларисса в этом именно смысле и поняла его слова.

— Ах, как я рада, что мы остаемся друзьями! — с чисто южною пылкостью произнесла она. — А где моя перчатка? Вы возвратите мне ее или предпочтете оставить у себя?

Этот вопрос сильно смутил Юстеса. Он все еще держал в руке поднятую им при танце-соло перчатку Клариссы и совсем забыл о ней. Вопрос креолки заставил его понять, что он попал в крайне щекотливое положение. Оставить у себя перчатку — значило бы выказать то, чего он не чувствовал, а возвратить ее — это могло быть прямым оскорблением для девушки, на что он по своей натуре не был способен. Как поступить? Вдруг у него блеснула мысль, дававшая ему приличный выход из создавшегося положения. Перчатка была очень дорогая: бархатная, вышитая золотом и мелкими драгоценными камнями.

— О нет, — сказал он, протягивая Клариссе перчатку, — оставить у себя такую дорогую вещь я не могу. Пожалуйста, возьмите ее обратно.

— Не надо, не надо, сэр! — со смехом ответила креолка, отмахиваясь от перчатки. — Благодарю за ваше любезное пред-

ложение, но, поверьте, я не настолько бедна, чтобы не быть в состоянии приобрести пару других таких же перчаток.

— Раз вы так великодушны, мисс, то я с благодарностью принимаю ваш подарок, — сказал окончательно растерявшийся Юстес, думая дать делу совсем другой оборот, чем это могло показаться его собеседнице.

— Благодарить не за что, — возразила торжествующая Кларисса. — Вы только получили должное за избавление меня от угрожавшего мне врага, ха-ха-ха!

Вдруг она взглянула на его шляпу, на которой еще развевались перья цапли, на которые он в Холлимиде променял страховые, и прибавил:

— Жаль, что вы не сможете прикрепить мою перчатку к вашей шляпе. Она может испортить вид этих прелестных перьев.

Молодой капитан оцепенел. Прикрепить перчатку к шляпе — да ведь это значило бы, что нужно оставить ее там, и главное, что этим та особа, которой принадлежала перчатка, всенародно объявляется дамой сердца носителя шляпы. Что подумает тогда Вега? Не будет ли она вправе считать его изменившим ей? Нет, этого нельзя допустить. Может быть, она изменила ему и никогда не любила его, — но что же делать? Ведь он сам искренне любит ее и ему не следует навлекать на себя и тени подозрения в перемене его чувств. Даже в отместку за возможную измену он не в силах был нанести ей такое оскорбление, какое внушала ему эта сумасбродная креолка. Немного подумав, он с решительным видом и твердым голосом сказал:

— Простите, мисс Лаланд. Как я ни осчастливлен тем даром, которым вам угодно было почтить меня, но есть причина, по которой я не могу использовать его согласно выраженному вами желанию.

— Да? Почему же? — полуудивленно-полураздраженно спросила Кларисса. — Интересно бы узнать эту причину... Впрочем, на что мне и знать ее! Отдайте перчатку, сэр... Благодарю вас... Спокойной ночи!

Сидевшие в беседке слышали, как сначала удалились легкие и быстрые женские шаги, а немного спустя зашуршал песок дорожки, пролежавшей мимо беседки, под более тяжелыми и медленными мужскими шагами. Затем все кругом затихло.

— Кларисса проиграла, — сказал сэр Ричард. — Видите, дорогая Сабрина, я был прав: любовь Юстеса Тренора к вашей сестре верна и крепка, как утес.

— Да, теперь я сама в этом убедилась, — подтвердила девушка. — Пойду, отыщу Вегу и расскажу ей все.

— Вы думаете, это ее обрадует?

— Конечно. Хотя прямо она мне ничего не говорила о своей склонности к Юстесу, но нетрудно было догадаться... Ах, вот еще какие-то двое идут сюда! Нужно скорее уйти, Ричард, чтобы не пришлось навлечь на себя подозрения в подслушивании...

— Не смущайтесь, дорогая Сабрина: наше подслушивание может привести только к добрым результатам, — возразил сэр Ричард, — они пройдут мимо.

Оба прислушались. Гремела музыка, слышался смутный гул множества голосов, раздавались взрывы смеха. К беседке подходила еще одна парочка. Это были Вега и Реджинальд Тревор. Словно нарочно, и они остановились перед беседкою, и как раз на том самом месте, на котором за пять минут перед тем стояли Кларисса с Юстесом.

— Мой двоюродный брат Юстес не отходит от своей возлюбленной, — говорил Реджинальд. — Никогда мне не приходилось видеть кого-нибудь влюбленным до такой степени, как влюблен мой бедный кузен. Интересно бы знать, отвечают ли ему взаимностью?

Он бессознательно вливал яд в сердце Веги, потому что вполне был уверен в любви девушки к нему самому. Сознательным интриганом Реджинальд во всяком случае не был.

— Должно быть, отвечают, — упавшим голосом промолвила Вега.

Если бы Реджинальд вслушался в тон ее голоса и рассмотрел бы выражение ее лица, то, вероятно, догадался бы, что он идет по ложным следам. Очаровательное личико его спутницы было покрыто смертельной бледностью, глаза были полны слез и отчаяния, губы судорожно дрожали. Он увидел бы, что девушка едва владеет собою и сдерживается только благодаря усилиям воли, какую трудно было и подозревать в таком юном существе. Но возле беседки было темно. Блестящие огни иллюминации горели вдали, а с неба падал лишь слабый звездный свет.

Поощряя ухаживания Реджинальда, девушка хотела этим показать пренебрежение Юстесу, мало думая о том, что одному подает неосуществимые надежды, а другого оскорбляет и всех сбивает с толку. Она помнила только одно: как извивалась змеей перед Юстесом ее залетная кузина с Антильских островов, как она бросила ему перчатку, с какою — это уж Вега сама вообразила — торопливостью он подхватил эту перчатку, чтобы затем подхватить в свои объятия и прижать к груди саму танцовку, и как в довершение он стал гулять с нею вдвоем по пустынным садовым аллеям. В пику всему этому и Вега пошла под руку с Реджинальдом бродить в темноте. Теперь она клялась в своей необдуманности и порывистости и не знала, как выйти из тупика,

в который сама себя загнала. Не поступает ли она еще хуже Клариссы? Та, несмотря на свою сумасбродную причудливость, была хоть искренна, между тем как она, Вега, делала глупости с целью кого-то обмануть.

Знай Реджинальд, что происходит в душе его прекрасной спутницы, он тотчас же ушел бы от нее, как ушла от Юстеса Кларисса, когда поняла, что жестоко ошиблась. Но он этого не знал, поэтому считал себя вправе скорее завладеть тем, что ему сулила лживая видимость.

— Впрочем, я выразился неверно, сказав, что не видал еще мужчины, который был бы так безумно увлечен женщиною, как мой кузен Юстес, — снова заговорил он, направляясь на этот раз уже прямо к цели. — Я знаю еще одного.

— Разве? — безучастно, машинально проговорила Вега.

— Да, я знаю его, — с невольной дрожью в голосе продолжал Реджинальд, только такого вопроса и ожидавший, чтобы пойти дальше. Он думал, что этот вопрос доказывает интерес Веги к его словам и поощряет его дальнейшие излияния, желательные ей самой. — Позвольте вы мне сказать вам, кто это? — добавил он, склоняясь к ней.

Вега молчала.

— Этот человек — я сам, — пояснил наконец он и снова приостановился, ожидая, что она спросит об имени его избранницы. Но он ошибся и в этом.

— Вот как! — еле слышно слетело с ее бледных уст, но и только.

— Сказать вам имя любимой мною женщины? — решился он еще раз, полагая, что Вега мнется по свойственной девушкам скромности, стыдливости и застенчивости.

— А разве вам так интересно, чтобы я знала это имя? — спросила она скорее по наитию, чем сознательно, потому что вся была поглощена своими мучительными душевными переживаниями.

— Интересно, очень интересно... более всего на свете! — страстно проговорил он. — Женщина эта — вы, мисс Вега Поуэль. Вас я люблю... люблю всем сердцем, всею душою! Разве вы не поняли этого? Или, быть может, вам это неприятно?.. Вы так странно смотрите на меня...

Она подняла на него глаза, и он более чувствовал, чем видел, что эти глаза говорят совсем не то, чего он так пламенно ожидал.

— Капитан Тревор, — теперь уже с полным сознанием всей важности сказанного Реджинальдом начала Вега, — напрасно вы делаете мне такое признание. Я никогда не давала вам права

думать, что могу серьезно ответить на ваше, хотя и лестное, но чуждое для меня чувство. Отвечать вам взаимностью я не могу. Останемся добрыми друзьями, какими мы были до сих пор, но не...

— Можете не договаривать, мисс Вега! — холодно, резко, почти грубо оборвал он ее. — Я слышал достаточно и знаю, кто является препятствием между нами. Это — мой собственный кузен... Хорошо, будьте с ним счастливы, если вам удастся завладеть им. Что же касается меня, то я утешаюсь мыслью, что в житейском море не одна такая прекрасная рыбка, какою являетесь вы, и иду ловить другую... Прощайте, мисс Вега Поуэль!

Сняв шляпу, он с деланной изысканной вежливостью отвесил своей собеседнице низкий поклон. Затем, круто повернувшись на каблуках, подбоченясь и насвистывая какую-то песенку, он быстрыми шагами удалился.

Оставшись одна в темноте ночи и во мраке своего отчаяния, Вега закрыла руками свое искаженное горестью лицо и горько зарыдала. В ту же минуту ее плечи обхватили две нежные, теплые и мягкие женские руки и милый, ласковый голос проговорил:

— Не плачь, моя милая Вегочка. Ты держала себя молодцом с этим франтом, и больше он к тебе не решится приставать. А я скажу тебе кое-что, после чего ты не захочешь больше плакать, а будешь радоваться. Пойдем со мной. Мы обойдем дом с задней стороны, где никого нет, и я дорогой все скажу тебе.

В то время когда сестры, нежно обнявшись, пошли по одной дорожке, чтобы задним ходом незаметно пробраться в одну из своих комнат, сэр Ричард отправился отыскивать Юстеса Тревоора. Отыскав юношу в каком-то темном углу опустевшей бальной залы, где один за другим угасали огни, он утешил и его точно так же, как утешала Сабрина свою сестру. Горевавшая перед тем парочка стала ликующей, а ликовавшая — кипела теперь всеми муками действительно отвергнутой любви.

Таким образом, вся эта мучительная игра, к удовольствию одних и огорчению других, была наконец раскрыта.

Глава XXI

СДАЧА БРИСТОЛЯ

Около сотни всадников, мчавшихся во весь опор, но не в стройном боевом порядке, а в полном разброде, — всадников в рваных мундирах и помятых доспехах, пробитых пулями шле-

мах на головах, — некоторые, впрочем, и без всякого головного прикрытия, в разодранных, покрытых кровью кольчугах, в грязных сапогах, неумытые, облепленные потом и пылью, — вот все, что осталось от армии «Вильяма Победителя».

Эти остатки конницы Гессельрига, так называемых «лобстеров», бежали из-под Раундвэй-Дауна. Рыцарски храбрый, но беспечный и слишком доверчивый Уоллер вступил в бой с более сильным противником под предводительством Байрона и Вильмота и был разбит наголову.

Это было заключением целой серии кровавых схваток с маркизом Гертфордским и принцем Морисом, начавшихся в покрытой мелкой растительностью долине между Тогскими и Фринольскими холмами и вскоре перешедших в жаркий бой, какого не помнили даже самые старые ветераны. После нового сражения на соседних высотах Ленсдауна, в котором перевес остался на стороне роялистов, оба войска снова сошлись на высоком горном плато при Раундвэй-Дауне, где и произошло окончательное поражение Уоллера.

Особенно пострадали кирасиры Гессельрига. Ряды их во многих местах были прорваны, у многих погибли лошади, и они оказались совершенно беспомощными в своем тяжелом вооружении. Целыми толпами они скатывались в глубокие пропасти, которыми была изрыта скалистая возвышенность. Из блестящего отряда в пятьсот человек, лишь за несколько дней перед тем так гордо выступавшего из ворот Бристоля, уцелела едва пятая часть и спасла свою жизнь в беспорядочном бегстве. Во главе этого разбитого отряда находился и сам Уоллер, не раз раненый и почти истекающий кровью.

Несмотря на страшное поражение, никто из этой горстки храбрецов не выказывал и признака душевной слабости. Свежая кровь, покрывавшая и их самих, и их доспехи, еще красневшая на их оружии и на лошадях, — все это доказывало, что они стойко бились до тех пор, пока не убедились в полной бесцельности дальнейшего сопротивления. Они даже не стыдились своего бегства, сознавая, что отступили только перед силою, намного превосходившею их собственную. Осуждать их было нельзя, и они знали это. Они спасались как загнанные львы, а не как трусливые гиены, которых может испугать и ребенок с палкою в руках.

Утро только что забрезжило, когда перед бегущими открылся вид бристольских башен, радовавший их взоры и обещавший им безопасность и отдых. В отдыхе они нуждались, пожалуй, даже больше, чем в безопасном убежище. Несколько дней и ночей подряд эти доблестные воины не покидали седел, поэтому были сильно истомлены усталостью, голодом и жаждою. И лошади

едва держались на ногах² и часто спотыкались, но, понукаемые всадниками, снова со свойственной им добросовестностью напрягали последние силы, чтобы выручить своих хозяев.

Но какое печальное зрелище они должны были представлять сами для тех тысяч людей, которые смотрели на них с городских стен, валов, башен и бастионов! Первым увидел их часовой на сторожевой башне Замка, когда светлеющее небо дало ему возможность различать предметы на расстоянии. Потом они были замечены другими часовыми, стоявшими на башнях по обеим сторонам крепостных ворот, и данные всеми этими часовыми сигналы тревоги быстро были повторены по всей крепости. Загудели колокола, раздались резкие металлические звуки медных труб, зарокотали барабаны, и весь этот гул вскоре пере-
неся на улицы города, заставляя мирно спавших граждан с испугом вскакивать с теплых постелей.

Когда летнее солнце начало подниматься над горизонтом, все многочисленное население Бристоля было уже на ногах и высыпало на улицы. Мужчины с криками и гамом неслись к городским стенам, а женщины с плачем взбирались на первую попавшуюся возвышенность и оттуда с беспокойством и ужасом старались разглядеть и понять, что случилось. Но вот наконец все увидели длинный ряд сверкающих оружием всадников, медленно приближавшихся к городским воротам. В некотором расстоянии от города потерпевший отряд привел себя мало-мальски в порядок и умирал шаг.

Когда же бристольтцы разглядели, кто эти всадники и в каком они истерзанном виде, когда увидели еле державшегося в седле, израненного, сокрушенного сэра Вильяма Уоллера и ехавшего рядом с ним не в лучшем состоянии его товарища сэра Артура Гессельрига, этих двух вождей, до сих пор считавшихся непобедимыми, — тогда зрители поняли, какая над ними разразилась беда. Этот отряд выступал из Бристоля в рядах шеститысячной армии, полный мужества, храбрости и веры в успех, и вот теперь от всей это громады возвращалась лишь жалкая горсточка полуживых людей! Многие из бристольских граждан тут же почувствовали, что это грустное зрелище — лишь прелюдия к еще более грустным и страшным событиям, угрожающим Бристолю.

Но не все в Бристоле огорчались. Часть его обитателей даже радовалась — радостью удовлетворенной жажды мести. Разумеется, эта часть состояла из роялистов. Суровый режим губернатора Финса причинял им страдания, а вид пораженного противника возбуждал в них надежду на скорую благоприятную для них перемену, когда они снова восторжествуют пока здесь, в Бристоле, а потом, быть может, и везде. Тут были все тайные

сторонники и явные родные и друзья «славных государственных мучеников», только и ожидавшие случая жестоко отомстить за них; были и простые граждане, так или иначе заинтересованные делом короля; были и парламентские пленники разных категорий из оставленных на свободе под честное слово или заключённых в тюрьмы; были, наконец, всякого рода интриганы, держащие нос по ветру, разные авантюристы, устраивающие свои делишки сообразно с обстоятельствами: где окажется выгоднее, туда и примкнут. Все эти люди радовались, глядя на остатки разбитой парламентской армии, это зрелище вливало в них бодрость и давало им повод надеяться, что скоро вернутся к ним прежние золотые деньки, когда им опять можно будет безнаказанно грабить и производить всяческие насилия над беззащитными.

Возвращение разбитого отряда «лобстеров» совпало с балом у Гвендолины Лаланд. В то время, когда с этого бала разъезжались последние гости, к Монсерат-Хаузу подъехал верхом на лошади какой-то офицер в адъютантской форме и спросил, здесь ли еще находится сэр Ричард Уольвейн. Оказалось, что он только что готовится уезжать вместе с Юстесом Тревором и некоторыми другими парламентскими офицерами. Услышав, что его спрашивают, сэр Ричард, сопровождаемый своими товарищами и друзьями, поспешно вышел на крыльцо, возле которого дожидался приезжий офицер.

— Я — Ричард Уольвейн, — сказал он офицеру. — Что вам угодно от меня?

— Мне поручено передать вам, полковник, экстренный приказ губернатора, — ответил адъютант, прикладывая руку к шлему. — Потрудитесь принять.

Сэр Ричард взял сложенную вчетверо и запечатанную сургучной печатью бумагу, вскрыл ее и прочитал следующее:

«Полковнику Уольвейну. Экстренно.

Арестуйте всех пленников, оставленных на честное слово, кто бы они ни были, военные или штатские, и препроводите их под сильным конвоем в Замок. Затем обыщите весь город.

Ф и н с».

— Ну, Тревор, — вполголоса обратился сэр Ричард к Юстесу, — вот нам и реванш, если бы мы захотели воспользоваться этим случаем... Прочтите-ка... Поняли? Отправьтесь сейчас же в казармы и приведите сюда сержанта Уайльда с дюжиною рядовых. Начнем обыск с этого дома... Эй, да вот и он сам, и с рядовыми! — удивленно и вместе с тем обрадованно вскричал он, увидев въезжавшего в ворота сержанта Уайльда, за которым

шла шеренга спешенных солдат, ведших своих лошадей под уздцы. Роб непосредственно из Замка тоже получил приказ отправиться с определенным числом людей в Монсерат-Хауз.

Последовала сцена, трудно поддающаяся описанию. Успело развехаться лишь небольшое число гостей. Большинство же еще веселилось, разбредшись группами по обширному саду, где находились столы с винами, прохладительными напитками, фруктами и разными лакомствами. Одни из гостей были без масок, другие — в масках, но все в самых разнообразных костюмах. Между ними оказались и пленники на честное слово. Не успели они опомниться, как их всех арестовали и свели на пустое место перед домом, где и расставили рядами, чтобы вести в Замок.

Во всем этом было много комичного и карикатурного; раздавались даже веселый смех и шутки. Но было немало досады и гнева. В особенности негодовала сама мадам Лаланд, принимая все совершавшееся на ее глазах за оскорбление, наносимое лично ей. На некоторых лицах, не закрытых масками, замечались испуг и что-то вроде раскаяния.

Самые разнообразные чувства выражало лицо Реджинальда Тревора, также, разумеется, арестованного. И это было неудивительно: быть может, во всю жизнь этому человеку не пришлось пережить столько волнений, сколько он пережил в этот вечер. Муки ревности к двоюродному брату; торжество вследствие уверенности в том, что Вега его любит; наступившее вслед за тем горькое разочарование и, наконец, унижение быть арестованным тем же двоюродным братом.

К чести Юстеса нужно сказать, что ему вовсе не хотелось добивать своего родственника, хотя тот и был его противником. Напротив, он от души жалел старшего кузена, в особенности после той радостной для него вести, которую услышал всего за несколько минут перед тем от сэра Ричарда. Но нужно было повиноваться приказанию начальства. С румянцем смущения на своем красивом лице молодой человек подошел к Реджинальду и тихо сказал ему:

— Реджинальд, мне дан приказ отвести тебя в Замок.

Во избежание дальнейших разговоров он поспешно отвернулся и знаком приказал Робу Уайльду позаботиться о дальнейшем. Гигант подошел к Реджинальду и насмешливо проговорил:

— Пожалуйте за мной, капитан. Нам недалеко идти, гораздо ближе, чем вы меня вели из Кэтсхилля в Лидней.

Роялист понял насмешку грубого форестера, понял с острую болью в душе и взгляд Вегги Поуэль, смотревшей на него из окна своей комнаты. Он уже в третий раз видел ее там, и все

с тем же почти выражением снисходительной жалости на лице и в прекрасных голубых глазах. Однако, встряхнувшись и проведя рукою по лбу и лицу, как бы желая прогнать что-то надоедливое, Реджинальд с горделивым видом поднял голову и бодро пошел вслед за сержантом.

Совсем другим взглядом обменялась Вега с Юстесом, когда тот снизу посылал ей прощальный привет. Они теперь знали, что неизменно любят друг друга, а остальное было лишь вопросом времени и обстоятельств. Охранявшие их добрые гении успокоили обоих...

Сэр Вильям Уоллер недолго оставался в Бристоле — он пробыл там лишь столько времени, чтобы дать отдохнуть измученным людям и лошадям, да немного оправиться и самому от своих многочисленных, но не опасных ран. Он был не из тех людей, которые любят торчать без дела в осажденном городе, каким Бристоль обещал сделаться в ближайшем будущем. Открытое поле, а не замкнутая крепость — вот что было ареной, достойной деятельной натуры Уоллера. Хотя и потерпевший жестокое поражение, лишенный всей своей армии, этот сильный духом человек не поддался, однако, унынию. Разбита одна армия, он соберет другую. Поэтому он быстро снова покинул Бристоль. За ним последовал и Гессельриг. Они взяли с собой своих любимых «лобстеров», какие только уцелели и могли еще держаться на лошадях с оружием в руках.

Уоллер направлялся в Лондон. При таком слабом конвое это было очень рискованным предприятием, так как вся провинция была наводнена отрядами торжествующего врага. Но сообразительность и ловкость Уоллера помогли ему благополучно добраться до столицы, для чего он должен был делать большие обходы по самым глухим дорогам.

Между тем вскоре после выступления Уоллера из города бристольтцы могли полюбоваться наездом к их стенам новых гостей — передовых отрядов победоносной роялистской армии. Все западные графства находились уже во власти этой армии. Только в Глостере и Бристоле оставались еще порядочные гарнизоны, верные парламенту. Роялисты намеревались овладеть и этими городами. Вопрос сводился теперь к одному: который из них подвергнется первым натиску роялистов.

Глостер был уже под угрозой, но местному губернатору удалось на время ее отвести. Поэтому предполагалось, что роялисты набросятся теперь на Бристоль, а потом, взяв его, вновь попытаются овладеть и Глостером. Бристоль был богаче и важнее по своему положению, следовательно, захват его обещал роялистам больше выгоды. И действительно, к стенам Бристоля уже

подступал Байрон с порядочным передовым отрядом легкой конницы. За ним тянулись и другие войска: из Ленсдоуна шли отряды Гертфорда и Мориса, а со стороны Оксфорда показались ряды наемных войск Руперта, от которых несло гарью сожженного ими Чельгрова, где из-за предательства одного изменника пролита была целыми потоками кровь лучших патриотов.

С чисто сатанинским буйным весельем эти многочисленные отряды носились вокруг бристольских стен, подобно пернатым хищникам, кружащимся над добычей. Они видели, что укрепления города не настолько сильны, чтобы долго противостоять дружному натиску, и знали, что и гарнизон довольно слаб. Мы уже говорили, что после первой своей побывки в Бристоле Уоллер вывел оттуда значительную часть его защитников, которые почти все и погибли в битвах с роялистами и их наемниками.

— Тут нечего и раздумывать, — сказал Руперт. — Нужно прямо начать штурм. Город сразу же будет взят.

Вечером роялисты окружили город, а рано утром следующего дня начали штурмовать его и действительно сразу ворвались в него. Это им удалось на глостерской стороне, где снаружи действовал принц Руперт, а внутри ему косвенно помогал изменник Ленгриш бок о бок со слабым в военных делах Финсом. Испугавшись на первых же порах, бывший стряпчий решил впустить неприятеля без дальнейшего боя. Роялистам даже не пришлось перешагнуть через его тело. Хвастливые высокопарные слова хорошего законоведа, но никуда не годного военачальника так и остались одними словами, когда дошло до дела. Хотя он и пережил этот грустный день, но меча в защиту народа ему больше уже не было доверено.

Между тем на другой стороне Бристоля дело шло иначе; там защитники были другого рода. Сэр Ричард Уольвейн со своими форестерцами и Бэрч со своими «мостовниками» стойко держались против Гертфорда и принца Мориса, храбро отражая все атаки. Но — увы! — все оказалось напрасным. Не понадобилась и пылкая отвага рыцаря-солдата. Когда победа стала клониться на сторону защитников города, вдруг раздался сигнал, оповещавший о том, что кто-то хочет приступить к переговорам. Обернувшись, сэр Ричард и его волонтеры увидели белый флаг, развевавшийся на одной из замковых башен. Что бы это значило? Нападение успешно отражается, Бристоль цел — к чему же переговоры? Уж не измена ли?

Бэрч сразу подумал, что это измена, только не со стороны Финса. Губернатор мог малодушно оробеть, но не изменить,

значит, изменил Ленгриш. Так думал Бэрч, и, как потом оказалось, он не ошибся. Когда он хотел сообщить о своем предположении сэру Ричарду, к нему вдруг подскочил адъютант, тот самый, который являлся в Монсерат-Хауз, и передал ему устное распоряжение губернатора прекратить оборону.

— Но почему же? — спросил ошеломленный полковник. — С какой стати нам прекращать действия? Ведь еще немного — и неприятель будет вынужден нами к отступлению.

— Причина этого распоряжения мне так же мало известна, как и вам, полковник, — отвечал адъютант, видимо смущенный той ролью, которую ему пришлось сыграть в этой некрасивой истории. — Мне известно лишь то, что мы разбиты на глостерской стороне и неприятель уже вступил в тамошнее укрепление. Губернатор просил перемирия для ведения переговоров о дальнейшем, и принц Руперт согласился. Вот все, что я знаю.

— А! Так у вас там уже хозяйничает Руперт? — с горечью вскричал сэр Ричард — Ну, это дело Ленгриша. Я всегда считал его подозрительным... Джентльмены! — обратился он к своим офицерам. — Очевидно, Бристоль предательским образом сдается врагу. Здесь будет пировать Руперт со своими головорезами. Не желаете ли вместе со мною сделать попытку проложить себе путь отсюда наружу? Но, предупреждая, дело это довольно рискованное.

— Желаем! Желаем! — в один голос закричали Юстес Тревор и все мужественные форестерцы; громче всех крикнул Роб Уайльд.

— И мы с вами! — слышалось из рядов, находившихся под командою Бэрча, причем его мощный голос покрыл все другие голоса.

Однако большинство защитников молчало. Предлагаемый им подвиг казался им слишком уж опасным и имеющим мало надежды на успех. Будь весь гарнизон единодушен, то еще можно было бы рассчитывать на удачу, но раз проявилась измена со стороны одной части защитников, то затея сэра Ричарда значила бы идти на верную, бесславную смерть. Какой в этом был толк?

Пока шел обмен противоположных мнений среди защитников города, к ним примчался на взмыленном коне другой адъютант, сообщивший, что принц Руперт предложил почетные условия сдачи города, и Финс на них согласился. Сомнений больше не могло быть: факт совершился, Бристоль был сдан.

— В чем же заключаются эти условия? — осведомился сэр Ричард.

— Пленных не брать, население не грабить. Солдаты и все

поднявшие оружие против короля могут свободно уйти из города, куда хотят. На очищение города и собирание имущества дается три дня. После же этого срока по отношению к оставшимся в городе «бунтовщикам» будут приняты другие меры, — ответил адъютант.

На поверхностный взгляд такие условия казались очень человеческими, и многие были удивлены этим. Некоторые заговорили даже о необычайном великодушии. Но кто понимал побудительные мотивы этого «великодушия», тот знал, что скрывается за ним. Очевидно, до Руперта донеслись вести о положении дела на южной стороне города, где пыл штурмующих уже сильно ослабевал. Разумеется, ввиду этого всего более разумнее было предложить губернатору самые мягкие условия сдачи. Тот их принял и вручил Руперту ключи города так же спокойно и даже дружелюбно, как уходящее в отставку должностное лицо передает свои полномочия заместителю.

Как сдержал свои прекрасные обещания принц Руперт, об этом более подробно может рассказать история. А мы от себя скажем лишь то, что тотчас же по получении ключей злосчастного города принц разрешил своим буйным наемникам всякое насилие, какое только могло взбрести им в их отуманенные головы. Начались грабежи, пожары, убийства, оскорбления девушек и женщин... Так поступали те, которые называли себя джентльменами!

Глава XXII

ВЫСОКИЙ ПОКЛОННИК

Взятие Бристоля роялистами сопровождалось настоящей вакханалией буйств и всякого рода насилий. Условия сдачи города были нарушены раньше, чем успели высохнуть чернила, которыми они были подписаны. В стенах города было много зложелательных лиц, указывавших «победителю» достойные его внимания жертвы и добычу, хотя, в сущности, королевским наемникам было безразлично, в чей дом врываться, чью жизнь уничтожать, чье имущество грабить. Они ничем не брезговали, совершая свои разбойничьи подвиги с неописуемым цинизмом и невероятною жестокостью.

Финс оставил потомству свидетельство, что принц Руперт будто бы сделал все от него зависящее, чтобы обуздать своих дикарей, и что ради этого даже пускал в ход свою шпагу. Может быть, это было так, но его удары придворною шпагою по спинам

головорезов скорее всего были притворными, чтобы доказать свою «лояльность». «Наказуемые» мало обращали внимания на это воздействие и храбро продолжали свое дело: ведь им наперед была обещана полная свобода грабить Бристоль и лицемерная игра их предводителя не могла смутить этих головорезов. Одно перехваченное письмо от кровавой памяти лорда Байрона к принцу Руперту ставит этот скандальный факт вне всякого сомнения.

Все дома парламентариев подвергались вторжению буйных шаек Руперта и освобождались ими от всех ценностей, а хозяйки этих домов, как бы высоко ни было их общественное положение, претерпевали самое гнусное насилие. Это было первым практическим ознакомлением Бристоля с победоносным роялизмом, и даже те, которые способствовали этому ознакомлению, вскоре сами же почувствовали оскоминау от такой прелести.

По условиям сдачи гарнизон и все нежелающие оставаться могли беспрепятственно покинуть город; но это нужно было сделать как можно скорее, чтобы очистить помещения для вступающих «победителей». Лицам невоенным было предоставлено право взять с собой имущество. Последнее условие являлось уж прямою насмешкою, так как почти все, кто не чувствовал себя в безопасности и был в состоянии выбраться из города, поспешили воспользоваться предоставленной им «милостью».

В числе пожелавших покинуть занятый неприятелем город находился и мистер Поуэль. Теперь, при господстве роялистов, Бристоль не мог уж больше служить ему надежным убежищем, а тем более — его дочерям. Дочерей мистер Поуэль и вообще был рад освободить от влияния легкомысленной родственницы. Самое ценное его движимое имущество хранилось в Глостере, куда он и намеревался перебраться. Остальное было неважно. Совершить переезд он нашел более удобным на верховых лошадях. Выезд из Бристоля был назначен утром следующего дня. Сабрина и Вега заранее были предупреждены отцом об этой необходимой перемене места жительства, и обе девушки ничего, кроме радости, по этому поводу не выразили.

Защитники города выступили из его ворот; лишенные оружия, они медленно проходили между рядами неприятельских полчищ. На их головы сыпались всякого рода ядовитые насмешки, но они в горделивом сознании своего достоинства выносили все это молча. Не мог только смолчать Юстес Тревор и в ответ на иронический выпад против него старшего кузена ответил ему тем же.

— Эх, жаль, что мне не удалось вчера встретиться с тобой на стенах укреплений, Юст! Я бы... — начал было Реджинальд, но не закончил, потому что Юстес находчиво подхватил:

— Лег бы там вместе с некоторыми из твоих соратников! Не это ли ты хотел сказать мне, Редж?

Реджинальд только скрипнул зубами, глядя вслед весело смеявшемуся кузену, и мысленно молил судьбу дать ему возможность скрестить с ним шпагу при воинственном кличе: «Без пощады!»

— Ах, боже мой, какие прелестные девицы!

Это воскликнул на немецком языке принц Руперт, который, сидя верхом на прекрасном и великолепно убранном коне, окруженный блестящим штабом своих офицеров, представителей высшей знати страны, за воротами Бристоля пропускал мимо себя выходивший обезоруженный гарнизон сдавшейся крепости. Вслед за бывшими защитниками города спешили и толпы мирных граждан, также покидавших город. В волнах этого человеческого моря принц заметил обеих мисс Поуэль, следовавших за отцом и сопровождаемых небольшим числом слуг обоего пола. Все это общество было верхом на лошадях.

Восклицание Руперта заставило оглянуться державшегося почти рядом с ним Реджинальда Тревора. Узнав Вегу и Сабрину, отвергнутый обожатель первой глубоко вздохнул. Он понял, что Поуэли переправляются в Глостер; туда же, наверное, едет и Юстес. Это причиняло ему новую горечь.

Не менее Реджинальда Тревора был затронут зрелищем переселения семейства мистера Поуэля и полковник Ленсфорд. Ему, до сих пор сидевшему в заключении в берклейской крепости, совсем не было известно о пребывании этого семейства в Бристоле. И вдруг он совершенно неожиданно видит перед собой ту самую девушку, красота которой так поразила его в тот день, когда он в качестве взыскателя незаконных поборов находился в Холлимиде, и так позорно был вынужден признать себя недостаточно сильным для выявления данного ему поручения. Но и теперь эта очаровательница только скользнула мимо его восхищенных взоров.

Мистер Поуэль и его дочери ехали одетые очень скромно и на простых лошадях, но их гордый, независимый вид и благородная красота девушек, усиленная румянцем возбуждения, игравшем на их нежных щеках, и блеск прекрасных глаз — все это придавало всадницам особенную пикантность.

— Ах, Вега, — говорила Сабрина сестре, — как жаль, что мы забыли надеть свои маски! Взгляни, как они смотрят на нас.

— Ну, это не важно! — с задорным движением головы поразила Вега. — Пусть они пучат на нас свои совиные глаза. Это меня несколько не смущает, как не смущают и их дикие выкрики.

Последние ее слова относились к тем бесцеремонным заме-

чаниям, которыми обменивались вслух насчет девушек «благородные» роялисты, сквозь строй которых они проезжали.

Но вот смеющиеся глаза Веги встретились с глазами Реджинальда Тревоора и мгновенно изменили выражение. Роялистский капитан смотрел на нее с таким выражением, которое плохо вязалось с тем напускным равнодушием, какое он проявил после своего неудачного объяснения с девушкою на балу у Лаландов. Видя это и сознавая свою невольную вину перед этим человеком, она посмотрела на него с жалостью сестры. Хотя она и была довольно кокетлива, но не зла и хотела бы доказать ему это чем-нибудь.

В то же время скрестились взгляды и другой пары — Сабрины с Ленсфордом. На восхищенный взгляд полковника Сабрина ответила взглядом, полным гневного негодования, и забияка-роялист понял, что эту красавицу он мог бы взять только силой. И это было острым ударом для его самолюбия.

— Кто это такие? — спросил принц, проследив за всадницами глазами, пока они не скрылись из виду. — Вы как будто их знаете, полковник?

Он обратился с этими вопросами к Ленсфорду, заметив страстные взгляды, которые тот бросал на прекрасную брюнетку.

— Ваше высочество спрашивает о тех двух молодых леди, которые только что проследовали мимо нас? — осведомился Ленсфорд.

— Да, да, именно о них... Собственно говоря, меня заинтересовала только одна из них, та, которая с золотыми кудрями. Другая не в моем вкусе.

Реджинальд слушал эти слова с чувством отвращения. Ему горько было видеть Вегу покидающей Бристоль, но еще больнее было бы знать, что она остается. Он досадовал на нее, даже возмущался ее поведением с ним на бале, но ненавидеть ее он не мог, поэтому не желал ей той участи, которой подвергалась всякая красивая женщина, имевшая несчастье понравиться бесцеремонному Руперту.

Совершенно противоположно было чувство, с которым Ленсфорд выслушал объяснение принца. Ленсфорд опасался, что принцу понравилась именно Сабрина; это угрожало неприятным соперничеством в случае, если бы прихоть судьбы когда-нибудь свела Сабрину, его и Руперта. С облегченным сердцем полковник ответил:

— Это дочери того пожилого джентльмена, который едет впереди.

— Богатый отец! — смеясь сказал принц, с победоносным видом покручивая свои холеные усы. — Я бы не прочь восполь-

зоваться половиною его богатства в виде одной дочки, хе-хе-хе! Эта пикантная розовощекая блондиночка с задорною мордочкою обещала бы мне довольно приятное развлечение. Я такой хорошенькой куколки еще не видел у вас в Англии.

— Так почему же вы, ваше высочество, позволяете ей уходить отсюда? — шепотом спросил Ленсфорд. — Как видно, они едут в Глостер, и второй случай увидеться с нею может не скоро еще представиться...

— Да, в самом деле! — перебил принц, задумчиво глядя по тому направлению, в котором скрывалась Вега со своими спутниками.

— Если вашему высочеству угодно, можно будет их вернуть обратно. Прикажите, пока еще не поздно.

Этот совет был тем более низок, что дававший его хлопотал, собственно, о своих интересах: он рассчитывал, что вместе с Вегою будет задержана и Сабрина.

Принц колебался. Какое-то мгновение казалось, что он последует совету Ленсфорда, но одно соображение остановило его.

— Нет, полковник, — ответил он, немного подумав, — нам неудобно сделать это.

— Но почему же, ваше высочество? — удивился Ленсфорд.

— Вы забываете подписанные нами условия о сдаче города. Нарушение с нашей стороны этих условий вызвало бы страшный скандал, а нами, роялистами, и без того многие недовольны.

— Ваше высочество, я знаю эти условия, — продолжал Ленсфорд. — Но здесь существует обстоятельство, допускающее исключение. Недостойное поведение отца этих девиц...

— А кто он и в чем провинился? — перебил с любопытством принц.

— Это один из самых ярых врагов его величества. Он даже послушник королевской воли. По своей обязанности я ездил к нему, чтобы получить три тысячи фунтов стерлингов, просимых у него королем в виде ссуды на личные нужды его величества, собиравшего средства на свою оборону. Мне не только в грубой форме было отказано в этой ссуде, обязательной для каждого верноподданного, но я чуть не был разорван в клочья громадной толпой его односельчан, которые окружили меня со всех сторон, чтобы защитить от воображаемой обиды своего единомышленника и потатчика их мятежного настроения. По-моему, все это является достаточным основанием для того, чтобы задержать этого человека и всех, которые с ним, — заключил лукавый советчик.

Будь это на двенадцать месяцев позже, когда принцу Руперту уже удалось в достаточной степени развратить английский

народ и приучить его ко всяким правонарушениям, этот безнравственный человек не задумался бы последовать совету своего соблазнителя, но на второй день после сдачи ему Бристоля он счел это слишком рискованной забавой. Еще немного поразмыслив, он решительным тоном сказал:

— Нет, полковник, лучше оставим это. Пусть птички летят, куда хотят. Утешимся надеждой на новое свидание с ними в будущем. Вы знаете, куда они отправляются?

— Кажется, знаю, ваше высочество, А если ошибаюсь, могу узнать.

— Ну, вот и отлично. Когда мы приведем в порядок страну, — а это случится, наверное, скоро, — тогда вы поведете меня туда. Пока же пусть они от нас прячутся, — с новым циничным смехом добавил он, перемешивая, по своему обыкновению, английские слова с немецкими.

Никто не слышал этой беседы, веденной вполголоса, кроме Реджинальда Тревора, да и до его слуха доносились лишь отдельные слова, но их было достаточно для того, чтобы он не оставался в сомнении относительно будущности, которую готовил Веге Поуэль ее новый высокий поклонник. Он понял это, и новое горькое чувство закралось в его сердце. Несмотря на свою развращенность, Реджинальд, все-таки искренне любил Вегу и желал бы видеть ее своей женой, а не любовницей немецкого принца.

Глава XXIII

РЕКОГНОСЦИРОВКА

На высшей точке области Динского леса находится странного вида утес, известный под названием Бекстона (Козлиного Камня). Это — обращенная вниз пирамида, основание которой, в пятнадцать футов диаметром, обращено вверх, а вершина гораздо меньшего размера покоится на другом утесе с ровной четырехугольной поверхностью. Издали кажется, что оба эти утеса срослись, но вблизи ясно видно, что верхний еле касается своей острою оконечностью второго, являясь, таким образом, подвижным камнем. Многие пробовали свою силу, стараясь свалить стоящую на вершине пирамиду, но сделать этого пока никому не удалось, хотя все были готовы поклясться, что она движется и вот-вот свалится в бездну. Много связано в этом камне всевозможных легенд. Одни приписывают странному камню искусственное происхождение, другие — сверхъестественное. Но гео-

логи дают очень простое объяснение неправильным наслоениям песчаных масс, сначала мягких, а затем постепенно отвердевших.

С Козлиного Камня открывается одна из прекраснейших панорам. Куда бы ни обратился взор, он всюду увидит оттуда живописнейшие картины природы, оживленные разбросанными там и сям городами и селами. На востоке, юго-востоке и юге красуются в своих зеленых окрестностях города Глостер, Соммерсет и Девон, а среди них вздымаются горные высоты — Костсуольдские и Мендипские. Тут же, мимо городов и поселков, извивается широкая лента реки Северны, постепенно в своем беге все более и более суживающаяся, пока наконец стремительным водоворотом не ввергается в море.

В один ясный вечер в конце лета на Бекстон поднялись двое мужчин, оба в форме и с отличиями полковников парламентской армии. Это были полковник Массей, военный губернатор Глостера, и сэр Ричард Уольвейн. На шляпе последнего сверкала на черной бархатной ленте вышитая золотом королевская корона, проткнутая шпагою — эмблема открытых приверженцев парламента. Эта многозначительная эмблема была вышита руками Сабрины Поуэль.

Со дня, описанного нами в предыдущей главе, прошло больше месяца. За это время произошло много новых кровавых событий. При Марстон-Муре роялисты, с принцем Рупертом во главе, понесли очень тяжелое поражение после целого ряда других более мелких неудач. Вообще битва при Марстон-Муре многое изменила. Весь Дин-Форест был очищен от королевских мародеров, так долго державших в страхе и трепете эту богатую область. Полковник Массей, человек в высшей степени энергичный и храбрый, в свою очередь нанес этим грабителям сильный удар при Бечлее, далеко отбросив отряды сэра Джона Уинтора, принявшиеся было укреплять переправу через Северну. Это произошло всего три дня назад, а теперь неутомимый и предприимчивый полководец задумал обрушиться на Монмаутс.

Мысль эта была внушена Массею тем самым человеком, который сопровождал его к Бекстону, а разожгла ее одна молодая девушка, которая, вся в слезах, на коленях умоляла его взять Монмаутс. Эта девушка была Вега Поуэль. До нее дошел слух, что в Монмаутской крепости содержится в плену тяжело раненный капитан Юстес Тревор, и она дрожала за его драгоценную для нее жизнь. Каждая минута промедления с освобождением Юстеса казалась ей вечностью. Ведь в то время был в полном ходу закон, допускавший ссылку в отдаленные места, продажу в рабство и даже резню пленных.

К счастью для молодой девушки, собственные желания Масея совпадали с ее стремлениями. Монмаутс был острой занозой для него, и он давно уже хотел бы устранить ее, но до сих пор не мог. Недавно он справился с Лиднеем, тоже сильно мозолившим ему глаза; кроме того, совершил немало и других подвигов. Может быть, ему теперь посчастливится взять и Монмаутс. Если же не удастся взять город приступом, можно будет обложить его со всех сторон. Это стоило целого года полевых военных действий, потому что как только падет Монмаутс, рухнет последняя опора роялистов во всей области и в ней больше уже не раздастся клич «За короля!».

С Бекстона был виден, точно на ладони, весь Монмаутс. Массей вынул из кармана подзорную трубу, раздвинул ее и стал водить ею по опоясывавшим город укреплениям, по воротам, выходившим в эту сторону, и по дорогам, разбегавшимся от Монмаутса по всем направлениям. Наконец он передал трубу сэру Ричарду и спросил:

— Так вы находите, что можно будет взять этот город, не принеся слишком много жертв?

Сэр Ричард уже производил разведку Монмаутса. Между прочим, он разузнал и о численности его гарнизона.

— Думаю так, — ответил он. — Сведения, сообщенные мне полковником Кэйрлем, должны быть верны.

Полковник Кэйрль был сначала в рядах республиканцев, потом, в недавнее время, фиктивно перешел к роялистам и через знакомого нам Джека Прыгуна доставлял сэру Ричарду, с которым издавна был знаком, самые точные сведения о военных тайнах той стороны, на которую он якобы искренне передался.

— Может статься, — согласился Массей. — Неизвестно, что, собственно, побудило Кэйрля переменить окраску. Но, во всяком случае, дело при Марстон-Муре должно было произвести на него сильное впечатление, и он, похоже на то, намерен снова перефасониться и открыто вернуться к нам.

— Да и наша победа при Бечлее должна была укрепить в нем это намерение, — заметил сэр Ричард. — Вот посмотрим, какое еще известие принесут нам от него наши вестовые. Они хотели сегодня быть на рынке в Монмаутсе и теперь должны скоро вернуться оттуда. Дорога их, проложенная еще римлянами, ведет как раз мимо этого места. Мы их тут и подождем. Кажется, рынок уже кончился... Да, — продолжал он, наведя подзорную трубу на улицы Монмаутса, — вон сколько народу высыпало из ворот... и все прибывает... А это еще что такое? — вдруг перебил он сам себя, с особенным вниманием продолжая вгля-

дываться в пеструю толпу, выходящую и выезжавшую из городских ворот.

— Что такое вас там поражает, сэр Ричард? — спросил Массей, глядя в ту же сторону, куда смотрел его спутник, но за дальностью расстояния и без помощи подзорной трубы не видевший ничего, кроме отдельных кучек движущихся фигур.

— Из города выходит отряд копыеносцев, — пояснил сэр Ричард.

— Из каких ворот?

— Из северных.

— Вероятно, патруль.

— Нет, для этого отряд слишком многочислен. Я насчитал уже более ста человек, и все еще идут новые... Ах, вот оно что: ведут куда-то пленников и...

— Позвольте мне взглянуть, — перебил Массей, протягивая руку за трубою, которую сэр Ричард поспешил ему передать, хотя ему очень хотелось рассмотреть пленников.

— Да, вы правы, — сказал Массей, взглянув в трубу, — среди отряда идут пленники. Но куда же их могут вести? Дорога, по которой они пошли, ведет в Росс...

— А также и в Гирфорд.

— Ах да, совершенно верно!.. Но зачем уводят пленных? Монмаутская крепость довольно вместительная, и я не думаю, чтобы она была переполнена пленными...

— Мне кажется, их ведут не в Гирфорд, — продолжал сэр Ричард. — Если я не ошибаюсь, есть одна подробность, указывающая на другое... Будьте любезны, ваше превосходительство, позвольте мне еще раз посмотреть в трубу, — попросил он.

— Пожалуйста, пожалуйста! — воскликнул губернатор, передавая ему трубу. — Интересно узнать, в чем там дело.

— Так и есть, это отряд конницы Линджена! — вскричал сэр Ричард, направив трубу на дорогу, которая шла из северных ворот города. — Мне так и показалось, что это линдженцы... А пленники, должно быть, из моих рядов... Один из них по фигуре очень похож на моего злополучного капитана Юстеса Тревоора. Наверное, их ведут в замок Гудрич, ведь там главная квартира Линджена. Это недалеко отсюда, всего шесть миль. Досадно, что мешает река, иначе мы успели бы собрать свой отряд и устроить этим линдженцам приятную встречу. Как видно, большинство из них простые добровольцы: еле держат копье...

Сэр Ричард вдруг оборвал свою речь, услышав за собой чьи-то твердые и торопливые шаги. Оглянувшись, оба полков-

ника увидели поспешно поднимающегося на утес сержанта Роба Уайльда, который нес что-то зажатое в руке.

— Сейчас встретил тут в горах Джека Прыгуна, — начал гигант, отдав честь обоим начальствующим лицам и вручая сэру Ричарду тщательно сложенную и запечатанную записку. — У него в деревяшке была спрятана вот эта записка, переданная ему в городе. Так как одноногий уже очень долго копался со своей деревяшкой, то я сам отвязал ее, открыл втулку и вынул записку, — с легкой фамильярностью подсмеивался великан, зная расположение к нему своего полковника.

— Вот и отлично! — одобрил тот. — А там больше ничего не оказалось? Может быть, Прыгун и деньги хранит в своей деревяшке?

— Так точно, полковник, — ответил Роб, ощерив свои крупные, но белые как снег, здоровые зубы, — он целую горсть мелкого серебра запрятал туда. Говорит, очень бойко торговал нынче. Много разного товара он доставил туда на спине своего Джинкема и столько же, только другого, везет назад. Кроме того, еще и денешки остались.

— Радуюсь за него, за его умницу сестру и за терпеливого Джинкема! — также со смехом сказал сэр Ричард, потом, обратившись к губернатору, другим тоном проговорил: — Сейчас мы, ваше превосходительство, узнаем, что еще новенького сообщает нам полковник Кэйрль.

Выслушав одобрительное замечание Массея, сэр Ричард вскрыл записку, на которой вместо всякой надписи были начертаны лишь начальные буквы его имени: «Р. У.». Внутри записки, над первой страницей, была нарисована пером та самая эмблема, которая красовалась не только на шляпе сэра Ричарда, но и на его знамени: королевская корона, проткнутая шпагою. Это могло быть насмешкою, однако содержание записки доказывало другое. Содержание же ее было следующее:

«Помещенный здесь символ засвидетельствует «Р. У.», что «К» ненавидит то, что называется королевской властью, и никогда не перестанет ненавидеть. После этой ночи он никогда больше не обнажит меча в пользу неправого дела, а в эту ночь обнажит его лишь для того, чтобы нанести ему, этому делу, заслуженный удар. Предложение «Р. У.» принято. План действия таков: пусть «М» отведет свои отряды из Хай-Мидоу, о чем сюда будет сообщено предупрежденным заранее гонцом. Но для этого маневра необходим вполне благовидный предлог, иначе «К» трудно будет получить разрешение пуститься в погоню. Если видимость будет хорошо обставлена, намерение «К» не встретит

здесь никаких препятствий. «Г» — заведомый дурак, которому очень хочется отличиться, и он непременно попадет в расставленную ему ловушку. Пусть «Р. У.» покажет эти строки «М», а сам пусть будет уверен, что меч его прежнего соратника вполне сознательно вновь поднимается за дело «П»; он окажется настолько острым и действенным, чтобы навсегда исправить прежние ошибки, в которых виновен «К», кающийся и ждущий прощения».

Хотя в записке не было названо ни одного имени и она была без всякой подписи, но сэр Ричард хорошо знал почерк писавшего и не нуждался в других указаниях, чтобы понять, кто ее автор.

— Как вы думаете, полковник, можно ли довериться ему? — спросил Массей, выслушав прочтенную вслух записку.

— Я убежден, что можно, ваше превосходительство, — отвечал сэр Ричард, пряча записку в карман. — Я хорошо знаю Кэйрля, чуть не с самого детства, и вместе с ним служил в Голландии. Мне известны и причины, побудившие его перейти на ту сторону; это не что-нибудь дурное, а напротив, очень хорошее. Ведь он сделался кажушимся изменником нашему делу только ради любви к своему престарелому отцу, которому республиканство сына угрожало полным разорением, конфискацией имущества, а может быть, и кое-чем еще более худшим. Имение старика Кэйрля находится в Уальфорде. В верховьях реки, по эту сторону Росса. Оно на расстоянии пушечного выстрела от Гудрического замка, и Линджен непременно разрушил бы это имение, если бы молодой Кэйрль не поспешил принести повинную и не передался фиктивно королю. Теперь же, когда он видит, что дело короля проиграно и всякая опасность для отца миновала, он рвется назад, под те знамена, которым в душе никогда и не думал изменять. Это один из самых мужественных бойцов, и мы во всех отношениях можем только радоваться, если ему удастся вернуться в наши ряды.

— Хорошо, полковник. Раз вы так уверены в Кэйрле и в успехе задуманного нами предприятия, то я готов приступить к действию. В худшем случае, если нас все-таки постигнет неудача...

— О, ваше превосходительство, — с горячностью подхватил сэр Ричард, — по всем моим соображениям и расчетам неудачи не должно быть! Позвольте мне поговорить с моими верными форестерцами, и вы увидите, на какие чудеса храбрости они вновь окажутся способными.

— Прошу вас, полковник, делать все, что вы найдете нуж-

ным, и вообще предоставляю вам полную свободу действий, — сказал губернатор.

— Благодарю вас, ваше превосходительство. Постараюсь, как всегда, оправдать ваше лестное доверие, — вежливо, но с сохранением полного достоинства промолвил сэр Ричард. — Сделаем так, как просит Кэйрль: отведем часть отрядов.

— Да, кстати, почему желает этого Кэйрль? — прервал Массей. — Мне это кажется очень странным.

— А мне кажется, я понимаю его мысль, и для того, чтобы удостовериться в справедливости моей догадки, я сейчас пошлю верхового в Кольфорд, — сказал сэр Ричард.

— В Кольфорд? Зачем?

— Узнать новости о Глостере: не там ли опять Руперт?

Губернатор вздрогнул, словно ужаленный. Возможность сказанного сэрм Ричардом была новою угрозою для победоносных за последнее время республиканцев. Однако, заметив на губах своего собеседника тонкую улыбку и поняв намек, заключающийся в его словах, Массей, приободрившись, также улыбнулся и сказал:

— Блестящая идея, полковник, и мы воспользуемся ею. Не будем же терять времени. Отправляйте своего гонца. Пойдемте делать необходимые распоряжения.

С этими словами губернатор стал спускаться с опрокинутой пирамиды, на которой все время стоял вместе со своим спутником. Последний хотел последовать за ним, как вдруг сержант Уайльд, ожидавший распоряжений начальства, стоя немного в стороне, на самом краю пирамиды, вполголоса сообщил ему:

— Полковник, вот тут одна женщина желала бы сказать вам несколько слов.

— Женщина? Кто такая?

— Сестра Джека Прыгуна.

— А! Я знаю ее... Где же она?

— Внизу, в ущелье. Я не решился привести ее сюда, не зная, понравится ли это вам или господину губернатору. К тому же она хочет говорить именно только с вами лично.

— Ваша сообразительность равняется вашей храбрости, Уайльд, — полушутливо проговорил сэр Ричард. — Может быть, Уинифреда хочет предложить мне поставку товара? Так это дело вы можете вести и без меня. Я дал вам на это полномочие, и вы, как хотите, так и поступайте...

— Нет, полковник, Уинифреда ничего мне на этот счет не намекала.

— Значит, намекала на что-нибудь другое? На что же именно?

— Да, вот она и сама, — заметил Уайльд, указывая на росшие внизу утеса деревья, под одним из которых стояла Уинифреда.

Губернатор поспешно прошел мимо девушки, прятавшейся за стволом дерева, и не обратил на нее внимания, может быть, по рассеянности, а может статься, и преднамеренно, зная кое-что из сердечных тайн сэра Ричарда, посредницею которой, как и других, более серьезных секретов была эта разносчица.

— Здравствуй, Уинифреда, — ласково произнес сэр Ричард, спустившись к молодой великанше. — Мой сержант сообщил, что ты хочешь что-то сказать мне.

— Не хотелось бы сообщать вам об этом, сэр, потому что я не люблю передавать неприятных вестей, но меня просили, и я обещала, — ответила Уинифреда, поклонившись сэру Ричарду.

— Неприятная весть?.. Насчет кого или чего?

— Насчет молодого капитана Тревора. Вы, может быть, не знаете, что он был ранен перед тем, как его взяли в плен при Холлимиде. Вот меня и просили сказать вам об этом, сэр.

— Да, я действительно не знал, что он ранен. Опасно?

— Говорят, не очень опасно. Рана пулевая, и, кажется, на-вылет.

— Благодарю тебя, милая, за это сообщение. Оно мне как раз вовремя. Больше ничего не имеешь сказать мне?

— Больше ничего. Прощайте, сэр. Побегу догонять брата. Он пошел вперед с ослом.

— Прощай, Уинифреда. Еще раз благодарю тебя.

Разговаривающие расстались. Девушка со всех ног пустилась вдогонку за братом, успевшим проковылять со своим ослом уже довольно далеко. А сэр Ричард, отправив своего сержанта гонцом в Кольфорд, в свою очередь стал догонять Массея, уже сидевшего под горою на коне и ожидавшего своего спутника.

Относительно того, что случилось с Юстесом Тревором, нужно пояснить читателю, что Эмброз Поуэль, благополучно добравшись с дочерьми и домочадцами до Глостера и устроившись там, захотел перевезти туда еще кое-какие ценности, оставшиеся у него в именин. Сделать это взялся Юстес и отправился в Холлиמיד с небольшим конным отрядом. Но об этом узнал полковник Линджен и нагрянул ночью со своей конницей в Холлиמיד. Между его отрядом и отрядом Тревора произошла жаркая схватка, окончившаяся победою роялистов и взятием раненого Юстеса в плен.

Сэр Ричард слышал об этом происшествии, но не знал, что Юстес захвачен раненым, а теперь, узнав, решил во что бы то

ни стало выручить своего молодого друга и соратника из рук врага.

Главная квартира Массея находилась в Хай-Мидоу-Хаузе, обширном и богатом имении некоего Холля, который был роялистом и бежал в Бристоль при первых признаках надвигающейся опасности со стороны республиканских войск, не успев даже ничего взять с собою, кроме денег. После битвы при Марстон-Муре Массей занял это имение, представлявшее большие удобства для него и его главных боевых сил. Оно было хорошо расположено и довольно порядочно укреплено еще его владельцем, струсившим только потому, что в решительный момент усомнился в достаточности числа защитников, челядинцев и разных наемников, которые после его бегства и разбрелись кто куда.

Вернувшись в свою квартиру, Массей все так ловко подстроил, что посланный сэром Ричардом в Кольфорд гонец сержант Уайльд привез ему заранее условленное известие о том, что к Глостеру движется целая армия с принцем Рупертом во главе. Это известие было привезено как раз в то время, когда губернатор находился в своем военном лагере, где вокруг костров заканчивался сытный ужин, обильно орошенный хорошими возлияниями. Провизии и вин в брошенном имении оказалось столько, что могло хватить войску Массея на несколько недель. Благодаря этому люди Массея были довольны и веселы.

Прочитав врученное ему гонцом письменное сообщение, губернатор обратился к присутствующим офицерам и солдатам со следующей речью:

— Друзья! Майор Раукрофт, командующий кольфордским гарнизоном, сообщает мне очень важное известие. Он пишет, что по дошедшим до него из достоверного источника сведениям принцы Руперт и Морис объединили свои силы, взяли Страуд, Сиренстер и теперь направляются к Глостеру. Мы собирались брать Монмаутс, но, разумеется, если наш собственный город находится под угрозой, то мы должны прежде всего позаботиться о спасении его. Мы не позволим кровожадному врагу овладеть нашим старым Глостером, который до сих пор так храбро держался против злобных роялистов, ищущих только насытиться его кровью и обогатиться его сокровищами. Совершим до конца наш долг. Идем без промедления на новую защиту нашего дорогого Глостера. Мы остановились здесь, чтобы быть поближе к Монмаутсу, но теперь надо вернуться в угрожаемый город, пока еще не поздно. Через двадцать минут будьте все готовы в путь. Надеюсь, что каждый из вас исправно исполнит свою священную обязанность.

Говорить больше не было надобности. Войско Массея было прекрасно дисциплинировано и настолько уже привыкло к внезапным походам и боевым трудам, что всегда готово было мобилизоваться в любую минуту. Едва успели замолкнуть последние слова губернатора, как сигнальная труба протрубила «сбор», и вслед за тем офицеры и солдаты, бросив недоеденный кусок и недопитый кубок, проявили живейшую деятельность: выводили из временных стойл лошадей, седлали их, надевали на себя доспехи, прицепляли оружие, тушили костры, так что не истек еще и назначенный срок, как уже могла раздаться команда: «Марш в дорогу!» — и лагерь начал пустеть.

Но никто не заметил, как один из личных слуг губернатора, его дворецкий, вскочил на лошадь и, еще до выступления войска, понесся по направлению к Монмаутсу.

Глава XXIV

ВЗЯТИЕ МОНМАУТСА

Ясный день кончался с признаками наступающей бурной ночи. Солнце зашло в полосе темных облаков. Немного спустя эта полоса, всё более и более уплотняясь, чернея и расширяясь, понемногу расплзлась сплошною пеленою по всему небу. Наступил мрак, изредка прорезываемый яркими извилистыми молниями, походившими на раскаленные стрелы; поднялся сильный ветер и полил как из ведра дождь.

Кто в это время шел или ехал по горным дорогам и тропинкам Фореста, тот должен был переждать промежутки между молниями, чтобы не сбиться в сторону, не быть сброшенным в пропасть или со всего размаха не удариться о дерево.

Разумеется, в такую погоду ни один человек не решался пуститься в путь без крайней надобности.

Такая нужда постигла, должно быть, четырех всадников, остановившихся на расстоянии одной мили от Хай-Мидоу-Хауза, на кольфордской дороге. Очевидно, эти люди стали под дерево не для того, чтобы укрыться от проливного дождя, потому что потоки воды легко проникали сквозь нависшие над их головами ветви и сами они были уже промочены насквозь до нитки. Скорее всего они прятались тут от чужих глаз, которые случайно могли заметить их в те мгновения, когда яркая молния рассекала густой мрак и завесу дождя и освещала все вокруг. Всадники выбрали это место с тем расчетом, чтобы им можно было видеть большую часть дороги, а самим остаться незамеченными. При

ослепительных вспышках небесного огня нетрудно было рассмотреть, что все четверо — люди военные: офицер и трое рядовых, из которых один держал сигнальный рожок. Это был дозорный пикет, посланный наблюдать за дорогою, и если заметит на ней какое-либо движение, дать знать кому следует.

На небольшом расстоянии от этого пикета, в глубине леса, на обширной поляне, также пренебрегало дождем, бурей и грозой войско Массея. Всадники и лошади вели себя тихо, как призраки. Лишь изредка слышалось сказанное шепотом слово, раздавался лязг оружия или металлического лошадиного убора. Фыркнет и рванется лошадь, когда молния сверкнет ей прямо в глаза, но, сдержанная сильною рукой, снова замрет.

В самый разгар непогоды из ворот Монмаутса тоже выступил отряд конницы и направился к мосту через реку Вайю, а затем, переправившись через него, начал подниматься к Каймин-Хиллу, где находился Бекстон. Этот отряд, по-видимому разведочный, состоял из сорока человек под командою старшего офицера и корнета. Когда молния озаряла флаг, который нес на древке корнет, на этом флаге можно было видеть изображение золотой королевской короны; да и некоторые особенности в мундирах свидетельствовали о принадлежности отряда к королевской армии.

Перевалив через Каймин-Хилл, отряд направился к Хай-Мидоу-Хаузу. С какой целью совершалась эта экспедиция — было известно только командиру отряда. А цель эта была следующая. Монмаутский губернатор, получив донесение об оставлении неприятельским войском своей штаб-квартиры, нашел нужным занять этот важный пункт, который мог послужить базой для дальнейших операций роялистов.

Сторонкою от этого отряда, лесом, быстро скользила между деревьями высокая фигура, которую можно было принять за мужскую, тем более что она была закутана в плащ с капюшоном, надвинутым на голову. Однако некоторая мягкость, округленность в очертаниях этой фигуры изобличали в ней женскую. Это была Уинифреда.

Добравшись до сторожевого пикета, девушка притаилась. При первой же новой вспышке молнии она убедилась, что перед нею те самые люди, которых она искала: сэр Ричард, сержант Уайльд, трубач Губерт и еще один конный рядовой, тоже знакомый ей. Проскользнув мимо сэра Ричарда, она шепнула ему:

— Сорок человек конных из Монмаутса идут в Хай-Мидоу-Хауз.

И тут же снова скрылась в буре и дожде.

— Роб, — обратился полковник Уольвейн к своему сержан-

ту, — поезжай и скажи капитану Харлею как можно скорее вести назад свои отряды. Дело сейчас начнется.

Буря со свистом и воем носилась по лесу, ломая деревья; продолжительные раскаты грома грохотали по низко нависшему черному небу; дождь лил еще усиленное, но на западном горизонте, откуда поднялась гроза, начинало яснеть. Можно было догадаться, что скоро разъяренные стихии утихнут, истощив свои силы.

В то время, когда республиканское войско под предводительством самого Массея и сэра Ричарда разделилось на четыре части и по возможности бесшумно двинулось обратно к недавно оставленной квартире, предводители не спешили. Им было важно застать неприятельский отряд уже на месте, уверенным в полной безопасности.

Обрадованные прекрасным убежищем, открывшимся им в Хай-Мидоу-Хаузе, роялисты расположились там по-домашнему, обсушились за разведенными кострами и принялись угощаться всем тем, что было оставлено республиканским войском, якобы выступившим назад в Глостер.

Но радость монмаутцев была непродолжительна. Не успели они утолить первый голод и осушить первый кубок, как в пиршественный зал Хай-Мидоу-Хауза вошли два полковника в форме республиканских войск. Один из них резким голосом сказал пировавшим в зале роялистам:

— Сдавайтесь, господа. Мы вас окружили со всех сторон. Всякое сопротивление с вашей стороны будет бесполезно. Нас по пятьдесят человек на каждого из вас. Если вы дорожите своей жизнью, тотчас же сдавайтесь.

Это был сам Массей.

Ошеломленные роялисты застыли на своих местах, кто с кубком во рту, кто с кубком в руке. Случилось то, чего они никак не ожидали: они очутились в ловушке, из которой не было никакого выхода. Одно мгновение им казалось, что они подверглись странной галлюцинации, но появление в дверях и у открытых окон множества вооруженных людей показало им, что они имеют дело с грозной действительностью, а не с мимолетным видением. Поняв свое безвыходное положение, все молча сдались, кроме корнета. Он успел выскочить из залы в темный внутренний коридор и оттуда благополучно выбраться во двор. Искусно лавируя между надворными постройками, тень которых не освещалась догорающими кострами, он прошмыгнул в сад и, отыскав там лазейку, проник через нее в пустырь, а через него — и в недалекий лес. Таким образом, из всего отряда спасся только он и к утру вернулся в Монмаутс. Бегству его помогло то об-

стоятельство, что он бывал в Хай-Мидоу-Хаузе в качестве знакомого владельца этого имения и хорошо знал расположение дома.

Между тем в том же доме, после того как монмаутцы были взяты в плен и уведены из залы, другой из парламентарских полковников подошел к командовавшему монмаутским отрядом, оставшемуся в зале на свободе, и сердечно сказал ему:

— Очень рад снова видеть вас в нашей дружеской среде, Кэйрль.

— А я еще того более рад, что мне посчастливилось вернуться к вам, Уольвейн, — отвечал Кэйрль, горячо пожимая протянутую ему руку. — Богу известно, как мне опротивел этот Руперт с его разнузданными шайками!..

Час спустя сотенный отряд конницы двинулся обратно из Хай-Мидоу-Хауза в Монмаутс. Буря за это время уже пронеслась. Раскаты грома становились все реже и отдаленнее, дождь ослабевал, природа успокаивалась. Только темнота оставалась прежняя. Отряд спускался по скользким горным тропинкам с особенной осторожностью, чуть не ощупью. Двигались медленно, как автоматы, и в полном молчании. Во главе отряда ехал полковник Кэйрль, а рядом с ним — знаменосец, наряженный в форму роялистов и державший тот самый флаг, который раньше находился у бежавшего корнета.

Среди отряда шли пленные и, судя по их мундирам и оружию, те самые, которые составляли монмаутский разведочный отряд, захваченный Массеем в Хай-Мидоу-Хаузе. Но на самом деле это были вовсе не пленники, и только то, что было на них надето, принадлежало настоящим пленникам, сами же они были из числа форестерцев, находившихся под командою сэра Ричарда Уольвейна.

В арьергарде следовал сам сэр Ричард со своим новым помощником капитаном Херлеем, заменившим Юстеса Тревора. За ними ехали сержант Уайльд и трубач Губерт. И эти четверо также казались обезоруженными и тоже находились под присмотром ехавших за ними десятерых конвойных с саблями наголо. Временами Кэйрль отъезжал немного в сторону, где это допускалось условиями местности, поджидал приближения сэра Ричарда и обменивался с ним несколькими словами, потом опять обгонял отряд и снова становился во главе его.

Осторожно спустившись по извилистой дороге и начиная приближаться к мосту через Вию, Кэйрль скомандовал: «Эскадрон, вольно!» Тотчас же после этого лошади были пущены веселой рысцою, а люди громко и весело заговорили. Все это было сделано с целью обмануть часовых, карауливших мост.

К этому времени караул на мосту был усилен вдвое против обыкновенного, благодаря тому, что бежавший из Хай-Мидоу-Хауза корнет принес в крепость известие о случившемся с его отрядом несчастьи. Основываясь на этом сообщении, комендант крепости принял целый ряд экстренных мер на случай возможного набега республиканского войска. Корнет был уверен в этом набеге, потому что во время своего бегства, прокрадываясь в темноте мимо республиканских солдат, слышал, как они вполголоса переговаривались об этом.

Караулу на мосту были даны самые строгие инструкции. Главное его внимание было устремлено на дорогу в Хай-Мидоу-Хауз. Вдруг на этой дороге показался шумный конный отряд с весело что-то выкрикивающим и хохочущим полковником Кэйрлем во главе. Это возвращался монмаутский отряд, только значительно увеличенный. Поприглядевшись при свете фонарей, караул увидел, что это увеличение происходит от довольно большого числа безоружных людей, стало быть пленных. Очевидно, разведочный отряд Кэйрля сделал удачный набег и захватил где-нибудь поблизости неприятельский отряд. Так что же напутал корнет, вернувшийся пешком, без оружия и без своего флага? Должно быть, он бежал, не дождавшись собственного отряда. «Вернее всего, что так», — заключил начальник караула, посылая по адресу злополучного корнета не совсем лестные замечания.

Передняя часть моста была поднята, образуя огромный провал посреди дороги, и в этом провале грозно шумела вздувшаяся от противного дождя река.

— Кто идет? — крикнул начальник караула, когда подъезжавшая конница оказалась близ провала.

— Свои! — донесся веселый голос Кэйрля. — Опустить мост!

— Для кого? — снова осведомился начальник караула.

— Для полковника Кэйрля и его эскадрона! Ведем партию пленных круглоголовых, а другую партию их отправили к праотцам. Впустите нас скорее. Мы промокли до костей, иззябли и голодны как волки!

— Но, полковник, — продолжал усомнившийся начальник стражи, — ведь ваш же корнет только что принес известие, что, наоборот, вы со всем вашим отрядом попались в плен к...

— А, так он бежал сюда, негодяй! — с притворным негодованием вскричал Кэйрль, несколько не растерявшись. — Ах он подлец! А мы думали, что он лежит где-нибудь убитый или раненый, но в темноте не могли найти его и хотели послать искать на рассвете. А он вот что устроил: позорно бежал, бросив ору-

жие и флаг, и в свое оправдание наплел такую ложь!.. Ну, я с ним потом расправлюсь!.. Опустите мост, повторяю вам!

Последняя молния удаляющейся грозы с полной ясностью вырисовала перед караулом длинную линию монмаутского отряда, ехавшего попарно, а посреди него и в арьергарде массу людей на чужих лошадях, в чужих мундирах, безоружных и с опущенными на грудь головами, — очевидно, пленных. Сомневаться больше было нечего. К тому же самого полковника Кэйрля ясно освещали и мостовые фонари, да и голос его был хорошо знаком монмаутскому гарнизону. Ясно, что корнет бессовестно налгал, чтобы оправдать свою трусость.

— Опустите мост! — скомандовал начальник караула, решив, что долее медлить неудобно: этим он может навлечь на себя крупную неприятность со стороны полковника Кэйрля.

Эскорт с мнимыми пленниками галопом пронесся через мост и влетел в городские ворота, также отворенные перед ним по сигналу с моста. Но тут же произошла волшебная перемена. Выхватив из-под мундиров сабли, «пленники» очутились во главе эскадрона и с криками: «За Бога и парламент!» бросились по направлению к крепости.

В то же время к мосту с другой стороны вихрем примчалась главная сила полковника Массея под его собственным предводительством. Она перебила часть караула, остальную взяла в плен и с теми же криками: «Бог и парламент!» обрушилась на стражу у городских ворот.

Когда на восточном горизонте заалелась утренняя заря, на главной башне монмаутской крепости уже развевался совсем другой флаг, чем раньше. Славный штандарт Свободы сменил опороченное знамя Стюартов.

Глава XXV

БЕСЕДА ДВУХ ДРУЗЕЙ

— Что с вами, Ричард? Чего приуныли? Это совсем не идет храброму воину, только что взявшему целый город. Вы смотрите так, словно сами попали в плен.

Это говорил полковник Роберт Кэйрль полковнику Ричарду Уольвейну. Беседа их происходила около двух часов пополудни, вскоре после перехода Монмаутса из рук роялистов в руки парламентариев. Кэйрль привел соратника в свою собственную квартиру, очень хорошую и прекрасно обставленную. Кэйрль

привык жить на широкую ногу, имел большое состояние и умел им пользоваться.

Друзья сидели перед большим, богато накрытым столом и с аппетитом ели разнообразную холодную закуску, оказавшуюся в буфете, несмотря на поздний час ночи. За кубком хорошего старого вина они только что возобновили свои прежние чисто товарищеские отношения, которые одно время были прерваны переходом Кэйрля на сторону роялистов, а теперь, с возвратом его к парламентариям, начали вновь скрепляться.

— Да, Ричард, если бы не вы, Массею так скоро не взять бы Монмаутса, — проговорил Кэйрль, продолжая начатую беседу.

— Нет, он этим обязан скорее вам, Роберт, — возразил сэр Ричард. — Надо же отдать должное и черту, как уже успели прозвать вас роялисты, — с улыбкой добавил он.

Кэйрль не обиделся на эту шутку и с веселым смехом подхватил ее.

— Так как в данном случае я в роли «черта», то вам нечего и беспокоиться насчет того, что мне будет воздано «должное», — заметил он. — На мою голову теперь посыплется весь запас ругательных слов, каким и так богат лексикон роялистов. Но пусть называют меня как хотят, я этим нисколько не буду смущен; совесть моя чиста, и мне нечего стыдиться мотивов моего поведения, какими бы они ни казались в глазах других. Вам известны эти мотивы, Ричард.

— Конечно, я знаю, что руководило вашими поступками, Роберт, и никогда не осуждал вас. Я говорил об этом Массею, когда мы с ним вчера вечером находились на Бекстоне и любовались Монмаутсом как раз в то время, когда мне принесли вашу записку, вынесенную отсюда в деревянной ноге нашего тайного вестника.

— Благодарю вас, Ричард! — воскликнул взволнованным голосом Кэйрль. — Впрочем, другого отношения ко мне я от вас и не ожидал. Когда я узнал, что вы находитесь в Хай-Мидоу-Хаузе, то решил присоединиться вновь к вам во что бы то ни стало, хотя бы мне пришлось бежать одному. Вы и представить себе не можете, как мне было противно среди роялистов. От них так и несет одуряющим запахом всяческого разврата. Роялисты и паписты пропитали своим специфическим запахом весь Монмаутс. Но теперь, надеюсь, скоро в стенах этого города повеет другим духом. Об этом позабочусь я сам. Массей сказал, что намерен сделать меня здешним комендантом.

— Радуюсь этому, — с искренностью проговорил сэр Ричард. — После того, что вами сделано, вы вполне заслуживаете такого доверия.

— Ну, сделал-то я, в сущности, не много. Тонкий план, только выполненный мною, задуман был вами, Ричард.

— Выполнение-то и важно. Успех плана именно от способа выполнения и зависит.

— Ну, что нам считаться, Ричард! Каждый из нас сделал что и как мог.

— С этим я, пожалуй, согласен, Роберт. Но благодаря глупой случайности успех наш висел на волоске, когда вам с моста сообщили о бежавшем корнете.

— Да, момент действительно был критический, — сознался Кэйрль. — Я сам подумал тогда, что все пропало.

— Однако вы выпутались из этой петли великолепнейшим образом! — подхватил сэр Ричард. — Я едва удержался от смеха, когда вы так искусно разыграли возмущенного «ложью» сбежавшего «от трусости» корнета. Впрочем, он и в самом деле трусил, хотя и по другой причине, чем та, которую вы расписывали перед мостом. А каким глупцом оказался тот офицерик, который начальствовал на мосту! Наверное, его теперь уже нет в живых. Следовавшие за ним товарищи вряд ли пощадили его.

— Да, боюсь, что так, — сказал Кэйрль. — В сущности, это был один из самых симпатичнейших людей в здешнем гарнизоне.

— Интересно знать, что случилось с вашим корнетом, который выказал такую удивительную прыткость ног? — сказал сэр Ричард.

— Все это мы узнаем завтра, когда будем делать смотр. Корнет, может быть, ухитрился опять удрасть. Пожалуй, и не один он. А какие остались здесь подозрительные субъекты, — они все будут мной обезврежены. Я очищу весь город от роялистов, папистов и тому подобной гадости.

Наступило минутное молчание. Кэйрль достал бурдюк с испанским вином и наполнил им оба кубка. Когда он снова взглянул на своего собеседника, то заметил на его лице прежнее озабоченное выражение.

— В самом деле, что с вами, Ричард? — вторично спросил он, ставя перед ним кубок. — Право, вы смотрите так уныло, словно я — принц Руперт, а вы мой пленник... Простите, что я пристаю к вам с расспросами о причине вашей необъяснимой грусти. Кажется, не следовало бы грустить после такой блестящей экспедиции, как та, которая привела вас сюда. Но если у вас тайна, то, я, конечно, не настаиваю. Быть может, вас тяготит что-нибудь относящееся к делам сердечным? Тогда, разумеется, я молчу.

— Вы угадали, Кэйрль, — просто ответил сэр Ричард.

— Да?.. Вот уж не думал, что и ваше сердце может быть затронуто нежной страстью, Ричард!

— Нет, Роберт, то, что озаботило меня, не имеет никакого отношения к моему сердцу — в том смысле, как вы думаете.

— Так чьего же сердца или чьих сердец касается это?

— Знаком вам молодой Тревор?

— Нет. Я знаю всех Треворов только по слуху.

— Тот, о котором я говорю, — Юстес Тревор, сын сэра Вильяма Тревора, владельца Эбергавенни.

— Ах, этот!.. Лично с ним я не знаком, хотя он и провел здесь несколько дней в качестве пленника. Он был взят Линдженом в Холлимид-Хаузе, близ Руардина, и завезен сюда по пути в Бечлей. Возвращаясь назад, Линджен снова забрал его с собой, чтобы отвезти в Гудрический замок. Это было третьего дня поздно вечером. Кажется, он ранен.

— Да, и я слышал, что он ранен. Вот это-то меня и тревожит. Не знаете, какого рода у него рана? Опасна она?

— Не знаю. Я только заметил, что у него правая рука на перевязи. Но почему вы так беспокоитесь о нем, Ричард? Разве он вам родственник?

— Нет. Но он мне дороже всех родственников, Роберт! — с чувством проговорил сэр Ричард. — Так любить, как я люблю Юстеса Тревора, я мог бы разве только брата, сходного со мною характером и убеждениями. Но брата у меня нет... К тому же его любит еще одна особа, которой я симпатизирую.

— А!.. Ну, конечно, эта особа — женщина, первопричина всяческого зла на земле! — презрительно буркнул Кэйрль.

— Нет, Роберт, не всякая женщина — причина зла, — возразил сэр Ричард. — Например, та, о которой я говорю, никогда никому не причинила ни малейшего зла, зато много делает добра другим и даже принесла большую пользу нашему делу. Она сделала и то, что мы с вами сейчас сидим в стенах Монмаутса.

— Будет вам шутить, Ричард! — вскричал Кэйрль. — При чем же женщина в деле взятия нами Монмаутса?

— Уверяю вас, Роберт, что без нее из нашей затей ничего бы не вышло. Вдвоем с вами нам не взять бы Монмаутса. Надо было поднять на это дело Массея. А это сделала именно та женщина. Она любит Тревора и захотела освободить его из плена, вот и сумела повлиять на Массея...

— Вот как! — воскликнул с удивлением Кэйрль. — Значит, благодаря ей...

— Да, только благодаря ее убедительным просьбам и уверениям, что, как ей было известно от хорошо осведомленных

лиц, Монмаутс охраняется довольно слабо, Массей и решился помочь нашему с вами предприятию.

— О, в таком случае эта женщина достойна всякой благодарности с нашей стороны! — снова вскричал Кэйрль. — Могу я узнать ее имя?

— Это младшая дочь Эмброза Поуэля, о котором вы, вероятно, тоже слышали.

— Конечно! Кто не слышал об этом стойком патриоте. Теперь мне понятно, почему Тревора захватили именно в Холлимиде, а не где-нибудь еще... Если не ошибаюсь, Поуэль сейчас находится в Глостере? Мы с ним соседи по владениям, но лично нам как-то не пришлось познакомиться и подробностей его жизни за последнее время я мало знаю.

— Мистер Поуэль со своими двумя дочерьми, Сабриною и Вегою, в начале гражданской войны перебрался было в Бристоль. А когда этот город был взят Рупертом, он воспользовался позволением, данным победителем, и переселился в Глостер. Вега, младшая дочь Поуэля, и есть наша добрая помощница. Но, как мне известно, она знает о Треворе только то, что он попал в плен и был перевезен сюда, а о его ране совсем не была осведомлена. Я боюсь, что когда до нее дойдет весть и об этом, да, пожалуй, еще в преувеличенном виде, она будет очень расстроена. Всего обиднее будет для нее сознание, что он теперь, так сказать, вне нашей достижимости.

— Вне нашей достижимости? — медленно повторил Кэйрль, видимо пораженный какою-то мыслью. — Вы так думаете, Ричард?

— Разумеется! Разве мы в состоянии будем овладеть замком Гудрич? — печально произнес сэр Ричард.

— Не сейчас, конечно, а через некоторое время мы попытаемся сделать это, — сказал Кэйрль, начиная возбуждаться. — Никто так страстно, как я, не может желать увидеть скрытым до основания это разбойничье гнездо, а его владельца — повешенным над дымящимися развалинами! Много горьких обид нанес Линджен моему старому отцу, и не я буду, если не отомщу ему за это!

— Но если вы собираетесь разрушить Гудрич, то надо сначала освободить оттуда Тревора.

— Ну, конечно, это будет сделано прежде всего, и я уже придумал способ. Очевидно, вы не прочь рискнуть кое-чем для его спасения, Ричард?

— Я готов ради этого пожертвовать хоть самой жизнью! — горячо воскликнул Уольвейн.

— В таком случае постараемся освободить его, так сказать, нахрапом.

— Какой у вас план, Роберт?

— Очень простой. Едва ли оставит Линджен своих пленников в Гудриче, который он считает угрожаемым с нашей стороны после дела при Бечлее. Он опасается осады, которая чем дольше протянется, тем будет хуже для него. Я кое-что слышал об этом мельком. Говорят, что он хочет переправить пленных этой же ночью в Гирфорд с тем, чтобы к утру они были уже на месте...

— А, понимаю, — перебил сэр Ричард, — вы хотите перехватить их где-нибудь по дороге, да?

— Именно. Опасаюсь только, как бы не воспрепятствовал Массей. Он может сказать...

— Так мы обойдемся и без его разрешения! — перебил Уольвейн. — Лично я со своим небольшим, но хорошим отрядом совсем не завишу от Массея и могу делать то, что сам найду нужным.

— Да?.. Впрочем, пока ведь и я еще могу распорядиться собой и своим эскадроном, как хочу, лишь бы это не шло вразрез с интересами общего дела, — соображал Кэйрль. — Да и Массей должен быть только доволен, если мы совершим новый лихой подвиг, не потревожив ради этого его самого. Я знаю одно удобное местечко возле дороги из Гудрича в Гирфорд. Мы можем засесть там в ожидании конвоя с пленниками. Только для этого надо отправляться немедленно, иначе мы опоздаем.

— Что же, я готов, — поспешил заявить сэр Ричард, допивая свой кубок. — Сейчас будут готовы и мои форестерцы.

Пока происходила эта беседа между сэром Ричардом и полковником Кэйрлем, из ворот Гудричского замка выступил конный отряд в несколько сот человек, ехавших попарно и снабженных копьями, любимым оружием Линджена. Лишь двадцать человек не было вооружено. Это были пленники. Во главе отряда ехал сам Линджен, состоявший полковником королевской армии и главным шерифом графства Гирфорд. Он, как и предполагал Кэйрль, действительно переправлял своих пленников в главный город графства.

Линджен не стал бы делать этого, если бы ему было известно о переходе Монмаутса во власть Массея. Гонец, посланный к нему с этим роковым известием из Монмаутса, задержался дорогою и достиг места своего назначения лишь после ухода оттуда эскорта с пленными. Но ничего не подозревая и считая себя в полной безопасности, Линджен ехал в самом радужном настроении, перекидываясь веселыми шуточками с окружающими

его молодыми офицерами, очень довольными тем, что едут в большой город, где их ожидают всякого рода развлечения.

Среди пленников находился и Юстес Тревор. Он действительно был ранен, и его правая рука висела на перевязи. Юноша предавался самым грустным размышлениям. Помимо горести, испытываемой каждым пленником, его мучило опасение, как бы не изменилась к нему Вега. Быть может, она приписывает его несчастье трусости и стала презирать его. И никакой надежды вырваться из цепких рук врага и поспешить к любимой девушке, чтобы оправдаться перед нею! В Монмаутсе блеснула было надежда на возможность освобождения, когда туда дошла весть о победе парламентариев при Бечлее. Но здесь, в Гирфорде, расположенном в самом центре неприятельской зоны и отличавшемся своим строго роялистским направлением, не могло быть никакой надежды на спасение.

Особенно досадно было молодому Тревору видеть себя на плохой лошаденке, а не на своем верном Саладине, волею судеб попавшем в руки одного из конвойных солдат, ехавших рядом с ним. Саладин обладал свойствами, известными только его прежнему хозяину. В строю он ничем не отличался от других коней обычного типа, принятого в войсках. Но в случаях крайней надобности он проявлял почти сверхъестественную силу, быстроту, ловкость и неутомимость. Бывали дни, когда он без отдыха делал по пятьдесят миль в сутки.

Юстес был уверен, что ему удалось бы бежать, если бы под ним был Саладин. Конь был понятлив, как человек, и, почувствовав на себе своего любимого хозяина, непременно постарался бы спасти его. В два-три быстрых скачка он вынес бы Тревора из рядов конвоя на такое расстояние, что растерявшимся конвойным нельзя было бы его догнать. Даже пуля не настигла бы его, потому что пока было бы наведено ружье, Саладин успел бы умчаться еще дальше. Думая об этом, Юстес то и дело с нежностью поглядывал на своего четвероногого друга, который, в свою очередь, ласково глядел на него своими большими умными глазами и временами терся о него головой. Это было наконец замечено конвойным, который сказал:

— Что, господин офицер, вам жаль своей лошадки? Да и она, кажись, скучает по вас? Коли угодно вам заплатить мне, я могу устроить так, что мы опять обменяемся конями. Неподалеку отсюда, в Акорибери, перед спуском в глубокий овраг, есть постоянный двор, где наш полковник всегда останавливается на отдых. Там я все и устроил бы. Никто и не заметит, как я перемену лошадок. Цветом и ростом они схожи. Мне все равно, на какой лошади ни сидеть: они все не мои. Ну, а когда

привыкнешь к какой, то, понятно, жаль расставаться. А заработать немножко деньжонок было бы мне приятно, потому что я человек бедный, а дома у меня семья, которой я посылаю все, что добуду на службе...

— Видишь ли, милый друг, — сказал обрадованный Тревор, — когда вы взяли меня в плен, один из ваших капралов отнял у меня и деньги и дорогую пряжку с шляпы вместе с пером, которого мне жаль больше самой пряжки. У меня остался только вот этот перстень, и уцелел он потому, что был на пальце раненой руки, которую я обвязал платком, чтобы остановить кровь. Вот его я и мог бы отдать тебе за твою услугу, если ты согласишься.

Юстес снял с пальца перстень и показал его конвойному. Крупный алмаз в тяжелой золотой оправе сверкнул в лучах молодой луны целым снопом разноцветных лучей, лучше всяких слов свидетельствовавших о его ценности.

— Согласен, согласен, господин офицер! — поспешил сказать солдат, сразу понявший, что он в Гирфорде выручит за этот перстень столько денег, сколько никогда не видывал даже во сне.

Глава XXVI

ЗАСАДА

Конвойный хотя и мог бы обмануть Тревора, получив от него плату вперед, но он не сделал этого. Когда отряд остановился перед постоялым двором, хозяин которого подавал оставшимся в седлах офицерам вино и пиво, конвойный сделал вид, что поправляет на лошади Тревора ослабшую подпругу. Для этого пришлось слезть с лошадей и конвойному и пленнику. Дело было обычное во время стоянок, и никто на это не обратил внимания. Солдат действовал так ловко, что через минуту Юстес был уже на своем любимом коне.

Когда отряд двинулся дальше, Юстес с тревожно бьющимся сердцем стал выжидать поворота дороги в том месте, где она разветвляется в две стороны. В этой местности находилось поместье отца Юстеса, поэтому она была ему хорошо знакома с детства. И вот, когда отряд приблизился к повороту, молодой человек шепнул что-то на ухо Саладину и сильно сжал коленями его бока. В мгновение ока добрый конь вынес его из строя и помчал вверх на гору, покрытую густым тесом и изрезанную узкими тропинками. За беглецом бросилась погоня, в него стре-

ляли, но Саладин знал свое дело и проявлял чудеса ловкости, чтобы спасти своего хозяина. Еще немного, и Юстес оказался вне всякой опасности. Куда он забрался, там ему не были страшны никакие преследователи: это была непроходимая, дикая лесная глушь. Отсюда беглец рассчитывал выбраться в область, занятую сторонниками парламента. Но помощь оказалась к нему ближе, чем он предполагал.

Восходящее солнце уже заливало своими яркими лучами весь лес, когда вдруг из-за группы деревьев выступил новый конный отряд, и тот, который был во главе этого отряда, крикнул:

— Стойте! Кто вы и за кого? — но тут же радостно прибавил: — Ах, Боже мой! Да ведь это вы, мой милый Тревор... Вот неожиданная встреча! Как вас Бог спас? Вас-то нам и нужно было, а мы думали, что вас придется отбивать из рук врагов, а тут такое чудо...

— Сэр Ричард?! — вскричал Юстес, не менее его удивленный и обрадованный. — Вот счастье-то.

— Вас везли в другое место заключения? — продолжал сэр Ричард, спеша узнать нужные ему подробности.

— Да, и, кажется, в Гирфорд.

— Под сильным конвоем?

— Человек в двести. Но ведь я был не один. Там еще осталось девятнадцать пленников.

— Где вы их оставили?

Юстес сказал.

— Кто начальствует конвоем?

— Сам Линджен.

— Да? Кстати, Тревор, слышали вы, что мы нынче ночью овладели Монмаутсом?

— Нет, не слыхал. Вернее всего, эта весть не успела еще дойти до Гудрича. Рад узнать эту приятную новость.

— Вы говорите, сам Линджен при отряде? — спросил Кэйрль, пожав руку Юстесу после того, как сэр Ричард догадался наконец познакомить их.

— Да, полковник, он сам ведет конвой, — ответил Юстес.

По лицу экс-роялиста пробежало выражение такой радости, какая может быть только у человека, давно искавшего случая разделаться со своим смертельным врагом и вот наконец дождавшегося этого случая.

— Присутствие этого человека едва не стоило мне жизни, — добавил Юстес.

— А что?

— Я слышал, как он распорядился стрелять в меня и вернуть живым или мертвым.

— Ну и стреляли в вас?

— Стреляли все его конвойные, но, к счастью, не попали, и я, как видите, уцелел.

— Ну, и слава Богу! — сердечно проговорил Кэйрль. — Значит, эти-то выстрелы мы и слышали, когда попали сюда, пробираясь к дороге в Гирфорд... Ну, Уольвейн, — обратился он к сэру Ричарду, — пора нам и дальше, если мы не хотим упустить Линджена. Хотя ваш молодой друг и спасен и отбивать его нам не нужно, мы все-таки не должны упускать случая посчитаться с неприятелем. Берите своих людей и своего друга, так счастливо попавшего из-под обстрела прямо в ваши дружеские объятия, и направляйтесь влево, а я со своими людьми поверну направо. Так с двух сторон мы и охватим Линджена. Только позвольте мне руководить всем делом, потому что эта местность мне больше знакома, чем вам.

Немного спустя, эскадроны Кэйрля и Уольвейна, каждый в отдельности, уже находились в засаде возле одного места, которого нельзя было миновать Линджену, бросившему бесполезное преследование беглеца и продолжавшему свой путь.

Юстесу было дано запасное оружие, имевшееся у сержанта Уайльда, и он снова почувствовал себя человеком, а не вещью, с которой можно делать все, что вздумается ее владельцу. И всем этим он был обязан своему верному и умному Саладину.

Часть линдженского эскорта, состоявшая исключительно из молодых дворянчиков и ехавшая немного позади, только что достигла крутого перевала, как вдруг с обеих сторон была окружена неприятельскими дружинами. Послышалось грозное: «Сдавайтесь!» Растерявшиеся кавалеры поняли, что если они не послушаются этого окрика, то через минуту все будут уложены на месте. И они, забыв, что при них есть оружие, единодушно подняли руки и хором завопили: «Пощадите!»

— Где Линджен? — кричал Кэйрль, с обнаженной саблей ринувшись в самую середину эскорта. — Почему не видно его? Куда он спрятался? Такому храбренцу следовало бы быть во главе отряда... Эй вы, корнет! — продолжал он, бешено напирая на молодого офицера, помертвевшего от ужаса. — Говорите скорей, где ваш полковник? Иначе я проткну вам ребра!

— Не знаю, — лепетал несчастный корнет, еле ворочая языком. — Он был впереди... Должно быть, отъехал в сторону.

Кэйрль вылетел обратно на дорогу и внимательно посмотрел

во все стороны. За поворотом, с которого начинался спуск с кручи, мелькнуло несколько лошадиных хвостов.

— А, вот он где! — крикнул Кэйрль. — Уольвейн, пустимся за ним!

— Непременно! — отозвался сэр Ричард. — Он ушел вперед со всеми пленными. А так как эти пленные все из моей дружины, то их надо освободить, чего бы это ни стоило.

— Это не трудно будет сделать, судя по тому, что сейчас было, — заметил Кэйрль. — Ватаги Линджена деморализованы и не в состоянии оказать серьезного сопротивления.

Оставив часть своих людей при пленниках, оба полковника пустились вслед за передовым неприятельским отрядом, который успел уже уйти далеко.

Между тем Линджена стали догонять его собственные дружинники, которым удалось ускользнуть из засады. Обернувшись на шум лошадиной скачки, Линджен узнал своих и, видя их тревожное состояние, спросил:

— Что случилось? Бежавшего пленника, что ли, поймали?

— Никак нет, полковник! — запыхавшись, ответил один из солдат. — Измена! Мы попали в ловушку!

— Измена?.. Ловушка?.. Что за чушь! — воскликнул Линджен, размахивая саблей. — Очумели вы, что ли?

— Никак нет, полковник! — продолжал солдат. — Нам построена ловушка. Мы едва ушли. Наверху выскочили на нас целые тысячи круглоголовых...

— Вздор, какие там могут быть круглоголовые! Их больше нет в здешних местах. Это, наверное, дружина Скъюдамора из Гирфорда, и вы, трусы, испугались собственной тени.

— Никак нет, полковник. Они окружили и захватили в плен всех наших кавалеров, которые ехали в арьергарде отдельной кучкой. Им крикнули: «Сдавайтесь!» — и они сдались. Никто ведь ничего подобного не ожидал.

— Не поверю этому, пока сам не увижу! — упорствовал Линджен. — Назад за мной! — скомандовал он, продолжая размахивать саблей.

Солдаты неохотно повиновались только из страха наказания. Но не успел еще весь отряд обернуться, как с нижней части дороги донесся новый конский топот. Линджен остановился в ожидании, что будет еще. Подскакал всадник, весь в поту и на взмыленной лошади. Очутившись лицом к лицу с полковником, он молча отдал ему честь и вручил письмо. Вскрыв письмо, Линджен прочитал следующие, очевидно, с большой поспешностью набросанные строки:

«Кэйрль обманул нас. Массей занял Монмаутс. Большие от-

ряды — несколько сот человек из форестерцев Уольвейна и дружинников Кэйрля во главе с ним самим — нынче под утро отправились по дороге к Гирфорду. Назначение неизвестно. Будьте настороже!»

Хотя письмо было без подписи, но Линджен узнал автора по почерку, а содержание письма подтверждалось только что полученным от собственных людей известием о засаде и теми изустными подробностями, которыми мог дополнить письмо гонец.

Среди роялистов Линджен был одним из самых храбрых. Но кидаться очертя голову в опасность у него не было привычки; для этого он был слишком рассудителен и осторожен. Не поступил необдуманно он и в настоящем случае. Он понял, что с несколькими сотнями форестерцев и других республиканских дружинников ему, имея под руками какие-нибудь две сотни, не сладить. К тому же при форестерцах, наверное, находился полковник Уольвейн, славившийся своей исключительной доблестью, а изменник Кэйрль лично ему, Линджену, смертельный враг. Массей — в Монмаутсе, и тоже как бы не выкинул чего-нибудь непредвиденного. Вообще, положение Линджена было довольно критическое. Поэтому он хотел продолжить путь по направлению к Гирфорду, не пытаясь вступать в битву с неприятелем и оставив ему на произвол пленных кавалеров. Однако после новых размышлений, сообразив, что Кэйрль и Уольвейн могут пуститься ему вдогонку, он не стал пробиваться к Гирфорду, но со всем своим отрядом и пленниками бросился обратно в Гудрич, только по боковой дороге, в обход того места, где была засада.

Это утро представляло удивительную картину переменчивости военных судеб. Сначала ехали триумфаторами роялисты, собиравшиеся удивить столицу графства Гирфорд своими победами и числом пленных; потом самая блестящая часть этих «победителей» позорно попала в плен к врагу и в довершение всего Кэйрль и Уольвейн успели окружить отряд Линджена и отбить всех его пленников. Только самому Линджену, и то с большим трудом, удалось пробиться сквозь ряды преследователей. Со стыдом и позором, с горстью своих солдат он вернулся обратно в свой замок, недавно покинутый им при совершенно иных условиях. Кэйрль торжествовал. Он гнался за своим врагом вплоть до самого Гудрича, куда он не мог проникнуть, потому что для этого понадобилось бы несколько тысяч человек. Но он нанес чувствительный удар Линджену, а в будущем надеялся докончить дело своей мести. Ради этого нужно было взять Гудрич штурмом или измором, сравнять эту гордую твердыню с землею и уничтожить самого Линджена. Вот только бы ему,

Кэйрлю, утвердиться в Монмаутсе в качестве коменданта, и тогда наступит для него день полного торжества над врагом его родины.

Глава XXVII

ОПЯТЬ В ХОЛЛИМИДЕ

Долго страдала руардинская область от роялистов, которые держали ее в страхе и трепете, творя всевозможные насилия над мирным трудовым населением. Когда парламентариям посчастливилось сломать силу сэра Джона Уинтора при Бечлее и овладеть Монмаутсом, форестерцы могли наконец вздохнуть полной грудью. Давивший их столько времени тяжелый кошмар кончился. Для охраны их от возможных будущих вторжений и набегов роялистов по деревням были размещены отряды парламентских дружин, по большей части набранных из среды местного же населения. С их стороны нечего было опасаться измены и предательства.

Когда все успокоилось возле Холлимида, Эмброз Поуэль, все время находившийся в сношениях со своими единомышленниками и оказывавший им как материальную, так и нравственную помощь, нашел возможным снова вернуться в свое заброшенное поместье. Этому способствовало и то обстоятельство, что Ричард Уольвейн и Юстес Тревор решились основать там свою главную квартиру. При них находился и сержант Уайльд. Лучшей защиты не могло и быть.

Вместе с отцом вернулись в свое родное гнездо и Сабрина с Вегой. В старом живописном Холлимиде снова закипела молодая жизнь со всеми ее радостями и удовольствиями; снова начались там и соколиные охоты. Ван-Дорн не покидал Холлимида. Сокольниковый сказал, что у него нечего взять роялистским грабителям, и за два года отсутствия своих хозяев — именно столько времени продолжалась борьба республиканцев за освобождение всего Динского леса от роялистов — успел воспитать новый выводок соколов-бойцов.

В один прекрасный летний день была устроена соколиная охота на равнине у подножия руардинского горного хребта. Предметом охоты снова была белая цапля с пышным хвостом и хохлом, поднявшаяся из ближайшей осоки. Это было странное и многозначительное совпадение для Веги. Мечтая о новой белоснежной эгретке для Юстеса, как известно лишившегося этого украшения вместе с алмазною пряжкой при взятии в плен роя-

листами, Вега с напряженным ожиданием следила за происходившими в воздухе движениями птиц. Соколы искусно делали свое дело, стараясь не упустить своей добычи; но одно время казалось, что она ускользнет от них. Сердце Веги тревожно колотилось в груди.

Ван-Дорн поощрительно свистал и улюлюкал. Соколы горели желанием и отличиться и получить награду. Ловким маневром они далеко отогнали цаплю от ее убежища в осоке, где она была бы потеряна для них. Долго металась несчастная жертва, тщетно пытаясь уйти от своих преследователей, и яростно защищалась от них, но минуты ее были сочтены. Новым удачным маневром оба старых сокола дружно ринулись на нее. Обхватив свою добычу крыльями и впившись в ее тело когтями, они вместе с нею спустились на землю.

— Готова! — с торжеством возгласил сокольник и, не дожидаясь распоряжения, отделил от мертвой уже цапли роскошные хвостовые перья.

Он слышал, что Вега желает иметь новую эгретку, чтобы украсить ими некую шляпу, и спешил услужить своей госпоже.

— Вот вам, дорогой Юстес, замена вашей утраты, — с нежной улыбкой проговорила девушка, передавая своему кавалеру перья.

— Как мне благодарить вас, дорогая Вега! — воскликнул молодой человек, принимая подарок и вспыхнув от удовольствия. Какая была разница в их взаимных отношениях с того дня, когда Юстес получил первую эгретку из тех же ручек! Не было уже больше мучительных сомнений и опасений. Сердце поняло сердце, верность обоих была доказана и взаимная любовь утверждена навеки.

— Постараюсь сохранить эти перья и не лишиться их, как первых, — продолжал молодой человек, втыкая перья за ленту шляпы. — Ах, как я был огорчен, когда у меня были отняты первые! Я опасался, что вместе с ними лишусь и того, что было мне всего дороже на свете...

— Жизни своей, конечно, — договорила Вега. — Как боялась и я этого, когда узнала, что вы ранены.

— Нет, я опасался лишиться не жизни, а кое-чего другого, — возразил Юстес.

— Чего же?

— Вашей любви, Вега, и вашего уважения.

— Ах, Юстес, как могли вы так думать!

— Как же было мне не думать так, когда я сам потерял к себе уважение, попав самым глупым образом в плен! Вы могли считать меня трусом.

— Никогда этого не могло бы быть, дорогой Юстес. Мы все сразу поняли, что вы сделали жертвою низкой измены. При таких условиях, при каких вы попались в плен, мог попасть и лев. И он ведь покоряется превосходству силы. Притом же вы были ранены...

— Да, и опять в правую руку, на которой оказались поврежденными три пальца. Само по себе это не важно, и слухи о моем поражении были сильно преувеличены, но в нужный момент это лишило меня возможности защищаться, чем и воспользовались мои противники. Теперь уж все зажило...

— Только остались рубцы, как знаки совершенных вами подвигов! — подхватила Вега, с жалостью и гордостью глядя на красные еще рубцы, которыми были отмечены три средних пальца правой руки ее жениха. — А как славно совершился ваш побег и как хорошо, что под рукою у вас оказался милый умник Саладин! Само Провидение так вовремя вернуло его вам. Недаром я день и ночь молилась за вас... Кстати, знаете ли, дорогой Юстес, что ваш счастливый побег избавил меня от неприятной поездки и еще более неприятного унижения?

Юстес с удивлением посмотрел на свою невесту и поспешил спросить:

— Куда же вы намерены были ехать и перед кем унижаться?

— Сначала я съездила бы в Гудрич, а потом, может быть, и еще кое-куда.

— Но для чего?

— Для того, чтобы броситься к ногам мистера Линджена и вымолить вам свободу.

— Да, это действительно было бы для вас большим унижением, и я несказанно рад, что судьба избавила вас от этого! — с чувством воскликнул молодой человек.

— Судьба, а также ваша смелость и прекрасные качества Саладина, — добавила молодая девушка, трепля по шее коня, на котором сидел его хозяин. — Милый Саладин, если бы ты знал, как я тебе благодарна!

Благородный конь на эту ласку повернул к девушке свою тонкую голову и радостно заржал, стараясь потереться мордой о плечо ласкавшей его.

Приятное зрелище представляла собою эта красивая молодая парочка, сидевшая верхом на великолепных лошадях, нарядно и богато одетая и такая же жизнерадостная, как те птички, которые так беззаботно и весело щебетали в зеленых ветвях дерева. Возмужавший за два года боевой жизни, загоревший, с вполне развившейся и окрепшей фигурой, Юстес Тревор, сидя

на своем Саладине, походил на рыцаря-крестоносца, только что вернувшегося из дальних походов. В свою очередь и Вега превратилась из многообещающего бутона, каким была два года тому назад, в пышную розу. Теперь в ней сказывалась уже женщина, много видевшая и перетерпевшая. Не стало в ней прежней, почти мальчишеской резвости и бойкости, зато явилось больше спокойной, милой женственности, и это придавало ей особенную привлекательность. Вообще, она сделалась почти такою же серьезною, как ее старшая сестра.

Временами по ее прелестному личику пробегало облако печали и горести. Война еще не кончилась, и каждую минуту можно было ожидать, что возникнет новое осложнение, которое снова разлучит ее с Юстесом, и, может быть, даже навсегда. О том же самом думал и Тревор, глядя на свою очаровательную невесту. Словом, эта парочка чувствовала себя как на старом, полуразбитом ветрами корабле, ныряющем по бурным волнам океана в ожидании, что вот-вот ему предстоит нырнуть в последний раз, и тогда всему конец. Ах, какая это жестокость!

Тревоги Юстеса и Веги, вдруг охватившие их среди веселья охоты, оказались предчувствиями. Как всегда, по окончании соколиной охоты Сабрина пожелала дать отличиться и своему кобчику. Ради этого охотники поднимались на гору, где среди древесной растительности водилась птица, нужная кобчику. Так было сделано и в этот раз. Едва достигнув известной высоты, Сабрина спустила с руки кобчика. Не прошло и нескольких минут, как он уже высмотрел себе добычу — дергача — и бросился за ним. Развив всю силу своих крыльев, дергач старался юркнуть в лиственную гущу, но был настигнут кобчиком и почти мгновенно сброшен на землю мертвым. Сабрина хотела еще раз спустить кобчика, но была остановлена появлением всадника, быстро скакавшего к ним со стороны Дрейбука.

Первым увидел его сэр Ричард, разумеется участвовавший в охоте вместе с Сабриной, и угадал в нем посланца от Массея.

— Должно быть, это ко мне, — сказал он невесте. — Наверное, случилось что-нибудь новое и важное. Обождите здесь с сестрой, а я поеду встретить гонца. Смотрите, он несется во весь опор.

И действительно, это был гонец с письмом к полковнику Уольвейну от Массея. Письмо гласило следующее:

«Джерард через Вурстер проскользнул из южного Уэльса и направляется в Оксфорд, на помощь королю. Комитет предписал мне перехватить его, по возможности, возле Ивсгема или Котвольда. Для этого мне нужен полный состав дружин. Не-

медленно выступайте из Руардина и отправляйтесь в Глостер для подкрепления тамошнего гарнизона. Время дорого. Спешите.

Е. М а с с е й».

Когда сэр Ричард прочел письмо, Вега тотчас поняла по серьезному лицу жениха сестры, что опасения ее не были безосновательными. И это подтвердил ответ сэра Ричарда на вопрос Сабрины, не получил ли он дурных известий.

— Да, — дрогнувшим голосом сказал он, — Массей требует меня немедленно в Глостер со всеми моими дружинниками. Нужно поспешить домой и приготовиться к выступлению.

Как и в первый раз, охота была внезапно прервана и маленькое общество поспешило назад в Холлимид. Но тогда, два года тому назад, сэр Ричард и Юстес Тревор оставались еще какое-то время возле приглянувшихся им молодых девушек, сделавшихся теперь их невестами. А теперь женихи должны были наскоро проститься со своими возлюбленными и отправиться в тьму неизвестности.

Прошло несколько дней.

— Разве тебе не хотелось бы вернуться в Глостер, Саб?

— Зачем же мне хотеть этого, Вега?

— Здесь такая скука!

— Тебя трудно понять, Вега! Когда мы были в городе, ты не знала, как попасть сюда, а теперь...

— А теперь сплю и вижу, как бы вернуться в город.

— Это в «прозаический»-то Глостер? Помнится, ты всегда так называла его.

— Называла. А все-таки теперь мне досадно, что мы покинули его.

— Ты сама себе противоречишь, милая Вега. Отец всеми силами был против такого раннего возвращения сюда, а ты настояла на этом, и отец не мог отказать своей любимице...

— То есть тебе, Саб. Это ты все время рвалась сюда, по известной причине. Я только вторила тебе.

Вега была права. После взятия Монмаутса парламентариями сэр Ричард был назначен охранять гирфордские границы руардинской области от вторжения роялистов. Это подало сэру Ричарду мысль основать свою главную квартиру в Холлимиде, что, в свою очередь, вызвало и желание сестер Поуэль вернуться туда. После же того, как сэр Ричард был внезапно отозван в Глостер, все изменилось, и сельская жизнь, так восхваляемая Вегой в городе, потеряла для нее всякую прелесть.

— Ну, может быть, было и так, — созналась невольно покрасневшая Сабрина. — Во всяком случае раз мы здесь, нам

нечего сокрушаться об этом. По совести сказать, я и сама была бы рада, если бы отец сдался на советы Ричарда.

Перед отъездом сэр Ричард советовал мистеру Поуэлю вновь оставить Холлимид и переселиться в Глостер, где он и его дочери были бы в полной безопасности, между тем как у себя в поместье, лишенном защитников, он мог снова подвергнуться неприятностям. Но Эмброс Поуэль был уверен в том, что роялисты и носа больше не посмеют показать в его владения, и в тот самый день, в который происходила описываемая беседа его дочерей, отправился в Глостер по делам комитета народной обороны, оставив дочерей одних.

— Мне не только скучно, Саб, — продолжала Вега, — но меня опять тяготит какое-то мрачное предчувствие. Ты ничего такого не чувствуешь, Саб?

— Нет. А что?

— Да мне все кажется, что к нам могут ворваться роялисты...

— Ну вот, вздор какой! Ближе Бристоля и Гирфорда их теперь больше нет. Да и быть не может.

— Ты забываешь о Гудриче, Саб.

— Нет, не забываю, Вега. Но раз Монмаутс в руках наших партизан, гудричскому гарнизону теперь только одна забота: как бы самому уцелеть вместе с крепостью, ему уж не до набегов по сторонам. Во всяком случае, думается мне, Линджен лично нас не стал бы тревожить. Ведь он был другом нашего отца и...

— Да и твоим тоже, пока не женился на другой! — подхватила младшая сестра. — Это мне хорошо известно. Тем больше надо его бояться. Отвергнутые поклонники бывают склонны к мести.

— Ах, Вега, охота тебе городить такую чушь! — с сердцем возразила Сабрина. — Между мною и Линдженем никогда не было ничего такого, что могло бы подать ему повод считать себя «отвергнутым» и пылать к нам жаждою мести. Нет, с этой стороны нам совсем нечего опасаться.

— Так, может быть, с другой? — спросила Вега.

— С какой же, по-твоему?

— Не знаю, Саб. Но повторяю, что меня томит предчувствие о какой-то надвигающейся беде. То же самое было у меня и перед тем, как пожаловал гонец от Массея...

— Ну что же случилось тогда особенно дурного, Вега? Только то, что Ричард и Юстес должны были наскоро покинуть нас. Но ведь это не в первый раз. Пока не кончится эта несчастная война, мы постоянно должны быть готовы к разлуке. Да и не мы одни.

По своей тонкой, нервной натуре Вега была подвержена душевным состояниям, каких у большинства людей не бывает. На нее действовали всяческие знамения и предвестия, и она всему этому придавала большое значение. Как ни странно, все ее предчувствия сбывались. Сбылись они и в этот раз.

Сестры находились в маленькой гостиной, рядом со столовой, откуда и перешли в гостиную после завтрака. Вега стояла у одного из окон и смотрела вдоль длинной аллеи. Вдруг девушка вскрикнула: «Так и есть! Смотри, Саб, смотри, кто идет!» — и ближе припала к окну.

Сабрина тоже выглянула в окно. По аллее быстрыми шагами, чуть не бегом, приближалась Униифреда, сестра Джека Прыгуна.

В самом появлении этой девушки не было ничего особенного; живя поблизости, она чуть не каждый день бывала в Холлимиде по разным надобностям. Необычна была только ее торопливость. Она всегда ходила степенным шагом, а тут неслась с поспешностью человека, гонимого очень важным.

— Должно быть, случилось что-то, — сказала Сабрина. — Уни никогда так не бежит... И видно, что она в большом возбуждении.

— Я же говорила тебе, что надвигается вновь что-то нехорошее для нас, — сдавленным голосом произнесла Вега. — Наверное, Уни несет нам какую-нибудь роковую весть.

— Ну, зачем все видеть в черном свете, милая Вегочка? Вернее всего, она была на рынке в Монмаутсе, услышала там что-нибудь новое и бежит сообщить нам, хотя это лично нас, быть может, не касается... Но как же она могла поспеть назад с рынка в такое раннее время?.. Впрочем, мы сейчас узнаем, в чем дело.

Отворив окно, Сабрина вышла на маленький балкон и, перегнувшись через перила, крикнула вниз:

— Уни, ты несешь нам какую-нибудь весть?

— Да, мисс Сабрина, и сама не рада этому, — отозвалась разносчица, приостановившись.

— Значит, весть твоя дурная? — с замирающим от страха сердцем спросила и Вега, также выбежавшая на балкон.

— Из Глостера? — подхватили Сабрина и Вега в один голос.

— Нет, из Монмаутса, — ответила великанша.

У сестер отлегло от сердца, и они уже спокойнее стали ждать дальнейших сообщений.

— Он взят кавалерами, — продолжала разносчица, отирая рукой струившийся по ее лицу пот. — Они ворвались в него,

засадил всех парламентских сторонников в крепость и грабят там по-прежнему, — пояснила вестница.

— Откуда ты это узнала? Неужели успела уже побывать в городе в такую рань? — интересовалась Сабрина, не переставшая думать, что это просто пустой слух.

— Конечно, нет, — продолжала вестница. — Мы с братом успели дойти только до Гудрича и узнали, что тамошний лорд вместе с регленцами ходил в Монмаутс и помог им взять город. Мы и бросились назад, Джек — прямой дорогою домой, а я сюда, чтобы предупредить вас.

— Спасибо тебе, милая Уини, за то, что ты так хорошо помнишь о нас, — сказала старшая сестра. — Теперь иди на кухню и скажи от моего имени повару, чтобы он накормил тебя как следует... Да, погоди минуту! Когда был взят Монмаутс?

— Под вчерашнее утро, мисс Сабрина. Когда рассвело, люди увидели, что над крепостью опять развевается королевский флаг. Кто вчера побывал в Монмаутсе, те рассказывают, как там радуются сторонники короля. Словно все взбесились от радости.

— Что же нам теперь делать, Саб? — спросила Вега, когда разносчица ушла на кухню.

— Ничего, до возвращения отца, — ответила Сабрина. — Как только весть о взятии Монмаутса дошла до Глостера, — а это могло быть уже вчера вечером, — отец, наверное, поспешил обратно домой и скоро прибудет. Но вот что: не отложить ли нам до другого дня соколиную охоту, которую мы назначили было на сегодня?

— Ну, вот, милая Саб, почему же? — возразила Вега. — Похоже, что теперь нам и в самом деле придется опять перебраться в Глостер или в какой-нибудь другой город, и неизвестно, когда мы снова вернемся сюда и будем в состоянии повеселиться с нашими пернатыми бойцами. Да и не хотелось бы разочаровать Ван-Дорна, который только этими охотами и живет.

— Ну, хорошо, пусть будет по-твоему. Не надо только выезжать из пределов наших владений. Устроим охоту у себя в парке, — решила старшая сестра.

— Вот и отлично! — согласилась младшая. — Это ничему не помешает. Я и сама нахожу, что одним нам небезопасно уходить далеко от дома...

Соколиная охота, начавшаяся после обеда, шла к концу, и сестры уже собирались домой, вдоволь натешившись подвигами своих любимцев, двух старых соколов, двух молодых, только что кончивших курс обучения под руководством Ван-Дорна, и старого кобчика. Отца все еще не было, и девушки начинали беспокоиться, не случилось ли с ним чего дорогой. Рассуждая об

этом, они хотели было направиться к дому, но вышла неожиданная задержка.

Ван-Дорн уже собрал собак, посадил соколов под клобучки и собирался вернуться домой, как вдруг перед его глазами поднялась дичь, которая до этой минуты не показывалась. Это была великолепная цапля, летевшая по направлению от Северны к Байе и теперь проносившаяся как раз над тем местом, где только что проходила охота. Это было таким соблазном, перед которым не может устоять никакой сокольник. Ван-Дорн указал Веге на цаплю, и девушка, как и ожидал сокольник, велела вновь спустить соколов, но только одних старых, и те, расправив крылья, спиралью взвились ввысь.

В эту минуту широко раскрылись ворота, замыкавшие парк со стороны проезжей дороги, и в аллею вступил длинный блестящий кортеж. Во главе ехало человек шесть в залитых золотом мундирах и в дорогих шляпах с развевающимися страусовыми перьями. Драгоценные аграфы на шляпах переливали всеми цветами радуги. Особенно роскошно одет был тот, который следовал впереди всех. Он весь горел золотом и брильянтами; вся грудь его была украшена знаками отличия, обычно присваиваемыми только лицам королевской крови. Этот блестящий всадник был принц Руперт. Непосредственно за ним следовали его главные приближенные, среди которых находился и наш знакомец полковник Ленсфорд. Затем тянулись две колонны солдат в багряных мундирах, богато украшенных золотыми шнурами. В каждой колонне было не менее ста человек. Лошади под всадниками были белой масти, превосходно подобранные. Те же белоснежные скакуны, на которых ехали сам принц и его приближенные, были чистой арабской крови, и, видимо, из одной конюшни. Принц был щедр к своим любимцам и ничего для них не жалел.

Находясь на стоянке в Бристоле, принц узнал, что те самые прелестные девушки, которые заинтересовали его, когда они вместе с отцом покидали только что занятый им, принцем, город, теперь живут у себя в имении. Об этом сообщил ему Ленсфорд, имевший при этом в виду, главным образом, свои собственные интересы, связанные, как уже известно читателю, с Сабриной Поуэль. Полковник напомнил принцу о красавицах, и тот пожелал привести в исполнение свое намерение развлечься с пикантной блондиночкою, носившею странное имя Вега. Такая же пикантная брюнетка, имевшая не менее оригинальное имя, Сабрина, была «не в его вкусе», и Ленсфорд мог не опасаться соперничества принца; напротив, мог даже надеяться, в случае надобности, на его содействие в «ухаживании» за этой брюнет-

кой, красота которой была именно ему, Ленсфорду, по вкусу. Накануне за веселым пиром в Бристоле принц решил «осчастливить» своим визитом прекрасных обитательниц Холлимид-Хауза на следующий же день, то есть в тот самый, который нами описывается.

Въезжая в холлимидский парк и увидев, по всем признакам, что дом действительно обитаем, как ему было донесено, Ленсфорд обратился к принцу со словами:

— Меня не обманули. Владельцы этого прелестного уголка налицо, и ваше высочество напрасно опасались проехаться напрасно.

— Очень рад. Действительно, я боялся, как бы эта восхитительная блондиночка не оказалась неуловимой, — на смеси немецкого с французским и английским отозвался Руперт.

— А теперь выходит, что вашему высочеству удастся не только изловить эту хорошенькую бабочку, но и удержать ее при себе, сколько вам пожелается, — с лстивой улыбкой успокаивал своего высокого собеседника Ленсфорд.

— Если я верно понял вас, полковник, вы намекаете на то, чтобы я взял этих девиц в плен? — спросил принц.

— Нет, ваше высочество, — возразил полковник, — я посоветовал бы вам взять в плен, собственно, не девиц, а их отца. Посадить в крепость этого старого интригана и смутьяна будет вполне законно и необходимо. Ведь это, как я уже не раз докладывал вашему высочеству, один из самых ярых врагов его величества. Отведите его в Бристоль, и дочери поневоле последуют за ним. Не захотят же они оставить своего отца одного томиться в заключении. И тогда, вы понимаете, ваше высочество?

— Понимаю! — лаконически ответил принц, задумчиво оглядываясь вокруг. Совет лукавого Ленсфорда пришелся ему по душе, и принц обдумывал, как бы получше привести его в исполнение. Вдруг его слух был поражен каким-то странным криком, за которым последовал протяжный и пронзительный свист.

— Эй, да тут что-то происходит! — вскричал Руперт, придерживая коня. — Кажется, соколиная охота, судя по этому свисту.

— Совершенно верно, ваше высочество. — Подтвердил Ленсфорд. — Поднимают соколов на добычу.

— В каком же это месте? Отсюда ничего не видно.

— Должно быть, в той вон стороне, за соснами... Смотрите, ваше высочество, вот и пара соколов в погоне за цаплей! — воскликнул Ленсфорд, подняв глаза вверх.

— Да, да... Великолепный подъем. Превосходно обучены... Как красиво вонзаются вверх... А эта красавица цапля... Не уйти ей от врагов... Вот и стойка... Подлетает второй... Сцепились... Готово! Мастерские приемы у этой дивной пары! — восторгался принц на смеси трех языков.

Пока в воздухе происходили волнующие зрителей движения птичьего боя, охотники и гости не могли видеть друг друга. Возможность эта явилась только тогда, когда охотники выехали из-за тесных рядов сосен, окаймляющих с обеих сторон аллею, спеша к тому месту, куда спускались соколы и их уже полумертвая жертва. Произошло обоюдное изумление.

— Солдаты?! — раздалось из уст обеих мисс Поуэль.

— Дамы?! — вскричали кавалеры.

— Вам везет, ваше высочество, — шепнул принцу Ленсфорд. — Изволите видеть?

— Этих двух дам? Вижу. Но лиц не могу различить под широкими полями шляп. Уверены ли вы, что это именно те, которых мы ищем?

— Вполне уверен, ваше высочество. Кому же еще из дам быть здесь, как не самим хозяйкам?

— Да, вы правы. Сами птички с птичками играют, хе-хе-хе!.. Не попросить ли нам у них позволения принять участие в их забаве, как вы думаете, Ленсфорд?

— Это как вам будет угодно, ваше высочество.

— Вы знакомы с ними лично, полковник?

— Нет, представлен я им не был, но вот капитан Тревор...

— Ах да, припоминаю, вы мне описывали ваше пребывание здесь. И насчет Тревора тоже... Тревор, прошу вас сюда! — крикнул принц, обернувшись через плечо к своей свите.

Капитан Реджинальд Тревор быстро поравнялся с принцем и, почтительно выпрямившись в седле, ждал, что ему скажут.

— Я слышал, вы знакомы с семейством мистера Эмброза Поуэля? Не его ли это дочери, которых мы тут видим? — спросил Руперт.

— Да, ваше высочество, когда-то я был знаком. Но с тех пор утекло много воды, — с запинкой отвечал Реджинальд.

— Поссорились, что ли?

— Нет, ваше высочество, ссоры в прямом смысле не было, но...

— Но явилось некоторое охлаждение, понимаю, — прервал принц. — Ну, остывшую дружбу можно снова подогреть, и я постараюсь поспособствовать этому. Прошу только познакомить меня с этими дамами. Полагаю, ваше знакомство с ними не настолько охладилося, чтобы они не пожелали выслушать вас?

— Надеюсь и я, ваше высочество, — пробормотал Реджинальд, поняв, что просьба принца, собственно, означает приказание, которого он не мог ослушаться. — Во всяком случае, я вполне к услугам вашего высочества.

— Так подъедемте к ним, капитан... Вы же, полковник, — обратился принц снова к Ленсфорду, — оставайтесь здесь с остальной моей свитой и со всем эскадроном, пока я не узнаю, можем ли мы надеяться на ночлег в Холлимиде... собственно говоря, с радушием ли он может быть нам предоставлен, хе-хе-хе! — со смехом добавил он.

Дав своему арабскому коню шпоры, Руперт понесся вперед к охотникам или, вернее, к охотницам. Реджинальд волей-неволей последовал за ним. Он все еще любил Вегу и продолжал на что-то надеяться, хотя казалось, что никакой надежды уже не должно бы быть. Поэтому он не мог перестать поклоняться Веге и уважать ее. Знакомить любимую девушку с принцем Рупертом было для него равносильно участию в ее гибели, и это было ему невыносимо больно...

Глава XXVIII

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

— Кто это может быть, как ты думаешь, Саб? Парламентское войско?

— Нет, для этого они слишком нарядны и блестящи.

— Так это дружинники Линджена?

— Едва ли и они. Ричард говорил, что у Линджена одни копьеносцы. У этих же не видно ни одного копья. Скорее всего они из Монмаутса или Реглена. Старый маркиз Вурстер, сидящий в Реглене, говорят, любит такую пышность, да и его сын, лорд Герберт, тоже... Должно быть, тот нарядный радужный павлин, который впереди, и есть сам лорд Герберт. Но кто бы они ни были, одно несомненно, что это — роялисты, то есть наши враги.

Так переговаривались сестры Поуэль, когда увидели в начале парка неожиданных гостей. Вид их привел девушек в сильное волнение. От роялистов нельзя было ожидать ничего хорошего. Предчувствия Вегги оправдывались.

— Что им нужно? — удивлялась она, с ужасом глядя на пеструю кавалькаду, сопровождаемую таким внушительным количеством солдат. — Зачем они явились?

— Наверное, за нашим отцом, — с дрожью в голосе отве-

тила Сабрина. — А мы еще хотели, чтобы он скорее вернулся к нам. Хорошо, что наше желание не исполнилось!

— Да... Как же нам теперь быть, Саб?

Старшая сестра на минуту задумалась. Затем, обернувшись к своему груму, сказала:

— Рекс, поезжай потихоньку домой по тому пути, которым мы сейчас прошли. Поезжай шагом, и с таким видом, будто ты ищешь что-то. А когда выедешь на поляну, скажи что есть мочи и задними воротами проберись в Руардин к Джеку Прыгуну. Скажи там его сестре Уини, чтобы она как можно скорее пришла сюда. Потом отправься на глостерскую дорогу, и если встретишь нашего отца, скажи ему, чтобы вернулся назад в город. Понял?

— Все понял и исполню, мисс Сабрина, — ответил грум.

— Ну, так с Богом!

Рекс был человек сметливый и дельный. Он с таким искусством объехал вокруг опасных гостей, что ни один и не догадался, что это может быть человек, вредный для них, которого следовало бы перехватить.

— Зачем-то остановились? — недоумевала Вега, смотря в сторону неожиданных гостей. — Наверное, хотят ехать к нам в дом...

— Это они из-за нас остановились. Лица обращены к нам, — заметила старшая сестра, в свою очередь глядя в ту сторону.

— Да, правда... А вот двое скачут прямо к нам. Что же нам делать, Саб?

— Подождем их здесь. Ведь не особенно будет вежливо, если мы повернемся к ним спиной и бросимся бежать.

— Как же принять их, Саб?

— Как следует девушкам нашего круга... Впрочем, это будет зависеть от их поведения. Если это лорд Герберт, то он не позволит себе ничего неприличного. Эти регленцы хотя роялисты и паписты, но до сих пор никогда...

— Нет, это не лорд Герберт! — вскричала Вега, всматриваясь в приближавшегося великолепного всадника. — Это кто-то другой.

— Почему ты так думаешь? — спросила Сабрина. — Ведь насколько известно, ты никогда не видела лорда Герберта...

— Его-то я не видела, а этого вот нарядного павлина, как ты сама удачно назвала его, видела. Видела и ты вместе со мною.

— Разве?.. Не помню... Кто же это?

— Принц Руперт.

— Ах, Боже мой!.. Ведь и в самом деле он... Но кто же другой-то?

— А другой — Реджинальд Тревор.

— Да, да, вижу и я теперь... Ну, Вегочка, мы попали в тиски! Нам нужно будет действовать очень осторожно. Я уж кое-что придумала и потом скажу тебе. А пока надо стараться быть с ними как можно вежливее и приветливее.

Едва Сабрина успела проговорить последние слова, как всадники подъехали.

В нескольких шагах от дам Руперт вдруг так круто осадил коня, что тот взвился на дыбы и сбросил бы всякого неопытного и неловкого всадника. Но принц Руперт был одним из лучших наездников своего времени и захотел, очевидно, похвастаться своей ловкостью перед дамами.

— Прекрасные леди, — с изысканной вежливостью, дотрагиваясь до своей роскошной шляпы, проговорил он, — я не имею удовольствия быть с вами знакомым. Но вот этот джентльмен, капитан Реджинальд Тревор, давно уже пользуется этим удовольствием, и если вы не имеете ничего против, он может познакомить и меня с вами.

— Это его королевское высочество принц Руперт, — проговорил Реджинальд в свою очередь, хотя и с сильным смущением поклонившись дамам и представив их принцу.

«Прекрасные леди» ответили не только любезным поклоном, но даже и приятною улыбкою, что было уже больше, чем можно было ожидать от них. Поощренный этим, принц продолжал:

— Кажется, мы невольно прервали ваш интересный спорт? Усердно извиняемся в этом.

— Не беспокойтесь, ваше высочество. Мы уж кончили охоту, — ответила Сабрина.

— Разве?.. Так это был последний из намеченных вами воздушных боев, которому я имел удовольствие быть свидетелем? Великолепнейший бой! Давно не видывал такого. Ваши соколы — прекрасные бойцы, воспитаны на удивленье... Ах, я вижу у вас и кобчика? Тоже интересная птичка.

Кобчик Сабрины случайно уселся на загривке лошади ее сестры. Показывая, что любит «интересной птичкой», принц впивался глазами не в птицу, а в лицо Вегги, и выходило так, что его похвала относится именно к ней самой, тем более что принц произнес свою похвалу пониженным голосом, чтобы не быть услышанным Сабриной. Та, впрочем, все равно не слушала его, потому что в это время была занята разговором с Реджинальдом Тревором.

— Да, это большой умник, — сказала Вега, одним пальцем поглаживая крылья кобчика и как будто не замечая назойливых

взглядов принца. — В несколько мгновений укладывает любую птицу, на которую бывает выпущен.

— Ах, — вздыхал Руперт, — очевидно, он так же опасен для жаворонков и стрепатов, как ее хозяйка для бедных мужчин! Этот кобчик тоже ваш, мисс?

— Нет, ваше высочество, — ответила Вега, стараясь подавить неудовольствие, причиненное ей его тяжелым, пошлым комплиментом. — Кобчик принадлежит моей сестре. Мои только соколы.

— Счастливые соколы! — подхватил принц с новым вздохом. — Как бы я желал быть одним из вас! — обратился он уж прямо к птицам, смиренно сидевшим под клобучками у девушки на руке. — Я готов бы целый век просидеть на цепи, лишь бы по временам удостоиться ласки нежной ручки вашей прекрасной хозяйки. Ах, как сладка должна быть эта ласка!

Это было уже прямою дерзостью, и Вега до корней своих золотистых волос вспыхнула от негодования. Ей хотелось бы как следует осадить этого блестящего нахала, но она вспомнила о предостережении сестры и сдержалась. Однако оставить совсем без возражения такие бесцеремонные выходки — значило поощрять их, и девушка ответила, стараясь говорить по возможности спокойнее:

— Простите, ваше высочество, мы, провинциалки, не привыкли к тому языку, который, очевидно, предназначен для придворных дам.

Как ни был испорчен этот немецкий принц, но и он почувствовал некоторый стыд, когда получил такой отпор со стороны девушки, а негодующий взгляд, которым она сопровождала свои слова, окатил его точно холодной водой. Поняв, что с этой «пикантной блондиночкой» надо действовать иначе, чем он привык обращаться с женщинами, принц скрыл свое смущение смехом и с искусственной веселостью проговорил уже другим тоном.

— Ах, уважаемая мисс, не сердитесь на наш язык. Он так же, как и наш меч, часто рубит без разбора. Сознаю это и извиняюсь. Клянусь вам, что у меня не было ни малейшего намерения оскорбить вас.

Извиняться было нелегкой задачей для такого избалованного человека, но он покорился этой горькой необходимости в надежде на то, что в ближайшем будущем сторицею вознаградит себя за минутное унижение, когда эта «задорная девочка» будет в его власти. Переменяя тактику, он с достоинством заговорил так громко, что мог быть услышан всеми присутствующими:

— Мисс, я приехал сюда с целью посетить вашего почтенного родителя, к которому у меня есть дело. Он, наверное, у себя

дома? Может быть, вы позволите мне проводить вас домой и вместе с тем попросить познакомить меня с мистером Поуэлем, которого до сих пор, к сожалению, я знаю только понаслышке. Если же вы найдете это почему-нибудь неудобным, то позвольте мне тут же распрощаться с вами и поблагодарить за любезный прием.

— Ваше высочество, — отозвалась Сабрина, — нашего отца нет дома.

— А! — воскликнул принц, чувствуя некоторое разочарование и вместе с тем удовольствие. — Как это жаль. Но, может быть, ваш почтенный родитель скоро возвратится?

— Не могу вам сказать, ваше высочество, он не определил дня своего возвращения.

— Да?.. А не могу ли я узнать, где именно он находится? Извините, что я так настаиваю, но мне необходимо это знать.

— Он находится в Глостере, — поспешила ответить Сабрина, радуясь случаю намекнуть принцу, что ее отец в безопасности от него.

— В Глостере? Ну, в таком случае он, наверное, скоро вернется. Не будет же он там долго задерживаться вдали от своего дома и семьи. Обождем его... Тревор, — обратился он к Реджинальду, — мы вынуждены здесь переночевать... Поверьте, мисс, — снова обернулся он к дамам, — мне очень совестно за такую навязчивость, и не только за себя лично, но и за мой конвой, стоянка которого здесь едва ли доставит вам удовольствие. Я понимаю это, но ручаюсь, что мои солдаты будут вести себя тихо и прилично, а если подадут кому-либо хоть малейший повод к жалобе, виновные будут мною строго наказаны.

Девушки обомлели; то, чего они так опасались при виде незваных гостей, действительно случилось. Не стесняясь отсутствием хозяина дома, принц желает остаться в этом доме, следовательно, они всецело во власти этого человека!

Но, собрав всю силу своей воли, старшая сестра постаралась уверить принца, что Холлимид будет очень счастлив пребыванием в нем такого высокого гостя, и пригласила его пожаловать в дом. Дорогою она ухитрилась шепнуть сестре:

— Не унывай, Вегочка, и постарайся сдерживаться. Все будет зависеть от твоего поведения. Помни, что с волками нужно и быть по-волчьи.

— Капитан Тревор, — распоряжался между тем принц, — скажите Ленсфорду от моего имени, чтобы он привел весь отряд сюда к дому.

— Боже мой, и Ленсфорд здесь! — чуть не вслух воскликнула Сабрина.

К счастью, никто, кроме сестры, не слышал этого восклицания, и она добавила ей уже шепотом:

— Да, мы действительно среди волков.

У крыльца, ловко соскочив с коня, принц галантно помог и дамам сойти с лошадей.

Когда девушки скрылись в доме, извинившись перед гостем, что они должны сделать кое-какие распоряжения по хозяйству, он остался на месте и с видимым нетерпением стал поджидать приближения отряда. С той минуты, как он услышал, что владельца Холлимида нет дома, им овладела какая-то беспокойная мысль.

Лишь только офицер, ведущий эскорт, подъехал достаточно близко, принц сделал ему знак прибавить шаг. Этот офицер был сам Ленсфорд, который по данному ему знаку и поспешил на зов своего начальника.

— Ближе, ближе сюда, Ленсфорд! — вполголоса подзывал его принц, стоя сам на верхней ступени крыльца, так что голова всадника как раз приходилась на одном уровне с его головой. По-видимому, принц опасался быть услышанным другими.

— Что прикажете, ваше высочество? — также вполголоса осведомился Ленсфорд, удивленный такою таинственностью.

— Тревор не говорил вам, что отца нет дома? — тихо спросил Руперт, нагнувшись к нему.

— Нет. Но я сейчас узнал об этом, — также тихо ответил Ленсфорд.

— Где же и от кого?

— Только что вы изволили отъехать от нас, как я увидел шмыгавшего по парку молодого челядинца, остановил его, дал ему монету и узнал от него не только об отсутствии Поуэля, но и о том, куда он уехал.

— Мне говорили, что он в Глостере.

— Так сказал и мне этот парень. Но имейте в виду, ваше высочество, что монмаутский переворот, наверное, немедленно призовет Поуэля сюда. Весть об этом перевороте должна была достичь до Глостера еще вчера, и нет сомнения, что старик тотчас поспешил домой, так что каждую минуту он может быть здесь.

— Думал так и я, но затем мне пришло на ум, что если он как-нибудь случайно узнает дорогою, что мы опередили его, то с той же поспешностью вернется обратно. Поэтому прошу вас отделить от нашего конвоя человек десять — двенадцать и под командою надежного офицера отправить этот отряд по глостерской дороге, приказав ему при встрече с «родителем» —

принц произнес это слово с особенной иронией — взять его под арест и вести сюда.

— Это уж сделано, ваше высочество.

— Как?.. Разве он уже арестован?

— Нет, ваше высочество, прошу простить мне, если я выразился недостаточно ясно. Я хотел сказать, что отряд для задержания этого «родителя» мною уже отправлен без распоряжения вашего высочества. Я видел, что дело срочное, и боялся пропустить время, а потому и распорядился...

— Отлично, полковник. Благодарю вас.

— Рад стараться, ваше высочество. Но я должен доложить вашему высочеству еще об одном обстоятельстве. Я заметил, что верховой, похожий на грума, насколько можно судить в отдалении, сначала отъезжал шагом от того места, где происходила охота, потом, очутившись за линией сосен в правой стороне, вдруг понесся во всю прыть. Я догадался, что это может быть гонец, отправленный навстречу кое-кому, чтобы сообщить о нашем прибытии...

— О, как это изменяет весь наш план! — перебил принц.

— Ничуть, ваше высочество, — возразил Ленсфорд. — Так как гонец вынужден ехать задом, пока не достигнет Дрейбука, откуда уж прямой путь в Глостер, то наш отряд настигнет его в пути и также захватит его в плен. Хозяина со слугой вместе и приведут назад.

— Ах, какой вы блестящий стратег, мой милый полковник! — похвалил Руперт своего соумышленника, хлопая его по плечу рукою, затянутою в белоснежную замшевую перчатку. — Если нас и постигнет неудача, то уже не по вашей вине.

— Глубоко тронут милостивыми словами вашего высочества, — ответил с низким поклоном Ленсфорд. — Но я надеюсь, неудачи не будет. Во всяком случае, гонца перехватят, и мы узнаем от него что-нибудь важное. Я распорядился, в случае если он будет упорствовать на допросе, доставить его под конвоем сюда. Здесь мы сами подвергнем упряма такому допросу, что он выложит все, что нам нужно знать, и даже то, чего не нужно, — позволил себе пошутить Ленсфорд. — Полагаю, ваше высочество намерены переночевать здесь? — спросил он с плохо скрытым любопытством.

— Да, полковник, и даже не только одну эту ночь, а несколько, если это понадобится для... достижения моей цели, — с улыбкой ответил принц.

— Достаточно будет и одной, если, ваше высочество, не откажетесь последовать моему искреннему совету. Скромностью и деликатностью здесь ничего нельзя будет достигнуть; это

можно сделать лишь смелостью, а быть смелым всегда и везде предоставляется победителю.

Ленсфорд знал, что его совет будет выслушан благосклонно. Едва ли бы он решился дать такой совет человеку с большей нравственной устойчивостью, чем принц Руперт.

— Конечно, — подхватил принц, — это будет самым верным способом — действовать, так сказать, нахрапом. Совершенно согласен с вами, полковник. А теперь вернитесь к отряду и распорядитесь насчет квартир. Позаботьтесь также расставить стражу вокруг дома и пикеты вокруг всего имения. Хотя Монмаутс снова в наших руках, но надо быть как можно осторожнее. Мало ли что может случиться неожиданного и непредвиденного? Когда вы все устроите, приходите ко мне и мы с вами еще потолкуем.

Глава XXIX

В ПЛЕНУ

Сестры Поуэль поднялись наверх, в свои комнаты. Им нужно было переодеться к обеду. Однако, когда явилась позванная ими горничная Гуензсиана, ни одна из молодых хозяек не выказывала никакого желания переодеваться.

Усевшись перед своим письменным столом, Сабрина достала бумагу, обмакнула гусиное перо в чернила и принялась с лихорадочной торопливостью что-то писать. Когда письмо было готово, она особенным способом сложила его и, обратившись к горничной, сказала:

— Вот что, милая Гуензс, пойдй к нижней калитке и дождись там разносчицу Уинифреду. Она должна скоро прийти. Как только она придет, приведи ее сюда ко мне. Сделай все это как можно незаметнее.

Горничная утвердительно кивнула головой и уже хотела уйти, но Сабрина остановила ее и сделала еще одно распоряжение.

— Вот что, Гуензс, сначала ступай на кухню и скажи повару, чтобы обед был отпущен только тогда, когда Уинифреда уже уйдет отсюда, если вообще она придет. Во всяком случае, на стол без моих дальнейших распоряжений не подавать.

— Нежели нам и в самом деле придется обедать с ним? — с ужасом спросила Вега, когда горничная наконец ушла. — Нельзя ли этого избежать, Саб?

— Никак нельзя, дорогая Вегочка, — спокойно отвечала старшая сестра. — Я уже пригласила принца отобедать вместе с нами, и отказаться теперь от этого будет с нашей стороны

грубым оскорблением. Надеюсь, ты это понимаешь, Вегочка?

— Ах, я бы скорее села за стол с самим Вельзевулом, чем с этим вульгарным принцем! Ты и представить себе не можешь, Саб, какой он противный!

— Вижу сама. Я уже знала его по рассказам Ричарда. Но мы должны перенести его общество и всячески стараться занять его и его офицеров. Думаю, пока еще они не позволят себе никакой вольности по отношению к нам. Только бы поддержать их в хорошем расположении духа несколько часов... собственно говоря, мне нужно полным счетом двенадцать часов и тогда мы будем избавлены от всякой опасности.

— Почему же именно двенадцать, Саб? — полюбопытствовала Вега.

— Вот прочти это, тогда узнаешь.

Сабрина показала сестре только что написанную ею записку, и когда Вега пробежала глазами набросанные на бумаге строки, спросила:

— Теперь поняла?

— Поняла. Но с кем ты хочешь послать эту записку?

— С Унифредой. Для этого я и послала за нею Гуэнзс.

— Что ж ты не догадалась послать это с Рексом? Уж кстати бы. К тому же он на лошади гораздо скорее доставил бы ее.

— Его могут остановить, Вегочка. Я имела это в виду. Уини пешком скорее везде проскользнет, чем Рекс на лошади, а бежать она может с неменьшей скоростью, чем лошадь. Ей знакомы все тропинки и лазейки во всем Дин-Форесте, и лучше ее никто не умеет исполнять подобные поручения. К несчастью, может случиться, что ее нет дома, что она ушла куда-нибудь далеко. Жаль, что мы не знали сегодня поутру, когда она была у нас, того, что случится вечером.

— Да вот, кажется, она уже и идет! — воскликнула Вега, тонкий слух которой уловил вдруг раздавшиеся на лестнице шаги — одни полегче, другие потяжелее. — Да, да, это, наверное, она вместе с Гуэнзс.

— Действительно, немного спустя, отворилась дверь и на пороге появились две женские фигуры — горничной и за ней разносчицы.

— Иди сюда, милая Уини, — позвала Сабрина разносчицу в комнату. — Как хорошо, что ты так скоро пришла.

— Я пришла бы и раньше, мисс Сабрина, но никак не могла пробраться сюда: весь Холлимид занят стражей. Увидали и не пропускают в усадьбу. Долго я думала, как бы мне пробраться к вам. Наконец мне пришлось в голову сказать, что я здешняя прачка и иду за бельем...

— Отлично придумала! — одобрила Вега. — Ну, тогда и пропустили?

— Не хотели и после этого. Но тут явился на выручку один из офицеров и велел не задерживать меня. Вы знаете этого офицера...

— Кто же это такой? — полюбопытствовали обе сестры.

— А это тот самый капитан Тревор, который бывал здесь года два назад.

— А! Странно, что он так хорошо обошелся с тобой, Уини, — задумчиво проговорила Сабрина. — Мы были уверены, что он сердится на нас и не захочет пропустить случая сделать нам неприятность. Ну, тем лучше, если мы ошибались... Но вот что, милая Уини. Я хочу просить тебя об одной услуге. Только не знаю, возьмешься ли ты...

— А почему же вы думаете, что я не возьмусь, мисс Сабрина?

— Потому что поручение, которое я хочу дать тебе, довольно опасное.

— А разве я боялась какой-нибудь опасности? Что вы, мисс Сабрина, Господь с вами! Говорите прямо, в чем дело, и я исполню все, что смогу, в особенности для вас.

— Спасибо, милая Уини. Вот в чем дело. Нужно бы немедленно доставить вот это.

И Сабрина показала разносчице свернутый в трубочку листок бумаги. Опытная в таких делах разносчица сразу поняла, что это было письмо, и поспешила сказать:

— Хорошо, мисс Сабрина, позвольте мне эту штуку, я доставлю ее куда и кому будет нужно, и никому не найти ее у меня, если бы меня и остановили на дороге.

Она взяла у Сабрины бумажную трубочку и так искусно вплела ее в гстые пряди своих волос и потом так умело зашпилила эти пряди, что только тогда можно было бы постороннему человеку отыскать бумажку, если распустить все ее косы. Она даже не спросила, кому доставить письмо в Глостере, зная, что адресатом может быть только сэр Ричард Уольвейн, которому не раз уже доставляла письма, написанные той же рукой.

— Ну, я отправляюсь, мисс Сабрина, — заявила она, поклонившись обеим сестрам.

— Когда ты думаешь попасть в Глостер? — осведомилась Сабрина.

— С Джеком и ослом мы ходим четыре часа, а одна я хожу скорее, потому что тогда не стесняюсь дорогой и пробираюсь глухими местами. Надеюсь, пробегу не более трех часов, а может быть меньше.

— Теперь десять минут седьмого, — сказала Сабрина, взгля-

нув на часы. — Значит, ты будешь там около девяти или немного позднее?

— Да, если меня нигде не остановят и не задержат.

— Ну, авось Бог милостив... постой, мне надо сказать тебе еще словечко на ушко. Подойди поближе и нагнись.

Сабрина была не из маленьких, но форестерская разносчица превышала ее почти на голову. Когда она нагнулась, Сабрина шепнула ей несколько слов, вызвавших на строгом лице разносчицы нечто вроде веселой улыбки.

— Хорошо, мисс Сабрина, — сказала она, отступая к двери. — А теперь пусть Гуензс даст мне побольше белья, чтобы видели, что я недаром назвалась прачкой.

Забрав большой узел белья, форестерка положила его себе на голову и, гордо подбоченившись, вышла из дома. Сестры, оставшись наедине, тревожно переглянулись. Теперь, когда их возбуждение немного улеглось, девушек охватило опасение: что если Уинифреда будет остановлена караулом и подвергнута обыску? Письмо, несмотря на все предосторожности, все-таки может быть найдено у нее в волосах, и тогда девушки окажутся сильно скомпрометированными. В письме были ясные указания, и если они не достигнут своего назначения, можно было ожидать всего самого дурного.

Прошло с четверть часа в томительном ожидании. Обе бледные как смерть сестры сидели в глубоком раздумье. С тревожно бьющимся сердцем они напряженно прислушивались к малейшему звуку, раздававшемуся в доме и вокруг него. Наконец по лестнице снова послышались легкие шаги Гуензс и через несколько секунд она с сияющим от радости лицом вошла в комнату и воскликнула:

— Слава Богу, Уини благополучно выбралась из усадьбы!

— Ты это верно знаешь? — осведомились сестры.

— Верно, верно! Ведь я провожала ее до самой наружной калитки.

— Неужели ее везде так и пропустили без остановок и опросов?

— Какое тут без остановок! — засмеялась Гуензс. — Здесь же, у черного крыльца, караульные не хотели выпустить ее, как мы обе ни спорили и ни доказывали, что если прачка спешит домой с бельем, которое дано ей вымыть к сроку, то ее нельзя задерживать. Пусть посмотрят, что в узле ничего нет, кроме белья. Но куда тебе, и слышать ничего не хотят! Совсем было задержали нашу Уини и хотели куда-то отправить, да на счастье опять подошел капитан Тревор и, когда узнал, в чем дело, велел пропустить нашу «прачку» без всяких препятствий, даже поз-

волил мне проводить ее до задней калитки и отправил с нами солдата, чтобы передать наружному караулу его распоряжение насчет дальнейшего пропуска прачки. Дай Бог ему всего хорошего! Славный этот капитан. Жаль только, что он не из наших...

— Ну, это, пожалуй, и лучше для нас, — заметила Сабрина. — А по какой дороге она пошла?

— Побежала прямо через нее. Белье оставила в дальней сторожке, там оно будет цело. Не тащить же его с собой всю дорогу?

— Само собою разумеется... Ну, Бог даст, теперь все обойдется благополучно. Самое главное было выбраться отсюда, а в своем родном лесу, где ей знакома каждая норочка, каждый кустик, каждая самая глухая тропочка, она никому в руки не дастся.

Успокоившись, сестры занялись обдумыванием другого вопроса, также очень существенного: как успеть в короткий срок приготовить приличный обед для таких важных гостей, какими были принц Руперт с его приближенными офицерами? Относительно солдат нечего было особенно заботиться: Сабрина уже распорядилась выдать им достаточное количество провизии и пару бочек пива; готовить же себе еду они взялись сами, попросив только разрешения разложить в удобном месте костры. Но для принца и его спутников нужно было иное. Нельзя же кормить таких избалованных господ чем попало. А затем, как и чем занять гостей, чтобы они остались довольны? Трудно было молодым хозяйкам, не привыкшим к такого рода осложнениям. Пришлось позвать на совет повара. После долгих обсуждений и споров было решено, что обед должен быть отложен часа на два, а за это время повар брался состряпать такой обед, что «хоть всех королей собирай со всего света, так и те остались бы довольны».

Наконец все необходимое было улажено, и молодые хозяйки могли приступить к одеванию для предстоящего вечера. Им хотелось бы просто заменить свои амазонки обыкновенным домашним платьем, но этого не допускало приличие. Нужно было почтить гостей и нарядом. А наряжаться сестрам совсем не хотелось. Во-первых, они вовсе не стремились казаться еще лучше в глазах этих «противных повес», как охарактеризовала Вега незваных гостей, а во-вторых, им было больно наряжаться еще и потому, что на сердце у них лежала забота об отце. Что будет, если Рексу почему-либо не удастся вернуть его с пути и он попадет в руки своих заклятых врагов, роялистов? Об этом страшно было и подумать. Но как бы там ни было, а одеться было необходимо. Перебрав все свои наряды, сестры наконец

остановились на самых скромных, но вполне приличных для приема любого гостя, только не подчеркивающих, а скорее затемняющих природную красоту обеих девушек. Сабрина выбрала более темные цвета, а Вега на этот раз надела серое платье, вместо белого или голубого.

— А знаешь, Вегочка, — заговорила Сабрина, когда наряды уже были выбраны, но перед тем как их надеть, нужно было еще поправить прическу, и сестры уселись каждая перед своим туалетным столиком, — ведь Реджинальд Тревор сильно переменялся. Я давеча говорила с ним и была поражена: он точно переродился за то время, в продолжение которого мы с ним не встречались.

— Разве так? — удивилась Вега. — Что же могло так подействовать на него?.. Должно быть, тебе только показалось, что он изменился? Если бы это было верно, он едва ли бы остался в свите этого надутого павлина Руперта.

— Мало ли какие соображения могут удерживать его до поры до времени! А что он стал совершенно другим, чем был раньше, — это верно. В нем уже незаметно ни прежнего бахвальства, ни самодовольства, ни...

— Одним словом, — иронически перебила сестру Вега, — по какому-то волшебству все его прежние свойства исчезли и заменились... чужими! Напрасно, стало быть, ты, мудрая Саб, боялась, как бы я не увлеклась им... помнишь, когда он только что познакомился было с нами, а ты уж по уши была влюблена в своего Ричарда?

— Ах, Вегочка, какая ты насмешница! Мало ли что было! Я никогда не считала себя «мудрою», а всегда сознавала, что могу ошибиться, как и всякий другой человек, в особенности молодой. Это ты меня так прозвала, и, конечно, тоже в насмешку.

Вега молча расчесывала свои длинные и шелковистые золотистые волосы, целым каскадом окатившие ее белоснежные плечи, думая о том, что, быть может, Реджинальд Тревор и в самом деле изменился. Быть может, он искренно любил ее и ее отказ произвел в нем коренной переворот. Она слыхала, что так бывает. Вероятно, он понял, что таким, каким он был, его не может полюбить ни одна порядочная девушка. Ну и отлично, тем лучше для него, но ей, самой Веге, разве это не все равно? Его хорошее отношение к Уинифреде, конечно, стоит признательности, в которой ему не будет отказано. А дальше — какое ей дело до него? Да и Сабрина хлопочет, разумеется, только о справедливости: она видит, что человек исправился, радуется этому и хочет, чтобы радовалась и сестра...

— Ах, Боже мой, Вегочка! — раздался вдруг возглас Сабрины, уже окончившей свой туалет и смотревшей в окно. — Пойди-ка скорее сюда и посмотри, что там делается.

Испуганная встревоженным голосом сестры, Вега как была с распущенными волнами волос, так и бросилась к окну и выглянула во двор. В ворота въезжало трое всадников, в середине ехал кто-то в черной одежде гражданского покрова, а по бокам ехало по солдату в вышитых золотыми шнурами мундирах багряного цвета.

— Это Рекс! Его забрали в плен! — продолжала Сабрина, вглядевшись. — Попался-таки... Вот несчастье-то!

— Да, Саб, это действительно он, — подтвердила Вега. — Ах, какая неудача!.. Теперь одна надежда на то, что отец не успел еще выехать из Глостера.

Но и эта надежда оказалась напрасной. Едва успела Вега выразить ее, как в аллее, по ту сторону двора, появилось еще несколько багряных всадников с человеком посередине в темной же одежде. По-видимому, это тоже был конвой с каким-то пленником.

— О, Саб, да ведь это наш отец! — вскричала Вега, отскочив от окна и бросаясь на шею сестры. Крепко обхватив друг друга, сестры громко разрыдались...

Над Холлимидом спустилась ночь. Сама по себе очень темная, эта ночь освещалась множеством больших и малых огней, горевших вокруг дома и в нем самом. Октябрь шел к концу, и становилось свежо, поэтому топились все каминные в доме. Повсюду на столах и стенах сияло пламя толстых восковых свечей. Горели и спускавшиеся с потолка фигурные бронзовые канделябры.

На дворе пылали костры, вокруг которых в самых неприужденных позах расположились солдаты принца. Все они сытно и вкусно поужинали и получили по хорошей порции вина и пива, так что находились в самом прекрасном настроении. Их веселый и шумный гомон далеко разносился по тихим окрестностям.

Не менее весело, хотя и не так шумно, было и в парадной столовой дома. Там, за богато убранном столом, уставленным всякого рода прекрасной старинной фарфоровой посудой, бутылками с дорогими винами и серебряными кубками, восседали непрощенные гости. Самого хозяина дома здесь не было. Он находился в одной из соседних комнат, перед закрытыми дверями которой стояла стража.

Дочери его все еще оставались наверху. Они видели в окно, как их отца провели под конвоем, точно какого-нибудь злодея, пойманного на месте преступления. Это зрелище наполнило их

негодованием и ужасом. Еще большее стало им, когда они узнали, что не только не будут допущены к свиданию с отцом, но даже к дверям его комнаты, через которые они могли бы перекинуться с ним несколькими словами. Эта бесчеловечность со стороны роялистов, переполнила чашу горести девушек. Очевидно, взятие в плен их отца сулило впереди новые беды.

Несчастные девушки страшились даже задумываться о будущем. Они могли только дрожать, плакать, молиться и со страхом прислушиваться к шагам, поднимавшимся по лестнице к ним. Хотя дверь в их комнату не была заперта на ключ и никакой стражи к ним не было приставлено, однако они чувствовали себя в таком же заключении, в каком был их отец. Придворная челядь, находившаяся в рядах свиты принца Руперта, рыскала по всему дому, громко разговаривала и смеялась, — вообще вела себя самым бесцеремонным образом. Попасться на глаза этой нахальной челяди было небезопасно для девушек, потому они сами заперлись в своей половине и боялись даже пошевелинуться, чтобы не привлечь внимание к своему присутствию в доме.

По всему было заметно, что принц почему-то вдруг круто изменил свое первоначальное отношение к обитателям Холлимида. Сначала он был таким любезным, вежливым и обещал не допускать никаких бесчинств со стороны своих людей, а теперь, по-видимому, разрешил им не стесняться во всякого рода вольностях. Это что-нибудь да значило, но что именно?

Причина была в сущности простая. Вскоре после прибытия принца в Холлимид к нему явился гонец из Монмаутса с извещением о новом поражении роялистов: парламентские дружины взяли еще один из их укрепленных городов. Выведенный из себя этим неприятным известием, принц решил вполне последовать лукавому совету Ленсфорда и, сбросив с себя личину даже условной порядочности, поступить со всем семейством республиканца Поуэля, как с военнопленными, и отвести их в Бристоль. Сделавшись, таким образом, полновластным распорядителем этого семейства, он мог заставить «пикантную блондиночку» покориться его прихотям, как это уже было со многими девушками и замужними женщинами, имевшими несчастье пригласиться этому развратнику.

Усевшись вместе с Ленсфордом за небольшим столом, который приказал поставить в один из дальних углов столовой, принц вполголоса вел интимную беседу со своим соучастником. Бражничавшим за большим столом офицерам было не до того, чтобы подслушивать разговоры своего начальства; да если бы они и подслушали, то едва ли были бы возмущены содержанием

этих разговоров. Понятия о чести и порядочности были им так же чужды, как и принцу с Ленсфордом.

— Как вы думаете, полковник, — сказал Руперт, — оставаться нам здесь до утра или теперь же вернуться в Монмаутс? Мы могли бы быть там около полуночи, если выехать отсюда сейчас.

— Конечно, могли бы, ваше высочество, но зачем нам так скоро возвращаться в Монмаутс? — с удивлением спросил Ленсфорд.

— Разве вы находите это излишним, полковник?

— Да, ваше высочество.

— Почему?

— По двум причинам.

— Какие же эти причины, Ленсфорд?

— Первая причина та, что если Чепстоун действительно попал в руки неприятеля, то нам будет очень затруднительно переправиться обратно через Вайю. Да и через Северну мы едва ли попробедем с нашими слабыми силами!

— Да, это верно... Я об этом и не подумал... Ну, а вторая причина?

— Вторая причина более деликатного свойства, ваше высочество. Как вы поведете туда пленника, в особенности — пленниц, не обратив на это внимания лорда Вурстера? Вы знаете, какой он щепетильный в вопросах рыцарской чести... К тому же он не из ваших друзей...

— О да, это мне хорошо известно, и когда-нибудь я посчитаюсь с этим старым лицемерным папистом! Но по какому же тогда пути нам уйти отсюда?

— По-моему, нам следует пройти через Форест до переправы через Северну при Ньюнгеме или при Уэстбери. В обоих этих местах имеется прекрасный перевоз как для людей, так и для лошадей. Приема в два-три весь наш отряд будет перевезен на тот берег. К утру мы можем достигнуть Берчлей-Кессля. Если вашему высочеству будет угодно, мы там отдохнем, а затем проедем прямо в Бристоль, где никому уже не будет дела до того, кого мы ведем с собой в качестве пленников и... пленниц.

— Гм... Пожалуй, вы и правы... Но хорошо ли вы знакомы с тем путем, по которому предлагаете следовать?

— Порядочно знаком, ваше высочество. Но еще лучше меня знает весь Форест капитан Тревор. Ведь он довольно продолжительное время провел в этих окрестностях, когда служил под знаменем сэра Джона Уинтора и объездил всю область вдоль и поперек. Под его руководством мы не заблудимся.

— Но я слышал, как здесь кто-то говорил, что ночь чересчур темна, — заметил принц.

— Скоро должна взойти луна, ваше высочество, — поспешил успокоить его последние сомнения Ленсфорд. — Если мы поднимемся немедленно, то будет, пожалуй, и в самом деле еще темно, но часа через два появится луна. Тогда и в путь, а следующую ночь ваше высочество уже будет иметь удовольствие переночевать вновь в Бристоле в компании с некоей очаровательницей.

— Да, да, обязательно в этой компании, хе-хе-хе! — подхватил Руперт, весь красный от возбуждения вином и тем, что он называл любовью, но что, в сущности, было лишь одною из его грязно-чувственных прихотей. — Хорошо, я согласен следовать по предлагаемому вами пути. Распорядитесь, чтобы через два часа все были готовы к отъезду, а потом возвращайтесь сюда доканчивать нашу пирушку.

С этими словами принц пересел на свое председательское место за общим столом. Когда же вернулся Ленсфорд, сделав нужные распоряжения, Руперт поднял полный кубок и провозгласил:

— Пьем за прекрасных женщин, товарищи! Ленсфорд прославит их песенкой. Он на это мастер... Слышите, Ленсфорд, мы желаем, чтобы вы воспели наших утешительниц в боевых трудах и лишениях, прелестных женщин!

— Слушаю, ваше высочество. Сейчас исполню ваше желание. Чокнувшись с принцем и остальными офицерами, Ленсфорд залпом осушил свой кубок, обтер усы и бороду и довольно звучным голосом запел песню собственного сочинения, прославлявшую роялистов, женщин-утешительниц и утехи любви и осмеивавшую «круглоголовых» противников. Припев этой песни повторялся присутствующими, и этот хор пьяных голосов гремел по всему замку, раздражая слух лишенных свободы владельцев этого чинного до сих пор дома.

Глава XXX

МУЖЕСТВЕННАЯ ВЕСТНИЦА

Река Северна разлилась, и вся ее обширная долина превратилась в сплошное озеро. Вплоть до самого Вурстера на севере не видно было берегов. Казалось, снова хлынуло в свое прежнее ложе когда-то шумевшее здесь, затем исчезнувшее море.

Город Глостер превратился в остров, и часть его окраинных домов оказалась под водой. Сообщение по улицам производилось на лодках. Все шоссейные дороги, соединявшие город с

окрестностями, также были залиты водою на несколько футов глубиной.

Этот осенний паводок и был причиною того, что мистер Эмброс Поуэль не успел вернуться домой вовремя, то есть до нашествия роялистов на его родной Холлимид. Только накануне он узнал о падении Монмаутса, и его тотчас же потянуло домой к дочерям, остававшимся там без всякой защиты. Его остановила разбушевавшаяся река, и пока он нашел возможность переправиться через нее, прошло несколько часов. Встревоженный отец дорого бы дал, чтобы превратиться в птицу и перенестись на крыльях домой, где, как он чувствовал, его дочерям угрожает опасность. А когда ему наконец удалось быть почти в виду Холлимида, на него вдруг налетели солдаты королевской армии и, узнав, кто он, привели его к нему же домой как пленника.

Несмотря на то что к Глостеру не было доступа иначе как на лошадях, Уинифреда, эта отважная девушка, не испугалась бушевавшей воды и задумала добраться до города вброд и, если необходимо, даже вплавь. Лодку она не хотела нанимать, чтобы не иметь лишних свидетелей своей экскурсии.

На башне кафедрального собора в Глостере пробило девять часов, когда Уинифреда дошла до Хайнема и остановилась на берегу новообразовавшегося от разлива озера. Луна еще медлила с восходом, и было очень темно. Однако слабый отблеск ее лучей уже отражался в воде и давал возможность различать все, что было на водной поверхности, на расстоянии по крайней мере сотни ярдов. Благодаря этому рысьи глаза молодой форестерки могли различить две линии растрепанных ивовых деревьев, вершины которых поднимались над водой. Эти линии обозначали то место, где пролегалата затопленная шоссеиная дорога.

Уинифреда не ожидала этого препятствия; обыкновенно Северна разливалась позднее. Но храбрая девушка не дрогнула и не подумала отступить назад, как сделала бы на ее месте каждая изнеженная горожанка. Да, пожалуй, и не всякий мужчина решился бы поступить при данных условиях так, как поступила эта безбоязненная и самоотверженная девушка. Разувшись и подобрав повыше одежду, она смело вошла в воду, которая сначала доходила ей до лодыжек, потом стала постепенно подниматься все выше и выше. Временами отважная форестерка попадала в полосу быстрого течения, которое чуть не сбивало ее с ног. Но, собрав всю силу своего духа и тела, она мужественно боролась и с течением, и с поднявшимся ветром, яростно вздымавшим волны и трепавшим отважную путницу. В ее больших темных глазах не было ни страха перед опасно-

стью, ни упрека в душе тем, ради которых она подвергалась опасности.

Погруженная в холодные волны реки уже по пояс, Уинифреда продолжала храбро подвигаться вперед. Ее красивое энергичное лицо выражало спокойную решимость. Возвращаться назад она и не думала, хотя — повторяем — даже не всякий мужчина проявил бы такую твердость воли и такую готовность к самопожертвованию. В крайнем случае она могла броситься и вплавь, как не раз уже делала и раньше при подобных же обстоятельствах. Но пока надобности в этом при ее высоком росте еще не было. В одном месте смелая путница погрузилась было в глубокую размоину почти по самую шею. Но и это не испугало ее. Высвободившись из ямы, путница снова очутилась на ровной почве, залитой водою только по пояс. Еще немного времени, еще несколько усилий — и форестерка очутилась у высокого укрепленного моста, за которым на противоположном берегу белела массивная башня городского собора. Теперь всякая опасность миновала и, кроме того, была близка минута свидания с любимым человеком. Ради уже одного этого Уинифреда готова была бы переплыть хоть океан. Грудь ее дышала свободно и сердце радостно билось.

Как нарочно, Роб Уайльд и в эту ночь, как и в ту, когда Уинифреда приходила с братом в Бристоль, был на часах у тех ворот, через которые она могла проникнуть в город. Уайльд сразу узнал свою невесту, когда та попросила впуска, и по-прежнему были горячи объятия и поцелуи этих молодых людей, чувство которых было так же крепко и устойчиво, как их тела.

— Господи, кого я вижу?.. Мою Уини! — задыхающимся от радости голосом бормотал Роб, с бурной страстностью прижимая к своей могучей груди не менее могучий стан возлюбленной. — Что принесло тебя сюда? Какая еще беда заставила тебя перебираться через паводок?.. Бедная моя, измокла-то как!

— Это ничего не значит, милый Роб, — возразила девушка. — Лишь бы было сделано дело, по которому я пробралась сюда...

— Дело?.. Уж не случилось ли чего-нибудь у вас, в Руардине или в Холлимиде? — спросил встревоженный ее серьезно сержант.

— Да, именно в Холлимиде и случилось очень нехорошее, — продолжала Уинифреда. — Положим, этого надо было ожидать, раз роялисты взяли верх в Монмаутсе... Слышал ты об этом или еще не знаешь этой новости, Роб?

— Об этом мы узнали еще третьего дня. Но о Холлимиде нам ничего не известно. Уж не нашествие ли...

— Да, вчера днем пожаловал принц Руперт с отрядом кон-

ницы. Солдаты в красных мундирах, в золотых галунах; кони у них — одно загляденье. Сам он весь в золоте, бархате, перьях да бриллиантах... Я послана сюда к сэру Ричарду с письмом... Догадываешься, от кого это письмо?

— Знаю, знаю! — кивнул головой сержант. — Значит, тебя надо немедленно вести к сэру Ричарду? Или, может быть, ты сначала пообсушишься и приведешь себя немножко в порядок? В таком случае я сейчас найду тебе помещение...

— Ах нет, Роб, какое уж тут обсушивание! — воскликнула девушка, кое-как выжавшая воду из своей одежды еще на берегу, перед входом в город. — Дорога каждая минута! Если сэр Ричард не успеет вовремя на выручку, то в Холлимиде Бог знает что может произойти. Знаешь ведь, на что способен Руперт?

— Знаю, знаю, для него ничего нет заветного. Должно быть, ему приглянулась одна из барышень? Был среди нас такой слух... Так пойдем скорей к полковнику, Уини, — теперь уж сам сержант торопил вестницу. — Он только что перед твоим приходом был здесь, проверял посты и дал мне приказ... Ну, да это уж дело мое... Поцелуй меня еще разок, радость моя, пойдем. Думаю, полковник теперь у себя дома.

Через минуту высокие фигуры сержанта и его невесты уже торопливо пробирались по пустынным улицам, погруженным в глубокий мрак, лишь кое-где прорезаемый огоньками скудных фонарей.

Отправившись в одну из своих многочисленных экспедиций, глостерский губернатор оставил своим заместителем полковника Браутона, а сэру Ричарду поручил начальство над конной частью и снабдил его особыми полномочиями.

Совершив вместе со своим молодым другом Юстесом Тревором вечерний обход караульных постов, сэр Ричард вернулся в свою квартиру. Озябшие на холоде, он и его спутник уселись перед топившимся камином в ожидании ужина. Губерт-трубач накрывал на стол. Этот бравый солдат так искренне был предан своему господину, с которым не разлучался с самого детства, что считал за счастье и честь услуживать ему, чем мог. Он один заменял сэру Ричарду несколько слуг.

Придвинув к господам небольшой стол, накрытый тонкой белоснежной скатертью, Губерт проворно расставил приборы, стаканы, корзины с хлебом и разные приправы к кушаньям. Потом достал из буфета заранее приготовленную бутылку кларета, откупорил ее и поставил перед прибором хозяина. Как молодой Тревор, так и более пожилой сэр Ричард любили умеренно пользоваться стаканом хорошего вина, да и то лишь

за едою. Это было далеко от безобразных кутежей и попоек роялистов.

Наконец Губерт принес и аппетитно пахнувшее блюдо жаркого; обложенного гарниром из овощей, и приятели принялись утолять свой голод, усиленный тем, что им в этот день случайно не пришлось вовремя пообедать.

Заморивши червяка сотрапезники разговорились о последних политических новостях, к числу которых принадлежало, разумеется, взятие Монмаутса роялистами. Сэр Ричард высказывал сожаление, что ему не пришлось защищать город, который благодаря главным образом его стараниям уже находился в руках республиканцев. Он вполне был вправе сказать, что будь командование монмаутским гарнизоном поручено ему, а не майору Трогмортону, роялистам вряд ли удалось бы снова овладеть этим городом. Трогмортон же, как человек или слишком малодушный, или, может быть, как изменник, отдал вверенный ему город почти без боя.

Дело это сильно смахивало на фарс, крайне досадный для парламента. В описываемое время происходили заседания образованного парламентом «провинциального комитета». На этих заседаниях вырабатывались резолюции отдать под суд монмаутских мятежников и конфисковать их имения. И вдруг те самые лица, жизнью и имуществом которых распоряжался — на бумаге — этот комитет, явились перед ними вооруженные с головы до ног и крикнули им грозное: «Сдавайтесь! Вы в нашей власти».

Никогда еще ни одно судебное заседание так внезапно не прерывалось, ничей авторитет не бывал так смехотворно разбит, как в этот раз. Только что с важным видом заседавшие судьи, игравшие в приговоры к высшим степеням наказания и в конфискацию укрепленных замков и поместий, были захвачены, как малые дети на месте шалости. Богато и уютно обставленная комната заседания сменилась для них темной, сырой, лишенной всякого комфорта тюрьмой. Люди стоявшие у власти, мгновенно превратились в жалких, бесправных арестантов, какими собирались сделать других. Разумеется, для роялистов это было пустым бахвальством и веселым глумлением над противником, так легкомысленно попавшим впросак; но для последнего это был прямой стыд и позор, не говоря уж о разочаровании и горечи.

Особенно скорбели об этом событии полковник Уольвейн и капитан Юстес Тревор.

— Жаль, — говорил сэр Ричард, мелкими глотками потя-

гивая вино, — очень жаль, что я не знал о надвигавшейся опасности в то время, когда получил от Массея приказ идти сюда.

— А что же бы вы сделали, сэр Ричард, если бы знали? — полюбопытствовал Юстес.

— Разумеется, не послушался бы Массея и направил бы свои отряды в противоположную сторону — к Монмаутсу, — горчо ответил Уольвейн.

— Да, действительно жаль, что не пришлось вам так сделать. Это спасло бы несчастный город, — убежденно сказал Тревор.

— Конечно, — подтвердил Уольвейн. — Но у нас осталось утешение: Монмаутс пал не по нашей вине. Дай Бог, чтобы нам с вами не о чем больше было горевать, Тревор. К несчастью, есть кое-что еще более близкое нашему сердцу. Подумать только, что наши невесты оставлены одни в Холлимиде. Это было прямым безумием со стороны мистера Поуэля.

— Да, и мы с Вегою находили это очень рискованным, — заметил Юстес. — Слишком тревожное время для таких... неосторожностей.

— Вот и мы с Сабриною говорили то же самое, — продолжал его собеседник. — Один мистер Поуэль ничего не хотел слушать. Его никак нельзя было убедить в существующей опасности. В конце концов я и сам стал надеяться, что все обойдется благополучно. А теперь, после падения Монмаутса, мало ли что может случиться неожиданного? Я весь холодею при одной мысли об этом.

— Нам с вами, полковник, следовало бы как-нибудь принудить мистера Поуэля последовать за нами сюда вместе с дочерью.

— О, это было совершенно невозможно! — воскликнул сэр Ричард. — Мало ли я старался уговорить его. На него тогда нашло такое упрямство, какое иногда он вообще проявляет, и тогда ничем нельзя переубедить его... Неприятно говорить в таком духе о почтенном человеке, которого мы, вдобавок, оба уважаем еще как нашего будущего тестя. Но нельзя и скрывать правды относительно кого бы то ни было. Когда на мистера Поуэля находит упрямый стих, никакая земная сила не в состоянии сдвинуть его с той точки, в которую он уперся. Никого и ничего он не боится в это время. Помните, как неустрашимо отнесся он к вашему кузену и к Ленсфорду, когда они явились к нему за сбором денег в пользу короля? Положим, за спиной у него в тот день были мы с нашими людьми. Но и без этого он все равно стал бы бравировать с королевскими агентами,

если бы даже за ними стояла целиком вся их армия. Это такая упрямая голова, каких мало на свете.

— Да, это верно, сэр Ричард, — согласился Тревор. — Но такая бравада вполне достойна уважения.

— Так-то оно так, друг мой, но и отвага, доходящая до безрассудства, может навлечь на него и на всю его семью, включая и нас, будущих членов этой семьи, всякого рода бедствия, — возражал Уольвейн, задумчиво глядя в одну точку перед собой. — И мне начинает казаться, что в Холлимиде уже что-то происходит очень дурное, — упавшим голосом прибавил он.

— В каком смысле, полковник? — спросил Тревор, невольно заражаясь беспокойством своего начальника и друга. — Может быть, вам мерещится какая-нибудь особенная опасность?

— Именно так. И эта опасность угрожает нашим милым невестам, — тем же тоном ответил сэр Ричард.

— Но какая и от кого?

— Вы лучше спросите: откуда? И я вам отвечу: из Монмаутса. Мне чудится, что роялисты, овладев этим местом, захотят прогуляться по Динскому лесу и, кстати, посетить прославленный своей оригинальностью Холлимид. Вы понимаете, что в этом-то и кроется опасность для тех, кто нам так безгранично дорог.

— Но ведь мистер Поуэль отправился уже за ними. Наверное, он поспел вовремя и ваша боязнь совершенно напрасна, сэр Ричард.

— Вовсе не напрасна, друг Тревор. Могло случиться, что он опоздал. Мало ли что бывает в пути! Если он успел добраться до своего поместья вовремя, то, конечно, ни одной лишней минуты не задержится там. Но что он вовремя прибыл туда, я сильно сомневаюсь. Ведь как назло случился такой ранний осенний паводок, который мог задержать нашего милого упрямца на первых же шагах. Наверное, ему пришлось горько раскаиваться в том, что не послушал наших добрых советов.

— Ну, Бог даст, этого не случится! — вскричал совсем приунывший Юстес. — Я не перенесу несчастья, на которое вы намекаете.

— И я также, — с глубоким вздохом проговорил сэр Ричард. — Будь Массей здесь, я отпросился бы у него в Холлимид — посмотреть, что там делается... Впрочем, — продолжал он, ударив себя рукой по лбу, как человек, осененный новой мыслью, — отчего бы мне не сделать этого и по собственной воле?

— А ведь и самом деле, полковник! — подхватил сразу

повеселевший Тревор. — Мы успели бы побывать там и вернуться назад еще до рассвета.

Сэр Ричард молчал, видимо обдумывая шансы такого предприятия. Но через минуту он уже встряхнулся, вскочил на ноги и со свойственной ему решительностью проговорил:

— Рискну, чего бы мне это ни стоило! Едемте сию же минуту. Я возьму с собой собственный отряд, которым могу распоряжаться как хочу. Эй, Губерт! — крикнул он.

— Что угодно, полковник? — слышался бодрый голос преданного трубача, появившегося из передней, в которой он находился.

— Беги скорее в казармы и труби нашим людям сбор! — распоряжался сэр Ричард.

— Слушаю, полковник.

Схватив мимоходом в передней свою неизменную сигнальную трубу, Губерт в буквальном смысле слова бросился бежать к казармам. Он знал, что когда его полковник отдает приказание таким тоном, как сейчас, то нельзя медлить ни минуты.

— Тревор, — обратился сэр Ричард к своему капитану, — пошлите за Гарлеем и другими офицерами... Или, еще лучше, отправляйтесь сами за ними... Вы знаете, где они стоят?

— Знаю, полковник.

— Приведите их как можно скорее. Хорошо бы нам всем через полчаса быть уже в седлах.

Юстес вполне был с этим согласен и поспешил выйти из комнаты, а затем и из дому. Но лишь только он вышел на улицу, как тотчас столкнулся с мужчиной и женщиной. В мужчине он сразу узнал сержанта Уайльда, а в женщине — разносчицу Уинифреду.

Появление здесь разносчицы, служившей вместе с тем и тайной вестницей, поразило Тревора. Он понял, что она недаром явилась сюда в разлив и, вероятно, шла к сэру Ричарду с делом, так сильно волновавшим его и сэра Ричарда.

— А, здравствуйте, Уинифреда! — воскликнул молодой человек в ответ на ее поклон. — Я и не знал, что ты в Глостере.

— Да она всего с четверть часа и находится здесь, капитан, — ответил за девушку сержант. — Я только что впустил ее в ворота. У нее есть к полковнику весточка от барышень.

— Да? Ну, пусть идет... Впрочем, сначала идите сами к полковнику, сержант, и доложите ему о ней.

Это было в порядке вещей. По военному уставу, никакое постороннее лицо не может войти к начальствующему офицеру без его предварительного разрешения. Роб, как сам военный, не подходил под это правило. Но когда тот уже шагнул через

порог в полковничью квартиру, Тревор по какому-то внутреннему побуждению последовал за ним.

— В чем дело, Уайльд? — осведомился сэр Ричард, увидев встревоженного сержанта. — Благополучно ли на вашем посту?

— Вполне благополучно, полковник.

— Так какие-нибудь новости?

— Так точно, полковник, только не из добрых.

— Что же случилось?.. где?

— Вести из Руардина или, вернее, из Холлимида.

Полковник с капитаном навестили слух. Никакое место на всем земном шаре не имело для них такого значения, как Холлиמיד, и ниоткуда оба так жадно не ждали вестей, как именно из этого местечка.

— Говорите скорее, сержант, что вам известно оттуда! — последовал приказ Уольвейна.

— Туда забрался на стоянку отряд королевской конницы, полковник, — докладывал Уайльд.

— О, Господи, вот беда-то! — вскричал побледневший Тревор.

Сэр Ричард тоже казался сильно пораженным.

— Откуда вы это узнали? — спросил он сержанта.

— От Уинифреды, полковник.

— Разве она пришла оттуда?

— Так точно. Она перебралась вброд через разлив и находится здесь за дверями. У нее есть письмо от барышень.

— Приведите ее сюда скорее.

— Слушаю, полковник.

— Какое странное совпадение, Тревор! — обратился сэр Ричард к Юстесу, когда вышел сержант. — Роялисты уже в Холлимиде: случилось как раз то, чего мы боялись.

— Да, и я о том же сейчас думаю, — сказал Тревор. — Тем больше основания поспешить нам туда.

— Чей это может быть отряд, как вы думаете, Тревор? Не Линджена ли?

— Роб говорит, что они там остановились. С какой же стати останавливаться Линджену так близко от его Гудрича? Вернее всего, это лорд Герберт или, быть может, даже...

— Да, Тревор, если это отряд не лорда Герберта, то кое-кого похуже... Ну, мы сейчас узнаем это от самой Уинифреды или из письма.

Дверь вновь отворилась, и в нее вошла вестница из Дин-Фореста в сопровождении сержанта. Промокшая насквозь одежда плотно облепила статную и классически очерченную фигуру великанши, а ее тяжело дышавшая грудь и горевшее румянцем

лицо свидетельствовали о только что перенесенных ею затруднениях в поспешном пути.

— У тебя есть письмо ко мне, моя милая? — поспешил спросить Уольвейн, когда она, остановившись перед ним, почтительно поклонилась ему.

— Есть, ваша милость, из Холлимида.

С этими словами форестерка подняла руки к копне своих черных волос, вытащила спрятанную бумажную трубочку и вручила ее сэру Ричарду.

Последний не был удивлен таким видом записки. Он уже не в первый раз получал подобные записки из рук той же вестницы и таким же путем. Развернув записку, он поднес ее к свету лампы и быстро прочитал. Ее содержание еще более усилило его тревогу.

— Уайльд! — скомандовал он, — живо в казармы! Поднимите весь наш эскадрон, чтобы он немедленно готовился в путь. Губерт, вероятно, уже там и трубит сбор. А вы подгоняйте людей... Тревор, — обратился он затем к Юстесу, передавая ему записку, — прочтите-ка это письмо. В нем есть кое-что, касающееся и вас.

Затем он стал расспрашивать Уинифреду, что она видела и слышала в Холлимиде. Между тем Юстес пожирал глазами следующие строки:

«Сообщаю вам, дорогой Ричард, дурные вести. Явился принц Руперт с отрядом королевских кавалеристов, человек около двухсот. Прибыл только что сейчас, под вечер, и намерен остаться на ночь под предлогом дожидаться нашего отца. Надеюсь, отец без вас не поедет домой. Боюсь, что в том случае, если он все-таки уехал сюда один, роялисты захватят его. В свите принца находятся ужасный Ленсфорд и Реджинальд Тревор. Посылаю к вам Уинифреду, с этим письмом. Подробности она передаст вам изустно. Опасаюсь тратить лишнее время на писание... Дорогой Ричард, спешите к нам на помощь, если можете».

Внизу была приписка, сделанная другой рукой:

«Милый Юстес, мы в большой опасности!»

Подписей не было. Да в них и не нуждались те, кому были адресованы эти краткие, но многозначительные строки.

— Прочитали, Тревор? — спросил Уольвейн, видя, что глаза его молодого друга замерли на последних строчках, приписанных рукою Веги.

— Прочитал, сэр Ричард, — ответил молодой человек, про-

вода рукой по лбу и как бы отгоняя засевшее в мозгу тяжелое впечатление. — Да, чего мы боялись, то и случилось.

— Поспеем! — уверенно сказал ему Ричард. — Одевайтесь скорее!

Немного спустя оба офицера, наскоро расспросив вестницу о самом важном, уже были в казармах, откуда во главе своего эскадрона направились к выезду из города.

Глава XXXI

ОПОЗДАЛИ

Поднявшаяся луна то и дело скрывалась за бежавшими по небу темными облаками, и тогда на земле вновь наступал полный мрак. Но в промежутках между затмениями было достаточно светло.

В один из таких светлых промежутков конница полковника Уольвейна, отличавшаяся зелеными мундирами и петушиными перьями на шляпах, быстро поднималась от Мичельдина в нагорную часть Дин-Фореста.

Благополучно переправившись через разлив, эскадрон галопом примчался в Мичельдин. Там, не слезая с лошадей, офицеры навели справки о мистере Поуэле и узнали, что он в послеобеденные часы проезжал через этот городок один верхом и, по-видимому, очень торопился.

— Ну, значит, он теперь в руках роялистов, — пробормотал себе под нос сэр Ричард и снова пустился в путь.

Пользуясь тем, что начинался другой подъем на гору, по которому можно было ехать только шагом, сэр Ричард вступил в беседу с Юстесом, ехавшим рядом.

— Ах, как жаль, — начал он, — что в письме не указано точное число кавалеристов, нахлынувших в Холлимид. Сабрина пишет: «человек около двухсот». Это очень неопределенно...

— А что говорила о численности их разносчица? — спросил Юстес. — Ведь вы расспрашивали ее.

— Она тоже не могла сказать ничего, кроме того, что кавалеристы окружили и заняли всю усадьбу и что их много. Таким образом, мы только на месте можем узнать, со сколькими саблями нам придется иметь дело.

— Лишь бы было с кем скреститься шпагами, — заметил Юстес.

— Уж не думаете ли вы, что незванные гости успеют убраться до нас? — спросил не без тревоги сэр Ричард.

— Опасаюсь этого, — ответил Юстес. — Мистер Поуэль должен был вернуться домой под вечер. Наверное, роялисты захватили его в плен. После этого им незачем было и оставаться в Холлимиде.

— Но почему же? — возражал сэр Ричард, продолжая, однако, волноваться. — Если они явились из Бристоля, а это ведь не так близко, то должны порядком устать и пожелать провести ночь на отдыхе. Мне думается, они именно из Бристоля.

— А мне думается, что принц пожаловал из Монмаутса, — возражал в свою очередь Юстес. — Наверное, его привлек туда совершившийся переворот. И если он действительно явился в Холлиמיד из Монмаутса, то, забрав, кого нужно в плен, теперь мог уже вернуться и назад: Монмаутс не так далеко от Холлимиды, как Бристоль.

— Если вы правы, друг мой, то нам предстоит большое разочарование и эта ночь будет для нас очень горькая! — заметил после некоторого размышления сэр Ричард. — Если принц уже покинул Холлиמיד, то, разумеется, в сопровождении не только самого мистера Поуэля, но и его дочерей... Гм!.. да! Руперт, Ленсфорд да ваш милейший кузен — хорошая, нечего сказать, компания! Ни один из них не упустит случая «позабавиться», как они это называют, с незащищенными женщинами! Ваш кузен еще особенно рад будет возможности насолить вам почувствительнее. Вы во многих отношениях стали ему поперек горла.

— Да, это верно, — поддакнул Юстес. — Я знаю, что мне еще предстоит скрестить с ним оружие, и тогда уж окончательно «перейду ему дорогу». Мы клятвенно обещали друг другу, что при первой же встрече на поле сражения будем биться без пощады. Если по его вине случится что-нибудь недоброе с Вегой, то, клянусь, я ни за что не пощажу его!

— И хорошо сделаете, друг Тревор. Я уверен, что вам недолго придется ждать этой встречи.

— Стало быть, вы все-таки убеждены, что принц еще в Холлимиде? — с живостью спросил Юстес.

— Скорее рассчитываю на это, — ответил сэр Ричард. — Рассчитываю же я потому, что Руперт, как известно, большой любитель пображничать, Ленсфорд — тоже. В Холлимиде же такие хорошие погреба и кладовые. Наедятся всласть, напьются и не захотят, а то и прямо будут не в состоянии двинуться с места до утра. Это тем более возможно, что они не ожидают никаких сюрпризов, вроде, например, нашего появления, среди них, и, уверенные в полной безопасности, наслаждаются за обильно уставленным столом.

— Ну и пусть наслаждаются хоть до утра или, лучше сказать, до нашего прибытия! — воскликнул Юстес.

— Да, если мы их застанем в Холлимиде, то в эту ночь там польется не одно вино! — глухо проговорил сквозь стиснутые зубы сэр Ричард. — А, друг Ленсфорд! — в порыве жгучей ненависти продолжал он, — вы думаете, я забыл о вас? Нет! И клянусь, если нам суждено встретиться в эту ночь, то она будет для вас последнею!

Угроза эта была вызвана, главным образом, прежними намеками Сабрины на дерзкое отношение к ней Ленсфорда, подтвержденными ею в только что полученном сэром Ричардом письме выражением «ужасный Ленсфорд». Такое выражение доказывало, что девушка сильно опасается этого человека.

Юстес Тревор также горел желанием сдержать свое обещание свести последние счеты с Реджинальдом именно в эту ночь. Горе Реджинальду, если он осмелился хоть одним словом или даже взглядом оскорбить Вегу! Не ждать ему тогда никакой пощады, как бы он ни умолял об этом.

Во время этих монологов-размышлений Ричард и его спутник очутились на том самом месте, где два года тому назад произошла их первая встреча, начавшаяся ссорой и окончившаяся дружбой. С признательностью судьбе вспомнили об этом всадники, но с совершенно другим чувством — их кони. Под единодушным впечатлением происшедшего эти чувствительные четвероногие вдруг остановились как вкопанные и, обернувшись друг к другу мордами, принялись яростно фыркать и бить копытами землю, словно собираясь вступить в бой. Это было тем более странно, что они, подобно своим хозяевам, жили в большой дружбе между собою.

Посмеявшись над этой курьезной сценой, друзья потрепали своих коней по крутым шеям и успокоили их уверением, что им, коням, нет никакой надобности ссориться, потому что этой надобности не имеется и у их хозяев. Умные животные поняли, радостно заржали и с удвоенной энергией поскакали дальше.

Этот маленький инцидент, наверное, послужил бы темой для новой оживленной беседы между всадниками, если бы в эту минуту их внимание не было отвлечено другим обстоятельством. В стороне Руардина они вдруг заметили на небе какой-то яркий отблеск, который никак не мог быть приписан лунному свету. Этот отблеск даже усилился, когда луна снова исчезла в покрывавших ее бродячих тучах. Нетрудно было догадаться, что это — зарево пожара.

— Дом горит! — вскричал один из солдат, показывая в ту сторону.

— Может быть, не дом, а просто стог сена, — заметил другой.

— Какое тут сено! — кричал третий. — Зарево такое большое, словно горит целый город!

— В этой стороне нет города, кроме Руардина, куда мы и едем, — слышалось чье-то возражение.

— Так разве по этой причине Руардин не может гореть? — иронизировал первый солдат. — Должно быть, горит церковь...

— И отличное бы дело, если так! — воскликнул один ярый пуританин. — Всем бы этим папистским церквам со всеми их алтарями да статуями зараз превратиться в мусор! Эти церкви с их причтом — прямая пагуба для страны. Духовенство заодно с пакостными роялистами — значит, идет против парламента и народа.

— Верно, товарищ! — отозвался другой такой же завзятый противник папизма. — Если окажется, что это горит не церковь, то давайте подожжем ее, когда доедем до нее. Надо же наконец покончить с этим злом.

Предложение это было встречено хором сочувствующих голосов. Ехавшие во главе отряда не вслушивались в беседу солдат, а вели свой разговор.

— Что-то где-то горит, — сказал сэр Ричард. — Должно быть, близ Руардина, по ту его сторону.

— А я опасуюсь, что... — начал было Юстес, но от волнения не мог продолжать и только прошептал со вздохом: — О, Господи!

— Что вы хотели сказать, Тревор? Договаривайте! — с тревогой вскричал сэр Ричард. — Уж не думаете ли вы, что горит Холлимид?.. Да, в самом деле, похоже... Зарево правее Руардина... Эй, шевелись живее! — скомандовал он, обернувшись к отряду, и прибавил про себя: — Авось, Бог даст, поспеем, чтобы спасти...

Но и он не мог договорить по той же причине, что и Юстес.

В глубоком молчании отряд вихрем пронесся через погруженный в крепкий сон Дрейбрук, переправился через узенькую речку, быстро поднялся по отлогой извилистой дороге у подошвы Руардин-Хилля и остановился для минутной передышки лишь в Руардине. Этот городок, как и Дрейбрук, был погружен в мирный сон, но никакого пожара в городке не было.

Снова пустились в путь и, отъехав на некоторое расстояние от Руардина, все убедились, что горит действительно Холлимид. Всадники еще более усилили бег своих коней и неслись точно на крыльях, стараясь не отставать друг от друга. Когда достигли наконец парка, всем бросились в глаза уже догоравшие остатки

живописного усадебного дома, основанного еще во времена Тюдоров. Но ни на пожарище, ни вокруг него не было ни одной живой души.

Сэр Ричард и Юстес Тревор замерли в ужасе...

— Ну, здесь нам делать нечего! — с горечью выговорил наконец сэр Ричард. — Злодеи подожгли усадьбу и увели с собой в плен всех ее бывших владельцев... Вдогонку! — с такою силою рывкнул он, что некоторые из лошадей испуганно взвились на дыбы и шарахнулись в сторону.

И тем же путем, каким ехал сюда, отряд понесся назад. Однако куда же именно направить преследование? Роб Уайльд был послан отыскать следы уходившего из усадьбы эскадрона принца Руперта. Эту задачу сержант-великан выполнил быстро. Вернувшись к своему полковнику, дожидавшемуся во главе своего отряда на перекрестке, он доложил, что следы ведут к Дрейбуку.

— Стало быть, и к Мичельднну. Почему же мы в таком случае не встретились с ним, когда ехали сюда? — изумлялся сэр Ричард.

— Это объясняется очень просто, полковник, — сказал Роб. — Весь лес изрезан боковыми тропинками, причем некоторые из них короче большой дороги. Должно быть, такую тропинкою он и ехал.

— Может быть. Но через Дрейбрук и Мичельдин дорога идет, насколько мне известно, только на Глостер. Неужели этот разбойничий атаман не боится идти в область, занятую нами? — недоумевал Уольвейн.

— Он может миновать ее, — возразил сержант. — Возле Эбенхолла путь разветвляется: один идет в Глостер, а другой — в Уэстберн, где Руперт найдет своих.

— Да?.. Ну, хорошо, увидим, — проговорил Уольвейн и прибавил: — Поезжайте вперед, сержант, и ведите нас по следам врага. Дай Бог, чтобы мы настигли его хоть при переправе через одну из рек!

Глава XXXII

БОЙ СРЕДИ ПАВОДКА

Между тем принц Руперт и его эскадрон уже подъезжали к переправе через Северну при Фремилоде. Ближайшая переправа при Уэстбери оказалась настолько неудобной и рискованной по своей близости к Глостеру, что пришлось направиться

к другой. Это затягивало и затрудняло путь, но было безопаснее. Ленсфорду пришло в голову соображение, что можно ожидать погоны со стороны полковника Уольвейна. Наверное, до него уже донеслась весть о посещении им, Ленсфордом, и принцем Рупертом Холлимида. Получив эту весть, полковник тотчас должен бы подняться со своим отрядом на помощь обитателям Холлимида. Побывав же там и увидев только пожарище, зеленая конница форестерцев скачет теперь по следам багряной королевской конницы. Может быть, подумают, что Руперт переправился через разлившуюся Северну при Кэстбери, и захотят сделать то же самое. Но это будет их гибелью: вода в том месте так глубока, стремительность ее так велика, что сунувшиеся в нее сгоряча лошади не в силах будут с ней бороться.

Принц Руперт хотя и послушался доводов Ленсфорда, но с очень тяжелым сердцем решил следовать к другой переправе. Ему хотелось как можно скорее достичь Берклея, где он мог бы укрыться со своими пленниками, а главное — с пленницами. Он тоже был вполне уверен, что за ним погонится полковник Уольвейн, чтобы отбить у него лакомую добычу. К чести этого развращенного немецкого принца нужно сказать, что он далеко не страдал трусостью; напротив, он был одним из храбрейших среди роялистов. Но голова его отяжелела после чересчур усердного возлияния Бахусу за ужином, и ему очень хотелось хорошенько выспаться, вместо того чтобы скакать ночью сломя голову по горам и оврагам, лесам и перелескам, переправляться через разбушевавшиеся реки и ждать встречи с полудикими форестерцами. Все это вовсе не улыбалось принцу, и он сильно нервничал.

Но вот добрались наконец до переправы при Фремилоде, находившейся милях в двух выше уэстберийской. Поскольку переправа должна была занять много времени, принц распорядился оставить на берегу арьергард настолько сильный, чтобы в случае надобности он мог отбить преследователей. Для этого приходилось оставить треть всего отряда. В той трети, которая следовала непосредственно за вождями, находились и холлимидские пленники. Все они, не исключая дам, были закутаны в длинные военные плащи с опущенными на лица капюшонами; это было сделано, чтобы скрыть их от взоров возможных встречных в пути. Пленники сидели на лошадях, которыми сами и управляли, но были так сжаты по сторонам конвоирами, что у них не могло явиться и мысли о побеге.

Начальство над арьергардом было поручено Реджинальду Тревору. Поместившись среди деревьев, спускавшихся с горных высот до самой реки, Тревор мог видеть приближение неприя-

теля с тыла, не будучи сам им замечен, и это предоставляло ему некоторое преимущество. Он должен был задерживать преследование до последней возможности, а с ним самим и его отрядом будь что будет, лишь бы была достигнута главная цель — благополучная переправа принца и Ленсфорда с пленниками. В случае же отсутствия погони арьергард мог переправляться сам по сигналу со стороны авангарда, когда тот очутится уже в безопасности на противоположном берегу.

Никто из офицеров принца Руперта не был так приспособлен для охраны переправы, как Реджинальд Тревор. Он отлично знал местность, примыкавшую к его родовым владениям, и отличался выдающимся мужеством и стойкостью. Но несчастье принца заключалось в том, что он не знал того, что творится в душе и сердце этого офицера.

А сердце Реджинальда Тревора было очень беспокойно с самого отъезда из Бристоля. Капитан знал, куда и зачем едет принц, и это страшно мучило его. Не менее мучила его и необходимость рекомендовать этого принца той самой девушке, которую он сам, Реджинальд, не переставал любить и которую Руперт намеревался превратить лишь в игрушку своей мимолетной прихоти. Теперь же вдобавок на него была возложена и обязанность помогать высокородному повесе вести эту девушку туда, где она могла лишиться чести и всех надежд своей молодой, цветущей жизни.

Раньше совсем опустившийся в среде роялистов, которая была школой всяческого разврата, Реджинальд в последнее время словно переродился или, вернее, возродился, сделавшись снова таким же чистым, каким был во дни своего юношества в родительском доме. И это чудо совершила любовь к чистой девушке. Неужели же он мог равнодушно присутствовать при позоре этой девушки и даже быть участником и пособником в нанесении ей этого позора?

Стоя на своем посту и следя за переправой авангарда через разлив, он мучился непримиримым противоречием чувств. В нем спорили две обязанности — обязанность честного человека и долг службы, и ему было невыносимо тяжело при таком внутреннем разладе.

Наконец, повинаясь голосу совести, превозмогшему голос службы, он выдвинул свой отряд прямо на берег, вне всякого прикрытия, и отдал приказ держаться на месте и не открывать стрельбу, пока он не скамандует. Потом медленно поехал один назад по только что пройденной дороге и шагах в пятидесяти от места стоянки отряда остановился. Этот маневр показался солдатам странным; но так как они не слышали распоряжений

принца и были твердо уверены в преданности своего капитана королю, то подумали, что он действует по каким-нибудь тактическим соображениям.

Между тем, в сущности, Реджинальд изменился не только с нравственной, но и с политической стороны. Эта перемена была так глубока, что он готов был пасть первым в бою с ожидаемыми преследователями, лишь бы вместе с тем был уничтожен весь конвой принца Руперта, а уводимые им пленники и пленницы были спасены. Приглядевшись поближе к грязной оборотной стороне внешне блестящего роялизма, он почувствовал к нему такое же непреодолимое отвращение, какое побудило и его двоюродного брата Юстеса покинуть роялистов.

Теперь, в особенности за последний день, отвращение это достигло такой непреодолимой силы, что сделало из прежнего ярого роялиста такого же ярого республиканца, мечтавшего о том, как бы сбросить с себя опротивевший ему королевский мундир, которым раньше он так гордился. Он очень жалел о том, что не сделал этого до сих пор, отстав где-нибудь по дороге сюда, например в Мичельдине. Там был удобный случай. Стоило ему войти в первый попавший дом и заявить о своем намерении, его встретили бы с распростертыми объятиями и помогли бы ему присоединиться к парламентским войскам.

Напряженно вслушиваясь, не раздастся ли в ночной тиши шум погони со стороны Уэстбери, Реджинальд молил судьбу, чтобы его страстное желание осуществилось. Как был бы он счастлив, если бы вдруг из-за поворота дороги показался несущийся отряд зеленой конницы и раздался бы ее грозный военный клич: «Бог и парламент!» Только одно это и могло еще спасти Вегу. Но нужно, чтобы это случилось вовремя, немедленно; через какой-нибудь час прекрасная девушка будет уже за крепкими стенами Берлей-Кессля, куда и он должен будет последовать, лишенный всякой возможности помочь несчастной жертве роялистской разнузданности. Там он ценою даже своей жизни не будет в состоянии спасти ее. Да, теперь под очистительными чарами любви к Веге прежний себялюбивый Реджинальд Тревор охотно отдал бы за эту девушку свою жизнь.

Кругом царила глубокая тишина. Шумели только воды, да изредка слышался крик ночной птицы, перепархивавшей в ветвях деревьев. Стучали копыта и бряцали удила лошадей. Шумела в воде переправлявшаяся часть конницы. На далекое же расстояние кругом все было погружено в безмятежный ночной покой.

Так прошло сколько-то времени. Вдруг донесшийся издали смутный гул заставил Реджинальда встрепетаться и более

прежнего напрямь слух. Беспрепятственно снявшая в эту минуту луна ярко освещала красивое и мужественное лицо молодого человека. Посторонний наблюдатель мог бы заметить теперь на этом лице, до сих пор таком печальном, и в его открытых блестящих глазах выражение безумной радости.

Как принц Руперт со своими друзьями опасался погони со стороны Уольвейна, так Реджинальд Тревор желал ее. Он был уверен, что пленницы через кого-нибудь из своих людей или преданных друзей из местного сельского населения да ухитрились сообщить сэру Ричарду о надвинувшейся на них грозной опасности. Получив об этом известие, храбрый полковник, конечно, ни минуты не промедлит и с отрядом сейчас же бросится на помощь к своей невесте и ее сестре. Догадавшись на месте, что принц забрал в плен всю семью Поуэль и, поджегши усадьбу, с этой живой добычей поспешил назад в один из своих городов, сэр Ричард попытается догнать его и отбить у него драгоценную добычу. Иначе не могло быть. И вот теперь эта погоня действительно уже приближается.

Убедившись в том, что не ошибся в своих ожиданиях, Реджинальд вернулся к своим драгунам, но в полной нерешительности: сдаться сразу неприятелю или до конца исполнить принятое на себя обязательство защищать интересы знамени, которому служил столько времени? Заметили и солдаты приближение погони и, приготовив мушкеты, ожидали команды открыть огонь, но ожидали напрасно. Даже тогда, когда зеленая конница была уже совсем близко и по всей окрестности разнесся ее бодрящий клич: «Бог и парламент!» — Реджинальд Тревор молчал и не делал никаких распоряжений к обороне.

Положим, солдаты были довольны бездеятельностью своего начальника. Они видели, что противник во много раз превосходит их своей численностью. Схватиться с таким сильным неприятелем — значило прямо идти на верный и бесславный убой. Поэтому будет гораздо лучше, если начальник крикнет: «Прошу пощады!» — тогда и они охотно присоединят к его голосу свои голоса.

Их желание исполнилось немного спустя, когда оба отряда сошлись лицом к лицу.

Впереди зеленых кавалеристов сэра Ричарда Уольвейна летел Юстес Тревор с обнаженной саблей в руке. Он первый узнал своего кузена в начальнике неприятельского отряда и неся прямо на него. Едва успел обнажить свою саблю Реджинальд, как она с громким лязгом скрестилась с шпагой Юстеса.

— А, наконец-то! — весь дрожа в пылу воинственности вскричал Юстес. — Наконец-то мы встречаемся с оружием в ру-

ках и можем выполнить свой уговор. Исполняя его, я кричу вам: «Без пощады!»

— А я, — ответил Реджинальд, — кричу: «Прошу пощады!»

Пораженный этой неожиданностью, Юстес поспешно опустил оружие и спросил:

— Как мне понимать ваши слова, капитан Реджинальд Тревор?

— Понимайте их, капитан Юстес Тревор, в том смысле, что я не служу больше ни принцу, ни королю, а с этой минуты посвящаю себя и свое оружие на службу парламенту, — пояснил Реджинальд.

— О, да благословит тебя Бог, дорогой Редж! — мгновенно переменяв свой враждебный тон на сердечный, произнес обрадованный Юстес, и протянул кузену руку. — Какое счастье... Я думал, мы будем крошить друг друга, а ты вот как...

— Ну, я-то едва ли стал крошить тебя, но предоставил бы тебе удовольствие крошить меня на какие угодно мелкие части, — с улыбкой заметил Реджинальд.

— Разве?.. Да ты совсем изменился, Редж, прямо до неузнаваемости! Что такое случилось с тобою?.. Впрочем, теперь не время для таких разговоров...

— Действительно, не время, Юст. Видишь, как улепетывают принц Руперт с Ленсфордом и со своими пленниками...

— Вижу. Ну, мы их немножко подзадержим... Ты ведь теперь с нами, Редж?

— Конечно, с вами, Юст. Соединим наши отряды — мой, как заметно, ничего не имеет против этого хотя бы из одного чувства самосохранения, — и марш вслед за разбойниками!

Подоспевший в это время сэр Ричард решил, что лучше хоть для вида обезоружить королевских драгун арьергарда, хотя на его вопрос те заявили, что давно уже думали уйти от короля и только ждали удобного случая сделать это. Сержант Роб Уайльд отобрал у всех красномундирников оружие и поместил их в середине собственного эскадрона. После этого вся объединенная кавалерия бросилась в воду, вдогонку принцу.

Шум новой переправы заставил оглянуться задние ряды передового отряда принца Руперта. Смутно различив в полумраке очертания коней и всадников, драгуны авангарда подумали, что их нагоняют почему-то товарищи арьергарда и крикнули:

— Наши бегут с берега.

Крик этот, передаваемый из ряда в ряд, быстро достиг до слуха принца.

— Бог мой! — вскричал он на своем пестром жаргоне, обернувшись назад. — Что бы это могло значить, полковник? По-

чему арьергард следует вслед за нами, не дождавшись сигнала с нашей стороны? Как вы думаете?.. Потом, смотрите, разве такое огромное количество людей было оставлено с Тревором?.. Уж не круглоголовые ли это?.. Но как же они тогда могли ускользнуть от внимания арьергарда?

— Едва ли это наши, ваше высочество, — отвечал Ленсфорд, всматриваясь в густые колонны, видимо имевшие намерение следовать за ними по пятам. — Это что-то другое... Можно предположить только, что круглоголовые захватили врасплох Тревора с его отрядом, и притом так ловко, что он не мог оказать никакого сопротивления, и всех наших забрали в плен, а теперь вот хотят преследовать нас.

Пока принц и Ленсфорд с недоумением переговаривались, погоня приближалась; даже стали слышны крики «Бог и парламент!» До противоположного берега было еще далеко, да и вообще показывать спину наступающему неприятелю не в обычае храбрых людей. Лучше обернуться к врагу лицом и встретить его, как подобает, с оружием в руках.

Принц повернул свой отряд обратно. Отряд полковника Уольвейна приближался. Встреча произошла приблизительно посередине разлива. Лошади стояли в воде по брюхо, хотя под их ногами и была шоссейная насыпь, которой держались обе стороны, так как вокруг этой насыпи вода была еще глубже. Появившаяся в это время луна освещала редкую картину боевой схватки двух кавалерийских отрядов в воде.

Первый же напор зеленомундирников был настолько силен, что роялисты сразу понесли большой урон. Красномундирники один за другим валились с коней, пораженные метким сабельным ударом или пулей. Немного спустя весь отряд принца дрогнул и подался назад. Многие из красномундирных солдат стали искать спасения вплавь.

С обнаженною саблею в руке и кощунственной бранью на устах принц Руперт прокладывал себе путь по расстроенным рядам своих драгун. Рубя направо и налево, он старался пристыдить, утешить, остановить бегущих. Но тут он вдруг очутился лицом к лицу с человеком, одно имя которого наводило на него, самого храброго бойца, панический ужас, — с сэром Ричардом Уольвейном, с которым ему и пришлось скрестить оружие.

Первый удар сэра Ричарда был ловко отпарирован принцем, но при втором сабля Руперта была выбита у него из руки и, описав в лунном свете широкую сверкающую дугу, с плеском упала в воду. Это был тот же самый прием, которым Уольвейн некогда обезоружил Юстеса Тревора.

С проклятьями Руперт выхватил из кобуры пистолет и на-правил было его в противника. Но в это время перед ним выросла фигура другого человека, которого ему еще приятнее было бы лишить жизни.

— А! Подлый изменник! Гнусный ренегат! — с пеною у рта прохрипел принц. — Это вы предали нас врагу... Получайте же за это достойную награду!

И принц выстрелил, но не в сэра Ричарда, а в Реджиняльда Тревора и вышиб его из седла. На смену одному Тревору перед принцем встал другой, стремившийся нанести ему удар в грудь шпагою.

Между тем сэр Ричард увидел Ленсфорда, с которым ему главным образом и хотелось схватиться. Однако трусливый Ленсфорд был не из тех, которые способны держаться стойко при виде явной опасности. Притом он знал, что в искусстве владения оружием он совершенно бессилен по сравнению с Уольвейном. Боясь за свою шкуру, не дорожа своей честью, этот малодушный человек вдруг круто повернул коня и, показав сэру Ричарду спину, исчез среди общей сумятицы. Его примеру последовал и принц, обезоруженный Юстесом Тревором, не успевшим только взять его в плен.

Вообще, красномундирники все до одного или спасались бегством, или просили пощады и сдавались в плен. Часть же их была перебита или утоплена. Храбрые форестерцы подвигались вперед, пока не добрались до пленников принца Руперта, оставленных своими конвоирами среди воды на произвол судьбы.

— Сабрина!.. Ричард!.. Бега!.. Юстес!

Хором четырех радостных голосов произносились эти имена, сопровождаемые ласковыми прилагательными: «милая» и «милый», «дорогая» и «дорогой». Других разговоров не было. Не время было предаваться дальнейшим излияниям. Сэр Ричард желал доделать начатое Юстесом Тревором — взять в плен принца Руперта, что было бы большою политическою победою, перевешивавшею все личные интересы.

Но этому не суждено было совершиться. Руперт и Ленсфорд уже успели перебраться через паводок и скрыться вдаль. Долго еще в их ушах звенели позорные клички и насмешки, которыми их осыпал преследовавший противник. Впрочем, их, этих аристократов-выродков, это мало смущало. Совесть, честь, чувство собственного достоинства — все прекраснейшие человеческие свойства давно уже были потеряны ими в буйных оргиях и диком пьяном разгуле страстей. Они только радовались, видя себя уцелевшими для новых оргий и преступлений.

И немало было совершено еще преступлений принцем Ру-

пертом, хотя ему после описанных событий и не пришлось долго поцарствовать в Бристоле. Этот город вновь подвергся штурму, и на этот раз уже человеком, которому было суждено стать впоследствии законодателем всей Англии и озарить ее светом свободы и блеском истинной славы.

Этот человек был Оливер Кромвель. Когда он, явившись под стенами Бристоля, крикнул: «Сдавайтесь!» — и не голосом человека, сомневающегося в успехе, а голосом твердого, властного требования, принц Руперт немедленно исполнил этот приказ, спасая свою жизнь. Вместе с жизнью великодушный победитель даровал ему свободу и беспрепятственный пропуск из города со всем его имуществом и в сопровождении всех его советников, всякого рода прихлебателей и паразитов.

Одновременно в соседнем Глостере происходило событие еще более приятное для пера бытописателя. Там перед алтарем собора совершалось торжественное бракосочетание четырех любящих пар: Сабрины Поуэль — с полковником Ричардом Уольвейном, Вегги Поуэль — с капитаном Юстесом Тревором, Уинифреды — с сержантом Уайльдом и Гуензсианы — с трубачом Губертом. Последняя парочка тоже давно уже тяготела друг к другу, хотя у автора и не было случая указать на это читателю.

Среди стольких сияющих счастьем лиц особенно бросался в глаза печальный вид Реджинальда Тревора. Он не был убит в сражении при Фремилоде, а только ранен. Вовремя спасенный сержантом Уайльдом и перевезенный в Глостер, он быстро оправился от телесной раны. Сердечная же его рана была настолько глубока, что он едва ли мог надеяться на ее скорое исцеление. Зато он духовно все более и более очищался от наносной грязи и облагораживался. Смирил он себя и владел собою до такой степени, что смог даже оказать честь своему счастливому сопернику-кузену, присутствуя на его свадьбе. В сущности, это было для Реджинальда равносильно принесению самого себя в жертву другому.

В числе публики, смотревшей на церемонию бракосочетания четырех пар, находилась и Кларисса Лаланд. Разумеется, она смотрела не с добрым чувством. Обманутая в своих ожиданиях относительно Юстеса Тревора, она сама навязалась принцу Руперту, но быстро ему надоела, как все предметы его мимолетной прихоти, и была им брошена. После этого она стала улавливать в свои сети других лиц со звонкими титулами и блестящим общественным положением. Раз нельзя было удовлетворить сердце, нужно было удовлетворить хоть тщеславие. Но пока ей не удавалось и это: слишком уж была избалована, своенравна

и сварлива эта красавица для того, чтобы надолго привязать к себе даже самого снисходительного к красавицам мужчину.

После свадьбы дочерей мистер Поуэль ликвидировал все свое довольно значительное имение и переселился за океан, в страну истинной свободы, так пышно процветающую теперь под своим звездным знаменем. За ним охотно последовали все его близкие: дочери с мужьями и друзья — сержант Роб Уайльд и трубач Губерт с женами, и даже Прыгун Джек. Дружескими убеждениями всех этих добрых людей, составивших как бы одну тесно сплоченную семью, удалось привлечь в свою среду и Реджинальда Тревога. С большим трудом он заставил себя смотреть на Вегу только как на любимую сестру. После же его годичного пребывания в счастливой Америке судьба сжалась над ним и послала ему жену в лице прелестного отпрыска других английских поселенцев. Он успокоился и зажил тихой семейной жизнью.

Если бы наши друзья остались на родине, они тоже подверглись бы участи всех истинных борцов за свободу и величие Англии, то есть — беспощадным гонениям и гибели. В надвинувшихся вскоре после их отъезда в Америку кровавых событиях, имевших своим последствием страшнейший из всех позоров — Реставрацию, уцелели только те низкие трусы и предатели, которые вовремя опускались на колени перед так называемым «веселым монархом», Карлом Вторым, и постыдно умоляли это чудовище развращенности о пощаде...

В виде заключения нам осталось сказать несколько слов еще об одном герое, игравшем видную роль в нашем повествовании, — о принце Руперте. Этот герой одно время довольно успешно занимался пиратством в морях Западной Индии, затем был призван Карлом Вторым обратно в Англию. Сделанный там генерал-адмиралом королевского флота и осыпанный всяческими почестями и благами, он достиг глубокой старости и после своей «мирной» кончины был похоронен с особенной пышностью и торжественностью как «лучший и преданнейший друг короля». Хотя он и занимался убийствами и грабежами, но все-таки был отпрыском королевской крови...

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ



1. МОРО И АЛЬП

В одном из богатейших домов Нового Орлеана все в смятении по случаю безнадежного состояния молодого Генри Галлера. В комнате, соседней с той, где помещается больной, происходит весьма оригинальная консультация. Один из консультантов — даже не врач, но говорит весьма решительно, другой — доктор, получивший свой патент от знаменитейшей академии Соединенных Штатов, молча слушает своего собеседника, вздыхает, трет лоб, как бы желая извлечь оттуда какую-нибудь мысль, и всем своим видом доказывает несостоятельность своей науки.

— Я решительно теряюсь, — сознается он, наконец, с удивительной скромностью. — Что прикажете, господин Сен-Врэн, прописывать человеку, который мог бы быть совершенно здоров телом, если бы не страдал душою?

— Почему я знаю! Что-нибудь посильнее, — нетерпеливо возражает Сен-Врэн.

Ему лет сорок пять, вид у него решительный, могучая фигура его, очевидно, чувствует стеснение от европейского костюма. Чарльз Сен-Врэн — один из тех странствующих купцов, которые колесят бесстрашно по степям и пустыням Америки, составляют себе громадное состояние, имеют суровую внешность и не признают ничего невозможным. Не только природная доброта и великодушие заставляли Сен-Врэна желать выздоровления двоюродного брата — это было для него вопросом чести, и таким образом он выражал свое страстное желание:

— Доктор, Генри не может, не должен умереть! Что будет со мною, если и этот юноша умрет вслед за другими членами семьи?

— Что будет с вами?.. — запнулся доктор Вальтон и обвел глазами богато меблированную комнату.

Краска покрыла смуглое лицо купца, и он возразил с горечью:

— Вы хотите сказать, что я наследую все это? Несомненно! И что по примеру других, получающих наследство, буду лицемерно жалеть о вымершей семье. Ведь вы не знаете того, что я сам вызвал в Америку отца Генри. Я, таким образом, вмешался в судьбу семьи и не могу примириться с мыслью, что она погибнет вся по моей вине. Если бы Галлеры остались на своей родине, в Эльзасе, они, может быть, не стали бы так богаты, но зато избежали бы этой ужасной эпидемии, которая внесла траур во столько домов Нового Орлеана. Вы спасли жизнь Генри, и я вам от души благодарен за это, — сказал он, крепко пожимая руку доктора, — но видеть его разочарованным, безутешным, не желающим возвращения к жизни, слышать, что изнурительная лихорадка должна перейти у него в чахотку и что он должен умереть, — это выше сил моих!

Необузданная натура Сен-Врэна не выдержала — он испустил несколько проклятий, ударил по столу так, что тот чуть не разлетелся, вытер кулаком заплаканные глаза и сказал:

— Я никогда не прощу вам этого! И что после этого вся ваша медицина? Шарлатанство, годное лишь на то, чтобы морочить дураков!

Чтобы поддержать честь своей профессии, доктор начал излагать историю болезни Генри Галлера со всеми ее последовательными видоизменениями. Рассказ этот не представлял ничего нового для Сен-Врэна, так как он не раз уже слышал его за неделю своего пребывания в Новом Орлеане. Только конец речи доктора обратил на себя его особенное внимание.

— Вот если бы можно было вызвать реакцию! — воскликнул доктор.

— Реакцию! Значит, вы до сих пор еще не произвели должной реакции всеми вашими лекарствами? В таком случае я берусь ее произвести, разумеется, другими средствами, не пилюлями и не микстурами! — И Сен-Врэн направился к двери больного.

— Будьте осторожны, господин Сен-Врэн, ваш двоюродный брат очень слаб, не волнуйте его.

— А вы уж чересчур берегли его, позволяли ему на досуге предаваться горю. Все вокруг него, включая печальный вид слуг, напоминает ему, что он остался один на свете, что он никому более не нужен и ни на что не годен, — так, по крайней мере, сам он выразился, когда я по приезде заговорил с ним. Войдите со мною, доктор, но не мешайте мне действовать.

Чарльз Сен-Врэн был из тех людей, которые не идут, а бегут к своей цели, поэтому, очутившись около своего двоюродного брата, заваленного книгами и журналами, на которые он, впрочем, не обращал никакого внимания, Сен-Врэн прямо приступил к осуществлению задуманного им плана.

— Мне кажется, Генри, что вид у тебя теперь лучше. Не явился ли у тебя аппетит перед обедом?

— Я позабыл, что такое аппетит, — сказал молодой человек.

— Хорошо ли ты спал эту ночь?

— Я вовсе не сплю, — с улыбкой ответил Генри.

— Ты решительно хочешь привести меня в отчаяние?

— Вас, господин Сен-Врэн? — удивленно переспросил больной.

Генри Галлер мало знал своего двоюродного брата, изредка приезжавшего в Новый Орлеан. К тому же грубость манер этого степняка-купца не слишком нравилась молодому человеку, воспитанному среди роскоши и утонченности. Когда Сен-Врэн приехал, молодой человек подумал, что, значит, конец его близок, и мысль эта была ему даже приятна. Относительно двоюродного брата он решил, что тот, следуя лишь закону приличия, приехал в вымерший дом закрыть глаза последнему родственнику. Удрученный смертью всех близких, молодой человек, если и пережил эпидемию физически, нравственно не мог помириться со своим одиночеством. Он умирал, потому что не чувствовал влечения к жизни.

Сен-Врэн понял обидный для него смысл этого восклицания, но, не показывая вида, взял руку больного и сказал:

— В самом деле, ты меня приводишь в отчаяние. Мне нельзя долго оставаться в Новом Орлеане: у меня есть спешные

дела на Востоке. Если ты скоро не выздоровеешь, тебе нельзя будет отправиться со мною, как бы я того желал.

Доктор Вальтон пожал плечами от удивления. Больной посмотрел на свои руки, выделявшиеся своей худобой и белизной на фоне темного одеяла.

— Я понимаю вас обоих, — сказал Сен-Врэн, бросая укоризненный взгляд на доктора, — но я убежден, что от Генри зависит, быть или не быть здоровым. Ты никуда до сих пор не ездил, Генри. Ты хотел сделаться ученым, каким был твой отец, — о, как я его любил! — ты ничего не хотел знать, кроме книг. Я их не браню, хотя сам редко в них заглядываю. И знаешь ли, почему? То, что другие вычитывают из книг, я узнаю из самой жизни, из живой природы. Когда мы заживем вместе, ты, конечно, многому меня научишь, но и я могу многое тебе показать. Когда мы с тобой проедемся по дикому Востоку, и ты увидишь горы и их склоны с богатою растительностью, увидишь эти райские сады, тебе станет непонятно, как можно променять эту ширь на душный город. Ты полюбишь степь и жизнь в ней, полную приключений, где каждый новый день приносит новые случайности. Ну, скажите, разве не полезно для молодого человека поездить по свету? По-моему — полезно и приятно. Ты качаешь головой... А вы, доктор? Чего же вы молчите? Разве вы не одобряете моего плана увезти брата на северо-восток?

Призванный к совещанию доктор пустился в пространное описание тех местностей, по которым ходили караваны Сен-Врэна. В качестве заслуженного ботаника, сначала стал описывать богатую растительность прерий; нарисовав картину снежных высот, обрамляющих горизонт, он принялся рассказывать о лесах, которые растут по склонам гор, их летнем убранстве, о пестроте листвы осенью, о пернатых обитателях, украшенных разноцветными перьями как драгоценными камнями, — таких, как голубая сойка и всевозможных цветов попугаи...

Но напрасно доктор тратил свое красноречие, расписывая прелести дальнего путешествия, и даже, возбужденный собственным рассказом, вспоминал юношеские подвиги, совершенные им на охоте в этих самых равнинах: больной равнодушно смотрел на рассказчика и, казалось, слушал его из одной вежливости.

— Что же, Генри, — спросил Сен-Врэн, — явилось ли у тебя желание посетить эти места?

— К чему? — прошептал больной и сделал едва заметное движение головой.

Купец схватил руку молодого человека, сжал ее, может быть, сильнее, чем бы следовало, и, стоя у изголовья больного, произнес с чувством:

— К чему? Да к тому, чтобы мне не уезжать отсюда с разбитым сердцем, к тому, чтобы нам двоим составить одну семью. Я одинок — ведя бродячий образ жизни, я не мог жениться. Поэтому я посвятил себя дяде и его семье, и твой покойный отец знал, что я работаю для вас. Теперь и ты стал одинок, и от этого мне стал еще дороже. Если же ты так мало ценишь мою привязанность, что не хочешь ради нее жить, то, повторяю, я уйду, простив тебе, но с болью в сердце... Если бы твой отец был жив, он сказал бы тебе, что я не заслуживаю такого огорчения.

Больной привстал со своего ложа и удивленными глазами глядел на своего грубого родственника, лицо которого совершенно преобразилось под влиянием глубокого и искреннего чувства.

В ответ на последние слова Сен-Врэна Генри, склонившись к нему, произнес:

— Значит, ты любишь меня, брат? Значит, я не один на свете, как воображал?

— Конечно же! — воскликнул Сен-Врэн, обнимая своего родственника так горячо, что доктор счел себя вынужденным сдерживать его восторг.

Но купец не обращал никакого внимания на советы медика, он обнимал и трепал Генри как маленького ребенка, вопрошая:

— Выздоровеешь ли ты, наконец, хочешь ты выздороветь?

— Да, хочу.

— И ты отправишься со мною и не покинешь меня больше?

— Да, обещаю.

Через три месяца Генри Галлер прибыл в Сент-Луис, где у него было назначено свидание с двоюродным братом, так как последний не мог дожидаться на месте его выздоровления. Теперь от болезни осталась только некоторая медлительность в движениях — вместо того, чтобы утомить его, путешествие, совершенное весною, в первых числах апреля, укрепило его. Он испытывал наслаждение, равно присущее и молодому, и старому, — наслаждение знакомиться с новою местностью, с новыми типами людей. Поэтому-то он не очень огорчился тем, что прибыл в Сент-Луис раньше своего родственника, который, посылая ему маршрут, отвел очень много времени на отдыхи выздоравливающему. Генри Галлер пренебрег остановками и приехал тремя днями ранее срока в гостиницу плантаторов в Сент-Луисе. Содержатель гостиницы объявил ему, что Сен-Врэн должен еще находиться в верховьях Миссури, занятый закупкой товара. Генри не терял времени даром: он гулял по городу и по валу,

объездил окрестности Сент-Луиса на своей лошади, которую взял с собою в уверенности, что она пригодится ему в пустыне и не осрамит себя.

Это было великолепное животное, наполовину арабской крови, которому первый его хозяин, испанец, дал имя Моро. Темно-гнедой конь с тонкими ногами, быстрой и твердой поступью, был достоин славы своих арабских родичей. Генри Галлер скоро оценил подобного товарища и, привязавшись к нему сам, сумел и его привязать к себе.

Только что он прибыл в Сент-Луис, как случай свел его с одним швейцарским эмигрантом. У него он купил великолепную ньюфаундлендскую собаку, по имени Альп, которая тотчас же подружилась с Моро. Молодой человек рад был иметь под руками эту пару красивых и умных животных, так как за все время пребывания его в гостинице плантаторов ни одно человеческое существо не изъявило желания познакомиться с ним или даже заметить его.

Между тем, народу в гостинице было много: была, кроме того, одна компания джентльменов, по-видимому очень дружная, так как они все время были неразлучны. Когда Генри возвращался со своих длинных прогулок верхом на Моро и в сопровождении Альпа, он всегда встречал этих людей, бесцельно шатающихся по улицам. За табльдотом компания эта держалась особняком, шумела, ела больше других, пила дорогие вина и курила громадные сигары.

Генри очень интересовало странное поведение этих людей, так как до сих пор он ничего подобного не видал в обществе, среди которого вращался в Новом Орлеане.

Все они занимались, вероятно, одним делом, так как, кроме неизбежного различия в лицах, которое замечается во всяком обществе людей, они имели очень много сходства между собою. Одеты они были одинаково, в черное платье; брильянтовые булавки в галстуках слишком бросались в глаза своими размерами и обличали недостаток вкуса, но зато шелковые жилеты были безукоризненны, а чистое тонкое белье выделялось на шеях, бронзовых от загара.

Некоторые носили баки, другие — усы, но и те и другие были тщательно завиты. Походка у всех казалось неуклюжей и небрежной, что вообще характерно для восточных американцев. Генри вообразил сначала, что это охотники, и был бы не прочь вступить в их компанию, но общество оказалось очень замкнутым и не желало принять постороннего в свою среду. Никто не хотел заметить попыток Генри познакомиться, и Генри тотчас прекратил эти попытки: он был горд и боялся унизи-

тельного отказа. Итак он продолжал удивляться разгулу этой веселой компании, не разрешив для самого себя вопроса, кто они такие. Только с приездом Сен-Врэна он узнал, наконец, что это были за люди.

На третий день после приезда в город Генри поспешно спустился на зов обеденного колокола, так как теперь, после прогулок верхом, у него появился порядочный аппетит. В передней он увидел тех, кого называл клубом охотников, — они окружили кого-то вновь прибывшего.

Впервые теперь ими было обращено внимание на молодого человека, а некоторые даже улыбнулись ему. Генри недоумевал, что бы значила эта необыкновенная любезность, но в это время особа, которую они все окружали, вырвалась навстречу молодому человеку и восторженно приветствовала его. Это был Сен-Врэн, который осыпал своего кузена вопросами о его здоровье и радостными восклицаниями. Он, по-видимому, не стеснялся присутствия посторонних лиц, также и они, вопреки требованию приличия, продолжали громко смеяться, называя Сен-Врэна приятелем и добрым малым.

Впрочем, шутки их были безобидные, и Сен-Врэн первый же смеялся им. Генри он сказал:

— Нужно тебя представить этим господам — это мои друзья.

— Кто они такие? — спросил Генри. — Вероятно, охотники или богатые плантаторы, которые собрались здесь, чтобы пользоваться городскими удовольствиями?

— Нет, просто степные купцы, как и я. Вот это Бент, вот Сублет и большой Джерри Фолгер...

Когда представление кончилось, купцы поочередно выразили сожаление, что не знали ранее того, что Генри — кузен Сен-Врэна.

— Если бы мы знали, что вы из наших, — сказал Билл Бент, — мы тотчас побратались бы с вами. Но у вас вид молодого ученого, только что покинувшего университет. Вы казались таким степенным, что я готов был голову заложить, что у себя в комнате вы смеетесь над нами и считаете грубыми, неотесанными парнями.

— Достаточно комплиментов, — сказал большой Джерри Фолгер, — мы только-только успеем что-нибудь выпить до второго звонка.

Была весна, и мята была в полном цвету. Купцы, очевидно, были посвящены в ботанику, так как спросили себе прохладительное питье из мяты. Приготовление и поглощение питья заняло время до обеда.

По обыкновению обед состоял из дичи, бизоньего языка, пулярок и сочных иллинойских лягушек. Когда другие удалились, группа охотников продолжала заседать за столом. Билл Бент предложил выпить мадеры за здоровье родственника Сен-Врэна и, к удивлению Генри, приказал принести корзину вина, стоившего двенадцать долларов бутылка.

Генри полагал, что одного вида этой батареи бутылок достаточно, чтобы опьянеть; но у купцов были крепкие головы, и они, как ни в чем не бывало, продолжали свои возлияния.

Веселость их дошла до высших пределов и выразилась в том, что Билл Бент под аккомпанемент гитары пропел испанскую песню, солидный Джерри Фолгер протанцевал индейский танец, чтобы дать о нем понятие Генри, а в довершение всего молодой Сублет предложил пропеть гимн. От этого гимна задрожали стекла, гул наполнил всю комнату, и снаружи певца приветствовали аплодисменты.

На другой день Генри Галлер проснулся с ужасной головной болью, но без негодования на причину этого расстройства.

— Что ты скажешь о моих друзьях? — спросил его Сен-Врэн, пока он одевался. — Конечно, они грубоваты, но за грубоватой внешностью скрывается хорошее и надежное содержание. Перспектива пробыть в их обществе несколько месяцев не пугает тебя?

— Нисколько, — ответил Генри. — Вчерашний день выбил меня немного из колеи, но я думаю, что это мне полезно.

В эту минуту человек шесть из компании ввалились в комнату молодого человека в сопровождении слуги, несшего стаканы, обложенные льдом и наполненные какой-то желтой жидкостью.

— Глоток шерри, господин Галлер, — сказал Билл Бент. — Это лучшее лекарство для выздоравливающего. Пейте смело, это местный напиток. Вы мигом освежитесь.

— Вы и вправду едете с нами? — спросил другой.

— Да, конечно. Я ждал только кузена, чтобы спросить у него, чем я должен запастись. Я не хочу следовать за вами в полнейшей праздности, милый Сен-Врэн. Я также хочу иметь свой товар и продавать его в Санта-Фе. Итак, господа, если кто из вас желает помочь мне в выборе товара, то должен согласиться на одно мое условие: сегодня за обедом я угощаю вином, — это будет платой за услугу.

Купцы много смеялись остроумному способу, которым Генри хотел отплатить им за вчерашнее угощение. Они все готовы были сопровождать Генри, — и к обеду он успел закупить себе миткаля, разных мелких железных и медных вещей и зеркал;

телегами же и мулами он должен был запастись в форте Индепендент, откуда караваны выходили в степь.

Через несколько дней Генри вполне освоился среди молодых купцов. Его, правда, находили чересчур серьезным, но серьезность искупалась приветливостью и любезностью, поэтому он стал вскоре всеобщим любимцем. Радужный прием, оказанный ему, сначала обуславливался уважением, которое все питали к Сен-Врэн, но скоро личные качества самого Генри расположили к нему всех.

2. ЦЕНА КРОВИ

Употребив неделю на то, чтобы запастись мулами и фургонами, или вагонами, как их там называют, в местечке Индепендент, караван двинулся, наконец, в путь по равнине; он состоял из ста вагонов и двухсот человек.

Генри Галлер так увлекся новой ролью степного купца, что его товаром наполнились два вагона. Для надзора за ними и для управления мулами он нанял двух длинных худых миссурийцев. Кроме того, Сен-Врэн, ни на минуту не терявший из виду состояния здоровья и настроения своего кузена, приставил лично к нему слугу, канадца по имени Годэ, которого он знал как честного и веселого парня, способного разогнать грустные мысли своего господина. Читатель поймет, конечно, что в степи не может быть речи о строгом этикете; преданный слуга скоро превращается в друга, а если он находчив и остроумен, то ничего не мешает ему забавлять своего господина в долгие часы отдыха.

Но что случилось с нарядными джентльменами? По-видимому, они остались в гостинице плантаторов, так как около фургонов видны были только люди, одетые в охотничьи платья, в шляпах с нависшими полями. Между тем это были они же, и хотя от черных костюмов с брильянтами в галстуках не осталось и следа, нельзя было и теперь отрицать в их новых костюмах многих достоинств, а именно: соединения изысканности с целесообразностью. Все, за малым исключением, были одеты одинаково, а Генри Галлер представлял собою, по общему мнению, безукоризненный образец блестящей своей новизною. В самом деле, каждый элемент его туалета подвергался при покупке строгой критике товарищей, а потому весь костюм вышел классическим для людей этой профессии: охотничья блуза из пестрой замши, светло-желтая, украшенная шитьем и стежкой — как ворот, так и длинная, широкая юбка были обшиты бахромою, вырезанной

из того же материала. Пара гамашей из красного сукна сдерживала выше колен суконные же, но серого цвета панталоны. На ногах — тяжелые сапоги с медными шпорами. Цветная рубашка, голубой галстук и широкополая шляпа-гуаквиль дополняли наряд. За седлом Моро находился весьма ценный предмет, свернутый в трубку макинав — плащ на случай дождя и постель на ночь. Фасон его чрезвычайно прост: громадный кусок красного сукна, в середине сделано круглое отверстие, в которое только и может пролезть голова. Когда холодно или идет дождь, Генри стоит только накинуть макинав — и он защищен с головы до ног, если же он верхом, то плащ защитит вместе с ним и Моро от злой непогоды.

Кроме непогоды, степь представляет и другие опасности, поэтому Генри вооружен с головы до ног: в кобурах у него два шестиствольных револьвера Кольта большого калибра, два других поменьше, в пять стволов, заткнуты за пояс. Кроме того, у него великолепное ружье, из которого он может выстрелить подряд двадцать три раза за равное количество секунд. За поясом у него торчал особого рода нож из тонкой стали, — этот инструмент служит поочередно для охоты и для стола. Наряд молодого человека завершали охотничья сумка, пороховница в виде груши, висящая на ремне, тыквенная бутылка и сумка с провизией.

Если Генри Галлер не мог перед товарищами особенно похвастаться своим вооружением, то лошадью своею он, несомненно, вправе был гордиться, так как подобной не было во всем караване. Недаром возбуждала она всеобщую зависть: караван шел уже неделю, а между тем лошадь по окончании дневного перехода не обнаруживала ни малейшей усталости, тогда как мустанги у других были всегда к вечеру измученные и усталые. Многие предлагали Генри хорошие деньги за лошадь, но, во-первых, молодой человек не нуждался в деньгах, а во-вторых, он ни за что бы не расстался с таким животным, которое всегда прибегало на его зов и служило ему верой и правдой. И, наконец, продавая Моро, пришлось бы расстаться и с Альпом, который ни на шаг не отставал от лошади, а ночью спал между ее ног.

Путешествие продолжалось несколько дней без каких-либо примечательных событий. Сен-Врэн, окружавший Генри самою нежною заботливостью, с радостью замечал, что здоровье его улучшается, а с ним вместе возрастает и веселость. Веселость эта проявлялась особенно на остановках, где все старались развлечься какими-нибудь шутками или остротами. Хоть купцы и жаловались на однообразие путешествия, но молодой человек

не переставал восхищаться открывавшейся перед ним картиней природы. Он любовался тем резким контрастом, который представляли вагоны, эти корабли степей, с окружающей их темною зеленью; при спусках они растягивались гуськом и представляли одну бесконечно тянущуюся линию.

Течение реки обозначалось издали рядом высоких тополей, их стройные, как колонны, стволы имели наверху густую шапку серебристой листвы. Линии деревьев, идущие в разных направлениях, казались гигантскими изгородями.

Часто приходилось переправляться через реки, иногда вброд, иногда вплавь; тогда всплывали и вагоны. Время от времени им попадались лани и антилопы, в которых они стреляли.

Иногда, выбрав тенистое местечко на берегу ручья, караван делал дневку. Во время такого отдыха обыкновенно исправлялись погрешности в платье и упряжи. Генри при этом нечего было делать: двое его слуг-миссурийцев оказались проворными малыми, которые справляли все хозяйственные мелочи, не беспокоя своего господина. Наконец, Сен-Врэн всегда готов был в затруднительных случаях заменить своего кузена.

Итак, во время остановок молодой человек свободно мог заслушиваться рассказами своих товарищей, которые любили вспоминать былое.

Самым интересным рассказчиком, имевшим про запас всякие, и грубые, и трогательные, рассказы, был, без сомнения, Годэ. Кем он только не был: и охотником-звероловом, и путешественником, и проводником по лесам, и чего только не видал он в пустынях Востока.

Вопросы, задаваемые ему молодым человеком, касались большею частью индейцев, этого постоянного бича белых путешественников. Пока еще ни один не встретился им. Эти люди с их первобытными нравами крайне интересовали Генри. Он готов был, по примеру некоторых гуманных людей, проклинать цивилизацию, которая с каждым годом оттесняла все глубже в степь этих бедных детей природы и отнимала у них владения. Он находил много поэзии в их жизни и не стеснялся высказывал это.

Такой взгляд не нравился ни Годэ, ни купцам. Однажды, когда Генри высказал его с чрезмерною пылкостью, Билл Бент, сидевший рядом на траве, возразил:

— Когда мы заедем далеко и вам придется стрелять по этим скотам, вы позабудете ваши филантропические бредни. Практика, любезный друг, убивает теорию. Но, по совести, когда господствует вражда между краснокожими и белыми и последние радуются каждому индейскому скальпу, вы, как белый,

можете ли все-таки перейти на сторону врагов, которые без жалости грабят, крадут и убивают ваших соотечественников?

— Я не отрицаю их преступлений, — возразил молодой человек, — но позвольте мне оплакивать их несчастную участь. Конечно, белые правы, когда принимают меры против крайних проявлений дикости своих соседей, но я нахожу безнравственным платить за головы людей, как это делается по словам Годэ. А вы сами, Билл Бент, несмотря на ваше презрение к несчастным индейцам, не захотите, я думаю, протянуть руки человеку, который называется охотником за скальпами, чей промысел состоит в продаже начальству скальпов убитых им врагов — доказательства его подвигов. Это напоминает мне практикующийся во Франции и Англии обычай, по которому из городской управы выдается плата за каждого убитого лесного зверя, — волка, например. Но ведь это же люди! Сознайтесь, Билл Бент, разве вам не было бы противно прикоснуться к руке, на которой запечатлена цена крови?

Билл Бент кашлянул в руку, слегка покраснел и начал обмахиваться своей широкополой шляпой.

— Ба! — сказал он. — Вы странно смотрите на вещи, мне это никогда в голову не приходило... С вашей точки зрения — сознаюсь... Но я совсем об этом не думал, когда однажды обедал в Санта-Фе с Сэгином — начальником этих охотников за скальпами, — настоящий джентльмен, уверяю вас, храбрый как лев и притом хорошо воспитанный.

— А как хитер! — добавил Годэ с восхищением. — Во время примирения он пригласил целую деревню на пиршество и предложил индейцам отравленную еду, — таким образом, скальпы достались ему очень дешево. В другой раз он ухитрился поместить перед пушкой двести дикарей, которые не знали употребления этого орудия. Когда он выпалил, вся куча легла на месте.

Генри пришел в ужас от этого рассказа. До сих пор Сен-Врэн не принимал участия в разговоре, но тут он сказал:

— Уж и выдумают! Если бы слухи о всех убийствах, приписываемых Сэгину, были достоверны, то не существовало бы более в Северной Америке ни одного индейца. Я знаю, что Сэгин безжалостен на охоте, которою занимается, но я отказываюсь верить, чтобы он прибегал к бесчестным средствам; это не в его характере.

— Все равно! — воскликнул Генри Галлер. — Этот человек занимается позорным ремеслом, и я готов высказать ему это в лицо!

— Ну, зачем же так? — пробормотал Билл Бент.

Такое различие во взглядах вносило еще больший интерес

в вечернюю беседу; в общем же вся обстановка нравилась Генри. Воспоминание о дорогих сердцу людях не изгладилось из его памяти, но превратилось в какой-то священный культ. Путешествие доставляло ему нравственное и физическое удовлетворение. Кровь обращалась быстрее в жилах, зрение обострялось — он мог не мигая глядеть на солнце. Иногда, будучи не в силах сдержатъ прилива энергии, которую он чувствовал в себе, он скакал вперед на своем Моро; обыкновенно из таких экскурсий он возвращался с целой охапкой цветов, упоенный их благоуханием, солнечным светом, окружающей поэзией. Одним словом, им овладела «степная горячка».

Сначала он не понимал значения этих слов, которые так часто были на языке у его спутников и всегда произносились ими с усмешкой. Означают они такое состояние возбужденности, которое заставляет путешественника забывать прошлое, худо ли оно или хорошо, и жить только впечатлениями минуты. Сен-Врэн ничего так не желал для своего родственника, как именно этого забвения. Когда Генри возвращался с какой-нибудь прогулки веселый и возбужденный, Сен-Врэн говаривал своим товарищам:

— Да простит Бог доктору Вальтону, который считал Генри неизлечимым. Путешествие на Восток действеннее всех медикаментов из нью-орлеанских аптек.

Когда караван стал подъезжать к Арканзасу, вдаль начали показываться всадники, но они тотчас же прятались за холмами — это были индейцы из племени шауни. В течение нескольких дней отряды их бродили вокруг каравана, но страх перед карабинами удерживал их на почтительном расстоянии. Наконец караван достиг берега реки шестью милями выше известных холмов Плум-Бутт (холмы, покрытые плодами). Вагоны поставлены были в круг, лагерь расположился внутри его.

Отряду нужно было добыть свежей говядины. До сих пор бизоны им попадались только изредка; между тем они добрались до мест, где бизонов очень много и где они ходят большими стадами.

— Вот куда нужно идти! — вскричал Сен-Врэн, перебивая спор охотников о том, в какую сторону направиться, чтобы иметь больший успех. — Вот куда, и у нас будет свежее мясо к ужину.

Охотники, в том числе и Генри, взглянули по указанному направлению. Пять черных фигур выделялись на небольшом пригорке. Тотчас подтянули подпруги, опустили стремяна, и наши охотники галопом понеслись на добычу. Сен-Врэн охотно последовал бы за ними, но он боялся насмешек, которыми его щедро награждали за чрезмерную заботливость о Генри. Генри

был теперь настолько здоров, что мог быть предоставлен самому себе. Сен-Врэн остался, но отрядил верного Годэ за своим господином.

Охотники неслись во всю прыть; в этот день они проехали немного, и лошади их были свежи. Из трех миль, отделявших их от пригорка, они уже проскакали две, но тут животные почувяли их приближение.

Некоторые новички, в том числе и Генри, вместо того, чтобы обойти дичь сбоку, неслись прямо на нее и спугнули животных. Один из бизонов поднял свою косматую голову, начал фыркать и бить землю копытом, затем пустился бежать прочь в сопровождении товарищей.

Охотникам приходилось выбирать: или преследовать добычу, или ни с чем возвращаться в лагерь. Они предпочли первое и очутились перед земляным валом вышиною в шесть футов. Это была как бы ступень громадных размеров, отделявшая одну площадку от другой, более возвышенной, и тянулась она на протяжении громадного пространства без перерыва, не образуя нигде прогалины.

Это препятствие несколько охладило пыл охотников. Многие повернули назад к лагерю, сочтя, что трудности в данном случае превышают удовольствие, доставляемое охотой. Только человек шесть, у которых лошади были лучше, не стали отступать. Они дали шпоры лошадям и взвились на высоту. Так как Генри был в их числе, то и Годэ последовал за ним.

Пришлось проскакать около пяти миль, чтобы догнать одно из животных, а именно молодую бизониху; число пуль, поразивших ее, равнялось числу преследователей.

Содрав шкуру с убитого животного, охотники начали соображать, как далеко они отъехали от лагеря.

— Восемь миль, с точностью до одного дюйма! — воскликнул Билл Бент.

— Мы находимся возле дороги, — сказал Годэ, указывая на старые следы вагонов, которыми обозначался торговый путь из Санта-Фе.

— Так что же? — спросил Генри.

— Если мы вернемся в лагерь, то завтра должны будем возвращаться той же дорогой, что в общей сложности составит шестнадцать миль, потерянных даром. Если же мы подождем своих, то просто соединимся с ними. Не так ли? У нас есть здесь трава и вода, кроме того — свежее мясо к ужину. Никто, кажется, не позабыл своего одеяла. Останемся здесь в качестве передового отряда. Согласны?

Всем понравилось это предложение; даже Генри Галлер не возражал, хотя и боялся, что Сен-Врэна может беспокоить его долгое отсутствие.

В одно мгновение расседлали взмыленных лошадей и отпустили их пастись, сами же расположились на берегу прозрачного ручья, который бежал к Арканзасу. Набрали хвороста, развели костер, нарезанное ломтями мясо насадили на вертел, и скоро пламя затрещало от капавшего на него сока. Охотники имели при себе тыквенные бутылки и трубки, — таким образом, у них оказалось все нужное для комфорта; они засиделись и заговорились допоздна. Мирная беседа их была нарушена только прибытием Сен-Врэна, который не мог спокойно оставаться в лагере и нашел охотников по огню. Вечер закончился веселыми шутками по адресу Сен-Врэна за его чрезмерную заботливость о молодом родственнике.

Перед тем, как ложиться спать, укоротили поводья у лошадей, а также вбили поближе колья, к которым они были привязаны. Завернувшись в одеяла и положив седла под головы, все заснуло, не предчувствуя, какая тревога их ожидает этой ночью.

Генри не хотелось оставаться около огня. Многие из охотников громко храпели, и это мешало ему заснуть. Молодой человек направился к местечку, понравившемуся ему еще днем, у самого берега реки. Чуть заметный скат был покрыт мягкой густой травой и представлял такое ложе, которому позавидовал бы даже избалованный человек.

Генри, уходя, ничего не сказал Сен-Врэну, так как последний спал уже мертвым сном.

Несмотря на то, что никакой опасности не предвиделось, было решено, что каждый по очереди будет сторожить остальных. Первым заступил на вахту некто по имени Гиббетс, получивший от товарищей прозвище «соня». Его назначили с вечера на том именно основании, что это самое безопасное время в смысле нападения индейцев, да и всякого другого нападения тоже. Гиббетс занял свой пост на вершине холма, откуда взору его открывалось большое пространство.

Генри, уходя с бивуака, крикнул «соне», чтобы тот в случае тревоги знал, где его искать.

С сигарой во рту он растянулся на своем плаще, но заснул не сразу. Луна светила так ярко, что молодой человек мог различать цветы, которые обрамляли речку. Он мечтал до тех пор, пока не обжег себе рот сигарой; только тогда, повернувшись на другой бок, предался сладкой дремоте.

Но прошло немного времени, и он очнулся от необычайного шума, напоминавшего отчасти гром, отчасти падение водопада. Земля гудела.

— Мы попадем, должно быть, под грозу, — смущенно произнес он, и в ожидании ливня крепче завернулся в свой плащ.

Однако гул становился все сильнее и явственнее, заставив Генри вскочить на ноги. Шум копыт сливался с ревом великого множества быков. Земля дрожала под ними. Тут Генри услышал голоса своих товарищей, голоса Сен-Врэна и Годэ, которые из всех сил кричали:

— Берегитесь, бизоны!

Генри быстро высвободился из плаща и осмотрелся. Товарищи его поспешно сводили лошадей с пригорка. На востоке ему представилась ужасная картина: вся долина казалась в движении, черная волна неслась подобно потоку лавы. Тысячи блестящих точек как молнии вспыхивали и потухали на этой движущейся поверхности. Земля гудела, люди кричали, лошади громко ржали. Альп, очутившийся рядом со своим господином, лаял и рычал.

Все это в первую минуту действовало на Генри как тяжелый кошмар, он не сообразил, что нужно как можно скорее бежать к своим; когда же опомнился, было слишком поздно. Черный поток находился уже не далее как в десяти метрах от него, были хорошо видны мохнатые горбы и блестящие глаза бизонов.

— Великий Боже, они задавят меня!

Бежать было поздно. Генри схватил ружье и выстрелил в передового быка, не имея, впрочем, возможности узнать, сколь удачен был этот выстрел. В ту же минуту его всего обрызгало водою — громадный бизон ринулся из ручья на берег. Затем Генри был приподнят на воздух и отброшен назад, в движущуюся массу. Он не был ни ранен, ни ошеломлен; он сознавал, что его мчат на своих спинах бизоны, представляющие собой сплошную массу. Быстро сообразив, что единственно может спасти его, он оседлал ногами первое попавшееся под ним животное и крепко вцепился в его косматую шерсть. Испуганное животное ускорило бег и, наконец, опередило все стадо; этого только и желал Генри. Бизон мчался по равнине, думая, вероятно, что в него вцепилась пантера.

Генри вовсе не желал его в том разuverять. Напротив, вытащив свой нож, он, как только животное замедляло шаг, колол ему бока; бизон отвечал на это ревом и бежал вдвое скорее.

Генри подвергался, конечно, страшной опасности: если животное, на котором он сидит, остановится, он неминуемо будет

раздавлен стадом, которое следовало, в очень близком расстоянии развернутой колонной в милю шириной.

Но сколь ни велика была опасность, положение было все же забавным, и Генри не мог удержаться от смеха.

Бешеная скачка привела их на место, населенное полевыми кротами. Тут веселость покинула Генри: он боялся, что животное бросится в сторону, чтобы избежать коварных препятствий на пути. К счастью, бизоны имеют привычку бежать всегда прямо, и этот остался верен своему инстинкту. Он проваливался, падал на колени, шипел от ярости, вскакивал и опять бежал прямо.

Пригорки Плум-Бутт находились как раз на пути этой странной скачки с препятствиями. Генри понимал, что для спасения ему необходимо достигнуть их. Они были в трех милях от бивуака, но молодому человеку казалось, что он проехал все десять. На некотором расстоянии от этих высот, посреди долины, подымался отдельный холм. Генри с помощью ножа стал направлять своего бизона к этому месту; животное послушалось, наступил решительный момент. Прежде чем соскочить на землю, Генри мог покончить с животным, — стоило только вонзить нож в наиболее чувствительную часть тела; но счел позорным так дурно отплатить своему избавителю. Осторожно соскользнув со спины животного, он со всех ног побежал на горку. Очутившись на вершине ее в полной безопасности, Генри присел на скалу и огляделся вокруг.

Луна по-прежнему ярко светила. Бизон, с которого он соскочил, так и остановился на том самом месте. Животное стояло с растерянным видом, — казалось, его бычачий мозг никак не может уразуметь случившегося. В позе и в выражении морды было так много смешного, что Генри во второй раз не выдержал и рассмеялся.

Взглянув по направлению к юго-востоку, он увидел прежнюю картину — черную движущуюся массу; но теперь эти тысячи блестящих фосфорических огней не пугали его, он чувствовал себя в полной безопасности на холме. Вдруг слева от стада показался легкий дымок, послышались выстрелы. Из этого он заключил, что товарищи целы, его беспокойство относительно судьбы Сен-Врэна несколько улеглось.

Стадо приближалось к пригорку; достигнув его, животные разделились и двумя потоками окружили убежище Генри. Последний был очень удивлен поведением своего товарища-бизона — вместо того, чтобы дожидаться своих и занять место в авангарде, он поскакал от них прочь, как будто его преследовали не бизоны, а волки. Он бежал вперед и вместе с тем брал в сторо-

ну; когда же очутился на фланге, то постепенно приблизился к стаду и смешался с ним.

Позднее Генри узнал причину такого поведения бизона. Если бы он спокойно стал дожидаться своих, они бы, пожалуй, дурно обошлись с ним, приняв его за чужого.

Генри ждал часа два, пока поток не схлынет, сидя, как на островке. Одну минуту ему показалось, что стадо неподвижно, а сам он вместе со скалою уносится куда-то. Голова у него закружилась, необходимо было закрыть глаза и переменить положение.

Но вот миновал и арьергард. Генри, наконец, мог спуститься с пригорка. Он начал искать дорогу в степи. Вся зелень исчезла, вместо нее была взрытая и взбитая черная земля. Кругом бродили стаями белые волки, ища отсталых. Генри направился к югу. Наконец он услышал голоса, и при свете луны увидел несколько всадников, разъезжавших по долине. Когда он их окликнул, все тут же бросились к нему. Первым прискакал Сен-Врэн; соскочив наземь, чтобы расцеловать брата, он не мог слова сказать от радости и только глядел на Генри, шупал его руки, плечи, желая убедиться, действительно ли тот цел и невредим.

— Откуда вы свалились? С неба? С облаков? Объясните, пожалуйста! — забросали его вопросами товарищи, между тем как Годэ воскликнул с восторгом:

— Бог мой! Быть поднятым на рога, сброшенным наземь, потоптанным тысячами рассвирепевших бизонов — и остаться в живых, не быть даже раненным! Это ли не чудо! Или мой господин — колдун? Ура! Самый ловкий из вас не отделался бы так легко!

Все разом говорили, вернее, кричали; каждый хотел пожать молодому человеку руку.

— Мы считали вас погибшим, — сказал Билл Бент, — и желали только отыскать ваш труп или, лучше сказать, то, что от него могло остаться. Мы исколесили долину на пространстве целой мили и готовы были предположить, что дикие животные вас совершенно уничтожили. Но вы здесь, и живы, и мы вдвойне рады этому, так как приятель наш Сен-Врэн готов был уже с ума сойти.

— Уничтожили! — воскликнул Годэ. — Ловко бы я тогда направился с Гиббетсом! Черт возьми этого соню, не сумел нам сказать, где мой господин!

— Я совсем растерялся, — пробормотал Гиббетс так жалобно, что Генри поспешил уверить его, что нисколько не сердится.

— Мы видели вас в последний раз, когда вас подбросило

кверху, и вы затем упали в самую серединку стада. Но скажите, ради Бога, как вы выбрались оттуда?

Генри рассказал удивленным слушателям подробности своего спасения.

— Опытные охотники погибли бы там, где вы, новичок, действовали с необыкновенным присутствием духа.

— О, — воскликнул Годэ, — я всегда думал, что мой господин всех перещеголяет! У него хороший глазомер и истинная храбрость, которая умеет взвешивать обстоятельства.

Около дюжины бизоньих туш свидетельствовали о том, что охотники вознаградили себя за беспокойство. Тут же лежали револьвер и одеяло Генри, которые они нашли втоптаннными в землю. Проговорив еще долго о ночном происшествии и выбрав сто́рожа понадежнее Гиббетса, наши охотники заснули крепким сном.

3. СТЕПНАЯ СТОЛИЦА

Употребив целую неделю на переход Скалистых гор, маленький отряд наш спустился в долину Дель-Норте и прибыл в столицу Новой Мексики — Санта-Фе. Он ненамного опередил караван; последний прибыл уже на другой день, так как избрал самый короткий путь через проход Ратон, между тем как передовой отряд, взяв южнее, немного заблудился.

Купцы не встретили никаких затруднений относительно ввоза товаров, не считая уплаты по таксе пятисот долларов за каждый вагон. Этот сбор, конечно, значительно превышал обыкновенный таможенный тариф, но что же делать? Миновать Санта-Фе, если желаешь торговать в этом крае, невозможно.

Караван расположился лагерем за пределами города. Сен-Врэн, Генри и еще несколько человек поселились в гостинице в самом городе и отдыхали после трудного путешествия, наслаждаясь преимуществами городской жизни, какой ни на есть.

На другое утро Генри был разбужен своим слугою Годэ, громко распевавшим отрывки из канадских песен.

— Ах, сударь, сегодня большой бал, и я полагаю, что вам должно быть интересно побывать на мексиканском балу.

— Вовсе нет, Годэ, у меня траур, и я не пойду на бал.

— Траур? Какая жалость! Фанданго будут танцевать — это стоит посмотреть. Чего только вы там не увидите! Вот и господин Сен-Врэн. Спросите его, можно ли находиться в Санта-Фе и не побывать на балу?

Сен-Врэн послал Годэ за бутылкой хорошего вина, а сам обратился к Генри:

— Годэ прав, никто не будет заставлять тебя танцевать, но ты увидишь любопытное собрание, получишь возможность составить характеристику нравов здешней провинции. Я силком потащу тебя с собою. Бал в Санта-Фе — это то же, что бег в Эпсоне или папская служба в соборе Петра в Риме на Святой неделе. А пока что ты скажешь о городе?

— Вы называете это городом? — молвил Генри презрительно.

— Разумеется, все его так называют: знаменитый город Санта-Фе, столица всего степного пространства, рай для торговцев, звероловов и воров.

— И вот прогресс, достигнутый за триста лет! Население почти так же грубо, как было; оно, вероятно, занимает самую низшую ступень цивилизации.

— Вернее было бы сказать, что оно знакомо только с развлечениями и пороками цивилизации. В этом оазисе ты встретишь театр, празднества, фейерверки, картины, легкую поэзию, встретишь еще искателей приключений... или, вернее, мошенников, бессердечных Ромео, трусливых бандитов. Одним словом, ты наткнешься на большое разнообразие людей и вещей, прежде чем нападешь на добродетель и честь.

Приход Годэ с вином и двумя стаканами пресек эту горькую критику нравов Санта-Фе.

— Выпей стакан этого легкого игристого вина, — предложил Сен-Врэн Генри. — Это здешнее произведение, причем такое, которому стоит позавидовать. Если янки когда-нибудь овладеют этой страной, то оценят по справедливости этот продукт.

— Вы полагаете, что они к этому стремятся? — удивился Генри.

Годэ при этом подмигнул и прищелкнул пальцами. Сен-Врэн между тем продолжал:

— Естественно, это округлит владения Соединенных Штатов, и что касается меня, я этого очень желаю. Правильное государство никогда не стало бы так грабить купцов. Пятьсот долларов за вагон! При том, что у нас их сто, этот мошенник губернатор нагребил пятьдесят тысяч долларов. Разве это не возмутительно?

— Но, может быть, далеко не все идет в его карман?

— До последней копейки, он здесь — все. Благодаря таким доходам, он правит жителями со всей строгостью.

— И они никогда не восстают против притеснений?

— Случалось, но без всякой пользы для себя. Он сумел разъединить их.

— Но я не вижу военной силы, с помощью которой он мог бы их сдерживать. Разве у него есть армия?

— Его армия? Да вот она идет по улице.

— Храбрые индейцы! Навахо! — заметил Годэ.

Мимо гостиницы действительно проходило человек двенадцать индейцев в своих серапе, или цветных одеялах.

— Это навахо? — спросил Генри Галлер.

— Они самые, — с оживлением подтвердил Годэ. — Мне ли их не знать, я дорого заплатил за знакомство с этим отвратительным, проклятым племенем.

— Я полагал, что они непримиримые враги новомексиканцев. Это, вероятно, пленники?

— Взгляните как следует на этих разбойников, вид у них вовсе не смиренный! — воскликнул Годэ, делая им угрожающий жест кулаком.

Действительно, по манере держаться проходившие навахо мало напоминали пленников. Они выступали гордо, глядели на прохожих свысока.

— Зачем же они здесь? Ведь их родина далеко отсюда, на Востоке.

— Они находятся теперь под защитой мирного договора, который сами же при первом удобном случае нарушат. Они чувствуют себя здесь столь непринужденно, что я не удивлюсь, если встречу их вечером на балу.

— Неужели они так смелы?

— Спроси об этом Годэ, он, должно быть, лучше знает, так как побывал у них в плену.

— Собственно не у них, сударь, — пояснил канадец, — а у проклятых апачей, и целых три месяца. Конечно, разница невелика. Эти черти все на один покрой. Я собственными глазами видел их зверство. Перед большими походами они приносят в жертву детей богу своему Кветцалькольту. Немногие из тех, что попались к ним в руки, имели счастье освободиться подобно мне. Из здешних мест вряд ли кто отважится зайти в их пределы.

— Но как же, Годэ, вы умудрились сохранить свой скальп? — удивленно заметил Генри.

— Очень просто, сударь, дикарям не стоило брать моего скальпа. Никто из них не мог бы привесить его за волосы к своему поясу, потому что... — Годэ снял свою шапку, а с нею вместе то, что Генри до сих пор считал собственным головным убором канадца — рыжие кудри. — Видите, — Годэ с гордостью провел рукою по своей лысой голове, между тем как Сен-Врэн и Генри громко хохотали над этим внезапным превращением. Превращением, происшедшим оттого, что он снял с го-

ловы парик — одно из образцовых произведений наилучшей парикмахерской в Сент-Луисе.

Канадцу предложили допить бутылку. Он выпил остатки за здоровье своего господина, выразив пожелание, чтобы он прославился новыми подвигами в предстоящем путешествии от Санта-Фе до Чихуахуа.

— Разве мы пойдем туда? — спросил Генри у своего кузена.

— Разумеется; здесь не найдется покупателей более как на четверть нашего запаса. Ну, теперь идем в лагерь обделять наши дела, а вечером — на бал, без всякого сомнения; ты увидишь, как это любопытно.

4. НЕЗНАКОМЕЦ В КРАСНОМ ПЛАЩЕ

После обеда Генри занялся своим бальным туалетом. Он надел обыкновенную черную фракную пару и тщательно расправил на ней складки, произведенные долгим лежанием в чемодане; затем отыскал белые перчатки... В это время в комнату вошел Сен-Врэн; этот обыкновенно серьезный человек, едва войдя, сразу же громко расхохотался.

Генри удивился.

— Что такое?

— Как что? — едва смог отдышаться Сен-Врэн после первого приступа смеха. — Неужели ты и в самом деле думаешь идти на бал в этом костюме?

— Но... у меня нет ничего лучшего в моем гардеробе, — смущенно ответил молодой человек. — Признаюсь, я вовсе не думал, что мне придется бывать на балах, и если бы не твое настоятельное требование, чтобы я непременно все видел в городе... Да ты сам еще не одет!

Действительно, Сен-Врэн ничего не переменил в своем костюме: на нем по-прежнему была охотничья жилетка, украшенная бахромой, гетры, пояс, охотничий нож и револьверы.

— Извини меня, Генри, но это и есть мой бальный костюм, и поверь мне, что и тебе надо снова надеть то платье, которое ты снял. Ведь смешно, согласишься, на этот наряд надевать пояс с револьверами и ножами.

— Разве на бал нужно идти непременно в поясе?

— Как же иначе быть с оружием? Не держать же его в руках!

— Оставить дома.

— Ба! Это было бы неосторожно и не в обычаях здешнего края. Ни один человек не согласился бы здесь пойти на фан-

данго безоружным. Итак, надевай свою кожаную блузу, свои гетры и не забудь прихватить что-нибудь из оружия. Таков тут бальный костюм.

Генри вынужден был согласиться с Сен-Врэн.

Когда они вошли в большую бальную залу, построенную близ главной площади, то нашли ее полной гостей. Здесь были охотники, звероловы, купцы, возчики, одетые совершенно по-дорожному. Между ними находилось человек около шестидесяти туземцев и столько же молодых девушек, принадлежавших к низшим классам населения. Многие из мужчин сбросили свои плащи, чтобы удобнее было танцевать; при этом во всем блеске выступал шитый бархат и тисненый сафьян их камзолов, головы покрывали яркие шапочки — береты. Женщины были не менее нарядны: в коротких юбочках, белых шемизетках и маленьких шелковых башмачках.

Танцевальная зала была продолговатая, по стенам уставленная лавками, на которых танцоры в промежутках между танцами крутили сигаретки, болтали и курили. В углу с полдюжины музыкантов услаждали слух звуками арфы, гитары и мандолины. По временам они повышали тон и воспроизводили пронзительную индейскую кантилену. В противоположном углу горцы курили и пили виски.

Генри уселся в углу на скамейке и глядел на кружившиеся пары. Толпа горцев увлекла Сен-Врэна к своему столу, чтобы поговорить с ним о деле, а молодой человек предпочел остаться в одиночестве на своем месте. Вдруг он заметил возле себя на скамейке человека, с которым Сен-Врэн при входе обменялся несколькими словами, и который сразу же привлек к себе особенное внимание Генри. Он стал его разглядывать.

Судя по костюму, это был не американец; нельзя было принять его также и за мексиканца, еще менее он походил на испанца, хотя цвет его лица был смуглый. Лицо у него было бритое, за исключением подбородка, на котором росла черная борода клином. Глаза, насколько можно было их разглядеть под надвинутой шляпой, голубые и кроткие. В черных волнистых волосах заметна седина. Одет он был по-мексикански: в красный плащ, обшитый по краям черным бархатом. Верхняя одежда почти полностью закрывала штаны зеленого бархата, с желтыми пуговицами и белым кантом. На ногах — кожаные краги, из-под которых шли желтые голенища сапог с большими шпорами. На голове — черная широкополая шляпа с широким золотым галуном. Пара золотых кисточек спускалась с полей шляпы, по туземной моде. Он надвинул шляпу со стороны света, как бы желая спрятать свое лицо.

Тем не менее облик незнакомца внушал симпатию: черты некогда очень красивого лица выражали достоинство и спокойную грусть.

Делая про себя все эти замечания, Генри вдруг неожиданно заметил, что незнакомец тоже наблюдает за ним, и с неменьшим интересом.

Оба сделали это открытие, вероятно; одновременно, глаза их встретились. Вслед за этим незнакомец вытащил свой маленький, вышитый жемчугом портсигар и любезно предложил его Генри:

— Не угодно ли покурить?

— С удовольствием, — ответил молодой человек и взял сигаретку.

Только они закурили, как незнакомец обратился к Генри с вопросом, поразившим молодого человека своею неожиданностью:

— Не желаете ли вы продать вашу лошадь?

— Нет, сударь, нет.

— За хорошую цену.

— Ни за какую; жалею, что приходится вам отказывать.

— Я дам за нее пятьсот долларов.

— Я и вдвое не возьму.

— Хорошо, я предлагаю вдвое.

— Извините, вопрос тут не в деньгах, а в чувстве. Я люблю мою лошадь и ни за что с нею не расстанусь.

Незнакомец вздохнул.

— Для меня это большое разочарование; я сделал нарочно двести миль, чтобы купить эту лошадь.

— Очень сожалею, — вежливо ответил Генри, — но я испытал уже на себе достоинства этого животного. Мы стали друзьями; нужно побуждение значительно более сильное, чем деньги, чтобы я согласился на разлуку с ним.

— Ах, сударь, если бы вы знали, почему я жажду его купить, может быть...

Незнакомец колебался одно мгновение; потом, как бы убежденный в бесполезности дальнейших попыток и не решаясь сделать признание, поклонился молодому человеку и скрылся в толпе.

Бал между тем оживился; несколько человек военных в удивительных мундирах примкнули к танцующим и всячески старались выказать свою ловкость в вальсе. Губернатор Санта-Фе, толстый, с вульгарной физиономией, прохаживался по зале в сопровождении хорошо одетых граждан, составлявших, вероятно, высшее новомексиканское общество. Виски оказало свое дейст-

вие на танцующих. Звероловы и возчики сделались шумливей и драчливей. Мексиканцы, в свою очередь возбужденные вином, кипя давней ненавистью, бросали свирепые взгляды на американцев.

Наблюдая за этим странным смешением веселья и немых угроз, Генри вдруг снова очутился лицом к лицу с незнакомцем в красном плаще.

— Извините, сударь, — сказал тот, кланяясь и присаживаясь на скамью рядом с Генри, — я только что узнал, что ваш караван направляется в Чихуахуа. Разумеется, вы последуете за ним?

— Да, мы не находим здесь достаточного числа покупателей.

— И на обратном пути вы опять будете в Санта-Фе?

— Вероятно.

— Может быть, тогда вы согласитесь уступить вашу лошадь. Вы могли бы приобрести себе не хуже в долине Миссисипи.

Видя отрицательный жест Генри, незнакомец поспешил прибавить:

— По крайней мере, обещайте мне, что если эта сделка покажется вам возможной, вы окажете мне предпочтение перед другими.

— От всей души, — ответил молодой человек, постепенно убеждающийся, что за этой настойчивостью скрывается нечто более серьезное, чем каприз.

Разговор был прерван гигантским миссурийцем, полупьяным, который, тяжело наступая на ноги сидящим, неожиданно заорал:

— Ну же, ты, старый торговец салом! Уступи мне свое место на скамье!

— С какой стати? — спокойно произнес сосед Генри, окидывая миссурийца презрительным взглядом.

— С какой стати? К черту спорщиков с их вопросами! Мне нужно сесть, потому что я устал от танцев. Вот с какой стати, скотина ты этакая!

В поведении его было столько грубости и нахальства, что Генри не мог не вмешаться.

— Простите, — сказал он миссурийцу, — вы не имеете права занимать место этого джентльмена и тем более употреблять такие выражения.

— А кто тебя просит вмешиваться, молокосос? — и, обращаясь к незнакомцу: — Эй, ты, в широкополой шляпе, слышишь? Пусти меня!

Он схватил мексиканца за плащ, желая оттащить его. Но

прежде чем Генри опомнился и вступился, незнакомец сильным и ловким ударом кулака повалил нахала.

Это послужило как бы сигналом к всеобщей свалке. Драка завязалась во всех концах. Крики пьяных смешивались со страшной руганью, обличавшей взаимную ненависть. Ножи были вынуты из ножен, женщины завизжали, раздались выстрелы, зала наполнилась густым дымом. Огни потухли, и в наступившей темноте минут пять происходила настоящая битва, сопровождаемая проклятиями, воплями и тяжелым падением тел.

Генри остался стоять около своего места, не прибегая ни к ножу, ни к пистолету. Вдруг он почувствовал сильный удар в левое плечо, сопровождаемый ощущением холода в теле, и опустился на скамью. Он сидел, пока не прекратилось смятение, чувствуя, как поток крови льется из раны, пропитывая всю его одежду.

В этом положении он оставался, пока в комнату не принесли свечи. Когда осветили поле битвы, то сделалось очевидно, что американцы победили. Мексиканцы со своими женами исчезли, за исключением нескольких раненых, валявшихся на полу. Охотники перебегали с места на место, отчаянно жестикулируя. Одни старались оправдать то, что они называли неожиданной суматохой, тогда как другие, наиболее почтенные, осуждали ее. Сен-Врэн, хотя и принадлежал к числу последних и его мнение всегда уважалось, на сей раз не высказывал своего отношения. Его заботила единственная мысль — скорее отыскать Генри, чтобы убедиться, что он не пострадал в свалке.

Видя нежную заботливость и беспокойство Сен-Врэна, Генри хотел было обратиться в шутку полученную им рану.

— Кто-то из пьяниц, — пояснил он, — задел меня ножом, и вот из плеча идет кровь.

— Сейчас посмотрим, долой одежду! — скомандовал Сен-Врэн, хватаясь за ворот блузы, чтобы стащить ее.

Но Генри наотрез отказался от освидетельствования здесь, на месте, и с помощью Сен-Врэна и Годэ, прибежавшего на шум, добрался до гостиницы.

Дорогою Генри старался всячески успокоить своего родственника, но потеря крови была велика и с каждой минутой делала его слабее. Он не сознавал ясно своего положения.

Да оно и редко бывает, чтобы раненый сам мог определить, насколько опасна полученная им рана. Жизнь может пресечься от изливания крови, а боль при этом может быть не сильнее, чем от пореза.

Прибыв в отель, молодой человек в изнеможении упал на

кровать. Сен-Врэн разодрал охотничью блузу сверху донизу и с помощью Годэ, опытного в этом деле, исследовал рану.

— Глубока ли она? — поинтересовался больной.

— Не так глубока, как колодец, и не так широка, как полотно железной дороги, — молвил канадец, делая угрожающий жест кулаком в сторону, где находилось помещение для бала, адресуя его неизвестному злодею. — Вы отделаетесь тем, что пролежите в постели несколько дней. Благодарите за это Бога, а не того подлеца, который сделал все, от него зависящее, чтобы отправить вас на тот свет. Посмотрите-ка, господин Сен-Врэн, какой меткий удар испанским ножом: один дюйм — и спинной хребет был бы задет. Но теперь вы вне опасности, смею уверить.

— Да, Генри, — сказал Сен-Врэн, который, между тем, омыл рану и накладывал компресс с осторожностью и навыком лучшего хирурга.

Когда раненый несколько отдохнул от перевязки, Сен-Врэн спросил его, как и по какому случаю он получил удар ножом.

— Не заметил ли ты на балу человека странного вида, который, казалось, прятался от всех? На нем был ярко-красный плащ, — спросил в свою очередь Генри.

— Да, разумеется, он сидел рядом с тобой на лавке и прятал лицо под шляпой. Этот человек страннее, нежели кажется. Я видел и знаю его; может быть, из всех присутствовавших на балу только я один и могу это утверждать... Впрочем, ошибаюсь, губернатор должен также его знать, но, кажется, он его не заметил. Я еще недоумевал, зачем этот человек появился на балу, когда он вовсе не интересуется танцами, хотя и заставляет многих плясать под свою дудку.

— Я могу просветить тебя на этот счет, — ответил Генри, и рассказал, какого рода предложение сделал ему странный незнакомец и по какому поводу произошла ссора с грубым миссурийцем.

Сен-Врэн не обратил никакого внимания на последнее обстоятельство, зато его очень заинтересовало желание этого господина приобрести Моро.

— Странно, — промолвил он, — на что ему понадобилась твоя лошадь? Проехать для этого двести миль и предлагать тысячу долларов — очень странно!

— Берегитесь этого человека, — сказал Годэ. — Если он приехал так издалека и предлагает такую кучу денег, значит он ни перед чем не остановится. После вашего отказа, кто знает, он, пожалуй, украдет коня.

Генри очень огорчился предположением Годэ и вопросительно взглянул на кузена.

— С позволения капитана, — так называл Годэ своего господина со времени происшествия с бизонами, — я спрячу лошадей.

— Не беспокойтесь, Годэ, — сказал Сен-Врэн, — что касается этого господина, то он неспособен на какую бы то ни было кражу. Хотя предосторожность относительно Моро не будет излишней. В Санта-Фе столько плутов, что они могут увести лошадей хоть целого полка. Поэтому держите Моро поближе, привяжите его всего лучше к нашей двери.

Годэ исчез, пославши предварительно город и его обитателей ко всем чертям.

— Что это за человек, окруживший себя такой таинственностью? — обратился раненый к сидевшему у его изголовья Сен-Врэн.

— Я мог бы рассказать тебе очень интересные факты из его биографии, но я не хочу утомлять тебя, ввиду возможной лихорадки. Это знаменитый Сэгин, охотник за скальпами. Тебе не рассказывали о нем наши спутники? Наверное, да, так как легенды о нем служат неисчерпаемым материалом для бесед на здешних бивуаках.

— Ах, так это начальник охотников за скальпами, человек, получающий деньги за проливаемую кровь! — воскликнул Генри с презрением. — Какой негодяй!

Черное пятно скользнуло по стене, это была тень человека. Раненый поднял глаза и увидел перед собой мексиканца в красном плаще, неслышно вошедшего в комнату. Сен-Врэн со смущенным видом поздоровался с ним за руку и, отойдя к окну, стал глядеть на улицу.

Генри хотел продолжать свою возмущенную речь и прогнать Сэгина с глаз долой, но замолчал, невольно почувствовав над собою власть этого человека. Слышал ли он оскорбление, которым только что наградил его раненый? Ничто в его внешности и манере не выдавало этого. Он остановил на раненом тот же взгляд, полный строгой грусти и достоинства, который поразил Генри еще на балу. Казалось невероятным, чтобы это благородное лицо принадлежало разбойнику, способному на всевозможные жестокости.

— Сударь, — обратился он к Генри, — я глубоко огорчен случившимся, тем более, что я был невольной причиной вашего страдания. Опасна ли ваша рана?

— Нет, — ответил молодой человек очень сухо, что, по-видимому, несколько смутило Сэгина.

— Очень рад это слышать, — сказал он после некоторого молчания. — Я пришел поблагодарить вас за великодушное вме-

шательство и проститься с вами, так как через десять минут уезжаю из Санта-Фе.

Он протянул руку Генри, но тот не подал ему своей.

Рассказы о чрезмерных жестокостях, приписываемых молвой Сэгину, пришли ему на память, и он почувствовал к нему непреодолимое отвращение. Сэгин остался с протянутой рукой, лицо его приняло выражение оскорбленного достоинства при виде колебаний молодого человека.

— Я не могу дотронуться до вашей руки, — произнес тот наконец.

— Почему? — кротко спросил Сэгин.

— Почему?.. Да потому, что на ней человеческая кровь.

Сэгин грустно посмотрел на Генри; не обнаруживая ни малейшего признака гнева, он спрятал руку в складках плаща и, тяжело вздохнув, тихо вышел из комнаты. Сен-Врэн почтительно поклонился и проводил его глазами.

Лежа в кровати, Генри еще раз увидел мексиканца, когда тот проходил сениями. Он весь закутался в плащ, вид у него был совсем убитый. Через мгновение он исчез.

— Сен-Врэн, — раненый попытался чуть приподняться, — не был ли я слишком суров с этим человеком? Во взгляде его есть что-то, не вяжущееся с тем злом, которое ему приписывают. Вы, мой друг, не порицаете меня за то, что я высказал ему презрение, которое он заслуживает, если верить рассказам о нем?

— Тише, тише! Посмотри сюда, — Сен-Врэн показал на полуотворенную дверь.

Генри увидел при свете луны три человеческие фигуры, которые пробирались вдоль стены. Судя по росту и манере передвижения, это были индейцы. Через мгновение они скрылись в тени подъезда.

— Это враги бедного Сэгина, каких и ты бы не пожелал ему, если бы лучше знал его. Я трепещу при мысли, как бы эти хищные звери не завлекли его в какую-нибудь западню. Впрочем он умеет постоять за себя, и в случае нападения к нему явится помощь. Побудь спокойно, Генри, я сейчас вернусь.

С этими словами Сен-Врэн поспешно вышел. Оставшись один, наш раненый начал размышлять о странном стечении обстоятельств, приведших его в столь печальное положение. Он упрекал себя, что оскорбил человека, который к нему относился так участливо и к которому его двоюродный брат питал такое уважение. Появление Годэ несколько рассеяло угрызения его совести. Канадец привязал лошадь под окном и сам уселся сторожить ее. Почти тотчас вернулся и Сен-Врэн.

— Ну, что же, — со жгучим интересом спросил его Генри, — что случилось?

— Он вскочил на лошадь, прежде чем подошли индейцы. О, я говорил тебе, он умеет беречься!

— Но ведь они могут преследовать его верхом?

— Это маловероятно. Его товарищи находятся недалеко, а губернатор (я уверен, что он-то и направил негодяев по его следам) не в состоянии будет преследовать его, когда он окажется в горах.

— Сен-Врэн, расскажи мне историю этого человека.

— Нет, не сегодня, у тебя лихорадка, милый Генри, я не хочу тебя волновать. Годэ посидит с тобою, мне же нужно отправиться в лагерь; я постараюсь задержать караван до тех пор, пока ты не будешь в состоянии сесть на лошадь. Удастся ли это мне? Сделаю все возможное... Спокойной ночи!

5. ДОЛИНА СМЕРТИ

Несмотря на все свое влияние, Сен-Врэн не удалось убедить купцов отложить отъезд; караван должен был выступить через три дня после описанных событий. Не мог также Сен-Врэн отделить свои вагоны и в одиночку пуститься в такие места, где нельзя иначе путешествовать, как целым караваном. Везти с собою раненого значило почти наверняка подвергнуть его опасности умереть. Приходилось мириться с тем, чтобы оставить Генри в Санта-Фе на попечении слуги. Здесь больной мог пользоваться необходимым для него отдыхом и советами хирурга.

Сен-Врэн должен был проститься со своим кузеном. В момент отъезда Генри приподнялся на кровати и в открытое окно видел, как проследовали покрытые чехлами громадные повозки, похожие на движущуюся цепь холмов. Он слышал удары бича и звучные голоса вожатых. Купцы, гарцуя на своих конях, проехали мимо его окна, посылая ему рукой прощальные приветствия. Проводив их, молодой человек, томимый тяжелым чувством одиночества, улегся в постель.

Ему пришлось пробыть еще несколько дней в болезненном состоянии, несмотря на самый заботливый уход канадца.

Годэ разделял с ним скуку, его веселость исчезла. Вместо веселых канадских напевов, не сходявших, бывало, с его уст, теперь сыпались проклятия на мексиканцев и Мексику.

— Мы никогда не привыкнем к этой жизни, — признался однажды Генри своему слуге.

— О, никогда, господин! — убежденно ответил тот. — Здесь во

сто раз скучнее, чем у квакеров. Но что прикажете делать! Нам остается только беситься и браниться, да и то не очень громко.

— Годэ! Мы ведь можем уехать из этого противного города. Уедем завтра же.

— Но, капитан, достаточно ли вы сильны, чтобы сесть на лошадь?

— Попробую, милый друг. Если у меня не хватит сил догнать караван, мы остановимся в одном из городов, лежащих на дороге. Нигде не будет хуже, чем здесь. Во всяком случае, мы увидим новые лица вместо тех, которые надоели нам до смерти.

— Верно, капитан, ведь по реке будет много хороших поселений: Альбукерк, Томе и другие. Санта-Фе — настоящий притон разбойников. Хуже не может быть. Какая чудесная мысль — уехать отсюда!

— Чудесная или нет, — улыбнулся Генри, — но дело решенное. Приготовь все за ночь, мы уедем до восхода солнца.

На другой день на заре они выехали со двора гостиницы в сопровождении двух навьюченных мулов.

Несколько дней путешественники ехали вдоль берега Дель-Норте, вниз по течению. Они проехали, не останавливаясь, мимо нескольких селений, живо напоминавших ненавистный им Санта-Фе. Они проезжали каналы для орошения, поля, покрытые свежей зеленью маиса; видели виноградники и большие фермы, которые, по мере приближения к югу, к Рио-Абаго, становились все более цветущими. Вдали, на востоке и западе, виднелась двойная гряда Скалистых гор. Иногда цепи холмов, отделявшиеся от гор, как будто замыкали долину, но когда путешественники переходили их, им открывался новый вид, и это составляло одну из главных прелестей путешествия.

В городах и по дороге Генри видел живописные туземные костюмы: мужчины носили клетчатые плащи или полосатые одеяла, заимствованные у навахо, конические шляпы с широкими полями, бархатные штаны с поясом, украшенным шнурами. На ногах иногда были сандалии, какие носят на Востоке. Женщины, все без исключения, носили кокетливые мантильи, короткие юбки, вышитый корсаж и традиционные маленькие башмачки, которые защищали только пальцы ног.

Путники встречали по дороге многочисленные обозы, нагруженные зерновым хлебом. Мулы были малы, с короткой шерстью, тонкими ногами и упрямым нравом. Проводники ехали верхом на мустангах. Седла с высоким передом и задом, поводья из конского волоса, смуглые лица и остроконечные бороды всадников, громадные шпоры, издающие шум при всяком дви-

жении, восклицания, перемешанные с бранью — все было ново для Генри, но, в сущности, все это он видел как во сне, ибо от усталости впадал часто в лихорадочное состояние. В таком состоянии, как известно, окружающие предметы являются в искаженном виде и утомляют мозг больного. Рана болела. Жара и пыль, жажда и плохой ночлег еще более способствовали утомлению. Тем не менее Генри решил во что бы то ни стало догнать своих товарищей.

На пятый день со времени выезда из Санта-Фе путешественники въехали в маленькое местечко Парида. Генри намеревался здесь переночевать, но гостиница оказалась столь грязной, что решено было ехать до Сокорро. Это был последний обитаемый пункт в Новой Мексике, за которым начиналась ужасная пустыня, известная под именем «Долина смерти». Так как Годэ не знал местности, то в Париде оказалось необходимым взять проводника. Это был невзрачный парень, не понравившийся нашим путешественникам, но им сказали, что никто ни здесь, ни в Сокорро ни за какие деньги не согласится их сопровождать. Так что выбирать было не из чего.

Кроме возможной встречи с апачами, Генри, пускаясь в «Долину смерти», рисковал еще и своим здоровьем. Рана была воспалена, и лихорадка мучила его. Но получив сообщение, что караван Сен-Врэна и других прошел здесь всего три дня тому назад, он вознамерился догнать их и увидаться с Сен-Врэном прежде, чем те достигнут следующей станции Эль-Пасо. Генри решил выехать на другой день утром и ехать как можно скорее.

Перед восходом солнца путешественники были уже на ногах. Годэ вышел, чтобы разбудить проводника и седлать мулов и лошадей. Генри готовил кофе, а хозяин гостиницы присутствовал при этом, гордо прохаживаясь в своем плаще.

— Господин, господин, — раздался крик канадца, возвращающегося со двора, — а ведь бездельник скрылся!

— Какой бездельник?

— Проклятый мексиканец, наш проводник! Он украл мула и скрылся с ним!

Генри побежал в конюшню, боясь, не соблазнился ли вор также и лошадь. К счастью, Моро был на своем месте, не доставало лишь одного мула.

— Может быть, он не успел еще уехать, — предположил Генри, — поищем его в городе.

Надежда эта скоро была разрушена: люди, приехавшие в Сокорро на рынок, встретили по дороге проводника, едущего вверх по течению реки ускоренным галопом, на какой только способны упрямые мулы...

Что было делать? Ехать догонять вора — значило потерять целый день. Генри примирился с потерей и стал искать другого проводника, но всюду слышал один ответ: «апачи! апачи!»

Он обратился к самому низшему классу населения, — к нищим, сидевшим на площади, но и тут услышал: «апачи!»

Всюду раздавался этот ответ, сопровождаемый поднятием указательного пальца до высоты носа, что служит высшим признаком отрицания у мексиканцев.

— Ясно, Годэ, что мы не найдем проводника. Что ты скажешь? Не решиться ли нам проникнуть в «Долину смерти» одним, без чьей бы то ни было помощи?

— Идет, господин, я согласен следовать за вами.

Они двинулись по дороге в пустыню в сопровождении единственного своего мула. Все жители Сокорро напутствовали их добрыми пожеланиями. Переночевав следующую ночь в развалинах Вальверды, они вступили в «Долину смерти».

Через два часа достигли прохода Фра-Кристоваль. В этом месте дорога отступает от реки, и углубляется в безводное пространство.

Они переехали реку вброд и очутились на левом берегу. Тут они дали вволю напиться своим животным и наполнили водою все бывшие с ними меха.

Проехав всего несколько миль, они уже вполне могли убедиться в справедливости данного сей местности названия. Там и сям на бесплодной почве валялись кости погибших людей и животных, предметы, занесенные сюда, очевидно, людьми: разбитый кувшин, заржавленная шпора, оборванный ремень, лоскуток платья... Эти и тысячи других признаков свидетельствовали о судьбе несчастных жертв пустыни.

Как доберутся они до противоположного края? Неужели и они обречены на гибель и только увеличат число этих зловещих признаков?

Грустное предчувствие охватило Генри, когда он взглянул перед собою в бесконечную даль, — индейцев он не боялся, природа была здесь гораздо более опасным врагом.

Оба ехали молча по следам вагонов, не желая делиться мрачными предчувствиями. Путь их лежал на юг. Вдали, на востоке, виднелись горы с белыми вершинами.

Жара была страшная, сильный ветер подымал облака жгучей пыли. Местность была покрыта сухой колючею растительностью, и это замедляло шаг лошадей. Потом они выехали в беспредельные пески, — казалось, что песок этот, подобно волнам, заливают каменистую почву.

Вдруг путешественники остановились, пораженные странным

зрелищем: громадные столбы песка, поднятого вихрем, стояли вертикально над их головами. Такие же колонны из желтых, освещенных солнцем кристаллов носились кругом. Испуганный мул порвал недоуздок и пустился бежать в сторону гор, унося с собой багаж. Годэ бросился за ним в погоню.

Генри остался один, с ужасом наблюдая, что находится среди девяти или десяти гигантских колонн, которые все более и более сближаются между собою. Альп начал громко выть и прижиматься к Моро. Конь с трудом дышал и дрожал всем телом.

Всадник с невыразимым страхом ждал, что будет, в ушах у него звенело, в глазах мелькали разноцветные искры... Наконец колонны столкнулись, непреодолимая сила выбила Генри из седла. С залепленными песком глазами и ушами, с израненным песчинками и мелкими камнями лицом, он очутился на земле.

Некоторое время Генри был в полусознательном состоянии, и только когда туча песка пронеслась, он мог дать себе более или менее ясный отчет, где он и что с ним. Ужаснее всего было то, что он не мог открыть глаз; простирая вперед руки, он звал Моро. Тот отвечал жалобным ржанием. Генри направился ощупью в ту сторону и набрел на лежащую на боку лошадь. Полчаса употребил Генри на то, чтобы протереть глаза.

Самум миновал, и атмосфера очистилась. Генри стал звать Годэ, но безрезультатно. Сев на лошадь, он начал колесить по пустыне, поминутно выкрикивая имя верного своего товарища, однако кругом была полная тишина, на земле ни малейшего следа. Годэ и мул пропали.

Генри кричал до потери голоса, в горле у него пересохло, захотелось пить... Тыквенная бутылка разбилась при падении, остальной запас воды был на убежавшем муле... Река была в пятидесяти милях!..

Отчаяние овладело молодым человеком, присутствие духа его покинуло, он не знал, что делать и куда направиться. Горы, которые до сих пор служили ему путеводною нитью, теперь, казалось, шли по всем направлениям, и он совершенно запутался во всех этих хребтах и долинах.

Вдруг Генри вспомнил, что в Сокорро ему называли какой-то колодец «Око смерти», расположенный на западе от дороги, — там иногда накапливалась вода.

Несколько минут Генри колебался, потом почти машинально дернул повод и направился в ту сторону. Он решил поискать сначала колодец, а в случае неудачи вернуться назад, к реке. Ничего другого не оставалось делать.

Молодой человек еле держался в седле от мучившей его жажды, он опустил поводья, полагаясь вполне на инстинкт лошади. Так проехали они несколько миль на запад, вдруг Генри вышел из своего столбняка. Он увидел перед собою озеро, воды которого блистали как кристалл. Не мираж ли это? Но нет, берега озера виделись так явственно, не было в очертаниях его той облачности и неопределенности, которая служит признаком марева. Это была в самом деле вода.

Генри дал шпоры своей лошади, хотя это было излишне: Моро, увидев воду, и сам стремился к ней. Минуту спустя лошадь стояла в озере, а Генри, нагнувшись с седла, собирался зачерпнуть в ладонь, как вдруг его поразило странное поведение Альпа и Моро. Собака с воем выскочила на берег. Лошадь с неудовольствием фыркала.

Очевидно, вода им не понравилась, но Генри надо было непременно самому убедиться в ее негодности. Он зачерпнул, сколько мог, ладонью и поднес к губам — вода оказалась соленой.

С этого момента Генри перестал ясно сознавать окружающее. Когда он впоследствии старался вспомнить, что с ним было, ему казалось, что он, добравшись до возвышенности, слез с лошади. Должно быть, они ехали долго, так как солнце стояло низко на горизонте, и очутились на краю пропасти. Внизу виднелась чудесная река с зелеными берегами... Должно быть, ему хотелось добраться до нее; скала была отвесная, спуска нигде не было... Он слышал шум реки... Какой-то призрак звал его с хохотом к краю пропасти... Он остушился, стал падать, падал долго, бесконечно, а вода была все так же далеко от него. Скала, на которой он испытывал адские муки, как будто повисла над ним в воздухе, а солнце красным светом освещало эту хаотическую картину...

Далее он ничего не помнил... За бредом наступили тьма и безмолвие — то есть полное беспамятство.

6. БОРЬБА ВЕЛИКОДУШИЯ

Когда Генри пришел в сознание, он увидел себя лежащим в кровати: глаза его стали машинально следить за узорами на занавесках постели. Это были сцены из средневекового мира: рыцари в кольчугах, шлемах с опущенными забралами и верхом на конях, дрались и ломали копыя, тут были и упавшие наземь и раненые; благородные дамы в расписанных гербами платьях, сидя на тяжелых фламандских лошадях, держали на руках

соколов, за ними следовали молодые пажы, сдерживающие своры собак не существующих более пород.

Генри глядел на эти фигуры с каким-то детским восхищением. Мало-помалу он стал разбираться в своих мыслях. Голова и память его начали работать, но так, как это обыкновенно бывает у выздоравливающих: грезы и действительность перемешивались самым прихотливым образом.

Утомленный, Генри опять заснул. Когда он проснулся, мысли его были несколько определеннее и яснее: услышав музыку в комнате, он не приписал ее оруженосцам на занавесе, трубившим в охотничий рог. Он прислушался и различил два женских голоса, певших французскую песню под аккомпанемент испанской арфы. Мелодия была очень приятная, пели ее вполголоса. Генри теперь яснее сознавал события последнего времени: он далек от Франции, тем более удивительно слышать родное пение.

Он отвернул голову от стены. Занавес был раздвинут, он лежал в большой нарядной комнате, красиво, но беспорядочно меблированной; в ней были люди, одни стояли, другие сидели, некоторые лежали на паркете, и все, казалось, заняты были чем-то. Он видел перед собой фигур шесть или восемь, но это был обман чувств; Генри понял, что предметы двоятся у него в глазах, вероятно от слабости зрения. Он закрыл глаза, опять их открыл и постарался сосредоточить свое внимание на окружающих предметах. Теперь он увидел только троих: одного мужчину и двух женщин.

Ближе всего к кровати сидела на низеньком диване дама лет сорока. Арфа, звуки которой слышал Генри, лежала перед ней, она продолжала извлекать из нее мелодичные звуки. Дама была, вероятно, очень красива в молодости, черты лица ее выражали благородство и вместе с тем свидетельствовали о сильном внутреннем горе. Более от забот, нежели от времени, лоб был усеян морщинами, а в роскошных белокурых волосах светилась седина. Несомненно, она была француженка; национальность ее выступала в каждом грациозном движении, в простоте и изяществе наряда.

Недалеко от нее, за столом, стоявшим посреди комнаты, сидел мужчина лет пятидесяти. Он был лицом к кровати и его национальность так же нетрудно было отгадать. Широкий лоб, румяные щеки, выдающийся подбородок, синие очки, острокопечная ермолка, — все обличало в нем немца. Выражение лица нельзя было назвать очень интеллигентным; по-видимому, он принадлежал к породе людей, которые много знают, но дара творчества не имеют; это ходячие энциклопедии, у которых па-

мать играет главную роль, очень часто встречающиеся между немцами. Занятие, в которое он был углублен, обличало в нем неутомимого труженика, для которого классифицировать — настоятельная потребность и величайшее удовольствие. На столе и рядом на полу лежала груда растений, трав и кустарников, он аккуратно располагал их между листами своего гербария.

Рядом с ботаником сидела прелестная молодая девушка, почти ребенок; остановив на ней на мгновение свой взгляд, Генри уже не мог оторваться от этого наивно-очаровательного существа. Не могло быть сомнения в том, что это дочь пожилой дамы: у обеих были одинаково изящные черты, одинаковый греческий профиль. Девушка показалась больному столь сказочно прекрасной, что окружающую обстановку он на минуту счел опять сном.

К удовольствию своему, он, однако, скоро убедился в противном, так как услышал слова ботаника, сказанные на французском языке с сильным немецким акцентом:

— Как я был бы вам благодарен, сударыня, если бы вы сыграли марсельезу.

— Сейчас, доктор, мы вам ее сыграем. Милая Зоя, возьми свою мандолину.

Молодая девушка, до той поры внимательно следившая за работой ботаника, встала, сняла со стены инструмент, напоминающий гитару, и уселась возле матери. Раздались звуки двух инструментов, зазвучала мелодия марсельезы. Ботаник приостановил свое занятие и слушал с наслаждением. При каждом повторении героического припева добряк притопывал ногой и бил в ладоши.

Музыка смолкла. Нет, это определенно был не сон, слишком явственно происходило все перед глазами. Генри спрашивал себя, где он находится, и взор его блуждал по комнате, отыскивая ответ на этот вопрос. Вдруг он узнал свою собаку. Альп, свернувшись, лежал возле кровати на ковре. Генри тихонько позвал:

— Альп, Альп!

— Мама! Мама! Послушайте, больной заговорил, — произнесла девушка в сильном волнении.

Собака вскочила и встала передними лапами на кровать, она терлась мордой о хозяина и радостно визжала. Генри нежно ласкал животное.

— Посмотрите, мама, он узнал собаку, он пришел в сознание!

Дама поспешно встала и приблизилась к кровати. Немец

тоже встал, взял больного за руку, отогнав предварительно Альпа, готового от радости прыгнуть на кровать.

— Ему гораздо лучше, — сказала дама, — посмотрите, взгляд его ясен и спокоен.

— Конечно, лучше, — подтвердил доктор.

— Где я? — спросил Генри. — Будьте добры, скажите мне.

— Не беспокойтесь и не волнуйтесь, — ответил доктор. — Вы были очень больны, вы находитесь у друзей, — вот все, что вам нужно знать теперь. Скоро вы встанете. Вас, должно быть, разбудила музыка?

— Мне было так хорошо от музыки, — тихо произнес Генри.

— В самом деле, без комплиментов? — улыбнулась дама.

— Сударыня, вы дали мне возможность услышать родную мелодию и играли вы удивительно хорошо, — вы и мадемуазель Зоя.

— Он знает мое имя! — с наивным удивлением воскликнула девушка.

— Мы лучше сделаем, если дадим покой господину Галлеру. Шум...

— О нет, сударыня! Прошу вас, сыграйте еще что-нибудь, извините мою нескромную просьбу.

— Пожалуй, хотя бы для того, чтобы усыпить моего пациента, который слишком много болтает для первого раза, — добродушно заметил доктор.

Мать и дочь взялись за инструменты, и хотя Генри слушал их с восхищением, тем не менее музыка его убаюкала, и он заснул.

Целительный сон этот длился, пока длилась музыка. Генри смутно слышал, как отворилась дверь, до слуха его донеслись нежные возгласы, произносимые обыкновенно при возвращении близких людей из дальнего путешествия. Он слышал обращение «милая Зоя», произнесенное мужским голосом. Затем он уже не мог расслышать разговора, все ушли; прошло несколько мгновений, в соседней комнате послышались шаги, к стуку сапог примешивалось бряцание шпор. Наконец шаги раздались яснее и остановились перед кроватью. Генри поднял глаза. Перед ним стоял Сэгин, охотник за скальпами.

Как только больной его увидел, он тотчас без всяких объяснений понял, что этот человек его спас. Генри припомнил, что образ Сэгина смутно носился в его больном мозгу и особенно ярко выступил во время бреда. Но Сэгин, очевидно, не хотел выставлять себя его спасителем:

— Вам лучше, господин Галлер? Мне сказали, что скоро вы

совсем выздоровеете. Позвольте же поздравить вас с выздоровлением, которое делает честь нашему другу, доктору Рихтеру.

Этот способ отстранить от себя всякую благодарность, по праву ему принадлежавшую, сопровождался странной позой — скрещенными на груди руками.

— Не правда ли, я вам обязан жизнью, господин Сэгин? — спросил Генри.

— Да, — улыбаясь, ответил охотник за скальпами, — но я только заплатил вам свой долг. Припомните, что и вы рисковали вашей жизнью ради меня на балу в Санта-Фе. Значит, вы ничем мне не обязаны.

Генри до слез был тронут деликатностью, с которой Сэгин снимал с него бремя благодарности. Несколько дней тому назад он с отвращением отстранил от себя руку этого человека. Между тем этот человек был мужем прекрасной и доброй женщины, отцом прелестной девушки, напоминавшей небесного ангела... Генри позабыл о злодеяниях, которые молва приписывала этому человеку, и, страшась отказа, проговорил:

— Простите меня, дайте пожать вашу руку.

И он горячо пожал протянутую ему руку.

— Мне нечего вам прощать, — с достоинством произнес Сэгин. — Я уважаю то чувство, которое заставило вас отдернуть вашу руку... Вам кажутся странными мои слова?.. Вы поступили как должно, на основании дошедших до вас слухов. Когда-нибудь, господин Галлер, вы лучше меня узнаете, и тогда многие мои поступки вы не только извините, но и оправдаете. Но пока довольно. Я пришел просить вас, чтобы вы молчали здесь обо всем, что знаете про меня. Ничто не должно нарушать душевного покоя дорогих мне существ, для которых я являюсь только мужем и отцом.

Он тяжело вздохнул и бросил взгляд на входную дверь. Генри вторично пожал руку своему спасителю, обещая молчать, и видя, что этот разговор неприятен ему, заговорил о другом:

— Как очутился я здесь? По всей вероятности, это ваш дом? Как вы меня нашли?

— В ужасном положении. Я не могу приписать себе вашего спасения; по всей справедливости, вы обязаны им вашей лошади.

— О, мой верный Моро! Неужели он погиб, спасая своего господина?

— Ваша лошадь здесь и наедается досыта маисом. Я полагаю, что вы будете довольны ее видом. Ваш мул пасется на ближайшем лугу. Ваш багаж лежит здесь в углу.

— А...

— Годэ — хотите вы спросить? — перебил Сэгин. — Не бес-

покойтесь о нем. Его нет сию минуту здесь. Я послал его с хорошей охраной и опытным проводником с письмами на все станции, где должен останавливаться ваш караван на своем обратном пути из Чихуахуа. В письмах я сообщаю Сен-Врэну все, что с вами случилось. Ваш двоюродный брат не будет беспокоиться, зная, что вы в моем доме.

— Как мне благодарить вас за все!.. Вы спасли также и Годэ! Вы подумали о Сен-Врэне! Со мною мой верный конь Моро и добрый пес Альп... Но что же было со мною в этой ужасной «Долине смерти», которая чуть было не оправдала на мне своего прозвища? В каком положении нашли вы меня?

— В нескольких милях отсюда, на скале, которая возвышается над рекою Дель-Норте. Вы висели над пропастью на аркане, охватывавшем ваше тело. Аркан был привязан одним концом к луке седла, и ваш Моро, упираясь на передние и оседая на задние ноги, держал всю тяжесть вашего тела на своей шее.

— Молодец Моро! Какое ужасное положение!

— Разумеется, ужасное. Если бы вы упали, вы пролетели бы тысячу футов, прежде чем расшиблись бы о нижние скалы.

— Я, вероятно, оступился, отыскивая дорогу к воде?

— В бреду вы стремились в пустое пространство. Если бы вас не удержали, вы повторили бы свой опыт. Когда мы вас вытащили из бездны, вы рвались туда обратно, вы видели внизу воду под ногами и не сознавали вовсе опасности. Сильная жажда вызывает расстройство умственных способностей.

— У меня осталось только смутное воспоминание обо всем этом, помню что-то как во сне.

— И не старайтесь припоминать. Вот доктор делает мне знаки, что вы слишком много говорите. Я вошел сюда, потому что мне нужно было сказать вам два слова, иначе я не нарушил бы вашего покоя. Сегодня вечером я уезжаю на десять дней. Поправляйтесь пока. Будьте здесь как дома и оставайтесь до тех пор, пока ваши друзья не прибудут обратно из Чихуахуа. Извещенные мною, я надеюсь, они расположатся бивуаком недалеко отсюда, и вы тогда присоединитесь к ним в полном здравии... Пребывание в этой пустыне может показаться вам не особенно приятным, ну да мои постараются, чтобы вы не слишком скучали. Вы любите чтение — у меня есть порядочная библиотека. Вас будут развлекать музыкой. Доктор Рихтер — такой человек, что сумеет ответить вам на любой вопрос. Одним словом, не заставляйте меня раскаиваться, что оставляю вас здесь. Помните, что хозяин отвечает за благополучие тех, кто живет под его кровлей.

— Пойдите, прошу вас. В Санта-Фе у вас явилась прихоть купить мою лошадь...

— О, это была не прихоть. Но я объясню вам все в другой раз. Может быть, причина, заставлявшая меня так сильно желать приобретения вашей лошади, уже не существует более.

— Возьмите Моро, умоляю вас. Я найду себе другую лошадь, которая заменит мне его.

— Ни за что! После услуг, оказанных вам Моро, вы не должны с ним расставаться. Я понимаю, как вы должны быть ему благодарны.

— Но вы уезжаете в эту ночь, господин Сэгин, может быть вам предстоит длинный переезд. Возьмите Моро, по крайней мере на этот раз. Иначе я буду думать, что вы не хотите меня простить... несмотря на мое раскаяние.

— Пусть будет по-вашему: лошадь моя устала, а мне сегодня ночью надо быть далеко. Итак, прощайте, и будем друзьями.

Генри остался один и стал прислушиваться. Через полчаса послышалось ржание Моро, а вслед за тем промелькнула тень всадника. Сэгин выехал и кто знает, может быть на кровавую расправу... Некоторое время Генри еще раздумывал об этом странном человеке, но размышление сильно утомило его. Появление двух привлекательных существ — матери и дочери — отвлекло его от мрачных мыслей.

Вместо того, чтобы испытывать скуку, как того боялся Сэгин, Генри не замечал, как летело время. Он скоро почувствовал себя в состоянии ходить, силы возвращались с такою быстротою, что почтенный доктор Рихтер немало этому дивился. Первой заботой выздоравливающего было остричь бороду, которая, по его мнению, безобразила лицо, и привести в должный вид свои усы. Он был очень доволен, что багаж при нем, так как это давало ему возможность одеться настоящим джентльменом и избавиться от прежнего грубого охотничьего костюма.

Вскоре он мог оказывать дамам массу услуг, взамен оказанных ему во время болезни. Он выздоравливал не только телом, но и духом. Наслаждение, которое он испытывал в их домашнем кругу, он объяснял тем, что сам только что лишился всех своих близких.

— Моя мать, — говорил он госпоже Сэгин, — была так же добра и кротка, как и вы. Когда вы мне выговариваете за какую-нибудь неосторожность, — например, слишком раннюю прогулку или продолжительное чтение, — то я бываю так тронут вашей заботливостью, что с трудом удерживаюсь от желания вас обнять и расцеловать, как родную мать.

— Моя сестра Алиса, — говорил он Зое, — была такая же веселая и хорошенькая, как вы.

В ответ на это Зоя, смеясь, говорила:

— Вы находите меня хорошенькой?.. Мама, разве это правда? — и она, краснея, продолжала смеяться.

Генри ни на минуту не расставался с ними; он охотнее занимался с ними музыкой, нежели ботаникой с доктором Рихтером, который, впрочем, своей добротой и простодушием ему очень нравился.

Дом Сэгинов был расположен посреди обширного огороженного места, доходившего до реки. Ограда заключала в себе луг и сад и была очень высока. По верху ее шла живая изгородь из кактусов, колючки которых образовывали непроницаемую стену. Проникнуть внутрь можно было только через тяжелые ворота, снабженные калиткой, но и то, и другое всегда было закрыто. Сад был великолепен, в нем росло множество чужеземных деревьев, ветви их сплетались в густые кущи, что придавало саду характер дикости. Что касается цветника, составлявшего гордость и забаву Зои, то он изобиловал цветами, запах которых проникал даже в дом.

Садовая ограда доходила, как было уже отмечено, до реки и там обрывалась; берег, изрезанный остроконечными пригорками, и глубина воды служили с этой стороны достаточной защитой. Густой ряд каштановых деревьев рос по берегу, под сенью их стояло несколько зеленых скамеек в испанском вкусе. Только с этой стороны взгляд мог выйти за пределы ограды. Вид был чудесный и простирался на несколько миль по течению Дель-Норте. По-видимому, на другом берегу не было ни жилищ, ни обработанных полей. Пространство сплошь было покрыто каштановыми деревьями. На юге, на крайней линии горизонта, поднималась, точно стрела, над опушкой леса церковь Эль-Пасо-Дель-Норте. На западе возвышались остроконечные пики Скалистых гор и так мало еще исследованные Органские высоты, озера которых, с их приливами и отливами, наводят на охотника суеверный страх. На востоке, на очень дальнем расстоянии, выступал двойной ряд изобилующих золотом Мимбрских гор, куда редко проникают даже самые отважные охотники; это родина страшных апачей и навахо.

Почти каждый день Генри совершал утренние прогулки с дамами и доктором внутри ограды. С каждым днем сближение росло и росло. Генри сознавал теперь, что общество купцов только развлекало, но не утешило его. Сердце его, так много страдавшее от одиночества, теперь расцветало в мирной семейной обстановке. Он любил получать приказания от госпожи Сэ-

гин, как от родной матери; он осыпал ее предупредительной любовью, он чуть не обожал ее. Что касается Зои, то с ней он день ото дня становился все сдержаннее, но каждый раз, когда доктор упоминал о скором прибытии каравана и, следовательно, о неизбежном отъезде молодого человека, у Генри сжималось сердце.

Вечером в гостиной велась мирная беседа. По просьбе доктора дамы давали маленький концерт. Потом, по просьбе Зои, Генри должен был что-нибудь нарисовать в ее альбом. При этом замечалась одна странность: все женские головки выходили у него на одно лицо.

Когда Зоя сделала художнику это замечание, он стал оправдываться. Когда же на суд были призваны мать и доктор, то последний заметил:

— Да ведь это ваше лицо, милая Зоя.

Госпожа Сэгин промолчала, но в этот вечер они с дочерью рано ушли из гостиной, а Генри всю ночь раздумывал. На другой день он имел продолжительную беседу с матерью; на все его настояния она отвечала:

— Подождем мужа. Если он сочтет вас достойным быть мужем Зои, то я рада буду стать на самом деле вашей матерью.

7. БИОГРАФИЯ ОХОТНИКА ЗА СКАЛЬПАМИ

Десять дней пролетели незаметно. Госпоже Сэгин и доктору казалось, что Генри стал членом их семьи; он умел в одно и то же время быть и необыкновенно нежным, и скромным, рассказывал им свое прошлое и открывал свой внутренний мир, с Зоей же был робок. Он ждал возвращения Сэгина, чтобы сообщить девушке о своем намерении. Он не сомневался в согласии Сэгина и мысленно представлял себе его удивление и признательность за предложение со стороны человека, принадлежавшего к безукоризненной и уважаемой фамилии.

Генри находил, что таким образом он вполне рассчитается с Сэгином за собственное спасение, и спокойно строил планы своей будущей жизни. После свадьбы он тотчас уедет с Зоей из этой дикой страны, где имя ее отца проклято, поселится с нею в Новом Орлеане и, отбросив всякую мысль о путешествиях, будет наслаждаться полным счастьем.

В одно прекрасное утро, когда он предавался этим мечтам, гуляя по берегу под каштанами, к нему навстречу прибежала Зоя.

— Господин Генри! Господин Генри! — закричала она издали, потом остановилась и положила руку на сердце, которое сильно билось, потому что она бежала как маленькая девочка. — Знаете ли вы, — молвила она, наконец, — мой отец приехал в эту ночь. Я только что с ним поздоровалась, он разговаривал с мамой и сказал, что хочет поговорить с вами сию минуту. Слуги побежали вас отыскивать, а я пошла к себе наверх и оттуда увидела; что вы гуляете под каштанами, и побежала к вам навстречу. Папа увидит, что я лучше всех умею исполнять его желания.

Молодая девушка улыбалась, давая это объяснение. Генри Галлер почувствовал сильное волнение. Очевидно, теперь решалась их судьба, а она и не догадывалась об этом. Может быть, Зоя чувствует к нему только то обязательное расположение, какое предписывается хорошим воспитанием иметь ко всякому гостю. Может быть, ее молодость, детская наивность не позволяют ей еще чувствовать так глубоко, как чувствовал Генри.

Мысли эти мучили молодого человека, он молчал, идя рядом с Зоей. Она же смеялась, рвала цветы, звала любимых голубей и выговаривала молодому человеку, что он, по-видимому, не радуется возвращению ее отца.

Подходя к дому, Генри не мог удержаться, чтобы не сказать: — Вы хотите, чтобы я радовался разлуке с вами?

Зоя остановилась.

— Как, разлуке! — повторила она, причем румянец исчез с ее лица. — Но почему? Нам было так хорошо вместе.

Генри схватил руку молодой девушки.

— Хотите вы, чтобы нам никогда не расставаться? Это мое самое горячее желание.

— Господин Галлер! — произнес кто-то серьезным тоном за его спиной.

Генри выпустил руку Зои, обернулся и увидел Сэгина, который выходил из кущи апельсиновых деревьев и с укоризной смотрел на него.

— Папа, — сказала Зоя, бросаясь в его объятия, — правда ли, что вы хотите увезти от нас господина Галлера? Но знаете ли вы, что это очень огорчит маму, доктора и меня?

— Дитя, — произнес Сэгин, лаская белокурую головку своей дочери, и сделал Генри знак, чтоб он следовал за ним.

Они поднялись в комнату, занимаемую гостем. Сэгин закрыл окна и запер двери. Лицо его во время этих приготовлений было столь мрачным, что Генри почувствовал, как его мечты рассыпаются в прах.

«Не так, — думал он, — следовало бы вести себя Сэгину, ког-

да его дочери оказывают честь и смывают с нее пятно, наложенное отцом».

Сэгин сел на диван, указал место молодому человеку и с иронией произнес:

— Вы, я думаю, не сомневаетесь в том, что я желаю иметь зятя, подходящего мне в нравственном отношении. Какова моя репутация — вам известно. Теперь вникните в дело поглубже и скажите тогда, продолжаете ли вы настаивать на предложении, о котором я узнал от жены.

— Сударь, я настаиваю на нем, я прошу руки вашей дочери.

Сэгин некоторое время молчал, потом, выйдя из задумчивости, продолжил:

— Что вы знаете обо мне?.. Я разумею — истинного.

— Знаю, что вы были очень великодушны ко мне: я жестоко оскорбил вас, а вы спасли меня. Это относится к моему личному опыту. Что касается прочего, я знаю только ваше имя и ваше прозвище.

— Здесь, — сказал Сэгин, очерчивая рукою круг, что должно было означать обнесенное оградой пространство, — здесь не знают моего прозвища, не знают ничего относящегося к нему. А рассказывали вам о моих подвигах ваши товарищи по каравану?

— Да.

— Итак, вы слышали, что я — Сэгин, охотник за скальпами, что жители Эль-Пасо посылают меня на охоту против апачей и навахо и платят мне по числу индейских скальпов. Вам именно это рассказывали?

— Да, сударь.

— И все это справедливо... Неужели вы и теперь захотите жениться на дочери убийцы?

— Сударь! — воскликнул молодой человек, — ваши преступления — не ее преступления. Слава Богу, она так невинна, что и не подозревает о злодействах своего отца. Вы можете быть демоном, она же останется по-прежнему ангелом.

На лице Сэгина показалось выражение горькой печали.

— Преступления! Демон! — повторил он. — Конечно, вы вправе так сказать. Вам, вероятно, передали все басни, которые ходят на мой счет: об отравленном ужине, о безоружных индейцах, расстрелянных пушками, и о других подобных жестокостях.

— Да, сударь; но я прибавлю, что мой двоюродный брат Сен-Врэн пожимал при этом плечами, что заставляло и меня относиться к подобного рода историям недоверчиво.

— Господин Галлер, все эти истории — чистая выдумка, выдумка от начала до конца.

— Как я этому рад! Испытав на себе вашу доброту, я страдал при мысли о тех ужасах, которые вам приписывают.

— А между тем, — продолжал Сэгин, — если бы все эти истории с их ужасающими подробностями были справедливы, они представили бы только слабое подобие того, что делали индейцы с жителями беззащитных поселений. Если бы вы знали все, что произошло здесь за последние десять лет! Злодеяния и убийства; деревни, преданные огню; женщины и дети, увиденные в рабство; мужчины, задушенные на пороге своих жилищ: целые опустошенные области! Великий Боже! И меня эти дикари поразили в самое сердце. Может быть, Всевышний учтет это и смиляется надо мною в день Страшного суда.

Сэгин закрыл лицо руками и припал к столу. Когда он отнял руки, лицо его приняло обычное грустное и вместе с тем гордое выражение.

— Господин Галлер, вам необходимо знать мою биографию. Вы сказали моей жене, что свободны от всяких семейных уз, а потому можете самостоятельно решить вопрос о своей женитьбе. Вы высказали уверенность в согласии единственного вашего родственника — Сен-Врэна. Я, со своей стороны, тоже в нем уверен. Я знаю, что он расположен ко мне. Но сам я никак не могу согласиться на ваше предложение в той форме, в какой вы его сделали. Человек, настолько щекотливый в делах чести, что не хочет протянуть руку публично опозоренному человеку, не может признать его своим тестем... Не противоречьте, не извиняйтесь. Это вовсе не решительный отказ с моей стороны. Во всяком случае, если я своим рассказом докажу вам, что меня напрасно опорочили, то вы должны будете признать за мною право предложить вам некоторые брачные условия.

— Разумеется, — ответил Генри, побежденный силою речи этого «охотника за скальпами».

— Итак, вы должны узнать меня вполне, — повторил Сэгин. — Я не француз, как это утверждают, я — креол из Нового Орлеана. Мои родители бежали из Санто-Доминго, где имущество их, после возмущения негров, было конфисковано. Я учился, готовясь быть инженером, и с этою целью отправился в мексиканские рудники. Несколько лет я провел в окрестностях Потоси. Скопив немного денег, я стал работать на свой страх. Народная молва утверждала, что на берегу Гилы есть золотая руда. В почве действительно находился золотой песок, а на поверхности почти на каждом шагу встречался молочный кварц, обыкновенный спутник золота. Я нанял артель хороших, честных рудокопов. Пройдя с ними часть Мимбрского хребта, я набрел на значительное месторождение золота. Начали копать. Через

пять лет рабочие мои достигли известного благосостояния, а я сделался богатым человеком. Тогда только я подумал, что могу, наконец, насладиться и семейным счастьем. Выбор мой давно уже был сделан. С детства я любил мою кузину Адель, и Новый Орлеан покинул тогда именно с целью составить себе состояние перед женитьбой. Всякий труд в течение этого времени был мне приятен, так как приближал меня к осуществлению заветной цели. Но осталась ли она верна своему обещанию? Сомнения мучили меня, когда я возвращался после долгих лет в родной город. Адель ждала меня. Мы обвенчались и поселились в Вальверде — городе, ближайшем к моим рудникам. Тогда это был цветущий город, теперь остались от него одни развалины. Господь благословил наш союз: у нас родились две девочки. Младшая, Зоя, с детства была похожа на мать. Другая, старшая, дорогая моя Адель... была, говорят, вылитый мой портрет. Мы их обожали, мы даже слишком гордились ими. Это была наиболее чувствительная наша струна, в нее-то и поразил нас удар. В Санта-Фе назначили нового губернатора — Армиго. До сих пор он являет из себя язву здешних мест своим произволом и безнравственностью. Он позавидовал моему почетному положению в обществе и стал делать мне на каждом шагу неприятности, которые способны возмутить всякого гордого человека. Однажды он давал праздник в своем дворце Альбукерк. Я должен был туда явиться, и там он меня публично оскорбил. Если бы он был не губернатором только, а хотя бы первым королем в свете, я и тогда не перенес бы оскорбления. Я протестовал громко, поддерживаемый кучкой товарищей, и требовал удовлетворения с оружием в руках. Но он решил иначе. Вместо того, чтобы поступить как джентльмен, он тут же на балу приказал своей страже схватить меня и посадить в тюрьму. Не было никакого подобия истинного суда надо мною. Меня продержали несколько недель и потом выпустили. Когда я вернулся домой, то нашел его наполовину разграбленным и опустошенным: Жена моя в горячечном бреду прижимала к груди маленькую Зою. Оказывается, губернатор подкупил кровожадных навахо, чтобы они совершили нападение на мой дом. Но им мало было меня разорить, — они еще увели с собою мою бедную Адель. Жена и день и ночь громко призывала ее в бреду.

Сэгин замолк, и Генри долго не решался прервать угрюмое молчание, вызванное воспоминанием об ужасном событии.

Наконец он спросил его:

— Но каким образом госпожа Сэгин и Зоя избежали подобной же участи?

— Один из моих фермеров вывел их через погреб, идущий

из дома в сад, и спрятал в лесу, в хижине. Брат фермера, который нес дочь мою Адель, был убит дорогою. А самого фермера вы должны знать, это не кто иной как Жозе, наш верный привратник. Можете судить, насколько добросовестно он исполняет свою обязанность... Армиго во что бы то ни стало хотел подорвать мое благосостояние, как нравственное, так и материальное. Поэтому навахо сделали также нападение и на мой рудник, они убили рудокопов, уничтожили и сожгли все мои искусственные сооружения. С теми рудокопами, которые остались в живых, я преследовал индейцев, но мы не смогли их нагнать и вернулись ни с чем в разоренные жилища, где нас ожидали плач и стоны. О, сударь! Вы испытали горе, потеряв ваших родителей, но его и сравнить нельзя с горем родителей, теряющих своего ребенка.

Сэгин схватился руками за голову и некоторое время молчал. — Моя история скоро будет кончена, — проговорил он, наконец, — кончена на нынешний день, так как будущего никто не знает. Целые годы блуждал я вокруг индейских поселений, отыскивая свое дитя. Я командовал отрядом таких же, как я, несчастных людей: одни потеряли своих жен, другие — детей при подобных же обстоятельствах. Но скоро наши средства, а быть может — и их храбрость, истощились; они все понемногу покинули меня. Губернатор Санта-Фе, разумеется, не оказывал нам никакой поддержки. Уже тогда подозревали Армиго (теперь это доказано), что он в тайном союзе с вождями навахо. Он обещал не преследовать их, а они взамен дали обещания грабить только его врагов. Распутав нить этой вероломной интриги, я понял, кто причина всех моих несчастий. С тех пор два раза жизнь этого гнусного человека находилась в моих руках, но я не захотел марать рук. Он совершил бездну преступлений против многих, судить его будет всемогущий Судия; я же ни на шаг не отклонился от прямой своей цели.

Итак, мой отряд рассыпался, боясь новых преследований со стороны Армиго, я покинул округ Санта-Фе, миновал «Долину смерти» и поселился в Эль-Пасо. Некоторое время я жил в бездействии, но скоро потряхнул с себя апатию. Частые нападения индейцев племени апачей в округах Сонора и Чихуахуа заставили правительство позаботиться о лучшей охране, укрепления были приведены в порядок и получили лучшие гарнизоны; были образованы отряды волонтеров и плата им была назначена по числу скальпов с убитых индейцев. Мне предложили начальствовать над этими отрядами. Я хотел отыскать свою дочь, а потому согласился. Таким образом я сделался охотником за скальпами. Это ужасная должность. Если бы я руководствовался

только чувством мести, то был бы давно удовлетворен: мы совершили столько кровавых расправ, что вполне наказали индейцев за тот набег. Но я хочу, я должен отыскать мою Адель. Я знаю точно, что она находится в плену у навахо. До сих пор скудость средств останавливала меня. Несмотря на все усилия, я не мог набрать достаточно людей, чтобы отважиться двинуться в пустыню, лежащую на севере от Гиле, где расположены их деревни.

— А теперь вы надеетесь?

— Терпение, Галлер, я сейчас закончу. До сих пор внутренние дела отвлекали внимание правительства от заботы о наших нуждах. С недавнего времени наши услуги стали выше ценить. Никогда еще мои люди не были так хорошо вооружены. На днях человек, бежавший из лагеря навахо, сообщил мне, что воины обоих племен собираются на юг. Они, кажется, хотят добраться до ворот Дюранго. Я же намерен воспользоваться их отсутствием, чтобы проникнуть в лагерь и отыскать мою дочь.

— А вы уверены, что она жива? — спросил Генри нерешительно.

— Благодарение Богу, я в этом вполне уверен. Пленный, о котором я только что говорил, часто видел ее. Она считается среди дикарей, чем-то вроде королевы, имеет особые права и власть. Да, она жива, и если мне удастся ее вернуть — это будет мой последний набег. Я уеду отсюда и поселюсь где-нибудь далеко с моей дорогой семьей.

Генри с волнением слушал рассказ Сэгина. Неприязненное чувство и нерасположение к охотнику за скальпами, которое он так открыто проявил однажды, уступило теперь место состраданию и даже восхищению. Как много он страдал, этот несчастный отец! Исповедь Сэгина позволяла Генри уважать отца любимой девушки, а для него это была большая радость. Он взял его за руки и с влажными от слез глазами произнес:

— Простите ли вы мне, что я так жестоко в вас ошибался? Сэгин улыбнулся.

— Теперь вы узнали короче отца Зои. Расположены ли вы по-прежнему просить руки ее?

— Более чем когда-либо, если только вы считаете меня достойным этой чести.

— Я уже сказал, что поставлю вам некоторые условия; я не просто отдам вам Зою, вы должны ее завоевать.

— Каким образом? — воскликнул Генри. — Я готов на любые условия, на любые жертвы.

— Вы должны мне помочь отыскать ее сестру. Вы должны идти со мною в пустыню.

— Когда угодно... но в таком случае, могу ли я считать Зою своей невестой?

— Я представлю ей вас как жениха. Сегодня вечером мы сделаем обручение, а завтра чуть свет надо выступать.

— Значит, мне нужно пойти как следует посмотреть оружие и взглянуть на лошадь, — сказал Генри, которому поскорее хотелось поделиться своею радостью с госпожою Сэгин и Зоей.

— Не беспокойтесь — все в порядке, к тому же в эту ночь вернулся ваш слуга Годэ. Он поедет с вами. Теперь я пойду к жене и к дочери и узнаю ее чувства к вам. Вы же приходите в гостиную через полчаса.

Генри находился в тревожном ожидании, а потому встретил своего верного слугу далеко не так горячо, как тот вправе был ожидать. Разумеется, он крепко пожал руку канадцу, рад был видеть его целым и невредимым после стольких испытаний, но в то же время весьма рассеянно слушал рассказ о его избавлении в «Долине смерти» и поручении, полученном им касательно остановок каравана.

— Не тем ваша голова занята, капитан, не так ли? — заметил, наконец, Годэ. — Вас не очень-то интересуют мои похождения. Бродя по дому, я заметил некое розовое платье... За вами хорошо ухаживали; никак не скажешь, что вы были больны. Может быть, вам здесь так хорошо, что вы не захотите и уходить отсюда, — тогда прощай все наши приключения!

— Вы ошибаетесь, Годэ, я выступаю завтра же в поход; надеюсь, что и вы со мною...

— Идет, — сказал канадец, потирая руки. — Но куда же мы направимся?

Генри ничего не ответил, так как увидел в открытую дверь Сэгина, делавшего ему знак рукой; он бросился в гостиную так стремительно, что опрокинул стол с растениями, за которым сидел доктор.

Добряк-доктор вытер очки, оказавшиеся почему-то влажными, и, глядя с улыбкою на опрокинутый стол, сказал:

— Для сегодняшней молодежи нет ничего святого. Этот, например, влетел как ураган, измял мои растения, сломал мой стол и расстроил к тому же мою милую Зою.

Зоя, действительно, плакала, но не от горя. В доме и в саду целый день слышалось после того ее веселое щебетание. Она старалась забыть о том, что жених должен покинуть ее завтра же. Генри тоже страдал от близости разлуки. Он охотно попросил бы отсрочки, но не смел. Он-то знал, что ему предстоит не короткая отлучка на несколько дней, как в этом старались уверить мать и дочь, а чрезвычайно опасный поход. Тем не ме-

нее он отправлялся полный надежды и счастливый, как никогда. В благополучном возвращении своем он не сомневался.

8. РАЗГАДКА ТОГО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО НА БАЛУ В САНТА-ФЕ

Прежде, нежели померкли поутру звезды, ворота в ограде отворились, и отряд выступил. Впереди всех ехал Сэгин, рядом с ним доктор Рихтер, за ними следовал Генри Галлер. На повороте он не утерпел и остановился, чтобы взглянуть в последний раз на дом. Он пропустил слуг, составляющих арьергард.

Может быть, это было одно воображение, но сквозь сумерки ему почудилась на террасе белая фигурка. Долго не мог он оторвать от нее глаз, однако нетерпеливый конь его не пожелал оставаться позади своих товарищей и увлек всадника. Молодой человек оборачивался еще не раз, но скоро они въехали в густой лес, за которым не стало видно усадьбы.

Дорога была тяжела из-за частого кустарника; следов почти не было видно. Местность — дикая, пустынная, и как подтверждение этому — выскакивающие на каждом шагу из чащи навстречу охотникам олени и антилопы. Дорога то шла берегом, то удалялась от него, избегая извилин реки. Иногда им приходилось ехать по земле, когда-то бывшей в обработке, но давно уже запущенной. Попадались им следы прежних жилищ и раз даже следы церкви. Здесь когда-то было целое поселение, но что случилось с его жителями? Откуда пришла гибель на этих людей?.. Дикая кошка выскочила из развалин и скрылась в лесу; сова со зловещим криком вылетела из руин башни и дополнила собою картину разрушения.

Генри с грустью смотрел на эти следы опустошения. Подъехав к Сэгину, он поинтересовался, почему жители покинули этот край.

— Индейцы, — коротко ответил охотник.

Действительно, на всем лежал отпечаток дикого набега, совершенного племенем, вооруженным копьем, топором, ножом для скальпирования и зажженным факелом для уничтожения цивилизации.

— Навахо? — спросил молодой человек.

— Навахо и апачи.

— Они и теперь появляются здесь?

Генри стало страшно при мысли, что дикари так близко подходят к стенам усадьбы. Разве трудно разрушить ограду, и что могут сделать для защиты дома немногие оставшиеся слуги?

— Они более не являются сюда, — с улыбкой отвечал Сэгин, как бы угадав мысль Генри.

— Почему?

— Это наше царство. Сейчас вы увидите необычных обитателей его. Горе индейцам, которые отважились бы проникнуть в эти леса.

По мере того, как путешественники продвигались, пред ними открывались новые картины: по обеим сторонам реки шли цепи гор, постепенно сходящиеся и в одном месте образующие узкий проход. Вода там, пробиваясь между двух отвесных скал, сильно пенилась и шумела. Скалы же были остроконечные, более тысячи футов вышиною и в разрезе необыкновенно гладкие и... страшные.

— Видите вы этот пик? — внезапно спросил Сэгин молодого человека, указывая на скалу, которая поднималась всех выше над пропастью.

— Да, вижу. Человек на этой скале показался бы нам не более картонного паяца.

— И оттуда вы собирались прыгнуть, когда мы вас нашли. Вы качались над этой пропастью.

Генри содрогнулся... Голова у него закружилась, и, чтобы не упасть, он вынужден был на некоторое время сойти с лошади.

— Без вашего доброго коня, — заметил доктор Рихтер, — мне, если бы я попал сюда случайно, пришлось бы только ломать себе голову над тем, что осталось от вас на дне пропасти.

— О, Моро, дорогой Моро! — произнес Генри, целуя лошадь между глаз.

Сэгин также с восхищением смотрел на чудное животное. Желая избавиться поскорее от неприятного ощущения головокружения, Генри решил переменить тему разговора и обратился к Сэгину:

— Мне очень хотелось бы знать одну вещь, но до сих пор не было случая спросить вас об этом. Почему при первой нашей встрече вы желали во что бы то ни стало купить Моро?

— Теперь, когда вы посвящены в мои семейные тайны, я могу вам это объяснить. Для похищения моей дочери мне нужен был именно такой конь, как ваш Моро. Это было еще раньше, чем я узнал о выступлении моих врагов. Я собирался проникнуть как-нибудь в их лагерь и выкрасть дочь. На Моро я надеялся оторваться от их преследования, так как их лошади несомненно уступают арабским скакунам. В лагерь я пробрался бы, переодевшись индейским воином; их языком я уже давно владею в совершенстве.

— И все же это предприятие было бы слишком опасно, таково всегда будет мое мнение, — сказал доктор Рихтер.

— Но вы знаете, доктор, что я на него решился только в крайнем случае, когда все другие способы были уже испытываны. Это был отчаянный шаг, но я решился и, если бы получил лошадь, непременно бы осуществил его.

— Вы очень хорошо сделали, что не продали Моро, — сказал доктор. — Теперь мы гораздо более можем рассчитывать на успех.

— И правда, Провидение как будто сжалилось надо мною. Никогда еще обстоятельства не складывались так благоприятно, как теперь. С одной стороны — отсутствие воинов в лагере навахо; с другой — значительное усиление моего отряда, благодаря прибытию охотников-звероловов. Они находят, что медвежьи шкуры не стоят ружейного заряда, и предпочитают поэтому шкуры краснокожих. Да, на этот раз я могу надеяться.

Они въехали в тень каштанового леса, и Сэгин предложил сделать отдых.

Лошадей пустили пастись, сами же путешественники расположились на лужайке позавтракать, освободив мулов от части тюков с провиантом, которыми те были нагружены.

Они отдыхали более часа, беседуя о любопытных особенностях местности, по которой проезжали. Генри с величайшим интересом внимал своим более опытным и знающим спутникам. Первое его путешествие с купцами мало ознакомило его с краем; он находился тогда под действием степной лихорадки, поэтому и впечатления его были весьма смутны. Теперь же он вполне владел собою и сознательно воспринимал окружающее.

Мысль, что когда-то этот край был занят солдатами Фернандо Кортеса, потом отнят у них прежними властителями и вновь подвергнут опустошению, рисовала в воображении молодого человека одну картину за другой. Сэгин был сегодня как-то особенно общителен, он охотно отвечал на все вопросы и сообщал при этом массу интереснейших сведений.

— Вы правы, что от тех времен не сохранилось почти никаких достоверных свидетельств. Люди, которые могли бы тогда начертить географическую карту для потомства, были слишком заняты добыванием золота. Жалкие потомки этих выходцев до сих пор только и думают о том, как бы обокрасть друг друга, и этим губят себя. Они знают только о существовании врага, который грозит им отовсюду и которого они боятся, как дети — людоеда. Мы находимся теперь в центре материка, в американской Сахаре, — продолжал Сэгин. — Новая Мексика среди этой пустыни — как оазис. От нее приходится в ином месте ехать

тысячи миль, пока доберешься вновь до плодородной местности. Своим плодородием Новая Мексика обязана реке Дель-Норте. Это единственное место, где обитают белые, от правого берега Миссисипи до берегов Тихого океана, то есть до Калифорнии. Ведь, чтобы доехать до Санта-Фе, вам пришлось ехать пустыней?

— Да, по мере того, как мы удалялись от Миссисипи, местность становилась все бесплоднее. На последних трехстах милях мы с трудом находили достаточное количество травы и воды.

— Так и по всему протяжению вдоль Скалистых гор вы не встретите ни одного деревца. На востоке можно даже проследить вулканическое образование почвы. Хотя вулканы потухли давным-давно, повсюду видны следы шлака и лавы; ни климат, ни растительность не повлияли на них. Впрочем, климатические условия здесь неважны.

— Как это? Я не понимаю, — заметил Генри.

— Я то хочу сказать, — пояснил Сэгин, — что атмосферные изменения здесь нечувствительны, дожди и бури почти не касаются этих стран. Есть места, где в продолжение многих лет ни разу не выпадала даже роса.

— Как же вы объясняете себе это явление?

— У меня своя теория, которая, пожалуй, не удовлетворила бы ученых. Вот сущность ее. Дождь идет только тогда, когда воздух насыщен парами; пары получаются только при существовании вод на земле; вода же здесь встречается редко; оно и понятно: место очень возвышенное (мы находимся на высоте 9000 футов над поверхностью моря) — отсюда скудость источников, которые по законам гидростатики должны бы были пополняться водою из каких-нибудь верхних слоев, а таковых здесь не существует. Предположите, что местность эта когда-то была сплошь покрыта водою, представляла из себя море, со всех сторон окруженное горами. Воде некуда было бы излиться, и тем не менее она с течением времени перешла бы в океан, оставив сухое дно.

— Но как же бы это случилось? Путем испарения? Сколько бы времени потребовалось на это?

— Напротив, от недостатка испарения.

— В таком случае я ничего не понимаю.

— Сейчас объясню. Это место очень возвышенное, а потому воздух холодный и испарение незначительное. В океане оно сильнее, и вот, вследствие обмена в верхних слоях воздуха, пары из океана попадают во внутренние моря и переполняют их водою.

— Кажется, я начинаю понимать, в чем дело.

— Слушайте далее, — продолжал Сэгин. — Вода после этого начинает искать себе выход из моря; первая брешь положит начало излиянию. Вода мало-помалу вырает себе широкое русло и выльется вся. Конечно, на это потребуются многие века. Дно бывшего моря совершенно высохнет, и геологи будут недоумевать по поводу впадины.

— Вы, значит, утверждаете, что долины между Андами и Скалистыми горами суть места высохших внутренних морей?

— Я в этом убежден.

— И в самом деле, до сих пор ведь существует такое море, — заметил Генри.

— Большое Соленое озеро? Да, конечно. Вернее, целая система озер, ручьев и рек, соленых и пресных. Эту водную систему со всех сторон плотно окружают горы и холмы, так что воды ее не имеют никакого сообщения с океаном.

— Но почему же оно не исчезает?

— Прежде всего потому, что это озеро расположено не особенно высоко. Обмен паров между ним и океаном существует равномерный, следовательно, оно не переполняется и не изливается. Моря Каспийское, Аральское и Мертвое представляют то же явление и не противоречат моей теории. Берега Соленого озера плодородны вследствие обильных дождей, но дожди эти обязаны своим происхождением испарению собственных его вод, не океану.

— Как! Неужели вы хотите сказать, что испарения из океана не доходят до внутренних частей материка?

— Я не утверждаю этого вполне, так как иначе в пустынях никогда бы не шел дождь. Иногда в сильную бурю облака могут быть занесены с океана далеко вглубь страны; но большею частью они только краем касаются отдаленных внутренних частей материка и едва в состоянии произвести в них дождь. Масса паров, поднимающаяся над Тихим океаном и направляющаяся на запад, изливается тут же на берегу; пары же, которые находятся в высших слоях атмосферы, минуют береговые хребты гор и проникают дальше, но тут задерживаются хребтом Сьерра-Невада. Они сгущаются и возвращаются к океану по течению рек Сакраменто и Сан-Хоакин; частью изливаются в виде дождя, но и эта вода уносится реками Гила и Колорадо. Наконец, последние остатки водяных паров скудно орошают самые возвышенные склоны гор. Вот вам объяснение происхождения рек и рек, а также оазисов, которые скрашивают ужасную пустыню. Пары из Атлантического океана подвергаются той же участи, проходя через Аллеганские горы. Сгустившись, они падают

дождем в долину Огайо и Миссисипи. С какой стороны ни помотришь, плодородие на нашем материке уменьшается с приближением к центру. Это объясняется, конечно, недостатком воды. Во многих местах, где еле пробивается трава, сама почва богата питательными веществами. Не так ли, доктор?

— Совершенно справедливо, — подтвердил доктор Рихтер, — этой благодатной почве только и недостает небесной влаги. Как только происходит малейшее орошение, растительность делается роскошнейшей. Господин Галлер мог заметить это, проезжая по течению Дель-Норте. То же замечается в бывших испанских поселениях по течению Гилы.

— Кстати, — спросил Генри, — не можете ли вы мне сказать, почему испанские сооружения были покинуты на произвол судьбы? Мне никогда не приходилось слышать о причине падения этих прекрасных колоний.

— О, — горячо воскликнул Сэгин, — причина коренится в неспособности испанской нации к колонизации! Нужно, чтобы явилось племя стойкое, не избалованное удобствами и прелестями жизни, способное выдерживать борьбу. А потомки Кортеса оказываются бессильными перед энергией апачей, навахо и команчей, когда-то побежденных их славным предком. Посмотрите на испанские владения в Соноре, Чихуахуа — они почти обезлюдели! Посмотрите на Новую Мексику — население ее терпит ежегодные нападения со стороны индейцев. Однако доктор делает мне знак. Правда, мы достаточно наговорились, и я по солнцу вижу, что пора нам в путь. На лошадей — и вперед! Дождя давно не было, и потому можно ехать берегом; а иначе, милый Генри, пришлось бы горами сделать лишних пятнадцать миль. Держитесь ближе к скалам и следуйте за мной по пятам; ваши товарищи знают, что каждый шаг должен быть рассчитан в этих проходах.

Солнце было близко к закату, когда наш маленький отряд добрался до лагеря охотников за скальпами. Появление его не вызвало в лагере никакого волнения. Каждый продолжал заниматься своим делом, не оказывая вновь прибывшим никаких особых знаков почтения или уважения.

Генри устал от продолжительной езды. Он разостлал свое одеяло и сел, прислонившись к дереву, но несмотря на утомление, не мог сразу заснуть — настолько заняла его новая обстановка. Ему казалось, что он видит перед собой картину художника, изображающую ночлег разбойников в ущельях Аbruццо.

Лагерь был расположен на берегу Дель-Норте на лужайке, обрамленной высокими хлопковыми деревьями. Рваные палатки шли вперемешку с кожаными индейскими шалашами. Но боль-

шинство охотников довольствовалось растянутой на жердях бизоньей шкурой. Далее в чаще можно было разглядеть более сложные сооружения из ветвей, покрытые пальмовыми листьями или тростником, срезанным на берегу реки. От множества тропинок, шедших в лес, поляна казалась перекрестком. В лесу виднелась еще другая зеленая поляна, где на длинных веревках паслись мустанги и мулы. Всюду были разбросаны уздечки, седла и тюки. Перед шалашами и хижинами висели заржавленные сабли, на земле валялось оружие и приборы к нему. Вокруг громадных костров с горящими в них целыми деревьями сидели кучками люди, — не из желания погреться, а с целью изжарить какой-нибудь кусок себе на ужин. Некоторые заняты были починкой оружия или платья.

Говор этой орды представлял смесь всевозможных языков и наречий. До уха Генри долетали обрывки французских, английских, испанских и индейских фраз. Это были большей частью грубые возгласы или остроумные перебранки. Можно было подумать, что различные нации выслали сюда своих представителей для состязания в ругани.

В этой разношерстной толпе можно было, однако, различить три группы. В каждой из них господствовал какой-нибудь один язык и замечалось некоторое сходство в одежде. Три человека, беседовавшие неподалеку от Генри, казались типичными представителями этих групп. Первое лицо — мексиканец; на нем были зеленые бархатные штаны, стянутые у пояса и широкие внизу, с изнанки подбитые черной кожей с вытисненными на ней узорами и обшитые серебряной бахромой. Сапоги были темно-красные, с широкими носками, громадными шпорами, массой навешанных побрякушек, которые при малейшем движении издавали бряцание. На поясе был красный шелковый шарф, концы его с бахромой висели на левом боку; коричневая суконная куртка охватывала вплотную стан, оставляя открытыми только широкий ворот и вышитую грудь рубашки. На голове была широкополая шляпа из лакированной кожи, украшенная серебряными галунами. На одно плечо был накинута плащ, на другом висела охотничья сумка. Он опирался на ружье, пояс его был увешан пистолетами, слева висел большой испанский нож, дополнявший вооружение.

Второй из собеседников был англо-американец. Он тоже стоял, опираясь на свой длинный карабин, и казался очень высокого роста. Он был плотно сложен и обнаруживал все наследственные признаки саксонцев. Широкое здоровое лицо наполовину скрывалось за густыми бакенбардами. Цвет лица, по природе светлый, от загара и долгих странствий по морю и по су-

ше сделался совершенно темным. Костюм был вполне местный, каждая часть его носила печать своего происхождения: очевидно, материал был добыт с помощью собственного пороха и пуль. На нем была блуза из замши, сделавшейся мягкой от дыма, панталоны и мокасины из того же материала, только с подошвами из толстой бизоньей кожи. Блуза была подпоясана, наверху она заканчивалась большим отложным воротником, падавшим на плечи. Из-под воротника выглядывала рубашка из более тонкой кожи антилопы. На голове саксонца было нечто вроде чепца из шкуры енота; спереди его украшала мордочка зверька, а сзади — хвост, развевавшийся султаном. Вооружение составляли: мешок из кожи дикой кошки для пуль, большой изукрашенный рог, кривой нож, тяжелый пистолет и ружье длиною в пять футов. На груди висел мешочек, украшенный колючками дикобраза; в нем находились принадлежности для курения — единственный предмет роскоши у саксонца.

Что касается третьего охотника, дружелюбно разговаривающего с двумя первыми, то не могло быть никакого сомнения, что это индеец.

Покинутый Сэгином и доктором, которые отправились осматривать лагерь, Генри обратился за разъяснением к Годэ:

— Кто это? Пленные индейцы? Но они не связаны и свободно расхаживают по всему лагерю.

— Это союзники, — ответил канадец, — из племен делаваров и шауни.

Забыв всякую усталость, Генри пошел в ту сторону, где стояли индейские хижинки. Итак, он видел перед собой потомков того знаменитого племени, которое первым сразилось с белыми на островах Атлантического океана. Он подходил к ним с чувством любопытства и уважения. Одни сидели вокруг огня и курили свои красные, изящно вырезанные трубки, другие важно прохаживались около. Среди них господствовала тишина, резко отличавшая их группу от оглушительного шума остальных. Время от времени кто-нибудь задавал вопрос и получал краткий ответ, иногда обмен мыслями происходил при посредстве кивка головы, жеста руки; трубки молча переходили от одного к другому.

Генри, глядя на этих детей пустыни, испытывал чувство более сильное, нежели простое любопытство. Ему приходила на память вся история войн с племенем делаваров. Перед ним были типичные представители этого избранного племени.

Так вот они, потомки свободолюбивых отцов, которые, преследуемые белокожими, с боем уступали каждую пядь земли; все более и более углублялись они внутрь страны, вплоть до самого «кровавого» участка. Бледнолицые не прекращали пресле-

дования, а они, не желая ни за что селиться рядом с победителями, должны были пробиваться сквозь своих же собратьев, превосходивших их втрое численностью. Кровавые битвы, измены, нарушенные договоры значительно уменьшили их число.

Ущелье реки Озаго было последним пунктом. Преследователи признали за ними право на этот участок, но было уже поздно. Делавары так привыкли к кочевой воинственной жизни, что не могли приняться за обработку земли. По прошествии некоторого времени все воины исчезли куда-то; на месте остались только старики, женщины и дети. Но, спрашивается, куда же они девались? Где поселились? Кто хочет найти делаваров, должен искать их в степях и лесах — всюду, где возможна охота за медведем, бобром и бизоном. Они бродят или независимыми отрядами, или в союзе со своими прежними врагами — бледнолицыми сражаются с дикими племенами индейцев вудо, кроу, навахо, апачей и другими.

Генри всматривался в лица и одежду их; хотя не было двух одетых одинаково, но в общем замечалось некоторое однообразие. Большей частью на них были блузы из пестрой бумажной материи. Более всего они выделялись своим головным убором: большой тюрбан на голове, сделанный из шарфа или платка яркого цвета; над тюрбаном еще султан — или пучок перьев орла, или крыло голубого журавля. Костюм дополнялся замшевыми штанами и сапогами из невыделанной кожи. У многих штаны были украшены вдоль шва скальпами, большее или меньшее число которых свидетельствовало о храбрости их обладателя. Сапоги отличались от тех, что носят индейцы долин: шов был наружный, двойной, без всяких украшений. Уже давно эти краснокожие воины оставили употребление индейского лука, и многие из них так искусно владели ружьями, что могли бы поучить белых; но свой традиционный топорик, томагавк, они сохранили.

Переходя с места на место, Генри набрел еще на группу мексиканских горцев; они были небольшого роста, но свирепого вида. Это были так называемые сиболеро — пастухи крупного скота; в постоянной борьбе с индейцами они приобрели необычайную для испанцев храбрость. Они усердно курили табак, завертывая его в листья манса, и на разостланных одеялах играли в карты. Ставкой служил табак; проигравшие громко ругались, а выигравшие насмехались над ними. Разговор шел на грубом испанском наречии, еле понятном.

Кроме этих характерных групп, были и отдельные характерные личности. Были французы, канадские путешественники, беглецы из северо-восточной армии, которых можно было узнать по их белым шинелям; они распевали военные песни со свойствен-

ным им жаром. Были тут и покоренные индейцы, с которыми обращались как со слугами; наконец, мулаты, негры, бежавшие с плантаций Луизианы, предпочевшие жизнь, полную приключений, побоям управителей. Были тут люди в мундирах, покинувшие свою должность где-нибудь на границе. Были даже пришельцы с Сандвичевых островов. Одним словом, лагерь представлял необыкновенную смесь лиц, племен и костюмов. Судьба закинула их сюда из разных мест, и они образовали нечто особенное в своем роде — армию охотников за скальпами.

9. АНГЛОСАКСОНЕЦ И ИНДЕЕЦ

Генри вернулся к дереву, под которым расположился ранее. В это время он услышал крик журавля, поднял глаза и увидел небольшую голубую птицу, летевшую очень низко по направлению к лагерю; она точно напрашивалась на выстрел. Действительно, какой-то мексиканец выстрелил, но так неумело, что птица продолжала лететь. Англосаксонцы начали смеяться, а один из них сказал громко:

— Дурак, тебе и в развешенное одеяло не попасть с твоим негодным ружьем.

Генри обернулся к говорившему. В эту минуту двое охотников одновременно прицеливались в птицу. Одного из них он еще раньше заметил, другой был индеец. Оба выстрела слились в один; птица перевернулась в воздухе и, падая, повисла на дереве. Стрелявшие не видели друг друга, так как их разделяла палатка, и каждый, таким образом, приписал себе удачный выстрел.

— Хороший выстрел, Гарей! — сказал молодому охотнику его сосед. — Да сохранит Бог всякого от твоего верного прицела.

Индеец в это время обходил палатку; услышав эти слова и увидав дым от выстрела, он обратился к Гарей:

— Сударь, вы стреляли?

Эта короткая фраза была произнесена на чистейшем английском языке. Обстоятельство это само по себе должно было бы привлечь внимание Генри, но фигура индейца еще раньше поразила его.

— Кто этот индеец? — спросил он у Годэ, очутившегося рядом с ним.

— Я уже спрашивал о нем. У него такая гордая осанка! Но никто не мог мне сказать, кто он; сказали только, что он недавно приехал, что его никто не знает, но что капитан поздоровался с ним за руку.

Индейцу было около тридцати лет, ростом он был около семи английских футов. Его высокий лоб, орлиный нос и строгие черты лица обличали ум и энергию. На нем была надета охотничья блуза из замши, отлично выделанной, такой, какая идет на перчатки; на груди она была вышита, ворот был обшит горностаем. Горностаевыми же цельными шкурками был обшит подол блузы, что составляло красивое и вместе с тем драгоценное украшение. Но что особенно отличало этого индейца от остальных, так это его головной убор. Черные, длинные, блестящие волосы падали на плечи и доходили до пояса. Его шапочка была кругом усажена орлиными перьями — это высшее щегольство у индейцев. Высокий головной убор придавал ему еще больше достоинства. Белая буйволовая шкура красиво падала с его плеча. Все вообще напоминало «короля меровингов». Драгоценные камни, служившие украшением для одежды и оружия, были подобраны со вкусом; на древке ружья виднелись серебряные насечки. Это был в полном смысле идеал индейцев, в котором, однако, ничто не напоминало дикаря. Он необыкновенно вежливо обратился к охотнику с вопросом; тот, напротив, ответил грубо:

— Стрелял ли я? Да разве ты не слышал выстрела? Не видел, как птица упала? Посмотри, вот она болтается на дереве.

— Должно быть, мы выстрелили одновременно.

— Полюбуйтесь на этого господина! Мне дела нет до того, произошло ли это одновременно или разновременно. Я знаю одно, что я стрелял и попал в цель.

— Мне кажется, что и я попал в цель, — скромно возразил индеец.

— Как бы не так, — из этого игрушечного ружья! — насмешливо произнес Гарей, взглянув с презрением на блестящую штучку своего соперника и останавливаясь с нежностью на бронзовом стволе своего громадного ружья.

Он тщательно вытер его и снова зарядил.

— Игрушка, если хотите, — возразил индеец, — но она не уступит другому ружью в меткости и силе удара. Я ручаюсь, что выстрел пробил птицу насквозь.

— Видите ли, господин (так как такого нарядного индейца надобно, конечно, величать господином), очень легко узнать, кто попал в птицу. Ваш номер будет, вероятно, около 50, мой номер 90. Остается только посмотреть.

Гарей направился к дереву, на котором висел журавль.

— Как же ты достанешь, птицу? Ведь она высоко! — сказал другой охотник, заинтересовавшись спором.

Не отвечая, Гарей спустил курок; раздался выстрел, ветка

сломалась и повисла, но журавль, прищемленный еще другой веткой, не упал наземь

Выстрел, хотя и не достиг цели, был весьма удачен и вызвал одобрение присутствующих, вообще не щедрых на похвалы.

Вслед за этим выстрелил индеец, он попал в надломленное место и точно отрезал ветку. Она упала вместе с птицей. Присутствующие еще громче выразили свой восторг.

Начали разглядывать дичь; оказалось, что в ней засели две пули различного калибра. Оба оставались победителями, но молодой охотник был крайне недоволен. Какой-то неизвестный вдруг сравнялся с ним в ловкости, чуть не превзошел его в присутствии других охотников. И что всего обиднее, это был индеец с мишурным ружьем.

Горцы очень недоверчиво относятся к ружьям, имеющим украшения. «Мишурные ружья, как и мишурные бритвы, годны только для легкомысленных людей». Но, очевидно, при изготовлении этого ружья имелась в виду и серьезная цель.

Охотник должен был сделать над собою немалое усилие, чтобы скрыть досаду. Не говоря ни слова, он стал вновь заряжать свое ружье. По-видимому, он не сдавался и хотел продолжать состязание, рискуя быть побежденным. Он тихо сообщил свое намерение одному из товарищей, а потом громко произнес:

— Попасть в ветку дерева вовсе не трудно. Каждый, у кого верный прицел, сделает это. Но я знаю другого рода выстрел — тот требует большего самообладания.

Охотник замолк и посмотрел на индейца, который тоже заряжал свое ружье.

— Скажите, незнакомец, — продолжал он, — есть ли во всем лагере человек, знающий вас и вполне доверяющий вашей ловкости?

— Да, — с небольшим колебанием ответил индеец. — Но к чему вы это спрашиваете?

— Потому, что я хочу показать вам штуку, которую мы не раз проделывали в форте Бент; так себе, детская забава. Попасть не трудно, но при этом испытываешь некоторое волнение. Эй, Рубэ! Где ты, приятель?

— На кой черт я тебе нужен, Гарей?

Последние слова были произнесены таким сердитым тоном, что заставили всех обернуться в сторону говорившего. Сквозь деревья и кусты Генри увидал какую-то темную фигуру, сидевшую у огня. Только по движениям рук можно было признать в ней живое существо; без того она походила бы скорее на ствол каштанового дерева. Генри подошел ближе, чтобы разглядеть это странное существо.

Одежда его состояла из чего-то, что прежде могло называться охотничьей блузой, но теперь скорее напоминало кожаный мешок с отверстием наверху и двумя приставками в виде рукавов по бокам. Этот мешок был грязно-коричневого цвета, отвратительный по количеству грязи и сала, пропитавших его насквозь. Ворот был истерзан, штаны и мокасины были не лучше блузы. Шапка на голове была из звериной шкурки, теперь совершенно вылезшей. Казалось, что этот человек не снимал своей одежды с тех пор, как впервые ее надел, а это могло быть только очень давно. Открытая шея казалась бронзовой от загара и дыма.

На вид ему можно было дать лет шестьдесят; лицо было хитрое, в глазах светился ум. Он принадлежал к породе смуглых саксонцев.

Помимо странного костюма, было еще нечто очень странное в его внешности: казалось, что ему чего-то недостает. Вглядевшись пристальнее, Генри убедился, что недостает у него ушей.

Человек без ушей — это что-то ужасное. Это невольно наводит на мысль о какой-то страшной мести, рисует воображению кровавую сцену. В голове Генри созревала масса предположений, наконец, вспомнив слова Сэгина, он решил, что это, должно быть, тот самый пленный, который принес последние известия из лагеря навахо.

Откликнувшись так грубо на вопрос Гарей, человек продолжал сидеть и грызть кость от жаркого, издавая при этом глухое рычание, точно потревоженный во время еды волк.

— Иди сюда, Рубэ, ты мне нужен, — повелительным тоном произнес Гарей.

— Хотя я тебе и нужен, а все-таки Младенец не двинется с места, пока не очистит кость; можешь и подождать.

— Экая старая собака! По крайней мере поторопись со своим глоданьем.

Охотник с недовольным видом поставил ружье на землю и стал дожидаться. Рубэ (так звали эту махину, одетую в кожаный чехол), наконец, покончил с костью, медленно поднялся и направился к толпе любопытных, ожидавших его.

— Чего тебе нужно, Гарей?

— Мне нужно, чтобы ты подержал эту штуку, — ответил Гарей, подавая ему белую скорлупку величиною с обыкновенные карманные часы.

Вся земля в этом месте была покрыта такой скорлупой.

— Что это — пари?

— Нет.

— Так зачем же ты тратишь порох понапрасну? Разве у тебя его так много?

— Меня перещеголяли, — тихо сказал охотник, — и кто же — индеец!

Рубэ обратил взор на индейца, который прямо и величественно стоял недалеко от них. По выражению лица Рубэ можно было заключить, что он уже встречал его где-то. Он зашевелил губами, но из его слов можно было расслышать только одно: «марикопа».

— Ты думаешь, что он марикопа? — с заметным интересом переспросил Гарей.

— Да разве ты ослеп? Посмотри на его обувь.

— Ты прав, но я жил среди этого племени два года и не видал его там.

— Он уходил далеко, в страну, где совсем нет краснокожих. Он, должно быть, хороший стрелок: когда-то он попадал в цель без промаха.

— Ты знал его?

— Да, верный прицел... красивая девушка... молодец... Младенец хорошо их знает... Где мне становиться?

Генри заметил, что Гарей не прочь еще послушать старика, — упоминание о красивой девушке, видимо, заинтересовало его. Но так как товарищ не собирался продолжать, он указал ему на тропинку и коротко сказал:

— Шестьдесят.

— Не попади только в мои когти, слышишь? И так уж индейцы оторвали мне коготь на одной руке, Младенцу нужны остальные.

Говоря это, старый охотник помахал правой рукой, на которой недоставало пальца. Потом он зашагал в указанном направлении. Отсчитав шестьдесят шагов, он круто повернулся на каблуках и поднял правую руку на уровень плеча; между пальцами вытянутой руки была скорлупа.

— Готово, Гарей, — сказал он, — можешь стрелять.

Кучка зрителей была очень заинтересована происходившим перед ее глазами. Такие случаи нечасты среди горцев-охотников, как о том свидетельствуют путешественники. Подобный выстрел доказывает не одно искусство охотника, но и самообладание и доверие, питаемое к нему другим. При этом, разумеется, не меньшая заслуга и за тем, кто держит мишень. Многие охотники согласились бы стрелять, но немногие — держать скорлупу.

Генри дрожал от страха, большинство присутствовавших было взволновано, но никто не осмелился вмешаться. Глубоко вздохнув всей грудью и выставив левую ногу вперед, Гарей стал твердо, сам утвердил ружье и крикнул своему товарищу:

— Эй ты! Не зевай, старый грызун!

После этого он стал тщательно целиться. Кругом царила гробовая тишина. Все взоры были устремлены на цель. Раздался выстрел, и скорлупа разлетелась в мелкие куски. Толпа приветствовала Гарей громким «ура». Старый Рубэ нагнулся, чтобы осмотреть осколки, и, подняв один из них, крикнул:

— Попал в самую середку!

Действительно, молодой охотник попал в самый центр скорлупы. Все взоры обратились на индейца: до сих пор он оставался немым свидетелем: теперь он опустил глаза в землю и, казалось, чего-то искал. Под ногами он увидел кактусовую шишку, величиной с апельсин.

Индеец поднял ее и очистил от игл. Все недоумевали, что он хочет сделать с этой шишкой. Человек пятьдесят внимательно следили за ним.

Гарей, хотя и гордился только что одержанной победой, но какое-то предчувствие не давало ему покоя, он подозрительно следил за индейцем. Что касается Рубэ, то тот преспокойно вернулся к своему костру и принялся за новую кость.

Индеец, казалось, вполне удовлетворился найденной шишкой. Он взял висевшую у него на груди бедренную кость орла, изящно отделанную, с проткнутыми в ней дырочками, наподобие флейты, поднес ее к губам и издал три резкие ноты, делая между ними одинаковые промежутки. Потом он стал глядеть в глубь леса по направлению к востоку. Любопытство охотников было сильно возбуждено, они перешептывались между собою. Вдруг те же три ноты повторились в лесу, точно отдаленное эхо. Очевидно, у индейца был товарищ. Для всех, кроме Рубэ, это было неожиданностью.

— Вот увидите, — сказал он через плечо, — я готов прозакладывать свою кость, что сейчас явится девушка такой красоты, какой вы и не воображали.

Послышался треск раздвигаемых кустов и шелест сухих листьев под чьей-то легкой походкой. Минуту спустя показалась на опушке девушка, действительно необыкновенной красоты, как предсказал Рубэ. Все присутствующие онемели от восхищения.

Одета она была не менее нарядно, чем индеец; на ней была короткая юбка из павлиньих перьев, чрезвычайно красивых и пестрых. Внизу она оканчивалась бордюром из мелких морских раковин, издававших при малейшем ее движении шум, подобно кастаньетам. На ногах были красные суконные шаровары с вышитыми узорами, на маленьких ножках — белые мокасины. Красивый пояс обнимал гибкую талию, на шее висели ожерелья. Головной убор был такой же, как у индейца, только более

скромных размеров. Роскошные черные волосы окутывали ее точно мантилей, доходя почти до колен.

Внешность этой молодой девушки дышала дикой грацией, невинностью и вместе с тем достоинством. Цвет кожи был, конечно, смуглый, но по щекам разливался нежный румянец. Она подходила все ближе, нисколько не заботясь о впечатлении, произведенном ею на собравшуюся толпу. Она не спускала с индейца своих больших черных глаз, в которых выражались и любовь, и почтение.

Генри, взглянув на Гарей, был поражен его странным поведением: он страшно взволновался, сжатые губы его побледнели, под глазами образовались темные круги, одной рукой он сжимал рукоятку ножа, другой судорожно ухватился за ствол ружья.

Между тем индеец подал молодой девушке шишку и сказал ей что-то на непонятном языке. Она пошла к тому месту, где перед этим стоял Рубэ.

До сих пор зрители молча ждали, что будет. Теперь же, когда стало ясно, что сейчас произойдет повторение сцены с Рубэ, некоторые стали громко выражать свое мнение.

— Он выбьет шишку из рук девушки, — сказал один мексиканец.

— Ба! Да это вовсе не хитро, — прибавил другой, и этим выразил как бы общее мнение.

— В таком случае он ничем не будет лучше Гарей, — смеясь, прибавил третий, англосаксонец.

Но каково же было всеобщее удивление, когда молодая девушка сняла свой головной убор, положила шишку на голову, скрестила руки на груди и стала неподвижно, словно статуя. В толпе пробежал ропот; индеец поднял ружье для прицела, когда Гарей бросился к нему.

— Нет, вы этого не сделаете!.. Я не допущу, чтобы женщина, особенно эта, подверглась такой опасности. Нет, как бы я ни желал вам отомстить, я не могу допустить такой жестокой игры!

— Что такое? — крикнул индеец. — Кто смеет мешать мне?

— Я, — сказал Гарей, выпрямляясь во весь рост. — Вероятно, это жена ваша... Она ненавидит бледнолицых, как и все ваши жены, и забыла, верно, старых друзей... Уведите ее отсюда и захватите себе вот это, — сказал он, срывая с шеи вышитый кисет для трубки, — но стрелять в нее я вам не позволю, пока у меня есть силы.

— Э, оставьте нас, — сказал индеец, — сестра вовсе не боится!..

— Сестра?

— Ну да, сестра.

Физиономия Гарей вдруг прояснилась. Он вздохнул с облегчением и почтительно сказал:

— Значит, вы Эль-Соль?

— Да, это мое имя.

— Извините меня, но, пожалуйста, не делайте этого.

— Я охотно вас извиняю, но... позвольте мне продолжать.

— Умоляю вас, прекратите состязание. Мне не нужно доказательства вашей ловкости: я много слышал о ней и признаю себя побежденным. Умоляю вас, не рискуйте; вы, верно, любите вашу сестру, не подвергайте же ее опасности.

— Тут нет никакой опасности, я сейчас докажу это.

— Если вы уж непременно хотите стрелять, так позвольте мне стать на ее место, — сказал Гарей умоляющим и прерывающимся голосом. — Я буду держать шишку, мне не так страшно будет.

— Что ты волнуешься? — вмешался, наконец, Рубэ. — Убейся, дай нам полюбоваться выстрелом. Не беспокойся, он как ветром смахнет эту шишку.

Старый охотник взял молодого за руку и отвел его в сторону.

Все это время девушка стояла, прислонившись к дереву, и, казалось, не понимала причины замедления. Гарей стоял к ней спиной, так что она не могла его видеть.

Пока Рубэ оттаскивал Гарей, индеец успел прицелиться и готов был спустить курок.

Теперь уже поздно было препятствовать ему. Такого рода попытка могла бы окончиться дурно. У всех захватило дыхание, все взоры были устремлены на молодую девушку, оставшуюся безучастной.

Последовал выстрел, молния, гром и дым, затем оглушительное «ура», толпа невольно подалась вперед — все это почти мгновенно. Шишка, пробитая в середке, исчезла с головы молодой девушки, сама она была жива и невредима. Генри подался также вперед. Дым застелил ему на минуту глаза. В это время раздались резкие звуки свистка индейца. Когда дым рассеялся, молодой девушки уже не было; по треску сучьев в лесу можно было догадаться, куда она скрылась, но никто не посмел за нею следовать.

Индейца тоже не было на прежнем месте — он в стороне дружески разговаривал с Сэгином. Тут же Генри заметил, что Гарей усердно ищет что-то на земле, оказалось — свой кисет. Очевидно, подарок этот снова получил цену в его глазах и занял прежнее место на его груди. Генри задумался, стараясь дать

себе отчет во всем виденном; внезапно голос старого Рубэ вывел его из задумчивости.

— Слушайте, ребята! — крикнул безухий. — Младенец тоже не худо стреляет. Пусть мне уши отрежут, если я не перещеголяю индейца.

Эта шутка была встречена всеобщим смехом: Рубэ, действительно, ничем не рисковал, так как уши его были срезаны вплотную.

— Как же ты ухитришься перещеголять индейца? — крикнул кто-то. — Разве будешь стрелять в цель, которую положишь себе на голову?

— Подождите — и увидите, — сказал Рубэ, берясь за свое тяжелое и длинное ружье и тщательно осматривая его.

Стали рассуждать о том, каким образом можно превзойти великолепный выстрел индейца. Никто не мог представить себе ничего лучшего. Заряжая ружье, Рубэ продолжал хвастаться:

— Я его превзойду, вот увидите, даю на отсечение мизинец правой руки.

Новый взрыв хохота, так как все знали, что этого пальца не хватало на руке старого охотника.

— Верно говорю, верно... если мой выстрел будет площе его, я согласен, чтобы меня оскальпировали.

Тут уже все покатались со смеху. Хотя на голове Рубэ была меховая шапочка, но все знали, что индейцы уже совершили над ним когда-то жестокую расправу.

Годэ, по-видимому, знал раньше старого охотника, так как сообщил все эти сведения Генри.

Рубэ сорвал маленький плод кактуса, облупил его и, показывая товарищам, сказал:

— Видите вы эту штуку? Ведь она вдвое меньше того плода, что брал индеец, — вы согласны с этим?

— Еще бы, разумеется, кто же не согласится с этим! — кричали все.

— Хорошо, и вот я попаду в эту цель на расстоянии шестидесяти шагов!

— Велика штука, нечего сказать! — возразили некоторые разочарованно. — Посади его на палку, и всякий попадет в цель. Даже Барней — и тот попал бы со своим казенным ружьем. Не так ли, Барней?

— Конечно, стоит только верно прицелиться, — ответил маленький человек, одетый в изношенный мундир когда-то небесно-голубого цвета.

Генри еще ранее обратил внимание на этого маленького человека, вследствие его странного костюма и еще более странной

прически. Волосы у него когда-то были коротко острижены; теперь они покрывали его маленькую голову густой жесткой щетиной, цвета разваренной моркови. Нельзя было сомневаться в национальности Барнея. Но что привело его в этот лагерь? Несомненно, это был американский солдат. Стоял он, должно быть, с гарнизоном в какой-нибудь пограничной крепости; надоела ему повторявшаяся изо дня в день раздача свинины и свиного сала по порциям, и он бежал или, как говорят, дезертировал.

Каково бы ни было его настоящее имя, но теперь он назывался Барней О'Корк.

— Этак всякий может выстрелить. Вся штука в том, что перед собою видишь красивую девушку, которую грешно изувечить по неловкости.

— Это верно, при одной мысли об этом у меня пробегают мурашки по спине, — сказал один из мексиканцев,

— Ах, и какая же она красавица! — сказал Барней, поднимая руки вверх. — У меня непременно задрожала бы рука от страха сделать ей малейший вред. Только брату и можно оставаться при этом хладнокровным.

— Тс... замолчите, бездельники! — прикрикнул на них Рубэ, когда зарядил свое ружье. — Я тоже возьму особу женского пола, и она сочтет за честь держать мишень для Младенца. Вот как!

— Что же у тебя жена, что ли, есть? — воскликнул иронически Барней.

— Есть, и такая, что я не променяю ее на двух красавиц. Я также ни за что бы не желал сделать малейшую царапину моей старухе. Постойте, сейчас я вам ее представлю.

С этими словами старый шутник положил ружье на плечо и направился в чашу леса. Генри и еще некоторые, не знавшие Рубэ предположили, что у него действительно в лесу скрывается жена. В лагере, правда, не было видно женщин, но могло быть, что он соорудил ей хижину в лесу, подальше от шумной компании. Но охотники, хорошо знавшие его, понимали, что он готовит какую-то шутку.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился Рубэ, а рядом с ним шла его «жена» в образе старой кобылы, длинной, тощей и костлявой. Между ею и хозяином замечалось некоторое сходство, только уши у нее были необыкновенно длинные, какие бывают у чистокровных мустангов.

Когда-то она была, наверное, гневной масти, но годы и шрамы изменили первоначальный ее цвет, — голова и шея стали совсем серыми. Лошадь была запаленная, спина ее ежеминутно вздрагивала от судорожного сжимания легких, это походило на не-

удачное брыканье. Крестец был узкий, голова висела ниже плеч.

Лошадь была крива, но единственный сохранившийся глаз ее выражал своим блеском твердое намерение еще долго жить и служить.

Появление этого инвалида встречено было насмешливыми возгласами.

— Смейтесь, сколько вам угодно, — не смущаясь, говорил Рубэ. — Младенец еще удивит вас, он докажет вам, что не хвастает.

Все знали, что Рубэ — один из лучших стрелков в горах, недоумевали только относительно того, какой сюрприз он готовит. Потребовали, наконец, объяснения.

— Во-первых, — начал он, — этот плод вдвое меньше того. Во-вторых, индеец сорвал его с головы, а я сорву с хвоста. Это будет почище.

— Разумеется! Ура, Рубэ! — кричали одни, другие покатывались со смеху: всем понравилась затея Рубэ.

Лошадь свою он поставил там, где стояла перед тем молодая индианка. Но вместо того, чтобы поставить ее боком и таким образом обезопасить голову и туловище, он выбрал место покатые и поставил ее так, что передние ноги спускались вниз, а задняя часть и хвост выдавались всего выше.

Пошептав что-то на ухо своей лошади, Рубэ положил плод на ее круп и вернулся на прежнее место.

Поднятый зад лошади представлял такой смешной вид, что зрители не могли удержаться от смеха.

— Перестанете ли вы хохотать? — закричал на них Рубэ, прицеливаясь.

Все кругом замолкло в ожидании выстрела. Никто не сомневался в успехе, но тут случилось нечто неожиданное. В момент выстрела спина лошади изогнулась от судороги, и плод упал на землю. Пуля задела зад лошади и просвистела между ее ушей. Несчастное животное стало брыкаться и метаться по лагерю. Рубэ, испугавшись, что сильно ранил бедного товарища своего, издавал ужасные проклятия, а толпа криками выражала свое одобрение. Этим комически-грустным происшествием закончились громкие подвиги индейца и Гарая.

10. ОБСУЖДЕНИЕ ВОЕННОГО ПЛАНА

Не успел еще прекратиться всеобщий смех над неудачей, постигшей старого Рубэ, как раздался звук рожка, и все двинулись в середину лагеря, к палатке капитана. Это Сэгин созы-

вал свою армию. Толпа почтительно остановилась, дожидаясь приказаний.

— Товарищи, — сказал Сэгин, — завтра утром мы выступаем из лагеря, идем на врага. Я созвал вас, чтобы сообщить свое решение и выслушать ваше мнение.

Толпа одобрительно загудела в ответ. Людям, живущим войной, всегда приятно слышать весть о выступлении.

Капитан продолжал:

— Нам не предстоит в скором времени битвы. Самым опасным представляется теперь переход через пустыню, для этого мы запасемся должным образом. Я знаю из достоверного источника, что наши враги отправляются на разграбление городов Соноры и Чихуахуа. Если их не остановит правительственное войско, они проникнут до Дюранго. Забираясь так далеко на юг, они оставляют свой лагерь беззащитным. Пользуясь этим, я хочу проникнуть в самую столицу навахо.

— Браво! Ура! Отлично!

Такие и подобные возгласы сопровождали предложения капитана.

— Некоторые из вас знают уже, какую я при этом преследую цель. Пусть же знают все, что я хочу...

— Набрать как можно больше скальпов, конечно, — грубо dokonчил его речь один из охотников.

— Нет, Киркер, вовсе нет! — возразил капитан недовольным тоном. — Мы делаем нападение на лагерь, где будут одни только женщины, и никто из вас под страхом наказания не должен касаться индейских женщин. Я буду платить вам за каждую спасенную женщину, за каждого спасенного ребенка.

— Но какая же нам тогда прибыль будет от похода, — возразил Киркер, — если даже на пленных мы не можем рассчитывать? Из-за чего же, спрашивается, будем мы претерпевать муку в пустыне?

Это замечание показалось справедливым большинству, в толпе послышался ропот.

— Вы ничего не потеряете, — продолжал спокойно Сэгин. — Там, на месте будут сосчитаны пленные, и каждый получит соответствующую награду.

— Этак мы согласны.

— Значит, дело решенное. Ни женщинам, ни детям не будет причинено ни малейшего вреда. Добыча будет принадлежать тому, кто ее захватит, это — как всегда. Но ни одной капли крови не должно быть пролито. Мы уже достаточно ее пролили. Кто со мною не согласен, пусть говорит.

Все кругом молчали, послушные воле своего начальника.

— Я рад, что встречаю в вас такое единодушие. Теперь я объясню вам цель похода.

— Посмотрим, что это будет, — сказал Киркер с любопытством. — Что же мы будем там делать, если скальпировать не полагается?

— А вот что: мы идем на поиски наших родных и друзей, которые давно уже томятся в плену у навахо. Мы идем выручать наших жен, сестер и дочерей.

Жалобные возгласы со стороны мексиканцев подтвердили истину сказанных слов.

— Я тоже из числа пострадавших, — взволнованным голосом продолжал Сэгин. — Немало лет прошло с тех пор, как навахо украли мою дочь. Недавно я узнал, что она жива и находится в их столице со многими другими белыми пленницами. Мы освободим их всех и возвратим их неутешным семьям.

— Bravo! — кричала толпа. — Да здравствует капитан! Мы с радостью последуем за ним.

Когда опять водворилась тишина, Сэгин продолжал:

— Теперь, когда мы все согласны относительно цели похода, я сообщу вам его план, причем охотно выслушаю и ваше мнение... Существуют три дороги, по которым мы можем вступить на индейскую территорию. Во-первых, дорога через Пуэрко на восток, это — самая прямая дорога.

— По ней и следует идти, — сказал один мексиканский охотник. — Я отлично знаю селения, которое лежат на этом пути.

— Но селения-то и могут служить нам препятствием. Там, наверно, есть индейские шпионы, и прежде, чем мы дойдем до истока Дель-Норте, навахо будут предупреждены и мы потерпим неудачу.

— Это верно! Совершенно верно! — закричали со всех сторон.

— По той же причине мы не можем избрать проход Польвидера. К тому же по обеим этим дорогам немного нашли бы мы дичи в эту пору года. Так как запасов у нас мало, то нам нужно, прежде чем вступить в пустыню, идти по такому пути, который изобилует живностью. Итак, мы направимся сначала на юг, потом повернем на восток, в долину старой миссии, оттуда подыдемся на север и вступим на землю апачей. Наше путешествие продолжится довольно долго, но зато будет безопасно. В долинах мы найдем бизонов. Но что всего важнее — мы можем выждать благоприятный момент для нападения. Из-за гор мы увидим, куда и когда удалится неприятель. Лишь только он скроется на юге, мы переправимся через Джилу и подыдемся к лагерю по реке Азул или Приэто. На обратном пути мы, разумеется, выберем кратчайшую дорогу.

Все приветствовали с восторгом этот план, никто не нашелся что-либо возразить. Особенно же обрадовались охотники при упоминании о реке Приэто. Название этой реки действовало на них магически: в легендах охотников она является каким-то Эльдорадо, золотым дном. Все легенды сводятся к тому, что золото в Приэто плавают большими кусками на поверхности реки и покрывает ее дно.

Охотники часто совершали экспедиции в эти неведомые страны, немногие добирались до них, и никто не возвращался назад.

Теперь представлялась возможность проникнуть в такую даль, не подвергаясь большой опасности, и у многих при этой мысли разгоралось воображение. Ведь многие только потому и поступили на службу к Сэгину, что надеялись когда-нибудь под его начальством проникнуть в эту сокровищницу золота. Какова, следовательно, была их радость, когда они услышали о намерении капитана! Восторг выразился громким «ура».

— Завтра на рассвете мы выступаем, — закончил свою речь к подчиненным Сэгин, — будьте же готовы!

Охотники тотчас рассеялись и принялись за приготовления. Солнце скрылось, и наступила темная ночь, так как в этой широте нет сумерек.

В костры подбросили еще дров, и пламя ярко осветило весь лагерь. Генри залюбовался тем поэтическим беспорядком, какой представлял этот пестрый лагерь, то освещенный ярким светом, то уходящий в тьму тропической ночи. Сэгин положил ему руку на плечо и сказал:

— Пойдемте, ужин готов, и доктор нас дожидается.

Молодой человек был очень рад этому приглашению, так как долгое пребывание на воздухе возбудило у него сильный аппетит. Они направились к палатке капитана, перед которой также горел огонь. Около очага доктор Рихтер, с помощью Годэ и еще одного мексиканца, заканчивал стряпать ужин. Когда кушанье было подано в палатку, компания разместилась на маленьких тюках вокруг большого тюка, служившего столом.

За ужином Генри узнал историю доктора. Он также был эльзасец, уроженец Страсбурга, где с успехом занимался медициной. Любовь к ботанике увлекла его в Новый Свет. Сначала он изучал растительность на западе Соединенных Штатов, потом стал углубляться в северо-восточные пределы, тогда еще малоисследованные, с целью изучить тамошнюю флору и классифицировать ее. Он провел несколько лет в долине Миссисипи. Прикнув к каравану, шедшему из Сент-Луи, он дошел с ним через степи и пустыни до оазиса Новой Мексики. Во время своих ученых странствований по берегам Дель-Норте он встретился

с охотниками за скальпами и просил у Сэгина позволения при-
мкнуть к ним, чтобы иметь возможность попасть в такие места,
которые оставались до сих пор совершенно чуждыми естество-
испытателям. Просьба его была уважена, так как взамен того
он, как доктор, мог оказать важные услуги отряду. В продол-
жение двух лет он не расставался с Сэгином, сделался его луч-
шим другом и был введен в его семейство. Там он пребывал в
промежутках между походами. Доктор вполне оправдал оказан-
ное ему доверие, у него была твердая воля и доброе сердце.
Он разделял с Сэгином опасности и умел хранить его тайны;
он с удовольствием руководил образованием Зои и умел успоко-
ить жену Сэгина, когда та допрашивала его об отлучках мужа.
Среди такой беспокойной жизни доктор сумел сохранить весе-
лый нрав. Его мечтой был выход в свет обширного труда — опи-
сания еще незнакомой ученому миру флоры.

Ужин запили бутылкой вина дель-пасо. Этого вина, а равно
и виски в лагере был достаточный запас. Веселый шум, прихо-
дивший извне, доказывал, что виски не жалели.

Отряд был готов к выступлению еще до рассвета. При пер-
вом звуке рожка двинулись, переехали вброд речку, затем мино-
вали лес и вступили в песчаные степи, тянувшиеся на восток,
к Мимбрским высотам. Сыпучий песок был так глубок, что
лошади уходили в него чуть не до колен.

Ехали, вытянувшись в длинную нитку, как это делают индей-
цы; такое расположение всего удобнее и благоразумнее не
только в узких проходах и лесных тропинках, но и в степи.

Шли целый день, так как песчаная местность не располагала
к остановке. После обеда на горизонте показалась черная линия,
к закату солнца добрались до нее. Это был каштановый лес;
отряд вступил в него и скоро добрался до светлого ручья, на
берегу которого предполагалась ночевка.

Палаток не было. Их оставили на месте и спрятали в лесу,
так как нельзя было тащить в поход слишком много багажа.
У каждого был плащ, долженствовавший служить ему и одея-
лом. Огни были зажжены и мясо зажарено; после ужина все
улеглись.

На другой день поднялись рано, опять по первому звуку
рожка. Вообще отряд имел военную выправку и слушался сиг-
налов. Наскоро приготовленный завтрак был быстро проглочен,
затем тронулись в дальнейший путь.

Следующие дни не ознаменовались ничем особенным. Дорога
шла по пустынной равнине. На четвертый день расположились

на берегу ручья под названием «Коровий глаз». Это была граница. На востоке возвышалась высокая гора Пинон, мимо которой пролежала военная дорога апачей.

Сэгин имел намерение спрятаться у подошвы горы в известном ему одном месте и там выждать, когда индейцы пройдут. Но при выполнении этого плана встретилось серьезное затруднение. Чтобы достигнуть горы, необходимо было пересечь тропу индейцев. Как скрыть при этом от их зорких глаз следы целого отряда?

Сэгин воспользовался остановкой, чтобы созвать всех людей на совет.

— Рассыплемся по равнине и в разных местах перейдем в одиночку их тропинку. Они не обратят внимания на рассеянные кое-где следы, — сказал один из охотников.

— Как бы не так, дожидайся! — возразил другой. — Найди мне, пожалуйста, индейца, который, увидав след лошади, не проследил бы его до конца. Если ты найдешь такое чудо, я готов отдать тебе столько золота, сколько оно будет весить.

— Можно для этого перехода завернуть во что-нибудь копыта лошадей.

— Это еще хуже, — возразил Гарей. — Я пробовал однажды это средство и едва не лишился скальпа. Разве только слепого индейца можно поддеть на такую хитрость.

— Они вовсе не так осторожны, когда отправляются на войну, — сказал еще кто-то, — и я не вижу, почему бы нам не прибегнуть к этому средству.

Но большинство охотников было на стороне Гарей. Обилие замаскированных следов непременно наведет индейцев на мысль о засаде. Однако, если не это, то что же предпринять?

Рубэ, до сих пор только слушавший других, издал загадочный звук «Тс-с!...»

— Ну, говори, что придумал, — сказал ему Гарей.

— Прежде всего скажу, что все вы просто глупые ребята. Я сделаю так, что лошади перейдут тропинку, не оставив никакого следа и не возбудив никакого подозрения у индейцев.

— Как же ты это сделаешь? — спросил Сэгин.

— Сейчас объясню, капитан; но скажите на милость, зачем нам переходить эту дорогу?

— Чтобы спрятаться в горах.

— Но как же мы там проживем без воды?

— У подошвы горы есть источник.

— Знаю, но проходя этим местом, индейцы пойдут к нему, чтобы наполнить свои меха. И вот чего Младенец вовсе не понимает, — как вы скроете следы свои около ручья?

— Вы правы, Рубэ, в этом-то и заключается все затруднение.

— Я ничего другого не могу посоветовать, как идти нашему отряду вперед через равнину и охотиться за бизонами. Полагаю, что достаточно оставить в засаде человек двенадцать, — такая кучка будет в безопасности там, где целый эскадрон кавалерии непременно будет обнаружен.

— Но куда вы направите остальных, Рубэ?

— Пускай они идут на северо-запад, до высот Мескистов. Там есть удобное место, богатое и водою, и травой, где они могут оставаться до тех пор, пока не решится дальнейшая судьба.

— Но ведь воды и травы достаточно и здесь, у этого ручья.

— Индейцы захотят, пожалуй, сделать здесь привал, поэтому, мне кажется, лучше отсюда убраться.

Убедительность слов Рубэ подействовала на всех. Сэгин решил послушаться совета старого охотника. Выбрали людей, которые должны были вести наблюдения за индейцами. Все прочие направились к северо-западу. На месте остались Сэгин, Генри, Эль-Соль с сестрой, Рубэ, Гарей и еще с полдюжины охотников.

Прежде чем отъехать от стоянки, они расковали своих лошадей и наполнили отверстия от гвоздей песком, чтобы след лошади походил на след мустанга. Это была предосторожность необходимая: жизнь всех этих людей зависела, может быть, от оставленного на земле отпечатка железа. Приблизившись к военной тропинке индейцев, они разъехались на широкое пространство, так, чтобы их отделяло друг от друга по крайней мере по полмили. Съехались только у подошвы Пинона.

Солнце садилось, когда они подъезжали к ручью; но из осторожности они не стали поить своих лошадей и спрятались в горном ущелье.

На другой день, оглядевшись, они заметили маленький горный хребет, скалистый и лесистый, с которого не только видны были ручей и тропинка, но открывался еще и широкий горизонт на три стороны. Это был превосходный наблюдательный пункт.

Нужно было заблаговременно запастись водою, поэтому два охотника отправились к ручью и наполнили все бывшие при них емкости для воды. Никакой индеец не показывался.

Приходили к источнику небольшие стада бизонов, оленей и антилоп; напившись, они возвращались на свои пастбища. Для охотников это была очень заманчивая добыча, но никто не посмел стрелять: собаки индейцев непременно бы обратили внимание на пролитую кровь.

Весь следующий день Сэгин напрасно провел в наблюдении; его зрительная труба, охватывавшая пространство в три мили, ничего не открыла. Когда же и на третий день никто не пока-

зался, он стал опасаться, не избрали ли навахо другой путь. Была еще одна причина беспокойства: съестные припасы истощались. Приходилось довольствоваться орехами, которые ели сырыми, так как боялись разложить огонь.

Кто-то предложил поохотиться за антилопами.

— Следы их крови нас погубят.

— Я берусь доставить вам дичь, не пролив ни капли крови, — сказал один мексиканец-охотник. — У меня есть лассо, а потом я тщательно уничтожу все следы борьбы со зверем.

— Попробуйте, — сказал капитан.

Мексиканец с товарищем направился к ручью. Со своего возвышенного наблюдательного пункта Сэгин и Генри могли следить за их действиями.

Через четверть часа показалось стадо антилоп, они подходили к ручью гуськом. Вдруг антилопы остановились и насторожились. Они почуяли опасность, но было слишком поздно. Петля свистнула в воздухе и затянулась на шее передней антилопы; остальные обратились в бегство. Охотник вышел из засады, взвалил животное себе на спину и направился обратно к ущелью; товарищ следовал за ним, уничтожая следы своих и его ног. Антилопу съели в сыром виде. Несмотря на отвращение, Генри принял участие в этой дикой трапезе.

Ночь, следовавшая за четвертым днем, была светлая, лунная. Стража, поставленная из предосторожности, в полночь разбудила всех. На северной стороне горизонта показались какие-то черные фигуры. То могли быть бизоны. Но вдруг сверкнуло оружие, обрисовался силуэт лошади: это были, несомненно, индейцы.

— А что, если наши лошади заржут! — воскликнул Сэгин.

Охотники поспешно бросились вниз, в чащу леса, где привязаны были лошади. Все сами сообразили: лошади чуют друг друга на расстоянии нескольких миль, а на высоте малейший звук передается необыкновенно отчетливо. Охотники взяли попоны, которые покрывают обыкновенно спину и зад лошади, и накинули их им на головы. Сделав это, все вернулись на наблюдательный пункт.

11. ГОЛОД НА ГОРЕ И ОБЖОРСТВО В ДОЛИНЕ

Пора было укрыться. Слышался довольно явственно топот конских копыт; лошади веселым ржаньем показывали, что чувствуют близость воды. Скоро можно было разглядеть концы

копий и развевающиеся знамена, полуобнаженные тела индейцев, блестящие при лунном свете, словно бронзовые статуи. По мере того, как всадники подъезжали к берегу ручья, они давали напиться своим лошадям, потом рысью отъезжали в середину долины; там, спешившись, пускали лошадей пастись. Очевидно, они намеревались расположиться здесь лагерем на ночь.

Шествие продолжалось около часа, и Генри насчитал более двухсот индейских воинов. Наблюдатели не боялись быть замеченными: они были скрыты за утесами и деревьями, а сами, между тем, могли все видеть и слышать, что делалось в неприятельском стане.

Индейцы начали с того, что привязали лошадей к кольям, расположенным кругом в том месте долины, где трава была особенно густая. При себе они оставили всю сбрую, уздечки из конского волоса, серые медвежьи шкуры и одеяла из бизоньей кожи. Лишь у немногих были седла, так как индейцы редко употребляют их в военных походах. Каждый воин воткнул в землю свое копье и положил около себя щит, лук и стрелы. Воткнутые на равном расстоянии друг от друга копья образовали фронт в несколько сот футов.

Общий вид лагеря по своему порядку мог быть поставлен в пример любому регулярному войску. Он разделялся на две части, так как состоял из индейцев двух племен — апачей и навахо; последних было меньше, и они расположились дальше от наблюдателей.

Индейцы подошли к подошве горы и начали своими томагавками рубить деревья; наготовив достаточно топлива, они отнесли его в стан, и скоро запылали в нескольких местах громадные костры. Индейцы уселись вокруг и начали готовить себе ужин. При свете огней можно было разглядеть татуировку на лицах и на груди; она совмещала в себе, казалось, всевозможные фигуры и краски. Одни были раскрашены в ярко-красный, другие в черный цвет; у одних были пятна, наподобие легавых, у других полосы, наподобие зебр. На груди и щеках были изображения зверей: волка, пантеры и других; на сердце у некоторых была нарисована красная рука, другим служила девизом мертвая голова или груды костей.

Короче говоря, каждый из них присвоил себе тот символ, который всего более соответствовал его характеру, происхождению или вкусам. Тщеславие составляет принадлежность всех наций на всех ступенях цивилизации, поэтому и здесь, как в Европе, замечалась богатая фантазия в выборе гербов.

Многие из индейцев имели на голове медные каски со страу-

совыми перьями; эти головные украшения достались от убитых ими кирасир.

Более двух часов они смеялись, разговаривали, жестикулировали, точно скоморохи в театре, и сильно шумели. Они совсем не были похожи на индейцев — обитателей лесов, отличающихся важною осанкою и молчаливостью.

Покончив, наконец, с ужином, одни отправились сторожить лошадей, другие завернулись в одеяла и заснули. Огни малопомалу потухали; собаки доедали ужин и лаяли при малейшем шорохе; иногда слышались оклики сторожей.

Нашему отряду было самое время заняться собой и своим положением. Мысль эта явилась у всех одновременно.

— Ведь индейцы могут остаться здесь для охоты.

— Очень возможно, — серьезно заметил Сэгин. — Они, очевидно, ещё не сделали запаса мяса для прохождения через пустыню. Местность же эта обильна дичью, люди и лошади могут здесь запастись силами. Меня несколько не удивит, если они расположатся здесь надолго.

— В таком случае мы попали в западню, — сказал один из охотников, указывая на выход из ущелья с одной стороны и отвесную гору с другой. — Как мы выберемся отсюда? Вот что меня крайне интересуется.

Все взглянули в ту и другую сторону, куда он показывал рукой: менее чем во ста футах от выхода, защищенного скалами, находился лагерь индейцев, — нельзя было и думать выйти этим проходом, даже если бы стража заснула, так как собаки непременно подняли бы тревогу; сзади гора поднималась совершенно отвесно. Да, они и в самом деле очутились в западне.

— Но ведь мы здесь умрем от голода и жажды, если эти проклятые индейцы не уберутся отсюда! — воскликнул один мексиканец.

— Это может случиться еще ранее, если они вздумают посетить наше убежище, — добавил другой.

Это предположение, хотя и маловероятное, могло все-таки осуществиться. Индейцы, конечно, не выбрали бы этой дороги в горы, так как это и не была собственно дорога, но они могли зайти в это место, чтобы нарвать кедровых шишек, могли также забежать сюда собаки, преследуя дичь, — все это грозило гибелью отряду.

Сэгин хотел поднять упавший дух своих людей и, обращаясь к ним, сказал:

— Если наше убежище не откроют, то мы два-три дня просуществуем с помощью орехов; потом мы можем заколоть одну из наших лошадей. Много ли у нас воды?

— Наши бутылки почти полны, — ответил Гарей, — и в нашем положении это большое счастье.

— Но нам нечем будет кормить наших бедных коней, — печально заметил Генри, предвидя те лишения, которые ожидали его милого Моро.

— Они не будут страдать от голода и жажды, пока останется хоть один кактус, — сказал Эль-Соль, указывая на громадные кусты этого растения.

Действительно, кактусы спасают многих людей и животных от голодной смерти в пустыне.

— Друзья, — сказал Сэгин, — бесполезно отчаиваться прежде времени. Кто может спать, пускай отдыхает. Достаточно поставить стражу вот здесь и там. Идите сюда, Санчес.

И начальник указал два места, откуда можно было наблюдать за входом в ущелье.

Остальные сошли вниз, посмотрели на своих лошадей, завернулись в одеяла, улеглись и, наконец, все заснули.

Перед восходом солнца все уже были на ногах и наблюдали за врагом. В лагере индейцев было тихо; это означало отдых на сегодняшний день, так как в поход дикари обыкновенно выступают перед зарей.

Когда восток заалел, лагерь проснулся, задвигались черные фигуры. Прежде всего индейцы занялись разведением огня.

Сидевшие в засаде шепотом перебрасывались своими сообщениями.

— Интересно знать, сколько времени они продержат нас в западне, точно мух в паутине?

— По крайней мере три дня, а то и все шесть.

— На кой черт оставаться им тут так долго? Для них вполне достаточно одного дня, чтобы сделать необходимый запас мяса. Посмотрите, как раз идет громадное стадо бизонов, — вот им и запас готов.

— Так, — сказал один из мексиканцев, — но требуется по крайней мере три дня, чтобы дать высохнуть этому мясу, и беда, если солнце спрячется: тогда времени потребуются еще больше.

Генри Галлер, прислушивавшийся к этому разговору, только теперь ясно уразумел положение, в котором они находились.

Итак, приходилось сидеть на месте по крайней мере четыре дня. Не страшен был голод, так как сырого лошадиного мяса было вдоволь, но страшна была жажда! Достаточно ли будет кактусов, чтобы утолить жажду людей и лошадей в продолжение нескольких дней?

Между тем рассвело. Вооружившись, индейцы садятся на своих лошадей и скачут на водопой с несомненным намерением

отправиться потом на охоту за бизонами. Оставшиеся в лагере готовят топливо, вбивают колья и натягивают веревки.

— Вот оно! — воскликнул один из охотников Сэгина. — Вербки протянуты, и мы в силках!

Сомнения нет: индейцы намерены пробыть здесь некоторое время.

Через два часа охотники-индейцы медленно, небольшими группами, возвращаются; каждый везет добычу на крупной лошади. Это глыбы вздымающегося мяса, которое еще испускает из себя пар. Одни везут бока и четверти, другие — горбы, третьи — языки, печенки и другие внутренности. Все это они сбрасывают на землю. Тогда-то начинается шум и суматоха! Дикари бегают взад и вперед, весело болтая. Они разрезают мясо на пласты и кладут их на раскаленные уголья, вырезают жир и наполняют им кишки; печенку едят в сыром виде, точно дикие звери; разрубая кости своими томагавками и высасывают из них мозг. Эта дикая сцена, сопровождаемая прыжками, неистовыми восклицаниями и глупыми выходками, продолжается по крайней мере час. Затем другая партия индейцев садится на коней и едет на охоту. Оставшиеся развешивают говядину на протянутых веревках, чтобы она под действием солнца превратилась в тазайо (сушеное мясо).

Небольшая кучка белых знает теперь, что ее ожидает впереди; но эти стойкие люди перенесли в жизни такое количество лишений, что перспектива нескольких голодных дней их не страшит.

— Нечего волноваться, пока нас самих не задела за живое, — сказал один.

Другой в шутку ответил:

— Что же может больше задеть за живое, как не голодное брюхо? А я должен сознаться, что готов был бы живьем съесть целого осленка, если бы только он мне попался.

— Эй, малый! — сказал Рубэ. — Не надо быть таким обжорой: живот может заболеть. Наберем орехов и будем питаться ими, как настоящие отшельники.

Но, к своему немалому огорчению, охотники скоро заметили, что этого драгоценного плода было немного.

— Придется скоро прибегнуть к лошадиному мясу, — заметил Санчес.

На это Рубэ ответил сухо:

— Надеюсь, что мы еще прежде погрызем свои ногти.

Приступили к распределению воды: каждый получил по маленькой чашке. Сэгин, желая подать пример другим, начал очищать кактусы, чтобы утолить жажду лошадей, которым и

думать нечего было отдать часть воды. Охотники последовали примеру вождя и очистили массу кактусов от коры и колючек. Из отверстий потекла светлая жидкость, лошади с жадностью стали ее пить.

Так прошел первый день заключения. Индейцы улеглись поздно и на другой день поздно встали: для них это был день отдыха и объединения. Даже собаки ни на шаг не отходили от лагеря. Пищи в лагере было изобилие, поэтому нашим охотникам нечего было опасаться, что собаки забредут в их убежище. Солнце сильно жгло в этот день, и охотники страдали от жары, но не смели жаловаться, так как самый жар этот предвещал им скорое избавление. Еще такой день, и мясо может высохнуть.

Между тем запас воды истощился, приходилось утолять жажду одними лишь мокрыми стеблями кактуса. Орехи также были все поедены; стали всерьез подумывать о конине.

— Подождем до завтра, — сказал Рубэ, — дадим бедным тварям маленькую надежду на спасение. Кто знает, что случится завтра.

Это предложение было принято, так как к опытности старого охотника относились вообще с большим уважением; к тому же каждый охотник опасался за участь своей лошади: в степи привязанность хозяина к лошади достигает сильнейшей степени. Люди легли спать голодные и во сне видели обилие всевозможной еды.

На третий день индейцы поднялись так же поздно и, напоив лошадей у источника, принялись за еду. Запах жареного мяса бизонов и антилоп, доносимый ветром, сильно возбуждал аппетит голодного отряда. Нужно было решиться заколоть одну из лошадей, но которую? Налицо было двенадцать лошадей, по числу охотников, и каждый, понятно, дорожил своею. Решено было кинуть жребий: в пустой горшок бросили одиннадцать белых и один черный камешек; каждый с завязанными глазами должен был подойти и вынуть один камень. Генри Галлер, вынимая жребий, дрожал так, как будто дело касалось его собственной жизни. Судьба спасла Моро. Жребий выпал на долю уже пожилого мустанга, принадлежавшего одному из мексиканцев.

Стража вернулась на свои места, а остальные приступили к избранной жертве; ее привязали к дереву, связали ей ноги. Один из охотников держал наготове большой нож, другой — ведро, чтобы не дать пролиться ни одной капле драгоценной жидкости.

Необыкновенный шум прервал это грустное жертвоприноше-

ние. На опушке показалось большое серое животное, похожее на волка.

— Индейская собака! — воскликнул Рубэ. — Нельзя ее упустить, надо как-нибудь тихим манером сжить ее со свету.

Ножи были тотчас вынуты из ножен, и охотники стали осторожно приближаться к зверю. Но собака, догадавшись об их враждебном намерении, зарычала и направилась к выходу из ущелья.

В том месте сторожил как раз хозяин обреченной на смерть лошади; он нарочно отпросился, чтобы не быть свидетелем ее гибели. Теперь он выставил свое копьё, готовый с радостью пронзить собаку. Она начала было пятиться, чтобы потом одним скачком миновать опасное место, но раздавшийся вслед за тем вой известил всех, что копьё мексиканца пронзило зверя.

Сэгин и Генри бросились на свой наблюдательный пункт, так как боялись, что вой был услышан индейцами; но там все было тихо.

Собаку разделили на части и съели, прежде чем она успела остыть. Генри Галлер тоже ел, скрепя сердце; потому что иначе мог умереть с голоду.

Когда через некоторое время опять поднялись на пункт наблюдения, то заметили благоприятные для себя признаки: индейцы, сидя у огня, возобновляли раскраску на теле. Белые знали, что это означает. Мясо успело почернеть и его можно было укладывать. Некоторые обмакивали свои стрелы в ядовитую жидкость.

Все ободрились, предполагая, что неприятель завтра же выступит. Надежда их осуществилась раньше, чем они ожидали. Перед закатом солнца в долине поднялось большое волнение. Мясо было снято и скатано в свертки, лошади напоены и взнузданы. Воины сели на коней, и длинный ряд их потянулся к югу. Племя апачей шло впереди, навахо сначала следовали за ними, потом отделились и взяли направление на запад, к ручью «Коровий глаз».

Первым побуждением людей Сэгина было броситься к речке, чтобы утолить жажду, и в долину, чтобы заглушить голод остатками мяса, брошенными индейцами.

— Подождите, пока они не скроются окончательно, — остановил их Сэгин. — Может случиться, что кто-нибудь позабыл что-либо в лагере и вернется еще сюда. Пускай один из вас наблюдает за ними и скажет, когда индейцы совсем скроются из виду, а другие пускай готовятся к отъезду.

Все, кроме одного, пошли к лошадям, чтобы их седлать;

лошади, видимо, обрадовались своему освобождению из-под тяжелых одеял, которыми все время были покрыты их головы.

— Меня очень интересует, — сказал Генри, обращаясь к Сэгину, — почему навахо направились к «Коровьему глазу».

— Я сам пытаюсь найти этому объяснение, — ответил Сэгин с некоторым беспокойством. — К счастью, наши товарищи не там.

— Они должны сильно скучать в ожидании нас, — заметил Гарей, — разве уж нашли там очень много дичи.

— О! — воскликнул Санчес, — им, конечно, не пришлось стягивать ремня на брюхе, как нам. Посмотрите, я стал настоящим скелетом. Когда доктор увидит меня, он может, если угодно, повторить на мне все кости.

Все было готово к отъезду, и люди обнаруживали сильное нетерпение.

— Стража наша спит, — заметил нетерпеливый Гарей. — К чему индейцам возвращаться, когда они уже так далеко отъехали. Они, вероятно, спешат вперед, их там ожидает богатая добыча.

Видя, что трудно будет удержать в повиновении нетерпеливых, Сэгин, чтобы не дать повода к нарушению дисциплины, спросил стражу. Стража ответила, что видит только головы в отдалении.

— Хорошо, — сказал вождь, — ведите лошадей под уздцы.

Люди поспешно сошли в долину. Слуга Сэгина шел впереди других, так как ему хотелось поскорее напоить коня своего господина. Подойдя к выходу, он с ужасом откинулся.

— Господин! Господин! Они еще там! — бессвязно лепетал он.

— Кто они?

— Индейцы.

— Ты, должно быть, с ума сошел. Где ты их видишь?

— В лагере, посмотрите сами.

Генри Галлер пошел за Сэгином к выходу. Странное зрелище представилось им тут: лагерь был в том же положении, в каком его оставили индейцы; тут валялись шкуры бизонов, кости в громадном количестве, догорали огни; сотня волков бродила, отыскивая себе лакомый кусочек и преследуя тех из товарищей, которые были посчастливее. Кроме того, пять или шесть человеческих фигур двигались вокруг огней, также отыскивая себе пищу и оспаривая ее у волков, которые отвечали на это глухим рычанием. Другие подобные им существа молча грызли доставшиеся им кости. Трудно было признать в них людей. Генри не мог скрыть своего презрения к этим вырождакам. Тело у них было

худое, костлявое, кожа в складках, а руки длинные, как у обезьян, голова несоразмерно большая, волосы грязные и сбитые в войлок. На некоторых висели какие-то лохмотья; другие были совершенно голы.

— Племя ямпарикос! — сказал слуга-мексиканец.

— Диггеры, то есть могильщики, — сказал другой, желая этим словом пояснить молодому человеку, что эти индейцы принадлежат к тому тупоумному племени, которое живет за счет других, как паразиты, и у которого животный инстинкт преобладает над человеческим.

— Нечего бояться этих несчастных идиотов, — сказал Сэгин, — подойдем к ним.

— Мы можем даже выиграть, — весело заметил Рубэ, — за скальп такого чудовища платят столько же, сколько за вождя апачей.

Сэгин строго возразил:

— Стрелять никто не смеет! Еще последние индейцы не скрылись с глаз.

— Но как же иначе овладеть ими? — спросил Санчес. — Они убегут как лани и скроются между скал.

— Ну и пускай бегут, несчастные! — ответил капитан, не желавший пролития крови.

— Нет, этому не бывать. Мы стрелять не будем, а непременно их догоним. Сюда, товарищи!

Санчес направил было свою лошадь так, чтобы пересечь индейцам дорогу в горы, но это ему не удалось. Эль-Соль с сестрой показались в это время у выхода и своей яркой одеждой обратили внимание индейцев; они тотчас же побежали к горе и стали взбираться на ее вершину.

Санчесу удалось схватить только одного: в то время, как тот карабкался на скалу, лассо обернулось вокруг его шеи и потащило его вниз. Когда он, наконец, очутился внизу, тело его представляло бесформенную массу. Увидав приготовления Санчеса к скальпированию, Генри поспешно удалился.

Люди и лошади спешили к речке, чтобы напиться вволю. Потом стали разгонять волков, бросая в них камнями. В то время, как все были заняты отыскиванием мяса среди покинутого лагеря, раздался возглас Гарая:

— Забытый лук, совсем белый! Очевидно, он принадлежит какому-нибудь видному индейцу.

— Да, — озабоченно проговорил Сэгин, — хозяин его не замедлит явиться, как только заметит свою потерю. А! Да вот и он, скачет сюда галопом через долину.

12. ОХОТА ЗА ИНДЕЙЦЕМ

На горизонте появилась блестящая звездочка, которая все приближалась. Это была каска, отражавшая солнечные лучи и продвигавшаяся со скоростью галопа к лагерю.

— К ветлам, дети мои! — крикнул Сэгин. — Оставьте лук, где нашли, да скорее уводите лошадей. Живо! Живо!

Каждый схватил свою лошадь под уздцы, и все скрылись за деревьями. Там охотники вскочили на лошадей и стали ждать, что будет.

— Капитан, прикажете стрелять, когда он подъедет поближе? — спросил неукротимый Санчес.

— Нет.

— В таком случае нам легко будет его схватить, когда он нагнется за своим луком.

— Ни за что. Надо дать ему спокойно уехать.

— Очень жаль. Но позвольте спросить, почему, капитан?

— Вы с ума сошли, Санчес. Разве вы не понимаете, что тогда все племя пустится в погоню за нами и настигнет нас к ночи... Следов наших он не заметит, так как наши лошади не подкованы, а на нас мокасины, — значит, он не догадается о нашем присутствии.

— А если он взглянет в ту сторону, что тогда? — спросил Гарей, указывая на подножие горы, где лежал безобразный труп оскальпированного индейца, уже привлекавший внимание нескольких белых волков.

Сэгин бросил укоризненный взгляд на Санчеса, который виновато опустил глаза.

— Придется тогда разделаться с ним с помощью копыя или лассо или схватить его. Стрелять мы не можем. Спрячьте ваши ружья, держите наготове копыя и лассо.

— Когда нам начинать, капитан?

— Я дам знак. Может быть, он спешится, чтобы поднять свой лук, может быть, поведет свою лошадь на водопой после такого стремительного галопа. Тогда мы его окружим. Если он заметит труп диггера и направится к нему, мыотрежем ему обратный путь. Все будет зависеть от обстоятельств. Ждите моего знака.

Пока шли переговоры, индеец приблизился настолько, что его можно было рассмотреть. Лошадь и всадник одинаково достойны были удивления. Лошадь — мустанг чернее ночи со сверкающими глазами, дрожащими ноздрями, у рта пена, бока потные, блестящие. Всадник — до пояса обнаженный, богатый головной убор и ожерелья на шее и руках разнообразили эту на-

готу древней статуи, вышитая ткань покрывала бедра, голые ноги были обуты в мокасины. Вопреки обычаю апачей, он не был татуирован, природный цвет кожи был чудно-бронзовый, черты лица благородные и резкие, взгляд гордый, по плечам развевались длинные черные волосы. Он сидел в испанском седле, копьё было всунуто в стремя и слегка опиралось на плечо. В левой руке был белый щит, за спиной висел колчан со стрелами.

— А!— удивленно произнес Гарей, — это Дакома, второй вождь навахо.

Генри обернулся к Сэгину, чтобы видеть, какое впечатление произведет на него это имя. Он увидел Эль-Соля, нагнувшегося к начальнику и говорившего ему что-то с большим жаром на непонятном языке. Генри мог уловить только одно слово «Дакома», которое Эль-Соль произносил со страшной ненавистью.

— Хорошо,— ответил Сэгин, видимо соглашаясь с доводами Эль-Соля,—мы не выпустим его из наших рук, если бы он даже и не напал на наш след. Нужно только обойтись без ружья: индейцы от нас не более как в десяти милях, за этим откосом. Если нам не удастся его окружить, моя лошадь в состоянии нагнать его. А вот и другой конь, способный на то же, — прибавил, указывая на Моро и глядя его рукою.

Генри без слов изъявил готовность служить Эль-Солю, которого успел полюбить. Нельзя было сомневаться в том, что Дакома — его личный враг.

Всадник был уже близко, и по знаку Сэгина все смолкло.

Индеец достиг места бывшей стоянки. Разгоняя на пути волков, он стал описывать круги, а глазами искать свою потерю. Вдруг он высвободил одну ногу из стремени и, не уменьшая хода лошади, нагнулся так, что каской дотронулся до земли, через мгновение с луком в руке он выпрямился в седле.

— Превосходно! — воскликнул Санчес. — Жаль убивать такого молодца.

Охотники переглянулись, молча выражая этим свое восхищение ловкостью индейца.

Сделав еще вольт галопом, индеец намеревался уже уезжать, как вдруг внимание его было привлечено трупом диггера. Он так быстро натянул поводья, что лошадь осела на задние ноги и стала как вкопанная.

— Бесподобно! — процедил опять Санчес.

Картина, действительно, была великолепная: мустанг со своим расстилающимся по земле хвостом, взъерошенной гривой и раздутыми ноздрями, всадник — образец индейской красоты. Оба оставались некоторое время неподвижными, затем выра-

женные лица индейца резко изменилось, он стал подозрительно оглядываться, и наконец взор его упал на то место у реки, где только что поили лошадей, вода была мутная.

От нового быстрого движения всадника мустанг взвился и пустился галопом через равнину. В то же мгновение Сэгин дал сигнал, и все охотники бросились в погоню. Нужно было пере-ехать ручеек, лошадь капитана споткнулась и упала в воду. Никто не остановился, чтобы помочь ему, — дело касалось жизни или смерти всего отряда. Генри прищипорил Моро и скоро опередил других. Индеец находился от него приблизительно в двенадцати саженьях, но расстояние это не сокращалось, а как будто даже увеличивалось. Охотники забыли, что их лошади оголодали за последнее время и только что перед этим напились не в меру.

Эль-Соль, не отстававший от Генри, приготовился уже закинуть лассо, но оно отскочило и ударило по бедрам его собственной лошади. Генри видел на лице индейца полное отчаяние.

Между тем арабская кровь у Моро разгорячилась. Генри стал нагонять навахо и скоро был уже от него в дюжине шагов. В руках Генри было ружье, и он легко мог бы выстрелить в Дакому сзади, но помнил запрещение Сэгина. Взяться разве за нож или ударить Дакому прикладом?

Пока он решал этот вопрос, Дакома, посмотрев через плечо и убедившись, что имеет дело с одним только противником, быстро повернул лошадь и с копьем в руке бросился на Генри. Последний едва успел отразить удар, который был направлен ему прямо в грудь, копье задело его руку, ружье выпало, а неожиданность нападения вместе с раною так ошеломили Генри, что прошло несколько секунд, прежде чем он мог повернуть лошадь назад. Дакома между тем успел объехать его, и когда Генри снова очутился лицом к лицу с ним, тот пустил в него стрелу, которая вонзилась в правую руку молодого человека. В отчаянии Генри вытащил пистолет, индеец изготовил свое копьё, и они готовы были опять наскочить друг на друга.

В момент столкновения Генри спустил курок... Произошла осечка; перед ним мелькнуло неприятельское копьё и что-то сильно ударило его по лицу — это был ремень от лассо. Петля опустилась над головой индейца и затянулась на локтях. Дакома испустил ужасный крик, копьё выпало у него из рук, сам он очутился на земле и остался недвижим. Мустанг его с такой силой наскочил на Моро, что оба покатались наземь.

Все это произошло в мгновение ока. Генри скоро пришел в себя и встал. Тут он увидал Эль-Соля, стоявшего с ножом в руке около своей жертвы.

— Лошады! Ловите лошадь! — кричал издали Сэгин.

Охотники бросились в погоню за мустангом, который мчался по равнине. Наконец Санчесу удалось поймать его с помощью аркана.

Эль-Соль стоял над распростертым индейцем и торжествовал победу.

Сестра его прискакала с другими и, сойдя с лошади, подбежала к брату.

— Гляди, — сказал ей брат, — вот убийца нашей матери.

Молодая девушка вскрикнула, выхватила свой нож и хотела уже вонзить его в ненавистного убийцу.

— Нет, Луна, — остановил ее брат, — мы не убийцы. К тому же это было бы слишком слабое мщение. Нужно показать его живого женам нашего племени. Пускай они попляшут вокруг великого вождя, взятого в плен без единой раны.

Последние слова, произнесенные с явным презрением, заставили навахо привскочить.

— Собака из племени марикоп! — воскликнул он. — Собака, связавшаяся с белыми негодяями!

— Значит, ты меня узнаешь, Дакома?

— Собака! — сквозь зубы повторил тот, пронизывая его взором.

— Это он! Он! Тот самый индеец, что известен своею свирепостью! — кричал Рубэ. — Бейте его, рубите его! Я знаю его, он лучшего не заслуживает.

В это время прискакал Сэгин; первую его заботою был не индеец, а Генри.

— Вы ранены? — спросил он дрожащим от волнения голосом. — Великий Боже! Ведь я клялся Сен-Врэн, что верну вас ему здоровым и невредимым!.. Вы сильно страдаете? Да, конечно, вы мужественны, я это знаю, но дайте же посмотреть рану... Стрела вонзилась в мякоть. Хорошо. Но что, если она ядовита? Эль-Соль, подите скорей сюда и взгляните на стрелу.

— Прежде всего надо ее вынуть, — сказал марикоп, и сейчас же занялся этой требующей большого искусства операцией. — Не останавливайте кровотечения, пока я не исследую стрелы. По-видимому, это не боевая стрела, но правда и то, что навахо употребляют очень тонкий яд. К счастью, я имею средство в этом убедиться.

Эль-Соль вынул из своего мешка пучок хлопчатой бумаги и вытер им кровь на конце стрелы. Потом открыл небольшую склянку и накапал из нее на металлическое острие, наблюдая за действием жидкости.

Сэгин с нескрываемым страхом ожидал конца опыта. Генри подумалось, что тяжело покидать этот мир тогда, когда впереди ожидает счастье.

Наконец Эль-Соль радостно оповестил:

— Господин Галлер, поздравляю вас от души: это — охотничья стрела: но я уверен, что у Дакомы были стрелы и посердитее. Интересно посмотреть.

Он приподнял навахо и вытащил другую стрелу из его колчана, висевшего на спине. Повторив свой опыт, он воскликнул:

— Ну, не прав ли я был? Посмотрите, она позеленела, как трава. Но ведь были пущены две стрелы, где же другая?

— Она пронеслась над моей головой, — сказал Генри.

— Ее надо найти... Нельзя оставить и эту улику без внимания.

Стрела скоро была отыскана и оказалась тоже ядовитой.

— Вы счастливчик, господин Галлер, — вновь сказал индеец. — Вам повезло, что не эта стрела вас ранила. Тогда пришлось бы прибегнуть к учености доктора и ко всем известным мне противоядиям. Но что это такое? Еще рана? Как видно, индеец ранил вас также копьем. Дайте-ка взглянуть.

— О, это не более как царапина, — ответил Генри.

— Господин Галлер, здешний климат неумолим. Я знаю по опыту, что подобная царапина может превратиться в смертельную рану, если ею пренебречь. Луна, подай немного корпии... Я перевяжу вам раны, чтобы предотвратить нагноение. Ведь это мой долг: я так обязан вам; без вас этот индеец непременно ускользнул бы от нас.

— А без вас он наверное убил бы меня, — улыбаясь возразил молодой человек.

— Правда, что без меня вам было бы трудно справиться. Не так-то легко отразить удар копья прикладом ружья, но вы и тут не сплеховали. Неудивительно, что при вторичном нападении вы прибегли к пистолету, я сделал бы то же на вашем месте. Но лучше всего то, что вы счастливо отделались! Дня два только поносите перевязь. Луна, дай-ка твой пояс.

Но Генри отказался от великолепного шелкового пояса, который молодая девушка начала было развязывать.

— Вот вам платок, господин Галлер, — сказал Гарей, которому, видимо, неприятно было, что Луна лишает себя части убора ради незнакомого человека.

Хотя Генри отлично понял побуждение Гарей, но, тем не менее, предложил охотнику взамен платка маленький револьвер в подарок.

Это была драгоценная вещь, и Гарей с благодарностью при-

нял ее, хотя улыбка Луны была для него гораздо дороже подарка.

Эль-Соль ничем не обнаружил неудовольствия; он даже сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжал перевязку.

— Через два дня вы будете молодым. Что же касается Моро, господин Галлер, то это отличнейший конь, только прибор на нем плох, особенно мундштук. Неудивительно, что вы не захотели его продать.

Разговор этот велся на английском языке, которым Эль-Соль владел в совершенстве. С Сэгином он говорил по-французски как истый француз. Генри все более и более поражался гибкости его ума и манерам.

После всех пережитых волнений охотники наши вспомнили, что они ужасно голодны. Вернулись к лагерю в надежде найти остатки мяса, но там их ждало разочарование: волки воспользовались их отсутствием и все подобрали. Не только от бизонов ничего не осталось, но и самый труп диггера представлял один скелет.

13. ХИТРОСТЬ БЕЗУХОГО

Сэгин собрал свой отряд, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он не забыл поставить на скале стражу, которая предупредила бы их в случае появления индейцев.

Положение было незавидное. Исчезновение вождя навахо не могло пройти незамеченным, его наверняка должны были начать разыскивать. Встреча же с неприятелем, гораздо более многочисленным, была бы гибелью для отряда. Некоторое время Сэгин стоял молча, обдумывая положение дела, охотники почти-тельно выжидали.

— Товарищи, — начал он, — нехорошо, что мы овладели этим навахо. Но мы не могли поступить иначе, — дело кончилось бы, пожалуй, хуже. Нужно тщательно взвесить все обстоятельства. Навахо вернутся, — это очевидно. Мы не можем укрыться от них в горах, не можем также пересечь военную дорогу, по которой они ехали.

— Отчего бы нам не пойти на соединение с нашим отрядом? Мы можем идти в обход, минуя их тропу, — сказал один мексиканец.

— Да, — сказал Гарей, — а потом встретиться лицом к лицу с врагами в виду их города? Немногие потом будут в состоянии рассказать, что они видели.

— Почему же мы должны их встретить? — возразил мекси-

канец. — Убедившись в исчезновении Дакомы, они вернутся назад, к своим товарищам.

— Это верно, — сказал Сэгин, — они вернутся назад по военной дороге. Но нельзя нам идти в том направлении, которое вы указываете. Я знаю местность. Здесь нет совсем дичи, и прежде, чем мы минем Мимбры, мы умрем с голоду.

— Воды также нет, — прибавил Гарей, — мыши — и той нечем было бы утолить жажду.

— Необходимо, — продолжал Сэгин после минутного размышления, — все-таки пересечь их военную дорогу и идти к Приэто, или нам следует отказаться от похода.

Мысль отказаться от похода испугала всех и заставила работать все головы; один за другим предлагались планы, но все были несовершенны и потому отклонялись. Во время этих споров старый Рубэ не проронил ни слова, он сидел нагнувшись и чертил на земле какие-то фигуры.

— Что это ты делаешь, кожаный мешок? — спросил его Гарей.

— Плохо стал я слышать теперь, но, кажется, кто-то сказал, что если мы ступим на путь индейцев, то через два дня они уже настигнут нас. А ведь недурно было бы обмануть их.

— Ну, что ж ты придумал для этого, старый шут? — спросил Санчес.

— Молчи, дурак! У тебя язык точно хвост у бобра.

— Рубэ, — сказал Сэгин, — если ты что придумал, так скажи, — я, сознаюсь, не вижу выхода.

— С удовольствием, капитан. Можете принять или не принять мое предложение — как угодно. Но если вы примете мой совет, ни апачи, ни навахо по крайней мере неделю не найдут наших следов. Пускай мне уши отрежут, если не так.

Эта любимая шутка старого охотника по обыкновению рассмешила слушателей.

— Прежде всего, я уверен, что ранее двух дней они не станут искать пропавшего.

— Почему?

— Вы знаете, что он второй вождь, следовательно, могут обойтись и без него. Кроме того, он позабыл свой лук, а это в глазах индейцев очень плохой признак.

— Верно, — прервал его Гарей.

— Ну, так вот, я готов побожиться, что когда он возвращался в лагерь, он никому ничего не сказал, — напротив, постарался скрыть, если возможно, причину.

— Весьма вероятно, — сказал Сэгин. — Продолжай, старый приятель.

— Больше того, я утверждаю, что он запретил им следовать за собою, чтобы они не могли узнать, в чем дело. Если бы там было известно, что он потерял, он мог бы послать кого-нибудь другого. Не подлежит сомнению, что отряд, которым он командует, вернется сюда, но это случится не ранее как через три-четыре дня.

— А на следующий день они уже будут гнаться по нашим следам.

— Да, если мы будем так глупы, что оставим им следы.

— Как же избежать этого?

— Это не труднее, чем дерево срубить.

— Но как же? Как? — спросили все в один голос.

— Должно быть, капитан, неудачный скачок за индейцем повредил ваши мозги. Иначе вы посмеялись бы над этими простачками, как это они не могут догадаться, в чем дело.

— Признаюсь, — улыбаясь, сказал Сэгин, — и я недоумеваю, каким образом вы хотите обмануть индейцев.

— Хорошо, — сказал старый охотник, довольный тем, что перешеголял всех в изобретательности. — Младенец скажет вам сейчас, как сбить их с толку. Вы видите колчан индейца. В нем сколько угодно стрел. Нужно кому-нибудь из нас сесть на мустанга Дакомы, перерезать дорогу и воткнуть стрелы концами к югу. И если навахо не поедут по этому следу вплоть до соединения с апачами, я готов отдать свой скальп за щепотку самого последнего кентукского табаку.

— Ура старому Рубэ! — закричали все.

— Индейцы не будут знать, почему он избрал именно этот путь, а все-таки его следов не бросят. А мы тем временем выберемся из этой проклятой засады и вернемся к своим.

— Превосходно! Лучшего и придумать нельзя!

— Товарищам нашим незачем проходить этим местом, они могут пересечь путь индейцев повыше, близ Гилы, и соединиться с нами по ту сторону горы, где мы найдем дичь в изобилии.

— Все это отлично придумано, — сказал Сэгин, — как в общем, так и в частности. Я с вами вполне согласен. Теперь у нас до заката солнца времени часа два, — чем нам заняться, Рубэ?

— По моему мнению, следует прежде всего послать кого-нибудь к нашим товарищам, чтобы известить их о положении дела.

— Санчес, у вас хорошая лошадь, — сказал капитан, — и вы хорошо знаете местность; скачите к нашим. Вы найдете нас на север от горы; если вы будете ехать всю ночь, то к утру присоединитесь к нам.

Санчес, не говоря ни слова, вскочил на лошадь и ускакал.

— К счастью, — сказал Сэгин, — индейцы так изрыли всю эту местность, что невозможно заметить следы последней стычки с Дакомой.

— Об этом нечего беспокоиться, — возразил Рубэ. — Но вот что: нам необходимо избрать каменистую тропинку, чтобы обогнуть гору. Еще я посоветовал бы убрать тело несчастного диггера, иначе вид его возбудит подозрение.

— Зароем его в землю, — предложил кто-то.

— Вот еще! Взрыть землю, чтоб тут-то и стали искать. Лучше сжечь.

Так и порешили. Уничтожили следы крови на камнях и сожгли то, что осталось от тела на одном из костров.

— А теперь нужно заняться стрелами, — сказал старый охотник. — Мы с Гареем так их воткнем, что непременно собьем с толку индейцев. Нам придется для этого сделать около трех миль, но мы вернемся, капитан, прежде чем вы успеете сделать необходимый запас воды,

— Отлично, вот вам колчан.

— О, нам его не нужно: достаточно четырех стрел, — сказал Рубэ. — Остальные пригодятся в охоте за волками, так как лучшей дичи мы не встретим раньше, как за Пиноном. Поймай-ка мне, Гарей, мустанга индейца. Хороший конь! Но из этого вовсе не следует, что я променял бы на него свою старую кобылу. Возьми также страусовое перо со шляпы индейца. Нужно еще одеяло... Да постойте же, не говорите все разом.

— Вот одеяло, бери мое! — закричали со всех сторон охотники.

— Довольно будет и одного, да еще мое и Гарей — вот и все три. Теперь, Гарей, поезжай по военной дороге на сто сажений вперед, и пусть следы твои будут самые явственные. Нашпори-вай лошадь, а временами пускай ее в галоп.

Гарей послушно выполнил все, что ему было приказано, и остановился в ожидании новых приказаний.

Между тем Рубэ взял стрелу, прикрепил к ее зубчатому концу пучок страусовых перьев и воткнул стрелу в жердь, оставшуюся после индейцев. Стрела была обращена к югу и должна была непременно обратить внимание индейцев. Затем Рубэ пошел вперед, осторожно держась в сторонке, и, дойдя до Гарей, воткнул в землю вторую стрелу, острием в ту же сторону. Затем он приказал Гарее проскакать еще две или три мили, а сам следовал за ним, держась опять-таки несколько в стороне от дороги. Проехав назначенное расстояние сначала галопом, потом шагом, Гарей остановился.

Рубэ дошел до него, разостлал поперек дороги три одеяла и велел Гарей сойти с лошади и вести ее по направлению к востоку через дорогу, заставляя осторожно переступать с одного одеяла на другое. Так как лошадь одновременно ступала на два одеяла, то третье было свободно, и Рубэ быстро и искусно передвигал его вперед. Таким образом заставили лошадь пройти сотню шагов вглубь долины, после чего Гарей захватил одеяла и поскакал к отряду.

Рубэ вернулся на дорогу, воткнул третью стрелу в том месте, где лошадь свернула в сторону, прошел еще около полумили к югу, воткнул там четвертую стрелу, и тогда вернулся к своим. Хитрость должна была удалась, так как ложные следы были расположены мастерски.

Со своей стороны, Эль-Соль не остался в бездействии. Он убил несколько волков, которых охотники успели разделать. Все бывшие при них сосуды были наполнены водой, Дакома привязан к спине мула, ждали только возвращения Рубэ.

Сэгин решил оставить двух охотников на вершине Пинона. Один из них должен был смотреть в трубу на линию горизонта, другой — заботиться о пропитании товарища и лошадей. При приближении индейцев им следовало спуститься к подножию горы, удостовериться в принятом индейцами направлении и тогда только во всю прыть скакать к отряду.

Когда Гарей и Рубэ вернулись, все распоряжения были уже сделаны, отряд двинулся обходом к подножию горы. Тут была каменистая тропа, на которой копыта лошадей не оставляли никакого следа, по ней и двинулись к северу, почти параллельно военной дороге.

Миль двадцать проехали, прежде чем добрались до места, назначенного для соединения с большим отрядом. Это было на берегу маленького источника; тут была и трава для лошадей, и сухие ветки для костра. Большой отряд прибыл только наутро, проведя в пути всю ночь.

Так как ни у того, ни у другого отряда не было запасов провизии, то и нельзя было дать здесь большого отдыха лошадям. Пришлось сейчас же пуститься в дальнейший путь через горный проход, чтобы искать дичи по ту сторону горы.

Около полудня они очутились в долине с густой травой и рощами. Всюду виднелись следы дичи, утопанные тропинки, обломки рогов и так называемое коровье топливо — остовы животных, которые жгут за неимением другого топлива.

Отряд остановился. Кругом в изобилии были плоды кактуса, красные и желтые, дикие груши, ягоды и корни, которыми наши охотники с наслаждением поужинали. Но ужин этот, со-

стоявший исключительно из растительной пищи, не мог удовлетворить некоторых желудков, так что после двухчасового отдыха часть охотников отправилась на поиски дичи. Рубэ служил проводником и шел во главе этого отряда; час спустя он обернулся к Сэгину со словами:

— Капитан, вот свежий след.

— Можете вы сказать, скольких животных?

— Это целое стадо, штук в пятьдесят по крайней мере. Впереди должна быть поляна, где они теперь пасутся.

— Стойте, господа, — сказал Сэгин, — тише! Рубэ, ступайте вперед, я за вами. Мы вдвоем выследим дичь.

— Могу я к вам присоединиться? — спросил Генри, благодаря медицинской помощи Эль-Соля, он вовсе не чувствовал боли от двух своих ран.

Все трое медленно стали продвигаться вперед, пробираясь сквозь чащу. Наконец они увидели перед собою поляну, довольно обширную, обрамленную густым лесом. В середине возвышалась купа деревьев, а ряд ив доказывал присутствие около них воды.

Бизоны бродили в разных направлениях, иные — мокрые от принятой только что ванны.

— Можно ли будет подойти к ним так, чтобы их поймать? — спросил Сэгин у Рубэ.

— Да, — сказал старый охотник, — мы можем подойти к ним совсем близко, прычась за кустами.

— И все-таки они уйдут от нас, потому что поляна мала, и при малейшем шуме они успеют скрыться в лесу.

— Совершенно справедливо.

— Как же их добыть в таком случае?

— Надо их окружить.

— Так. В каком направлении дует ветер?

— Ни в каком. Воздух так же неподвижен, как индеец, с которого сняли скальп, — сказал старый охотник, сделав обычный опыт с пером. — Значит, нечего бояться, что бизоны нас учуют, а народу у нас достаточно, чтобы окружить их.

— Живо за дело! — воскликнул Сэгин. — Рубэ, вы разместите половину людей, я размещу другую. Генри, вы можете остаться на своем месте, — оно не хуже всякого другого. Когда я дам сигнал, вы двинетесь вперед, соблюдая осторожность. Нам ведь нужно беречь себя для предстоящего большого дела. Лучше поэтому лишиться бизона, нежели получить рану. Итак, берегите себя, милый мой, ради себя и... других.

Последние слова Сэгин произнес с улыбкой, и удалился. Молодой человек, оставшись один, предался приятным мечтам.

Прошло с четверть часа, он вспомнил, где находится, и вернулся к действительности: осмотрел заряд у ружья и надел новые капсюли. Силы его успели восстановиться, и хотя он решил следовать совету Сэгина, однако и бездеятельным не хотел оставаться. Он стал намечать себе жертву.

Бизоны не чужали опасности и спокойно паслись на лугу. Только один старый вожак время от времени встряхивал густой гривой, нюхал воздух и сердито стучал копытом по земле, выражая этим свое беспокойство.

Генри думал, как хорошо было бы, если бы охота удалась и их существование надолго было бы обеспечено. Вдруг он увидел молодого бизона, выходявшего из лесу и направлявшегося к стаду. Генри удивился как могло молодое животное очутиться так далеко от стада, тогда как обыкновенно телята, из страха пред волками, держатся при матерях.

Бизон двигался медленно, с трудом, точно раненый; это не мешало ему, однако, благополучно миновать волков, сидевших у опушки леса.

«Вот так славная дичь!» — подумал Генри и посмотрел кругом, не смыкается ли цепь охотников.

Но ничего не было заметно: очевидно, охотники не успели в полчаса объехать поляну. Генри стал вычислять в уме:

«Поляна в диаметре полторы мили, окружность ее втрое больше; допустим, что это четыре с половиной мили. Ранее часа и не может быть сигнала. Значит, надо еще подождать. Но почему бизоны ложатся? Во всяком случае, это хорошо: значит, наша дичь не собирается бежать. Один, два, три... вот уже шесть штук улеглось... теперь восемь. Они странным образом валятся, точно раненые. Еще двое; скоро они все полягут, и тогда нам легко будет напасть на них. Вот подходящий момент для сигнала».

Генри плохо знал нравы и обычаи диких бизонов, тем не менее он был удивлен тем, как эти бизоны ложились наземь. Высокая трава и кустарник мешали ему наблюдать за животными, он видел только мохнатые плечи и изредка дергающиеся ноги. Наконец последний бизон повалился, и тотчас же раздался сигнал. Генри пришпорил коня и помчался вперед. Одновременно с разных концов показалось человек пятьдесят охотников.

Для Генри было вопросом чести выстрелить первым. Он скакал, держа ружье наготове. Но когда он подъехал ближе, его сильно поразило то обстоятельство, что бывшее перед ним животное лежало совершенно неподвижно. Хотя стрелять при таких условиях не представляло интереса, он все-таки начал целиться.

Вдруг он увидел на животном кровь, с ужасом опустил он ружье и хотел сдержать лошадь. Однако Моро послушался не сразу и остановился только тогда, когда въезжал в самую середину неподвижного стада. Всадник был ошеломлен: перед собою, вокруг себя он видел ручьи крови!

Другие подоспевшие охотники тоже недоумевали. Перед ними издыхали бизоны, некоторые бились в предсмертных судорогах. У каждого была рана на шее, из которой текла густая кровь.

Восклицаниям не было конца.

— Ведь это же не может быть делом рук человеческих? — спросил Генри.

— Конечно, нет, — ответил Рубэ, — если не считать краснокожих за людей. Это шутка индейцев, и Младенец ручается... Да вот он! Вот!

Рубэ стал целиться. Генри невольно посмотрел по направлению ружья и увидел что-то двигавшееся по земле.

«Это бизон в судорогах, — подумал Генри. — Ах, да это теленок, который только что присоединился к стаду».

В то же мгновение животное встало на задние лапы и испустило человеческий крик. Мохнатая оболочка спала, и из нее показался индеец, делавший отчаянные жесты руками.

Генри стало жаль его, но было поздно склонять к пощаде старого охотника. Раздался выстрел, пуля попала в темную грудь индейца, и он упал замертво.

— Эх, Рубэ, — сказал Гарей, — отчего ты не дал ему времени содрать кожу с убитой дичи! Ведь он избавил бы нас от лишнего труда.

— Поищите-ка, молодцы, — сказал Рубэ, — за этими деревьями, наверно найдете там другого такого теленка. Я же пока сдеру скальп с этого.

Генри поспешил удалиться от этой ужасной операции. Проезжая мимо убитого индейца, он увидел у него массу окровавленных стрел, ими были нанесены раны бизонам.

Между тем Рубэ, снимая скальп, рассуждал про себя:

— Пятьдесят долларов за скальп! Это выгоднее, чем охота за бобрами. Посмотрим, к какому ты племеней принадлежишь. Да никак это апач! Ура, братцы!

— Неужели? — воскликнул кто-то из охотников.

— Верно! Это из тех самых негодяев, что отрезали Младенцу уши. Клянусь, я им жестоко отомщу, чтобы впредь неповадно было. Это шестой, — прибавил он, прикрепляя скальп к поясу.

После этого старик сделал должную зарубку на прикладе ружья, также шестую, но зарубки в этом ряду означали только убитых апачей...

Рассматривая странную запись, Генри увидел еще несколько рядов насечек и пришел в ужас от этой массы пролитой человеческой крови.

14. ОБЛАВА НА ЛЮДЕЙ

Треск нового ружейного выстрела привлек внимание Генри к тому, что происходило на поляне. В течение нескольких минут он отворачивался от жестокой операции, производившейся над только что убитым индейцем; теперь он обернулся. Сначала он увидел только расстилавшийся пороховой дым и не мог понять, во что стреляли. От тридцати до сорока охотников окружили купу деревьев и кустов среди поляны, сидя неподвижно на лошадях и образуя неправильный круг. Они были на таком расстоянии от деревьев, что пущенные оттуда стрелы не могли их достать.

Ясно, что убитый индеец был не один, несколько его товарищей прятались тут же. Во всяком случае, их не могло быть много: кусты могли скрыть не более дюжины индейцев. Их-то и выслеживали охотники.

Картина эта напоминала Генри облаву, но, к великому его ужасу, обложены были люди.

Молодой человек многозначительно взглянул на Сэгина, как бы умоляя его запретить эту ужасную охоту. Сэгин с выражением страдания отвернулся и поник головою. Генри стало ясно, что начальник стыдится того дела, которому так охотно предаются его подчиненные, но роковая необходимость требовала истребления всех оказавшихся здесь индейцев, и было бы совершенно бесполезно со стороны Генри настаивать на прекращении этой возмутительной травли. А что до самих охотников, то они только посмеялись бы над чувствами, волновавшими Генри. Они делали свое дело, и делали с удовольствием — охотились за преследуемой дичью. Генри понял это и молча ждал конца кровавой драмы.

— Что там такое? — спросил один из мексиканцев ирландца Барнея, сделавшего выстрел.

— Краснокожий, — ответил тот.

— Где ты его видишь? Тебе приснилось! — закричал ему соседний охотник.

— Да ты уж не свою ли рожу увидел в ручье, да и выстрелил в нее? — заметил кто-то.

— Может быть, он увидел черта!

— А правда, братцы, я видел в кустах что-то очень похожее на черта и выстрелил.

— Слышите, Барней убил черта! Ха-ха-ха!

— Полно врать, никого он не убил и никого там нет, — сказал другой охотник, подвигаясь к опушке. — Готов об заклад побиться...

— Та-та-та, не так поспешно, — возразил Гарей. — Не надо доверять коварным краснокожим. Видел ли кого Барней или нет, — во всяком случае, дичь в кустах есть. Надо подходить с осторожностью. Берите пример с меня!..

Говоря это, молодой охотник слез с лошади и, прячась за нее, направил ее зигзагами к опушке. Туловище его было прикрыто лошадью, на седле лежало ружье дулом вперед. Многие последовали его примеру. Мертвая тишина наступала по мере того, как круг делался все уже. Вскоре они вплотную оцепили островок, ни одна стрела не свистнула. Неужели там и впрямь никого не было? Люди смелее вступили в лесок. Послышался треск сухих сучьев. Вдруг раздался возглас:

— Барней, ура! Убитый краснокожий! Ура, старый служака! Поди-ка погляди, кого ты подстрелил.

— Ну, молодец, Барней, ты убил — твоя и добыча; иди, снимай скальп.

— Зачем? — отозвался Барней.

— Как зачем? Глупый, да ведь тебе награда будет, пятьдесят долларов.

— Неужели это стоит таких денег?

— Ну, ну, иди, нечего разговаривать.

— Братцы, не возьмется ли кто из вас сделать это вместо меня? — сказал сконфуженный Барней.

Бедняк не радовался своей удаче. В гарнизоне он, вероятно, во многом был грешен, а вот человеческой кровью все-таки не торговал.

Охотники обыскали лесок и никого более не нашли; однако на земле валялся третий лук, — значит, был и третий индеец, может быть, и еще.

— Ищите в ивняке у берега! — крикнул капитан.

Часть охотников направилась к воде. Это оказалось небольшое болотце. Вода в нем была мутная, берега испещрены следами бизонов. Впереди охотников был Рубэ, как всегда самый внимательный и расторопный. Оглядываясь во все стороны, он готовился зарядить свой карабин, но вдруг быстро обернулся к находившемуся подле него Барнею и тихо сказал:

— Давай мне свое ружье скорей!

Ирландец тотчас передал ему свое заряженное ружье в об-

мен на пустой карабин. Рубэ сделал вид, что целится поверх болота, затем быстро обернулся и выстрелил в другую сторону, в верхушку одного дерева. Ветви и сучья задвигались, и нечто сбитое с вершины стало падать по ветвям вниз. Это был подстреленный индеец.

Генри с ужасом закрыл глаза и отвернулся от этой новой жертвы, но вслед за тем раздался возглас Рубэ:

— Ах, к черту эти казенные ружья, — ведь промахнулся!

Дикарь бежал со всех ног. Рубэ с ножом в руках бросился за ним. Охотники встrepенулись и пустили вдогонку индейцу несколько выстрелов. Несчастный мало выгадывал быстротой своих ног, так как ему приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы сбить прицел.

Пока еще ни одна пуля не нанесла ему тяжелой раны, но по его бронзовому телу уже во многих местах струилась кровь.

Несколько человек бежало за ним по пятам; другие бросились к лошадям, чтобы пересечь беглецу дорогу. Лошади паслись в лесу, и только старая кобыла Рубэ бродила по полю среди убитых бизонов, как раз на пути индейца. Добежав до нее, несчастный выхватил кол, к которому была привязана лошадь и, прыгнув в седло, пустил лошадь вскачь. Выходка эта не принесла, однако, спасения индейцу. Рубэ свистнул, как обыкновенно, когда призывал к себе коня, тот услышал призыв, остановился и, несмотря на сопротивление седока, повернул назад и помчал злосчастного индейца к своему хозяину. В это время одна из пуль задела плечо лошади, она взвилась на дыбы, индеец не удержался, свалился на землю, и тут один из мексиканцев пригвоздил его своей длинной пикой.

Рубэ разразился бранью и на казенные ружья, и на индейца, и на глупых стрелков, которые целятся во врага и попадают в лошадь друга. Успокоился он только тогда, когда убедился, что рана, нанесенная кобыле, была самая легкая. Так как никаких признаков присутствия других индейцев не было, все принялись за завтрак. Разложили костры и приготовили пищу. Утолив голод, стали совещаться.

На этом совещании было решено направиться к развалинам старой миссии, расположенной всего в десяти милях. Там удобно было выждать и даже отразить возможное нападение куатеросов, к которым принадлежали трое убитых индейцев. Медлить было нельзя; с убитых бизонов сняли кожу, разделали туши на куски, живо уложили припасы и тронулись на восток.

К развалинам спешили перед закатом солнца. Лагерь расположился среди разрушенных стен; волки и совы, обитатели этих мест, бежали, испуганные людским нашествием. Среди развалин

был заглохший сад со зрелыми плодами, а потому и ужин был разнообразнее и обильнее обыкновенного: кроме мяса, были яблоки, груши и виноград. Под стеной протекал ручей, и воды было в изобилии.

После ужина все, крайне утомленные, расположились на заслуженный отдых, выставив на всех дорогах и тропинках часовых. Первая ночь прошла спокойно.

В старой миссии отряд оставался трое суток. Столько времени понадобилось для того, чтобы высушить запасы мяса и сделать их годными для перевозки и хранения. Эта стоянка была очень тяжела для Генри. Покой и бездействие пробудили дурные инстинкты охотников; грубые шутки, ссоры, скверная ругань и проклятия не сходили у некоторых с языка. Бедный Генри убежал от них в лес в сопровождении милейшего доктора Рихтера, с которым можно было углубиться в науку или воспоминания о счастливом времени, проведенном на берегу Дель-Норте.

На утро четвертого дня двое людей, оставленных для наблюдения в Пиноне, вернулись с новостями. Навахо возвращались через два дня к ручью, но были введены в заблуждение направлением стрел, и все триста, состоявшие прежде под командой Дакомы, направились к югу.

Час спустя охотники были на конях и ехали по скалистому берегу Сан-Педро. После длинного дневного перехода они достигли пустынных берегов Гилы; на ночь расположились лагерьм подле этой реки, среди знаменитых развалин. Это была вторая стоянка ацтеков во время их выселения.

За исключением капитана, Генри, доктора и Эль-Соля, никто не заинтересовался этими замечательными древностями. След бурого медведя заинтересовал охотников гораздо более, чем найденные в развалинах старинная посуда и иероглифические надписи. Медведями занялись, двоих убили и съели за ужином.

На четвертый день после того, как отряд покинул Гилу, он дошел до поперечной гряды, под которой река Сан-Карло прорыла себе подземный ход. Идти далее по течению реки оказывалось неудобным, так как для этого предстояло перейти гору, преграждавшую им дорогу. Сэгин объявил людям о своем намерении оставить реку и повернуть на восток,

Охотники встретили это известие радостными криками: «ура!» В их воображении замелькало золото. Как только спал дневной зной, отряд двинулся в путь с намерением уже не останавливаться, пока не дойдет до воды.

Шли всю ночь и наутро вступили в бесплодную пустыню, где ни деревца, ни травы, а, следовательно, и воды не было в помине.

Перед ними виднелась вдали горная цепь, а за нею другая со снежными вершинами. Не было сомнения, что со снежных вершин должна струиться вода; но какое страшное расстояние отделяло их от подошвы этих гор! Если вода не встретится ранее, отряд может погибнуть от жажды.

Обозревая окружающие горы, Генри заметил впереди широкое отверстие, как бы проделанное в снеговых горах. Там ему почудилась полоса какого-то желтоватого цвета; чем более вглядывался он в эту полосу, тем явственнее замечал разницу между окружающим видом и панорамой впереди. Там не было соды на земле, воздух был чище, прозрачнее. По мере того, как отряд приближался к горам, местность впереди в глазах Генри принимала более определенный вид. Вместо белой глянцевитой содовой почвы он видел зелень, траву и среди зелени — прекрасные деревья.

— Хлопчатник! — закричал он.

— Нет, это огромные сосны, — заметил Гарей, — и уж, конечно, там должен быть ручей.

— Да вы посмотрите! — кричал третий. — Вон дом стоит!

— Дом! Скажи: дома! Да это целый город! — закричало несколько голосов. — Ура!

Генри ехал с Сэгином впереди; восклицания эти заставили его остановиться. Остановился и Сэгин. Они только что обогнули угол скалы и выехали на более открытое место. Что это? Перед ними блеснули стены зданий — целый город! Ряд башен, крыши домов, какое-то громадное здание с куполом, возвышавшимся надо всем городом.

Генри думал, что это призрак, игра воображения, мираж. Он протирает глаза, опять смотрел и уже совершенно ясно видел очертания домов и башен. Видел окна, двери, трубы, некоторые дома казались укрепленными...

Что же это? Уж не Чиболо ли, — город, про который рассказывают испанские миссионеры, уж не это ли город с золотыми воротами? Генри видел, что Сэгин разделяет его недоумение. Тот, действительно, был в большом затруднении: существует ли город на самом деле или только в их воображении?

Отряд невольно остановился на подходе к городу, ошеломленный открывшимся видом; но потом, мучимый жаждой, бросился вскачь. Проскакав минуту, всадники опять остановились, как вкопанные. У стен города стояли полчища вооруженных людей. Из груди охотников вырвался общий крик:

— Индейцы! Индейцы!

— Конечно, индейцы, — сказал капитан, — белых в этой стороне нет. Но какие индейцы, вот вопрос!.. У краснокожих нет

и не было таких громадных лошадей и ружей, да и самые люди... ведь это гиганты... если только не привидения!

А доктор, между тем, тихонько посмеивался над переполохом охотников. Генри поймал его улыбку, отрезвился, вспомнил описания подобных явлений и, чтобы убедиться окончательно, что перед ним не что иное, как мираж, поднял руку; всадник, стоявший перед ним, сделал то же. Он поскакал вперед — гигант спешил к нему навстречу. Но тут Генри, очевидно, выступил из пучка преломленных лучей, и гигант исчез, растаял.

Город тоже растаял. На месте его явились склоны и отроги гор, и, к большой радости охотников, на месте гигантских деревьев показались кусты ивняка. Под этими кустами извивался крошечный серебристый ручеек. Лошади заржали, почуяв воду, и через несколько минут и люди, и лошади утоляли мучившую их жажду.

15. ЗОЛОТАЯ ГОРА

После утомительного перехода охотники нуждались в хорошем отдыхе, поэтому у ручья провели целую ночь и весь следующий день. Но вперед манила река Приэто, сказочная река, несущая будто бы в волнах своих золотой песок. И на следующий день вечером охотники уже расположились на берегу желанной реки.

Приэто протекала в местности пустынной и гористой. Быстрым течением пробивала она себе дорогу, почти на всем протяжении берега ее были неприступны. Вода в реке была мутная, черная. Где же золотой песок?

Пройдя немного вдоль берега, отряд остановился в таком месте, где течение было медленнее и берега не так круты. Охотники, не отдохнувши, бросились к реке, набрали в горсти песка, начали его растирать и промывать в своих чашках, — ни крупцы золота.

Топорами стали отбивать от скал куски кварцевой породы, — но и тут полная неудача. Золота — не было и в помине. Где же оно? «Должно быть, севернее», — решили охотники.

А между тем вышел приказ идти дальше по берегу. С явным неудовольствием сделали еще по течению целый переход и остановились в таком месте, где спуск к реке был не так крут и лошадей можно было подвести к воде. Охотники опять бросились искать и опять ничего не нашли.

Золотые россыпи, должно быть, остались позади. Верно, капитан нарочно увел их от реки Сан-Карло, боясь, что поиск и добывание золота задержит людей и замедлит поход. Капитан

ведь заботится только о своих выгодах, а что люди его вернутся такими же нищими, какими были, ему и горя мало.

Таков был ропот, раздавшийся в лагере, и страшные проклятия произносились иногда в присутствии самого капитана. Сэгин делал вид, будто ничего не слышит. Это был один из тех сильных характеров, которые могут многое вынести, добиваясь своей цели. Как все креолы, он был вспыльчив и раздражителен от природы, но несчастье победило характер и выработало в нем хладнокровие, необходимое вождю такой армии. Когда же он начинал карать, то становился опасным, и охотники за скальпами отлично знали это его свойство. Теперь же он не удостоивал даже рассердиться на них.

Задолго до восхода солнца люди уже скакали к крутым берегам Приэто. Невдалеке от ночной стоянки были замечены огни, — по всей вероятности, это было селение апачей. Надо было пройти мимо них незамеченными, следовательно, двигаться без шума и только ночью, а днем пережидать в укромных местах.

Как только взошло солнце, отряд остановился в глубоком овраге. Несколько человек вскарабкались на возвышенное место, откуда хорошо просматривалась местность. Позади оврага, в стороне виднелись струйки дыма над индейской деревней, а потому отряд после краткого отдыха двинулся дальше по широкой долине, покрытой шалфеем и кактусами.

Скоро охотники выехали на какую-то индейскую дорогу и тут перебрались через реку, чтобы повернуть на восток. Посредине реки остановились и досыта напоили лошадей и мулов. Несколько охотников опередили других и взобрались на крутой берег. Вдруг оттуда раздались громкие восклицания; люди кричали, махали руками и указывали на север. Что они увидали, уж не индейцев ли?

— Что там такое? — закричал им Сэгин, поднимаясь на гору.

— Золотая гора! Золотая гора! — кричали они.

Остававшиеся позади поспешили взобраться на берег. Глазам их представилась гора, блиставшая ослепительным отражением солнечных лучей. Вершина горы, даже бока ее, освещенные солнцем, отливали чистым золотом.

Охотники обезумели от радости. Вот она, наконец, та золотая гора, о которой они выслушали столько рассказов у бивуачных огней! Это не выдумка, вот она, эта золотая гора, перед ними во всем своем блеске!

Генри посмотрел на Сэгина, тот сидел на коне, поникнув головой, беспокойство отображалось на его строгом лице. Он, так же как и доктор, Генри и Эль-Соль, знал настоящую причину

этого блеска, знал, что это не более как металлоид селен, а люди принимали его за чистое золото.

Путь их не лежал через эту гору, но Сэгин хорошо сознавал, что разуверить людей ему не удастся и что обойти гору — значит вызвать открытое возмущение. Он попытался, однако, скомандовать: «Вперед!». Но люди уже повернули коней к золотой горе. Они не могли допустить, что не попадут к ней, и никакие убеждения доктора и Генри, что это не золото, а селен, не могли образумить несчастных, ослепленных блеском и алчностью; напрасно Сэгин пугал их, что надо торопиться к селениям навахо, пока их не нагнал отряд Дакомы. Все было тщетно. Тогда, выведенный из себя, Сэгин закричал:

— Пусть будет по-вашему, безумцы! Лезьте на эту пустую гору, берегитесь только, не пришлось бы вам за эту глупую жадность поплатиться жизнью. Вперед!

И с этими словами Сэгин стал во главе отряда, лицом к горе, люди восторженными криками приветствовали принятое решение. Мрачное предсказание Сэгина их нисколько не тронуло. Они торжествовали, что капитан сделал им уступку, и благодарили его за это, а он ехал вперед угрюмый, с отчаянием в душе.

После дневного перехода они подошли к подножию... Охотники соскочили наземь и стремительно полезли на гору за блестящими на ней точками. Они отбивали их томагавками, пистолетами, соскабливали ножами. Все это были слюда и селен; разочарованные охотники с яростью бросали эти камни и принимались добывать новые, а новые опять бросали. Потратив попусту несколько часов, они, наконец, бросили работу, сконфуженные возвратились вниз один за другим, сели на коней и молча последовали за капитаном, прочь от обманувшей их горы.

На это путешествие они потеряли целый день; конечно, некоторым утешением могла служить уверенность, что и индейцы по их следам так же отклонятся от прямого пути и, следовательно, тоже потеряют день. Сэгин направил отряд на юго-запад и, чтобы наверстать потерянное время, дал только небольшой отдых у ручья, стекавшего с гор, мимо которых пролегал их путь.

Еще целый день движения уже на юго-восток, и Рубэ узнал очертания знакомых гор. Они приближались к столице навахо. Ночевали на берегу одного из рукавов реки Приэто. Впереди было ущелье между двух гор, служившее ложем для этого рукава. Рубэ указал на ущелье Сэгину.

— Город навахо там, в конце ущелья.

Поздно вечером на следующий день отряд приблизился к устью ущелья. Дальше двигаться по берегу было невозможно — места были непроходимые. В реке не было брода, оставалось

подняться по крутому обрыву на высокий берег и поверху уже продолжать путь. Когда один за одним охотники, предводимые Рубэ, выбрались из ущелья, перед ними открылась цель их похода, предмет вожделений: город навахо.

— Слава Богу! Наконец-то! — сказал взволнованным голосом Сэгин. — Да поможет нам Господь совершить наше дело!

Великолепная картина открылась глазам удивленных белых. Поселение было видно все как на ладони. Оно занимало западный конец огромной овальной площадки в несколько миль длиною. Вся площадка утопала в зелени, только река серебристой лентой прорезала ее, а окрестные горы своей суровостью особенно резко оттеняли прелесть зеленого оазиса, расположенного между ними. Мрачные гранитные горы с узкими ущельями и темными кедрами на вершинах, подобно стражам, охраняли город с северной стороны. С южной стороны горы имели иной вид — это были просто нагромождения молочного кварца с отдельными острыми вершинами. Там, где сходились эти две гряды, северная и южная, стояла темная зелень хвойного леса и синела река. Около леса, на краю оазиса, была масса пирамидальных построек — это и был город навахо.

Несмотря на расстояние около десяти миль, отделявшее их от города, охотники могли различать очертания построек. На крышах некоторых домов были террасы, и на них развевались флаги. Большое строение, стоявшее отдельно, было, вероятно, храмом. При помощи подзорной трубы можно было различить человеческие фигуры, двигавшиеся по двору и террасам храма.

Люди виднелись и в городе, и на поле, они бродили между домов, пасли скот. Там и сям ходили табуны лошадей. На реке были стаи диких лебедей и гусей, одни плавали, другие отдыхали на берегу. Весь этот мирный пейзаж был мягко позолочен лучами заходящего солнца.

Любуясь этим видом, Генри с грустью думал, что через несколько часов этот мир будет нарушен, раздадутся страшные крики и начнутся все ужасы насилия.

По призыву Сэгина охотники собрались под деревом на совещание. Решался вопрос о том, как приступить к атаке города.

Сэгин решил так: приблизиться к городу ночью, а самое нападение отложить до утра. Таким способом бегство будет предупреждено, да и при дневном свете легче разыскать и узнать пленных.

Приняв окончательное решение, охотники улеглись на землю, чтобы не быть замеченными; поводья они держали в руках и стали ждать ночи.

Ночь тянулась томительно; огни индейцев гасли один за

другим, и на равнине наконец воцарилась тихая безлунная ночь. Темные облака облегали небосклон и грозили разразиться ливнем. По временам лебеди издавали нестройные крики, в лесу завывал волк. Громадные летучие мыши бесшумно прорезали воздух, в траве блестели светляки. Охотникам в полудремотном состоянии мерещились сражение и добыча.

День, давно ожидаемый, наконец настал. Человеческие фигуры двигались по террасам, завернутые в полосатые одеяла навахо: белые с черным. По большей части это женщины, молодые и старые, все с распущенными волосами, дети прыгают и резвятся подле них. Показываются также старики с белыми волосами, есть и молодые мужчины, но, очевидно, не принадлежащие к классу воинов. Они ходят взад и вперед, носят воду из колодцев, зажигают костры. Это — рабы, военная добыча индейцев.

Старики направляются к храму, за ними идут женщины и дети. Вскоре все, около ста человек, собираются на верхней террасе. Подле знамени ставят подобие алтаря. Тонкая струя дыма поднимается от зажженного костра. Звуки индейского барабана сливаются с голосами присутствующих. Вслед за пением наступает полная тишина, молящиеся стоят в глубоком молчании, лицом к востоку.

— Что означает эта церемония? — спросил Генри у Рубэ.

— Племена эти поклоняются солнцу, они приветствуют его восход.

Любопытство охотников достигло высшей степени, они не спускали глаз с духовной церемонии индейцев. Вдруг на западе заалела оконечность самой высокой вершины. Первый шаг восходящего светила. Яркий свет разливается постепенно по долине и, наконец, освещает фигуры молящихся.

— Посмотрите, капитан, — говорит Рубэ, — между ними стоят белые женщины и молодые девушки.

— Господи! — взывает Сэгин из глубины души. — Помоги мне найти ее между ними!

И с этой молитвой он подносит рожок к губам.

Призывный сигнал раздается по равнине, всадники показываются из засад, бешено скачут и вскоре окружают город широким кольцом. Только несколько человек осталось в ущелье с Дакомой и багажом.

Звук рога поразил жителей. Они видят охватывающую их цепь, и если некоторые молодые и неопытные еще могут принять это за военную игру и шутку соседнего дружеского племени, то старики, конечно, сейчас же разуверят их, они-то знают, что это сигнал белых воинов-врагов. Некоторое время от испуга и не-

ожиданности индейцы остаются без движения. Столбняк этот продолжается до тех пор, пока всадники Сэгина не достигают стен города. Тут уж все поняли, в чем дело. Всадники со страшным оружием в руках, на оседланных лошадях, — это враги, это бледнолицые!

Индейцы мечутся по улицам, те, что несли воду, бросают кувшины и с криком разбегаются по домам. Они влезают на крыши и убирают за собой лестницы. Жены и дети выпускают раздирающие душу крики, ужас виден во всех их движениях.

А между тем круг всадников становится все теснее. Команда приближается к воротам города, оставляет тут несколько человек, остальные, с Сэгином, Генри и Рубэ во главе, смело идут вперед и останавливаются у самого храма.

Старики-индейцы стоят еще на крыше, в ужасе они дрожат как дети.

— Не бойтесь ничего! Мы пришли к вам друзьями! — кричит им Сэгин на их родном языке.

Но голос его не может заглушить раздирающих криков, разносящихся с одной террасы на другую. Сэгин повторяет свои уверения, сопровождая их соответствующими жестами. Старики подходят к краю террасы. Один из них — должно быть старший, его седые волосы падают до пояса, металлические украшения блестят в ушах и на груди. Он подает знак рукой, и все кругом смолкает, затем он наклоняется с террасы и кричит по-испански:

— Amigos! Amigos! (друзья! друзья!)

— Да, мы ваши друзья, — отвечает на том же, понятном всему отряду, языке Сэгин. — Вам нечего нас бояться. Мы не сделаем вам ни малейшего зла.

— Да и за что могли бы вы нам сделать это? Мы находимся в дружбе со всеми белыми Запада. Мы — дети Монтесумы. Мы — навахо. Что вам нужно от нас?

— Мы пришли за нашими женами и дочерьми, которых вы держите у себя в плену.

— Вы ошибаетесь, у нас нет белых пленниц. Те, которых вы ищете, находятся далеко на юге, у апачей.

— Нет, они здесь. У меня точные сведения на этот счет. Мы совершили трудный поход, чтобы выручить их, и без них отсюда не уйдем.

Старик оборачивается к своим, обменивается с ними знаками и потом говорит с торжественностью в голосе:

— Верь мне, господин вождь, тебе дали ложные указания. У нас в городе нет бледнолицых невольниц.

— Ах, ты, старый бесстыжий лгун! — кричит Рубэ, снимая с головы волосяной парик. — Посмотри-ка сюда: узнаешь или нет старого Младенца, узнаешь?

Голый череп напомнил индейцам историю о снятом с живого зверолова скальпе. А между тем охотники с угрожающим видом заряжают свои ружья. Этот наглый обман их раздражает, они уверены, что белые женщины находятся тут.

— Старик, — строгим голосом говорит Сэгин, — ничего ты этими увертками не выгадаешь. Если вы хотите спасти ваши головы и ваш город от разорения, выдайте нам наших женщин.

— И как можно скорее, — прибавляет нетерпеливый Гарей, поднимая свой карабин, — или я разможу твою старую голову.

— Терпение, друзья! Мы покажем наших белых женщин, и вы увидите, что это не пленные. Это наши дочери, дети Монте-сумы.

Индеец спустился в другой этаж храма, скрылся в двери и через минуту появился с пятью женщинами в индейских костюмах. Черты их лиц явно свидетельствовали о их испанско-мексиканском происхождении.

Три из них тотчас были узнаны некоторыми из охотников. Услышав восклицания: «Пепа, Рафаэла, Хесусита!» — они бросились к барьеру, простирая руки к своим мужьям и братьям. Они плакали от радости и благодарили своих избавителей.

— Спускайтесь, спускайтесь к нам! — кричали охотники.

Молодые женщины не могли сами поставить лестницы, они глядели на своих хозяев, а те стояли неподвижно, нахмутив брови, скрежеща зубами и сознавая свое бессилие.

— Поставьте лестницы и дайте спуститься белым женщинам, да поскорее, а то, клянусь, я перебью всех, сколько вас тут есть! — крикнул нетерпеливо Гарей.

Индейцы повиновались, приставили лестницы, и три женщины очутились в объятиях своих родных. Две остались неузнанными; они стояли на верхней террасе. Сэгин не мог совладать со своим нетерпением. Он полез с одной лестницы на другую, за ним последовало несколько охотников. Сэгин подошел к пленницам, они вскрикнули и отшатнулись от него. Он с трепетом вглядывался в их лица. Он вызывал в своей памяти воспоминания далекого прошлого, ждал, что кровь родительская и дочерняя заговорит — но никакой знакомой черты в этих двух лицах не находил. Одна была слишком стара, другая — отталкивающе дурна собой.

— Боже мой! — восклицал Сэгин. — Неужели я не найду ее? У нее было на руке родимое пятно... Нет, не может быть, чтобы это была моя дочь.

Тем не менее он бросился к молодой девушке, схватил ее за руку, отвернул рукав, посмотрел и, не найдя родимого пятна, подбежал к старому индейцу... Тот в ужасе отступил пред грозным видом Сэгина.

— Здесь не все! — крикнул он громовым голосом. — У тебя где-то спрятаны еще. Веди их сюда сейчас, старик, или я раздавлю тебя.

— У нас здесь нет болес бледнолицых, — отвечал с уверенностью старик.

— Ты лжешь, и за это поплатишься жизнью. Рубэ, сюда! Уличи этого обманщика!

— Ты лжешь, — сказал зверолов, — ты лжешь, старый плут! Если ты не выдашь ее нам, твои белые волосы недолго останутся на твоей голове. Где она, ваша молодая царица?

— На юге, далеко отсюда.

— Боже милосердный! — вскричал в отчаянии Сэгин.

— Капитан, не верьте ему. Это мошенник и плут. Вы слышали, как он отрицал существование бедных пленниц... Молодая девушка слывет у них царицей тайн, она помогает старому греховоднику в его шарлатанстве при поклонении солнцу. Ему очень не хочется лишиться ее, но она здесь и хорошо спрятана, — в этом я уверен.

— Товарищи! — крикнул Сэгин, наклонясь через перила. — Обыщите все дома, шарьте всюду, выведите всех женщин, старых и молодых. Ни одной щели не пропустите. К лестницам! Скорее к лестницам! Разыщите мне мою милую дочь!

16. РУБЭ СВОДИТ СЧЕТЫ

Охотники завладели всеми лестницами, обежали все дома и вывели оттуда всех жителей. Кое-где старые воины и молодые индейцы-рабы, возмущенные нападением белых, оказывали сопротивление; все они заплатились жизнью и скальпами. Всех жителей привели или, вернее, пригнали к храму. Сэгин внимательно рассматривал женщин. По мере того, как они подходили, он снимал с них покрывала и открывал их смуглые лица; были тут и молодые и красивые, но ни в одной из них он не признал своей Адели. По большей части это были красавицы индейской расы, они с суеверным ужасом смотрели на бледнолицых.

Генри видел, какое отчаяние отразилось на лице Сэгина после этих неудачных поисков. В голове молодого человека мелькнула новая мысль, которую он и поспешил сообщить капитану.

— Расспросите освобожденных пленниц, — сказал он.

— Ах, да, вы правы, я совсем потерял голову сегодня, — ответил Сэгин, — именно тогда, когда почти достиг своей цели. После стольких лет труда и мук...

Они оба подошли к пленницам, и Сэгин по возможности подробно описал свою потерянную дочь Адель.

— Это, должно быть, «царица тайн».

— Она в городе?

— Я видела ее сегодня утром перед вашим приходом; старый жрец торопил ее войти. Он, верно, спрятал ее где-нибудь.

— Где же? — вскричал Сэгин с ужасом. — Ведь это моя дочь! Я знаю, что они сделали ее царицей тайн.

— Ах, — сказала одна из женщин, — мне кажется, что он спрятал ее в эстуфе.

— Что это такое? Где это?

— Это такое место, где горит священный огонь, где старый жрец делает свои заклинания и готовится лекарства. Господин, это место страшное, там, должно быть, и людей сжигают, но мы не знаем, где оно находится. Может, где-нибудь под храмом, в подземелье. Старый жрец знает, он один только имеет право туда входить.

Мысль, что дочь его находится в смертельной опасности, поразила Сэгина. Он воззрился вверх, на старого жреца, с которого и Генри не спускал глаз, и оба были поражены холодной злобой, изображавшейся на лице его. Все в его фигуре говорило об упорной решимости скорее умереть, чем выдать ту, которую он хотел сохранить себе. Этот старик обладал способностью почти демонической — владеть умами суеверных дикарей.

Обуреваемый страхом за жизнь своей дочери, Сэгин кинулся к лестнице и вместе с Генри и несколькими охотниками влез на крышу храма. Там он бросился на старика, схватил его за волосы и закричал:

— Веди меня к царице тайн: это дочь моя!

— Твоя дочь — царица тайн? — возразил индеец, трепеща за свою жизнь и все-таки упорствуя в своем отрицании. — Нет, белый, она не вашего рода и племени. Она — дочь солнца, дитя одного вождя навахо.

— Не искушай меня, старик, не глумись надо мной! Послушай, если моей дочери причинят малейший вред, — знай, я не оставлю ни одного человека в живых во всем вашем городе! Иди же, веди меня к ней в подземелье!

— В подземелье! В подземелье! — кричали охотники.

Сильные руки схватили старика за плечи и за длинные космы. Перед его глазами машут окровавленными ножами и почти

спускают его по лестницам вниз. Он не сопротивляется, сознавая, что за малейшее упорство заплатит жизнью.

Достигнув нижнего этажа, он делает знак остановиться. Его опускают на землю, он входит в дверь, завешенную бизоньими шкурами.

Сэгин хватается за длинное платье жреца из боязни, чтобы тот не скрылся, и идет вслед за ним вместе с несколькими охотниками.

Они переходят из одного коридора в другой — целый лабиринт темных переходов, — и, наконец, попадают в слабо освещенную комнату. Фантастические изображения и символы индейской религии поражают белых. Стены покрыты страшными рисунками и шкурами хищных зверей. Тут головы бурого медведя и белого бизона, пантеры, волка с оскаленными зубами, там и сям рога разных зверей, и между ними уродливые, сделанные из дерева и местной красной глины идолы. На очаге, стоящем посредине, горит слабый синеватый огонь. Это и есть священный огонь — огонь, тлеющий и не угасающий многие века в честь и во славу бога Кветцалькольта.

Но охотникам не до того теперь, чтобы разглядывать эти диковины. Они бегают по всем углам, ищут и шарят, опрокидывают идолов и священные сосуды. Громадные змеи ползают по земле и обвиваются вокруг их ног. Все эти гады потревожены внезапным нашествием и яростно бросаются на нарушителей своего покоя. Люди давят их ногами, бьют прикладами; крики людей, шипенье змей, удушливый смрад очага, — все вместе представляет страшный хаос.

— Где же капитан? — раздаются возгласы со всех сторон.

— Прислушайтесь, — сказал Генри, — там кричат. Голос женщины! Вот Сэгин заговорил! Ребята, за мной!

Охотники подняли шкуры, закрывающие вход в соседнее помещение, бросились туда, и глазам их представляется следующая картина: Сэгин в своих объятиях держит прелестную молодую девушку, богато украшенную золотыми побрякушками и перьями. Девушка вырывается. Сэгин одной рукой удерживает ее, другой поднимает рукав на левой руке, ищет и находит родимое пятно.

— Да, это она, она! — кричит он дрогнувшим голосом. — Благодарю Тебя, Боже, я нашел ее! Адель! Адель! Ты не узнаешь меня? Я — твой отец!

Девушка продолжает кричать. Она отталкивает Сэгина и протягивает руки к старому индейцу, призывая его на помощь. Отец говорит ей что-то с горячей нежностью, она его не слушает, отворачивается от него, наконец ей удается вырваться из

рук отца и она волочится по земле к старику и обнимает его колени.

— Она не хочет знать меня! Дитя мое, моя дочь!

Сэгин говорит с ней на наречии навахо, чтобы заставить понять себя и выслушать: родного языка она совсем не понимает.

— Ты? — закричала она. — Ты мне отец? Нет, ты белый, ты враг моего племени! Не трогай меня! Прочь, бледнолицый!

— Дорогая Адель, не отталкивай своего отца, вспомни...

— Мой отец был великий вождь. Он умер. Теперь солнце — мне отец. Я — дочь Монтесумы, царица навахо!

Произнося свой титул, девушка выпрямилась во весь рост и гордо оглядела своих врагов с видом оскорбленного величия.

— О, Адель, — продолжал Сэгин, — посмотри на меня! Неужели ты совсем забыла и меня, и мою любовь к тебе? Если ты меня не признаешь, быть может признаешь черты твоей матери, твоего ангела-хранителя. Она не перестает оплакивать свою потерю с той минуты, как индейцы похитили тебя!

Сэгин снял с груди своей миниатюрный портрет и показал его дочери. Та с любопытством глядела на портрет, но ни одна черта ее лица не дрогнула и не обнаружила какого бы то ни было волнения. Удивленные глаза ее переходили с портрета на Сэгина, потом вдруг она сделала рукой величественный жест, как бы предлагая белым не осквернять долее храма своим присутствием. Очевидно, она забыла все: родную семью, родной язык и стала совершенной индианкой!

Генри не мог удержаться от слез, глядя на несчастного своего друга. Сэгин стоял молча, погруженный в глубокую печаль. Голова его упала на грудь. Бледный, безжизненный, он глядел и ничего не видел перед собой. Генри понимал, как велико должно быть страдание этого человека: вот результат всех его трудов, сражений, подвигов в течение многих, долгих лет.

Несколько времени Сэгин молчал, как бы собирая свои разбитые мысли. Затем резким голосом сказал:

— Уведите ее. Быть может, Господь сжалятся над нами и когда-нибудь вернет ее нам.

Опять пришлось проходить через ужасную залу, чтобы выйти на наружную террасу храма. Но подойдя к перилам, Генри увидел зрелище, которое навело на него гораздо больший ужас. Не потоки крови испугали его, — к этому он уже успел привыкнуть, — он почуял тут что-то зловещее в самой атмосфере, что-то предвещавшее полный разгул и разнузданность страстей.

Перед храмом стояла толпа: женщины, молодые девушки и дети — человек около двухсот. Одеты они были различно, одни были завернуты в полосатые одеяла, на других были туники,

покрытые павлиньими перьями, на немногих — европейские платья, добытые у белых. Все это были индианки; были между ними и старухи, но большинство молодые и красивые. Они сидели и стояли группами, но какой-то жалобный ропот пронесся по всей толпе.

Прежде всего Генри бросилась в глаза кровь, струившаяся по ушам и по лицу их; то были следы насилия: из ушей у них вырвали драгоценные серьги, не дав себе труда их отстегнуть.

Охотники за скальпами окружали эту толпу и о чем-то совещались. Из их карманов торчали золотые вещи. Очевидно, они наложили тяжелую свою руку на все виденные ими драгоценности. Но нечто еще более ужасное поразило Генри. Свежие окровавленные скальпы висели за поясами у многих охотников. Рукоятки ножей были в крови, и вся ватага разбойников имела страшный, отталкивающий вид.

Черные тучи заволокли все небо, молнии временами бороздили их. Слышались отдаленные раскаты грома, их эхо рокотало по окрестным горам и ущельям. Гроза как нельзя более соответствовала тому, что происходило среди людей.

Сэгин вышел из храма с дочерью. Немного погодя по его приказу подъехали мулы с багажом.

— Соберите по домам все, что найдете съестного, и уложите поскорее!

Что только попало под руку: сушеное мясо, сушеные плоды, кожи и орехи, — все было собрано и уложено.

— Это все, что есть, и я боюсь — не хватит на обратный путь. Теперь, Рубэ, выбери пленных. Всех мы не можем захватить с собой. Возьми человек двадцать, но выбери таких, которым цена выше и которых обменять будет выгоднее.

Сэгин направился к багажу, чтобы на одном из мулов устроить свою дочь.

Рубэ исполнил возложенное на него поручение. Он отобрал двадцать молодых индейцев, девушек и мужчин, одежда которых показывала принадлежность к высшим слоям общества.

— Ах, — воскликнул один из самых свирепых охотников — Киркер, — ведь навахо берут в рабство наших женщин! Отчего бы и нам не взять из их племени несколько молодых? Они бы нам служили на бивуаках. Право, так!

— Эх, ты! — возразил ему Гарей. — А чем мы их кормить будем?

— Ну, мяса у нас много запасено, — возразил Киркер, — а если не хватит провизии, мы бросим индейцев, — конечно, сняв с них предварительно то, что поценнее...

При этом он многозначительно провел рукою вокруг голо-

вы, — жест для всех понятный, употребляемый при срезании скальпов.

Многие товарищи сочувствовали предложению Киркера и по примеру его стали хватать на свою долю молодых индианок и привязывать их к своим мулам. Раздался плач и вой похищаемых женщин.

Конечно, среди охотников были и такие, которые не одобряли такого дикого насилия и оставались в стороне. Немало было и таких, которые, не принимая личного участия в разбое, тем не менее добродушно посмеивались, глядя на «подвиг» своих товарищей.

Сэгин в это время находился с другой стороны храма, устраивая свою дочь. Но шум, крики и вопли, раздававшиеся по ту сторону, обратили на себя его внимание. Он поручил свою дочь попечению Эль-Соля и Луны и побежал на шум.

Увидав множество женщин, привязанных к спинам мулов, он понял, что произошло без него. Ему захотелось пристыдить охотников.

— Рубэ, — сказал он зверолову, — что же это? Это пленные, которых я приказал тебе отобрать? Их тут что-то слишком много!

— Нет, — ответил Рубэ, — вот те, которых выбрал Младенец. Тут ровно двадцать человек, они еще не сажались.

— В таком случае пусть снимут всех женщин с мулов и посадят выбранных тобою пленных! Нам предстоит перейти пустыню. Мы едва найдем чем прокормить эти лишние двадцать ртов.

Не обращая внимания на ропот Киркера и его друзей, Сэгин и Рубэ принялись отвязывать индейских женщин, кое-кто из охотников стал им помогать, — но зато те, которые задумали это похищение, открыто возмутились против капитана.

— Клянусь небом! — вскричал один из них. — Я или увезу мою индианку, или сниму с нее скальп!

— В самом деле, — подхватил другой, — зачем нам возиться с этими женщинами? Ведь ни одна из них не стоит больше своего скальпа. Оскальпируем их — и все дела!

— Отлично! — прибавил третий.

— На что лучше! — раздались голоса.

Сэгин обратился к бунтовщикам и с твердостью сказал им:

— Товарищи, вспомните ваши обещания. Посчитайте ваших невольниц. Я отвечаю и плачу вам за всех.

— Можете вы заплатить нам сейчас? — спросил кто-то.

— Вы знаете, что «сейчас» — дело невозможное.

— Платите сейчас, а не то...

— Деньги или скальпы — вот наше последнее слово!..

— И откуда капитан достанет денег, придя домой? — спросил один из мексиканцев. — Он не жид, не банкир, и хотя я денег его не считал, но все-таки не понимаю, откуда он возьмет такую кучу, чтобы заплатить нам за всех невольниц.

— Во всяком случае не из казны, которая платит за скальпы, так как скальпов у него нет: стало быть, ему денег не дадут, как и нам. А если у нас будут в руках скальпы, мы денежки сполна получим.

— И то сказать, очень ему надо заботиться о нас, ведь он уже нашел то, чего искал. Нас он обещаниями кормит — надуть хочет.

— Смеется он над нами, точно над толпой безмозглых негров. Отчего он не хотел вести нас на Приэто, где мы могли набрать золота полные карманы? Отчего?

— А теперь хочет нас лишить последнего заработка на скальпах! Не на таковских напал!

Генри нашел, что пора вмешаться. Деньги — вот единственный повод к возмущению; по крайней мере, этим они оправдывают свое упорство. Он решил пожертвовать всем своим состоянием, лишь бы помочь Сэгину и выручить его из критического положения.

— Господа! — закричал он так громко, что покрыл все голоса и шум. — Если вы верите моему слову, слушайте, что я хочу вам предложить. Я отправил в Чихуахуа с последним караваном свой товар. Когда мы приедем в Эль-Пасо, мы застанем там возвращающихся купцов. Мне причитается получить с них сумму вдвое больше той, какая может следовать всем вам. Если вы верите моему слову, я обещаю всех удовлетворить.

— Все это отлично, да беда в том, что мы не знаем ни вас, ни вашего товара.

— Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки, — заметил один из охотников.

— Ну его к черту! Разве можно верить торгашу? Сейчас давай нам деньги, или — скальпы, вот и весь разговор. Мы можем снять скальпы, можем и не снимать их. Но только верьте мне, товарищи, что это наш единственный верный заработок.

Видно было, что люди эти уже понюхали крови и не могли отрезвиться. Глаза их блестели, лица выражали животную ярость: они жаждали крови. Дисциплина, державшая до сих пор орду в повиновении, исчезла. Власть начальника потеряла свое значение.

Индийские женщины дрожали и жались друг к другу. Они не понимали разговора, но угрозы и свирепые лица охотников

приводили их в трепет. На их глазах кинжалы выхватывались из ножен и заряжались ружья и револьверы.

Все это время Сэгин был занят размещением увозимых пленных. С той самой минуты, как дочь отказалась его признать, он казался погруженным в какую-то печальную озабоченность и не обращал внимания на происходившее вокруг него.

Но когда раздались слова Киркера: «Сейчас давай нам деньги, или — скальпы», Сэгин вдруг опомнился, пришел в себя и, осознав положение дела, вернулся к бунтовщикам, поднял руку с пистолетом и произнес громовым голосом:

— Посмейте только нарушить вашу клятву! Первого, поднявшего нож или ружье на этих женщин, убью!

Наступила минута мертвой тишины.

— Я дал обет, — продолжал он, — что моя рука не прольет ни одной капли крови после того, как Богу угодно будет возвратить мне дочь. Пусть же никто из вас не принуждает меня сделаться клятвопреступником, иначе его-то кровь и будет мною пролита!

Глухой ропот носился в толпе, но никто не смел открыто и громко возражать капитану.

— А ты, Киркер, не больше как хвастун, грубиян и трус, — сказал Сэгин. — Спрячь свой нож сию минуту, или я пушу тебе пулю в лоб.

Сэгин поднял пистолет, в глазах его была неумолимая решимость. Казалось, он вырос, его осанка, взор и нахмуренные брови заставили Киркера попятиться. Он видел, что малейшее ослушание — смерть для него, и со страшным проклятием вложил нож в ножны.

Возмущение, впрочем, нельзя было еще считать подавленным. Раздались насмешки по адресу Киркера; некоторые не желали сдаваться и подбивали друг друга к сопротивлению.

Генри Галлер стал рядом с Сэгином, готовый защищать его и умереть вместе с ним.

Многие последовали его примеру и группировались подле Сэгина; в числе их были Эль-Соль, Рубэ, Гарей, Санчес и другие. Что касается доктора, то он переходил от одной партии к другой, стараясь всеми силами примирить их. Обе стороны были почти равны.

В случае схватки вышла бы страшная резня. К счастью, в это самое время показалось на горизонте нечто, сразу отрезвившее всех и охладившее страсти. Доктор указал на запад: оттуда неслись к городу воины в черных плащах. Хотя они были очень далеко, Сэгин и другие сразу поняли: это были индейские воины, навахо, отряженные для преследования бледнолицых.

Они неслись бешеным галопом, пожирая пространство, как гончие, преследующие дичь.

— Вот вам, — сказал спокойно Сэгин, — сколько хотите скальпов. Сумейте только защитить свои собственные. Итак, на коней! Вперед! Еще раз повторяю свое обещание. Будьте благо-разумны и верьте мне. А теперь вперед! Пора.

Слова капитана произвели на этот раз свое действие: и правда — медлить было нечего. Близкая опасность воодушевила охотников. Конечно, они могли бы, засев в домах, отбить нападение передового отряда, но оставаться в городе и дожидаться прибытия новых сил индейской армии было бы безумием. В мгновение ока и самые несговорчивые были в седле; обоз с запасами и пленными двинулся к лесу. Сэгин надеялся пройти через ущелье, находившееся на востоке, так как отступление было отрезано с тыла.

Он ехал впереди, держа за повод мула, на котором сидела его дочь. Остальные следовали за ним в полнейшем беспорядке, — все торопились. Генри оставался в городе последним. Сделал он это для того, чтобы помешать охотникам учинить какое-либо зверство над беззащитными женщинами и стариками, оставшимися в городе. Он решил, рискуя своей жизнью, предупредить бессмысленное пролитие крови.

— Слава Тебе, Боже! — воскликнул он выезжая вслед за последними охотниками, покидавшими город.

Но он ошибся: он не был последним. Вскоре его догнал Рубэ на своей старой кобыле. На поясе его красовался новый скальп — старого жреца. Рубэ все еще мстил.

17. СРАЖЕНИЕ В УЩЕЛЬЕ

Достигнув соснового леса, охотники по индейской дороге направились вверх по реке; шли они так скоро, как только поспевал обоз. Пройдя миль пять, достигли восточной оконечности долины. Тут гряды гор сближались, образуя ущелье, в глубине которого протекала река. Эти гигантские ворота походили на те, которыми охотники вошли в долину с западной стороны, только были гораздо неприступнее. Ни по правому, ни по левому берегу реки дороги не было; надо было идти по самой реке, то есть по воде. По счастью, вода была неглубока: она значительно прибывала только после ливней и бурь.

Отряд, обойдя выступающие скалы, вошел наконец в ущелье. Над головами охотников скалы возвышались на тысячу футов, не только отвесные, но даже нависшие над потоком. Сосны с

узловатыми корнями торчали из расщелин; темная зелень как нельзя более гармонировала с дикой горной природой. В ущелье царил постоянный полумрак. К тому же небо было покрыто грозными тучами. По временам сверкала молния и отражалась в темной воде потока под ногами дрожавших лошадей. Удары грома, краткие и сильные, раскатывались несмолкаемым эхом в ущелье; дождя еще не было.

Отряд, предводимый Сэгином, спешил насколько возможно. Иногда на поворотах поток становился глубже и быстрее, лошади глубже уходили в воду, порой они пускались вплавь. Но другой дороги не было, и худо ли, хорошо ли, надо было двигаться. Пройдя таким образом несколько верст, достигли наконец выхода из ущелья и стали выбираться на берег.

Сэгин отобрал двадцать человек из тех, у которых лошади были поплотнее. Эль-Солю было поручено начальство над обозом; ему же поручил Сэгин и Адель, при которой, впрочем, безотлучно находилась Луна.

Оставшиеся расположились защищать ущелье. Лошади были спрятаны за уступами скалы; всадники засели таким образом, чтобы ружья направить как раз в устье ущелья, и в безмолвии стали ожидать появления неприятеля.

Не слышно было никакого воинственного шума, а между тем неприятель не мог быть далеко. Место для наблюдения было выбрано удачно.

В долине река текла по мелкому ложу, и только входя в ущелье, как бы в грандиозные ворота, сдавленная с двух сторон скалистыми стенами, она делалась быстрее и уже, а потому и гораздо глубже. После этих ворот она опять немного расширялась и затем уже входила в самое узкое место ущелья, как в тиски; здесь по дну ее могли с трудом двигаться двое в ряд. Далее, по выходе из ущелья в долину, она опять становилась шире и течение ее делалось спокойнее.

Место, избранное Сэгином для засады, находилось при входе потока в ущелье, так сказать, у ворот его, на скалах, в расщелинах которых росли деревья; с этого места было удобно и защищать устье ущелья, и в случае надобности броситься в бегство из него на равнину. Главное — не дать объехать себя с тылу; но этого, по соображениям Рубэ, пока можно было не опасаться.

Если неприятель окажется в большом числе, решено удерживать его столько времени, сколько нужно, чтобы дать возможность обозу отойти на значительное расстояние вперед. Сэгин предвидел, что долго держаться в ущелье будет невозможно уже потому, что у отряда не хватит запасов провизии и пороху.

Итак, охотники расположились за скалами под командой своего капитана. Гром гремел не переставая, тучи, пронизываемые молнией, ползли по вершинам скал. Крупные капли дождя изредка падали на землю.

Гроза — явление довольно редкое в этой полосе, но уж если она разразится, то принимает характер тропической бури. Электричество, накоплявшееся в течение долгого времени, кажется, хочет показать всю свою силу, хочет низвести хаос на место существующего в природе порядка.

Характер местности прямо свидетельствовал об испытанном ею не раз влиянии подобных атмосферных явлений: глубокий овраг или балка, узкое ложе реки, крутые, неприступные берега, причудливые выступы скал — все ясно показывало, что страна эта подвержена внезапным наводнениям.

Далеко на западе гроза уже бушевала во всем своем диком величии. Горы были закрыты завесой сплошного ливня. Слышен был его шум и рокотание вздымавшегося от притока воды ручья. А индейцы, между тем, все еще не показывались. Это промедление было непонятно.

Вдруг до слуха охотников донесся какой-то другой шум, — как будто целый обоз ехал по дороге, усыпанной крупным песком. Это и был, действительно, топот лошадиных ног по каменистому дну реки. Навахо приближались... Вдруг шум прекратился. Неприятель, должно быть, остановился, чтобы осмотреть местность. Это предположение не замедлило оправдаться. Спустя несколько минут над дальней скалой показалось что-то красное. Это был раскрашенный лоб индейца; он был недостижим для ружейного выстрела. Охотники, затаив дыхание и направив ружья, смотрели в ту сторону; вот показался еще один индеец, за ним еще и еще. Множество черных фигур появилось на горизонте, они прятались за скалами и продвигались с большой осторожностью.

Охотников закрывали кусты, и индейцы не могли догадаться о засаде. Авангард их, видимо, хотел убедиться, прошли ли в этом месте белые. Первый и самый смелый из индейцев, перебегаая от одного укрытия к другому, добрался до такого места, где голова его показалась поверх скалы; раздался залп нескольких ружей, индеец мгновенно опрокинулся, рука судорожно поднялась и тоже упала: пули сразили его.

Потеряв своего разведчика, индейцы убедились в присутствии белых и отозвали свой авангард назад. Охотники вновь зарядили ружья и опять стали наблюдать. Прошло много времени, и никакого движения со стороны индейцев не было заметно. Без сомнения, они обдумывали план атаки. В сущности,

у них был только один способ выбить белых из засады, — это пройти под выстрелами по ущелью, выпустить тучу стрел, вынести, пожалуй, еще один ружейный залп и, нагнав бледнолицых, схватиться с ними врукопашную. Имея численное превосходство, они имели и шансы на удачу.

Охотники сознавали преимущество индейцев и весь свой успех полагали в том, что краснокожие, встреченные залпом ружей, непременно остановятся и таким образом дадут им возможность приготовить второй залп. Кроме того, Сэгин предполагал стрелять не всем вдруг, а по очереди, чтобы хотя некоторое время огонь казался непрерывным.

В таком выжидательном положении охотники пробыли целый час под страшным дождем, укрывая по возможности ружья. Между тем вода прибывала, напором своим срывая и унося прибрежные камни; вода бурлила у расселин скал и с каждой минутой поднималась все выше и выше, особенно в узких местах ущелья. Местность, где была устроена засада, окуталась почти ночным мраком, и только изредка молния озаряла эту чудесную по своей дикости картину разбушевавшихся стихий.

— Может быть, они пошли в обход, — сказал кто-то.

— Нет, они атакуют нас не раньше ночи.

— Ну, пускай они ждут ночи, — ворчал Рубэ. — Еще полчаса такого проливного дождя, — и все будет благополучно, или Младенец уже ничего не понимает.

— Тс! Тс! — раздалось в толпе. — Вот они!

Все взоры устремились к проходу. Показались конные индейцы в таком количестве, что заполнили весь поток. Они приготовили свои луки, чтобы, прежде чем ринуться в атаку, выпустить массу отравленных стрел.

— Ну, берегитесь, молодцы! — закричал Рубэ. — Цельтесь хорошенько и стреляйте наверняка.

Не успел закончить своих слов старик Рубэ, как со стороны индейцев раздался военный клич двухсот глоток. Охотники ответили тоже громкими криками.

Навахо приостановились перед выходом из ущелья, чтобы теснее сомкнуться для первого натиска, и с новым кличем бросились в ворота. Это было сделано так быстро, что несколькими индейцам удалось проскочить из ущелья на равнину, прежде чем раздался первый ружейный залп. Минуту спустя уже сыпался град пуль, выпущенных из ружей, винтовок и карабинов. Навстречу пулям летела масса ядовитых стрел, и все это сопровождалось воинственными криками и стонами раненых.

При каждом выстреле какой-нибудь индеец падал в воду; но масса их надвигалась и вновь наступала, желая выбраться

из ущелья. Убитые люди и лошади загораживали реку своими трупами, но индейцы через них бросались вперед. После первого залпа, когда охотники стали вновь заряжать ружья, наступил опасный промежуток, которым и хотели воспользоваться нападавшие индейцы.

Сэгин понял опасность минуты и с заряженным револьвером бросился вперед, вызвав за собою тех, у кого тоже были револьверы.

Толпа человек в пятьдесят бросилась за Сэгином. С одной стороны раздался призыв навахо к новому приступу, с другой — команда Сэгина:

— Пли!

Пятьдесят пуль влетело в массу индейцев и привело их в неопиcуемый беспорядок. Подстреленные валились с лошадей и вместе с лошадьми падали под ноги напиравших сзади; по трупам убитых несколько индейцев все-таки выбрались из ущелья и бросились на охотников. Началась рукопашная. С одной стороны пущены были в ход длинные пики и томагавки, с другой — приклады ружей и ручки револьверов.

Ручей, запруженный трупами, вздымался с пеной все выше и выше. С новой силой загрохотал гром, ослепительно засверкали молнии. Казалось, сами стихии приняли участие в этой борьбе не на живот, а на смерть.

А вода все прибывала; трупы людей и лошадей всплывали и еще более затрудняли движение по реке. Индейцы оправились и с новыми силами готовились ринуться на охотников; ружья последних были пусты.

Люди Сэгина видели, что спасения нет, и решились возможно дороже продать свою жизнь, — во всяком случае, скорее умереть, чем живьем попасть в руки краснокожих.

Вдруг раздался страшный гул. Это был зловещий шум вышедшего из берегов горного потока. Масса воды прорвала все преграды и вместе с деревьями, вырванными с корнем, неслась прямо на людей, готовясь затопить всю местность со всем, что на ней находится.

Рубэ в испуге кричал:

— Бегите на берег, кому жизнь дорога! Скорее на берег!

Генри обернулся и увидал, как перепуганные охотники взбились по единственному доступному откосу на берег. Едва он успел вскочить на ближайший уступ, как показалась гора воды, с ревом и пеной стремившаяся в ущелье. Вся эта масса хлынула на узкий проход, ударилась, отступила, но как бы для того только, чтобы вслед за тем с новой силой затопить и ущелье, и выход из него.

Генри слышал крики индейцев, они повернули лошадей и старались спастись от набегавшей воды. Тщетно — поток бежал на них с ревом, пенясь и крутясь, подхватывал и уносил их с собою. Они тонули, всплывали и вновь погружались.

— Трое наших погибло! — грустно произнес Гарей, стоявший подле Генри на таком месте, откуда была видна отчаянная борьба и гибель людей, застигнутых потоком.

— Кто погиб? — осведомился Сэгин, оглядывая окружавшие его лица и с радостью пожимая руку Генри.

— Погибли: один делавар, толстяк Джим Гаррис и еще...

— Кого же еще недостает?

— Капитан, — ответил Санчес, — не видать Киркера. Бедняга! Ему так хотелось скальпировать индейских жен и детей, а теперь его собственный скальп достанется индейцам, если только тело его всплывет на поверхность.

— Ну, им впору только спасать себя и своих, — сказал Гарей, — поток почти всех их опрокинул, и те, которые не успеют ускакать от напора воды, тоже потонут.

Между тем трупы людей и лошадей всплыли на поверхность, и быстрое течение унесло их далеко от ущелья. Вода так сильно прибыла, что отряд Сэгина, стоявший на возвышенном берегу, был в безопасности от какого бы то ни было нападения со стороны реки. Капитан приказал развести костры, чтобы дать обсохнуть людям, промокшим до костей. Нападение могло произойти или после обходного движения индейцев за горами, или после значительной убыли воды; во всяком случае, на это нужно было время, а между тем дождь не прекращался.

Вскоре запылали костры под прикрытием скал; стали жарить к ужину сушеное мясо. Охотники окружили костры и поочередно подставляли огню то один, то другой бок, от мокрой одежды валил пар. Были тут и раненые. За отсутствием доктора, уехавшего вперед с обозом, перевязка была сделана кое-как, на скорую руку.

В таком положении провели несколько часов. Буря не унялась еще, вода не убывала. Рубэ уверял, что если и перестанет гроза, то пройдет еще несколько часов, прежде чем вода спадет до обычного уровня. Около полуночи охотники сели на лошадей. Дождь почти уничтожил на песчаной дороге следы мулов, шедших в обозе. Проблески молнии изредка освещали один какой-нибудь след копыта да снежную вершину впереди; но и этого было достаточно для такого опытного проводника, каким был Рубэ, и он уверенно на рысях вел отряд вперед. Шли всю ночь. Час спустя после восхода солнца, окончательно рассеявшего

следы бури, отряд догнал обоз и товарищей, бывших под командой Эль-Соля.

В течение нескольких дней охотники шли местностью, покрытой тощим кустарником, прошли шестьдесят миль и не встретили капли воды. За недостатком дерева для варки пищи разводили огонь из стеблей полыни. Тут им пришлось испытать все лишения и трудности, сопряженные с переходом по бесплодной и безводной пустыне. Запасы были истощены, принялись за скот: лошади и мулы один за другим падали под ножом мучимых голодом и жаждою охотников. Последние ночи боялись даже разводить огонь. Неприятель не показывался еще, но появления его ждали с минуты на минуту.

Трое суток Сэгин шел к юго-востоку. Вечером, на третий день, на восточной окраине пустыни показались Мимбрские горы. Вершины этих гор были хорошо знакомы охотникам — они часто служили им маяком.

Отряд направился к этим горам не напрямую, а в обход: Сэгину хотелось перейти хребет по дороге к старым рудникам — прежнему его поселению, разоренному индейцами. К закату солнца подошли к так называемой «Золотой яме» — глубокой рытвине, в которой видны были еще следы заложенных и заброшенных шахт. Эта впадина, произведенная, быть может, каким-нибудь давним землетрясением, простиралась в длину миль на двадцать.

Около полуночи с великим трудом добрались, наконец, до ручья. Лошадей расседлали и пустили пастись вокруг бивуака. Сэгин решил простоять тут подольше, чтобы дать отдохнуть измученным людям и животным; он чувствовал себя как будто в большей безопасности, потому что местность была знакомая.

Среди них разложили костры; дичи никакой не было, и потому закололи еще одного мула. Поев с большим аппетитом этого грубого мяса, охотники растянулись на земле, закутались в свои плащи и одеяла и сейчас же заснули. Остался один часовой, облокотившийся на свой длинный карабин. Молодые мексиканки и пленные индианки расположились среди лагеря; они тоже улеглись, закутанные в свои бурнусы, и, казалось, спали.

Что касается Генри, то он долго не мог заснуть и все бродил вокруг бивуака, стараясь разогнать тяжелые мысли и угнетающие его видения; наконец, обессиленный, он опустился на землю, и тяжелый сон сковал его утомленные члены.

18. ПЕРЕМИРИЕ

Свежий утренний ветерок разбудил молодого человека. Луна сошла с горизонта, рассвет еще не наступил, но уже сквозь утренний туман можно было разглядеть окружающую местность. Узенькая полоска света обозначилась на востоке. Наступало утро. Генри вспомнил, что Сэгин хотел тронуться в путь очень рано; но в ту минуту, как он собрался встать, до ушей его долетели какие-то голоса; он услышал несколько возгласов и топот лошадей по каменистой почве.

«Охотники уже встали и едут», — подумал он.

Предположение это заставило его вскочить и побежать к бивуаку; однако, сделав шагов десять, он убедился, что шум идет с противоположной стороны. Он остановился, прислушался — да, действительно так. Первою мыслью его было, что отряд ушел, потом хватился его, и Сэгин послал за ним несколько человек. Допустив такое объяснение, Генри закричал, чтобы дать о себе знать искавшим его людям. Последовало минутное молчание, затем опять лошадиный топот. Велико было удивление Генри, когда он разглядел, что всадники находились не на этом, а на другом краю пропасти.

Не успел Генри прийти в себя от изумления, как всадники поравнялись с ним и остановились. Их разделял овраг в сто сажень ширины; туман был настолько редок, что не мешал им видеть друг друга. Всадников было около ста; по длинным пикам, по убранным перьями головам, по полуобнаженным фигурам легко было узнать индейцев.

Генри не стал их разглядывать; со всех ног он бросился предупредить своих. Всадники двинулись в ту же сторону. Генри застал охотников в большом переполохе, они седлали лошадей. Сэгин с несколькими помощниками подъехал к краю обрыва и осматривал противоположный берег. Об отступлении нечего было и думать: их уже увидели с той стороны и, благодаря наступившему рассвету, узнали численность и силу их.

Хотя оба отряда были друг от друга на расстоянии не более ста сажень, пропасть разделяла их, и нужно было проехать по крайней мере двадцать миль для того, чтобы встретиться.

По этим соображениям Сэгин решил оставаться у ручья до тех пор, пока не обнаружится, какие индейцы явились и с какой целью. Индейцы тоже остановились и расположились на привал прямо против бивуака охотников. Очевидно, и они ждали света, чтобы узнать, кто их противники. Удивленные непредвиденной встречей, индейцы громко кричали и жестикулировали.

Наконец совсем рассвело. Индейцы увидели одежду, обоз и узнали охотников за скальпами. Дикий, торжествующий крик навахо пронесся над пропастью.

— Это отряд Дакомы! — кричал один охотник. — Они, вероятно, заблудились.

— Нет, — возразил другой, — не может быть: отряд Дакомы не так мал.

— Ну вот еще, это они самые; а что мало их, так половина, верно, утонула при наводнении.

— Да как же они могли потерять такой заметный след, как наш?

— Это отряд главного вождя навахо, — сказал Рубэ. — Смотрите, вот он и сам, старый негодяй, на пегой лошади.

— Ты думаешь, Рубэ, что это они? — спросил Сэгин.

— Наверное.

— Но где же другая часть войска? Они не все тут.

— Да, но я уже слышу их приближение. Посмотрите, что за туча надвигается.

Из тумана, действительно, выплывала большая масса черных всадников; они громко кричали, как будто гнали стадо. И правда: в середине было огромное стадо лошадей, рогатого скота и овец, и своими длинными пиками индейцы заставляли их двигаться вперед.

— Вот так добыча! — воскликнул один из охотников. — Молодцы, совершили удачный поход, не то что мы — возвращаемся с пустыми руками.

Генри поджидал своего Моро, которого седлал Годэ. Взобравшись в седло, он устремил взоры на индейцев, — не на их богатую добычу: все его внимание было поглощено кучкой, по-видимому, пленных женщин, которые двигались на лошадях под конвоем нескольких индейцев. Сердце его забилося; он думал о Зое, но дальность расстояния не давала возможности разглядеть лиц. Генри обернулся к Сэгину. Глаза капитана были прикованы к подозрительной трубе. Вдруг он вздрогнул, лицо его побледнело, потом потемнело, труба выпала из рук, и он с воплем, обессиленный, опустился на землю.

— Боже мой, Боже мой! Еще удар судьбы!

Генри бросился к капитану, но, увидя его на руках Эль-Соля и доктора, поспешно поднял трубу и направил ее на стан индейцев. Прежде всего он увидел на другом берегу своего Альпа; собака радостно лаяла, узнав своего хозяина. Альп, которого Генри поручил Зое, — здесь; нет сомнения, что и Зоя в числе пленных!

Генри не замедлил убедиться в этом; он увидел ее собствен-

ными глазами. Она была бледна, с заплаканными глазами; ее прелестные светлые косы рассыпались по платью. И госпожа Сэгин была тоже в числе пленных, только в другой группе. Конвой с пленными и добычей присоединился к главному отряду. По-прежнему охотники и индейцы стояли друг против друга по разным сторонам разделявшей их пропасти.

Странное совпадение: две враждующие армии, каждая из них возвращается после нападения и грабежа в неприятельской стране с добычей и жертвами, захваченными в плен. Враги стояли друг от друга на расстоянии немногим более ружейного выстрела, и все-таки схватиться не могли. Для этого надо было той или другой стороне совершить утомительный переход в несколько дней. И те и другие в пленных на противоположной стороне узнавали близких сердцу жен и дочерей.

Враги бросали свирепые взоры, дышавшие мстостью. Если бы они могли броситься друг на друга, то это был бы страшный, смертный бой. Казалось, само Провидение положило пропасть между ними.

Генри в отчаянии придумал план и хотел сообщить его Сэгину. Тот понемногу приходил в себя от поразившего его удара. Охотники, узнав о новом несчастии своего начальника, окружили его и клялись все до одного умереть, но выручить из плена его жену и дочь. А Генри шел именно с тем, чтобы предложить им все свое состояние, только бы добиться освобождения пленных; это оказалось излишним.

Сэгин был глубоко тронут преданностью своих товарищей. Одолев волнение, он призвал охотников на совет.

Во время этого совещания на другом берегу происходило то же самое. Индейцы окружили своего вождя и тоже совещались. Увидев в отряде охотников своих пленных, они пришли в ужас. Возвращаясь из счастливого похода с пленными и богатой добычей, они вдруг догадываются, что враги их, охотники за скальпами, в свою очередь побывали в их поселении, — стало быть, разграбили, сожгли жилища их и убили всех беззащитных женщин и детей. «Иначе враги поступить не могли», — рассуждали они, вспоминая то опустошение, которое они сами произвели в поселении белых. Сверх того, перед индейцами стояло очень значительное войско; небольшой перевес индейцев в численности уравнивался преимуществом огнестрельного оружия белых. Итак, беспокойство их равнялось беспокойству белых.

Между тем, охотники решили, не вступая в сражение, предложить индейцам размен пленных. Для этого был выкинут белый флаг и выведены пленники на показ навахо.

У Дакомы на голове был его блестящий шлем, «царицу тайн» нетрудно было узнать по ее драгоценным украшениям и тунике, убранный перьями.

Неистовый крик раздался по ту сторону обрыва. Индейские воины с негодованием и яростью потрясали своими пиками, некоторые выхватили из-за поясов скальпы и грозно махали ими в воздухе. Индейцы вообразили, что войско Дакомы все перебито и столица их разорена и уничтожена. В их диких криках слышались угроза и жажда мести. Вожди их тут же начали совещаться. Через несколько минут некоторые из совещавшихся поскакали к тому месту, где были белые пленные.

— Боже великий! — вскричал Генри. — Они хотят их убить. Скорей белый флаг, скорей!

Прежде, чем успели выкинуть белый флаг, белые пленные были подведены к краю пропасти. Индейцы хотели и со своей стороны похвастаться добычей.

До сих пор пленные не могли признать своих в отряде белых. Загорелые лица, порванное в долгом и трудном походе платье делали их неузнаваемыми, да и расстояние, пока пленных не подвели к берегу, было настолько велико, что распознать дорогие черты было невозможно; но тут Зоя узнала своего отца и жениха; несчастная протянула к ним руки и, потрясенная, с воплем упала без чувств на землю. Госпожа Сэгин громко обещала мужу не падать духом и надеяться. И прочие пленные узнали своих близких, братьев и мужей, и умоляли их прийти скорей на помощь. Сцена была в высшей степени трогательная.

Сэгин взял, наконец, в руки белый флаг и высоко поднял его, охотники окружили его с опущенными ружьями. В стане индейцев произошло некоторое движение, затем один из главных вождей, высокий воин, подошел к берегу с пикой в руке, на конце которой развевалась дубленая шкурка оленя молочно-белого цвета. Это служило ответом на поднятое знамя мира. Сэгин приказал своим охотникам молчать, и, когда водворилась тишина, заговорил громко по-индейски:

— Навахо! Вы знаете нас. Мы прошли всю вашу страну и побывали в вашей столице. Цель наша состояла в том, чтобы освободить белых, которых вы держали в неволе. Мы отыскиали нескольких из них, но есть у вас такие, которых мы разыскать не могли. Для того, чтобы вы отдали нам этих остальных, мы взяли у вас заложников. Конечно, мы могли бы захватить гораздо больше, но мы этого не захотели. Вашего города мы не сожгли и не разорили. Ваши жены и дочери остались целы и невредимы. За исключением вот этих, взятых в залог, всех остальных вы найдете в сохранности.

Одобрительный шепот пронесся в толпе индейцев. Они точно поздравляли друг друга с этим известием. Сэгин продолжал:

— Мы видим, что вы побывали в нашей стране и тоже захватили пленных. Но вы любите ваших родных, как и мы своих, поэтому-то и поднял я знамя мира. Мы можем разменяться пленными. Это будет угодно Великому Духу, будет приятно вам и нам. Воины, я сказал и жду вашего ответа.

Воины окружили своего вождя, и между ними поднялся оживленный спор. Очевидно, голоса разделились на две партии, мнения были несогласны.

Сэгин понял, что в лагере есть партия молодых воинов, которая стоит за сражение, им хочется попытать счастья в бою. Глава этой молодежи — индеец, одетый гусаром, сын великого вождя, как пояснил Рубэ. Если бы старый вождь не был заинтересован в благополучном исходе переговоров, то, без сомнения, увлекся бы требованиями воинственной молодежи и соображением, что навахо стыдно возвращаться без пленных, — но тут мнение старших, более зрелых людей одержало верх, и индейский оратор сказал Сэгину:

— Навахо обсудили дело и согласны на размен пленных. Для того, чтобы все обошлось по правде, они предлагают выбрать с каждой стороны по двадцати воинов. Эти воины на виду у всех сложат с себя всякое оружие. Затем пускай они ведут пленных на конец оврага к старому руднику; там они переговорают и совершат обмен. Остальные воины с обеих сторон пусть остаются на местах до возвращения с разменными пленными. Тогда белые флаги опустятся, перемирие кончится, и оба лагеря будут свободны делать что хотят. Такова речь воинов.

Сэгин, прежде чем согласиться, задумался над сделанным ему предложением. Условия были как будто приемлемые, а между тем в самих выражениях было что-то подозрительное. В последней фразе сквозило намерение после размена отобрать уступленных пленников. Впрочем, Сэгин мало заботился об этом: он знал храбрость своих охотников и вполне на них надеялся. Требование, чтобы пленных свели на указанное место обезоруженные воины, казалось справедливым. Но Сэгин подозревал, что слово «безоружный» понимается индейцами не совсем точно, и потому шепотом приказал своим уйти в кусты и там незаметно под плащами спрятать ножи и револьверы; то же самое совершали индейцы на другом берегу пропасти — они припрятавали свои томагавки. И так как время было дорого, то Сэгин поспешил принять предложенные условия.

Как только он объявил свое согласие, двадцать индейцев, наперед избранных, вышли на поляну и побросали свои пики,

луки, стрелы и колчаны. Конвой этот состоял из людей рослых и сильных. Сэгин сделал соответственный выбор: Эль-Соль, Гарей, Рубэ, Санчес были в числе конвоя. Генри сам захотел сопровождать капитана.

И они, подобно навахо, вышли вперед и на глазах у всех сложили свои карабины. Пленных и той и другой стороны посадили на лошадей. Королева и пять мексиканских девушек были присоединены к пленным. Это была тактика Сэгина: он знал, что у него достаточно пленных для размена, не считая этих четырех белых девушек, но он сознавал, что если оставить сейчас «царицу тайн», то все переговоры не поведут ни к чему. Он решил приложить затем все свое дипломатическое искусство, чтобы добиться желаемого. В случае неудачи никогда не поздно прибегнуть к оружию.

Оба отряда двигались параллельно по берегам пропасти. Главные силы остались в наблюдательном положении, бросая время от времени друг на друга взгляды, полные ненависти и вражды. Но малейшее движение не могло остаться незамеченным: отряды стояли в открытой местности и не могли дать никакого подкрепления своим удалявшимся товарищам. Знамена мира развевались на обоих берегах, но воины держали лошадей оседланными и взнузданными, готовые скакать при первом подозрительном движении противника. Обе стороны с недоверием ждали, что будет.

19. БИТВА В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Заброшенный рудник находился в самом овраге; шахты, вероятно с большим трудом выдолбленные когда-то среди скал, походили на погреба или пещеры. Небольшой ручей протекал по дну оврага. По берегу ручья виднелись закоптелые хижины и другие постройки, наполовину развалившиеся. Вокруг них росли кактусы и другие колючие кусты. К руднику с обоих берегов шли вниз крутые тропинки, сходящиеся среди развалин.

Оба отряда остановились в виду хижин и обменялись сигналами. После коротких переговоров навахо предложили оставить пленных на береговых вершинах под охраной двух человек с каждой стороны. Остальные восемнадцать человек индейцев и столько же охотников должны сойти вниз к рудокопным постройкам, там выбрать место для совещаний, а перед началом их выкурить вместе «трубку мира». Это предложение Сэгину не улыбалось, он понимал, что в случае разрыва битва и даже победа над восемнадцатью индейцами не принесет ему при таких

условиях никакой пользы. Прежде, чем охотники после победы успеют добраться до белых пленниц, два навахо, к ним приставленные, угонят их назад, а то (страшно подумать!), пожалуй, и перебьют беззащитных женщин.

Сверх того, он понимал, что церемония с «трубкой мира» есть только проволочка времени, желательная для индейцев и опасная для охотников. Всякую минуту мог подоспеть отряд Дакомы. Но неприятель настаивал на своих предложениях: пришлось уступить.

Охотники слезли с лошадей, спустились к ручью и там очутились лицом к лицу с навахо. Несколько минут прошло в молчаливом рассматривании друг друга. Условие насчет «разоружения» было в одинаковой степени приведено в исполнение обеими сторонами: ручки томагавков у одних и пистолетов и ножей у других торчали самым невинным образом из-под плащей.

Наконец взаимный осмотр кончился, и приступили к делу. Тщетно искали удобного места, чтобы все могли усесться в кружок и приступить к «трубке мира».

Сэгин предложил устроиться в одной хижине, лучше других сохранившейся. Ее осмотрели, это оказалась старая кухня-плавильня, разные принадлежности ее и сейчас валялись на полу. Хижина состояла из одной большой горницы, с очагом посредине, в котором лежали уголья, потухшие много лет тому назад. Двое затопили очаг, остальные уселись на камнях и на полу вокруг очага.

Генри, опускаясь на землю, услышал визг и обернулся: к нему на грудь радостно бросился Альп, изъяснениям его восторга не предвиделось конца. Но вот наконец все уселись в два полукруга.

Тяжелая дверь еще висела на заржавленных петлях, окон в хижине не было, и для света дверь была оставлена отворенной. На очаге запылал огонь, и трубка, закуренная крайним индейцем, стала медленно переходить от одного к другому. Сэгин заметил, что навахо вместо того, чтобы пыхнуть раза два из трубки, курили долго, помногу, и вообще тянули время. Когда очередь курить дошла до охотников, трубка быстро пошла из рук в руки. Предварительный, так называемый «обряд миролюбия» был кончен, начались переговоры.

С первых же слов капитан почуял опасность. Навахо, молодые в особенности, приняли какой-то вызывающий тон, которого охотники не могли терпеливо выносить; они не вынесли бы его и одной минуты, если бы не горестные обстоятельства, в которых находился их предводитель. Из уважения к нему они хотя с

трудом, но сдерживали себя, однако малейшая искра могла породить всеобщий пожар.

Первый вопрос, предложенный на разрешение, был — число пленных. У навахо их было девятнадцать, у белых — двадцать один, не считая королевы и пяти мексиканок. Перевес был на стороне Сэгина, но индейцы не замедлили заявить претензию получить двух краснокожих за одну белую, объясняя это тем, что большая часть пленных, взятых в их поселении, почти дети. Сэгин объявил, что на такое бессмысленное требование он согласиться не может, но что, не желая удерживать у себя пленных, готов отдать за девятнадцать белых всех своих, числом двадцать один.

— Двадцать один! — вскричал молодой навахо. — Я насчитал их двадцать семь!

— Шесть из общего числа принадлежат нам, это — мексиканки.

— Шесть белых! — вскричал индеец. — Их там было только пять. Где же шестая? Может, наша королева? У нес белое лицо, и капитан по ошибке принял ее за бледнолицую.

— Ха-ха-ха! — раздался смех навахо, — нашу королеву принять за бледнолицую! Вот так новости!

— Ваша королева, если вы ее так хотите называть, — сказал Сэгин, — моя дочь.

— Как бы не так! — захохотали презрительно индейцы.

— Да, она моя дочь, — возразил Сэгин громким и дрогнувшим от волнения голосом.

— Не может этого быть, — ответил один из индейцев. — Твоя дочь находится в числе наших пленных, мы знаем. Она бела, как снег горных вершин, волосы ее золотистого цвета, как браслеты на руках. А у нашей королевы черные волосы и темное лицо. Среди нашего племени есть много женщин с такой же белой кожей, как у нее, а главное, волосы-то у нее черны, как вороново крыло. У нас дети одной семьи всегда похожи между собой. Я думаю, то же самое бывает и у белых. Если наша королева, как ты говоришь, твоя дочь, то девушка, находящаяся у нас в плену, тебе не дочь. Ты не можешь быть отцом их обеих, — так мало они друг на друга похожи. Но будет толковать об этом. Королева — нашего племени. Это дитя Монтесумы, королева навахо!

— Королева должна быть нам возвращена, она — наша, мы ее требуем!

Тщетно Сэгин выставял свои отцовские права, тщетно объяснял им время и подробности похищения его ребенка, — навахо упорно продолжали кричать:

— Это наша королева, отдай ее нам!

С трогательным и убедительным красноречием Сэгин стал объяснять старому вождю, дочь которого находилась в одинаковом с Аделью положении, свои права на найденную дочь; молодые воины отвечали на его горячую речь насмешками. Один прямо сказал: «Белый вождь бредит». Индейцы заявили, что не согласны ни на какие условия обмена, если им не будет возвращена королева. Ясно было, что суеверные индейцы придавали какое-то таинственное значение обладанию королевой. Даже между нею и Дакомой выбор был у них заранее решен. Требование свое они предъявляли в такой дерзкой форме, что охотники чуяли приближение роковой развязки. Карабинов налицо не было, а их только и боялись краснокожие. При нынешних условиях сражения они не сомневались в победе.

Да и охотники со своей стороны горели нетерпением схватиться врукопашную: они тоже были уверены в успехе и ждали только знака своего командира. Сэгин повернулся к ним, но, против их ожидания, с убеждением вооружиться хладнокровием и терпением. Затем, закрыв лицо руками, погрузился в размышление.

— Братья, — сказал наконец Сэгин после некоторого молчания, — вы отказываетесь верить, что я отец вашей королевы. Две из ваших пленниц — ее мать и сестра. Если вы искренни в своих уверениях, то не можете не принять моего предложения. Приведите этих двух пленниц, и я прикажу привести молодую королеву. Если она не признает своей матери и сестры, то вольна будет вернуться к навахо.

Охотники были изумлены, услышав речь капитана; ведь они все были свидетелями того, как все усилия Сэгина заставить узнать себя разбивались о холодную отчужденность дочери, и потому не понимали, на что рассчитывает он, предлагая такой опыт.

Генри после некоторого размышления понял, что Сэгина на эту меру могли подвигнуть лишь горькие, хотя и основательные соображения. Очевидно, он понял, что возвращение королевы — такое неизменное условие, без которого никакой размен состояться не может, иначе жена и дочь будут уведены в плен, где их ожидает страшная участь, тогда как королеву ожидает восторженная встреча со стороны навахо. Он жертвовал одной для спасения двух.

Да, но у Сэгина, сверх того, была и другая тайная мысль. Он надеялся, что раз жена и Зоя будут подле него, достаточно минутной свалки, чтобы завладеть дорогими пленницами, может быть, даже не отдавая Адели, — попытка рискованная, вызван-

ная безвыходностью положения. Сэгин не замедлил сообщить этот план своим товарищам, внушая им прежде всего благо-разумие и хладнокровие.

Индейцы, выслушав предложение, отошли в глубь хижины для совещания. По выражению их лиц видно было, что они не прочь принять его. Они еще раньше знаками переговаривались с королевой, стоявшей на берегу, должно быть, она сообщила им об ожидаемом прибытии отряда Дакомы. Чтобы выиграть время, лукавые навахо целый час употребили на совещание, и наконец объявили, что принимают предложение.

С каждой стороны отрядили по два человека за пленницами. Когда их привели, произошло трогательное свидание между Сэгином и его семьей, но радостные крики матери, нашедшей наконец свою давно потерянную дочь, не нашли отклика в сердце Адели. Молодая королева оставалась безучастной и только удивлением встретила объятия, слезы и ласки этой белой женщины, называвшей ее дочерью. Зоя между тем обнимала отца, а жених поцелуями и слезами покрывал протянутую ему руку.

Индейцы торжествовали; они были настолько жестоки, что не дали продлиться радостному свиданию и отвели пленных назад. Переговоры возобновились.

Индейцы настаивали на своем: они соглашались разменять взрослых женщин одну на одну, за Дакому давали двух, а за остальных несовершеннолетних индейцев давали по одной белой за двоих. Таким образом, охотники могли выкупить своих только двенадцать.

Видя, что индейцы решились не уступать, Сэгин изъявил свое согласие, требуя только, чтобы ему был предоставлен выбор освобождаемых пленниц. Это вполне естественное требование было также отвергнуто. С этой минуты не оставалось сомнения в исходе затянувшихся переговоров.

Воздух был, можно сказать, переполнен электричеством. Индейцы смотрели на охотников с насмешкой и презрением. Они торжествовали, убежденные в своем превосходстве. Охотники со своей стороны дрожали от негодования и злобы. Еще никогда им не приходилось играть такой унижительной роли перед индейцами; они привыкли считать их во всем ниже себя, — тем чувствительнее была для них нынешняя обида. Охотники испытывали нечто похожее на то, что испытывает начальник при виде возмущившегося подчиненного: удивление, обиду, негодование. Выражение лиц выдавало их внутреннее состояние: побелевшие губы, стиснутые зубы, воспаленные глаза, готовые, казалось, выскочить из орбит. Они сжимали под плащами рукоятки своего оружия и походили скорее на пантер, присевших перед прыж-

ком. Настала минута тяжелого зловещего молчания — предвестник бури. Вдруг раздался крик — это был крик белоголового орла.

Охотники не обратили бы на него особенного внимания (орлы довольно обычны в этих местах), но они заметили, что крик этот произвел особое впечатление на индейцев.

Что это? Уж не сигнал ли? Крик повторился, и хотя он был поразительно похож на крик орла, охотники почувствовали беспокойство.

Молодой вождь, одетый гусаром, встал. Он был самым неговорчивым из всех. Сэгин слышал от Рубэ, что это — человек, хотя и не заслуживающий уважения, но пользующийся большим влиянием среди индейцев.

— Почему, — спросил он, — вождь бледнолицых хочет сам выбирать освобождаемых пленниц? Уж не собирается ли он взять молодую девушку с золотыми волосами?

Сэгин молчал, пораженный этой дерзостью, и ждал, до чего дойдет, наконец, наглость молодого индейца.

— Если белый вождь думает, что наша королева его дочь, то отчего сестре не остаться при ней у нас?

Опять последовало молчание. Сэгин был нем по-прежнему.

— Отчего золотоволосой девушке не остаться среди нас? Я хочу взять ее себе в жены, а ведь я — вождь навахо, потомок Монтесумы, сын короля.

Дикарь с гордостью обвёл всех глазами, перечисляя свои титулы. Генри взглянул на Сэгина: у того глаза горели зловещим блеском, который предшествовал у него обыкновенно взрыву гнева; жилы на шее вздулись, вся фигура, казалось, выросла. В это время вновь раздался крик орла и в нем молодой индеец как бы почерпнул новый прилив наглости.

— А что такое эта девушка, которую я хочу сделать своей женой? Дочь ничтожного человека, которого и свои-то не слишком уважают. Но она мне нравится, и сегодня я повезу ее в землю навахо, и...

Окончить фразу ему не было суждено: пуля Сэгина ударила ему в лоб. Индеец упал с кровавым кружком на лбу и синевой от пороха вокруг него. Индейцы и охотники вскочили моментально. Из каждой груди раздался крик, призыв к мщению. Еще минута, и произошла общая свалка.

Стоны, проклятия раздавались в хижине. Слышались удары, наносимые по чему попало, и затем тяжелое падение смертельно раненных. Оставшиеся в живых задыхались от порохового дыма.

С самого начала сражения Генри, вооруженный револьвером, выстрелил в близстоявшего индейца и затем, уже почти не целясь, выпустил остальные заряды. Заткнув револьвер за пояс, он бросился к двери, но дверь перед ним захлопнулась; он обернулся и очутился лицом к лицу с индейцем, у которого в руке был поднятый томагавк.

Генри бросился на него, но не успел выхватить своего ножа, как уже почувствовал прикосновение к плечу холодного железа. Рана была легкая; противники схватились, и между ними завязалась рукопашная. Оружием они действовать не могли и только барахтались, поднимались, вновь падали и при одном из таких падений толкнули полуразрушенную стену, которая, не выдержав удара, рухнула. Сражавшиеся очутились на открытом месте.

В момент этого падения Генри наконец удалось выхватить свой нож, но действовать им он не мог, так как руку его держала рука индейца. Оба упали, индеец, очутившийся впису, вдруг захрипел, руки, сжимавшие Генри, стали ослабевать, глаза закрылись — он был мертв. Генри не сразу понял, как это случилось. Оказалось, что индеец упал прямо на его нож, всей тяжестью навалился на него и от этого умер.

Первая мысль Генри после освобождения от врага была — бежать на помощь Зое. Между тем, вследствие падения стены крыша рухнула прямо на огонь, и скоро вся хижина была охвачена пламенем. Материал был настолько горюч, что хижина занялась, как коробка спичек. Среди огня и удушливого дыма продолжалась ожесточенная борьба.

Генри не стал рассматривать сражающихся: он искал Зою и госпожу Сэгин. Вдруг он увидел на подъеме горы развевавшиеся платья женщин, которые в сопровождении двух индейцев удалялись к лагерю навахо. Он узнал их. Генри бросился было на выручку к ним, но в это время на горе появился отряд из 50 индейцев для сопровождения пленниц. Сделать какую-либо попытку при таких условиях было бы непростительным безрассудством.

Генри бросился назад, туда, где находились лошади и пленные навахо. Когда он переходил через ров, подле него просвистели две пули. Он взглянул вверх и увидел охотников, летевших галопом от массы преследовавших их конных индейцев. Это был отряд Дакомы. Не зная, на что решиться, Генри спрятался за куст кактуса и стал наблюдать.

Достигнув построек, охотники миновали их и продолжали бегство, отстреливаясь на ходу. Большая часть индейцев последовала за ними; другие остановились около пожарища и стали

шарить вокруг. Генри пополз вперед, нашел выход в какую-то подземную галерею и там притаился.

Вероятно, во время подземных работ тут была заложена шахта, ее провели на несколько сажений, потом признали неудобною и бросили. Генри добрался до глухой стены, откуда, усевшись на земле, мог в отверстие наблюдать за клочком равнины, видневшимся из щели. Не успел он успокоиться, как увидел две человеческие фигуры, ползком пробиравшиеся к тому же месту.

За ними показалось с полдюжины индейцев, они шарили в кустах и, видимо, искали скрывшихся от них бледнолицых. В преследуемых Генри признал Годэ и Рихтера. Они были уже почти вне опасности, на беду свою доктор нащупал под рукою какую-то ящерицу, приподнял ее, стал рассматривать и, видя в этой находке нечто новое для натуралиста, спрятал ее в свою сумку. Но миру не суждено было воспользоваться открытием самоотверженного ученого: подскакавшие индейцы пиками уложили обоих беглецов с их ящерицей. Генри пришлось оплакивать добрейшего доктора и веселого канадца, своего верного слугу.

Бедный, бедный Рихтер! С головы его слетела докторская шапочка, и кровавое скальпирование было наградой за верную службу науке. Другой навахо стоял на коленях подле лежавшего Годэ с ножом в руке; он долго любовался завитыми кудрями бледнолицего и заранее восхищался эффектом, какой произведет его великолепное украшение на боевом поясе. Дикарю хотелось, очевидно, сохранить в целости этот скальп, не потеряв из него ни одного волоска, поэтому он очертил по воздуху широкий круг ножом, затем одной рукой схватил за волосы, а другой... но прежде, чем нож дотронулся до кожи к великому изумлению и испугу индейца, скальп снялся без всякого усилия и без капли крови; в руках его остался парик, а голова Годэ блеснула перед ним, голая и гладкая, как мрамор.

Индеец испустил крик ужаса и, выронив из рук парик, откинулся назад и упал на труп доктора. На крик этот сбежались другие индейцы и по очереди стали рассматривать никогда не виданное чудо.

Один из них, более храбрый, взял в руки парик, и все с любопытством стали его рассматривать. Один за другим они подходили, трогали голый череп Годэ и удивлялись. Затем храбрец скинул свой головной убор из перьев, надел парик задом наперед и пошел, гордо подбоченясь, нисколько не смущаясь тем, что кудри парика падали ему на нос.

Но Генри было не до смеха; он был подавлен картиной смер-

ти двух близких людей. Думалось ему: жив ли Сэгин? Что с Зоей? Уведут ее в плен и сделают рабой какого-нибудь жестокого дикаря!.. Наконец, его собственное положение было не менее ужасно: не предвиделось выхода из него. Впрочем, если он и дорожил жизнью, то только для того, чтобы спасти Зою. О, если ему удастся выбраться на свободу, он употребит все свои силы и средства для достижения этой цели; он организует отряд и не покинет дела, пока не выручит Зою, в любовь ее он свято верит.

Несчастный Сэгин! Теперь Генри стало понятным, как человек может сделаться охотником за скальпами; он чувствовал, как в душе его закипала ненависть против индейцев.

Все эти мысли молнией пронеслись в голове Генри. Он стал оглядывать свое убежище, желая убедиться, насколько оно безопасно. Ведь индейцам могло придти в голову пошарить и в шахтах. Оглядывая пещеру, Генри увидел в глубине две светящиеся точки. Точки эти блестели, не мигая; сомнения не было — это была пара глаз! Генри не мог оторваться от них. Он не раз слышал, что дикого зверя можно зачаровать устремленным на него пристальным взором; он должен был испробовать теперь силу своих глаз и не мигая впери́л их в неведомого зверя. Думая об обороне, он пришел к тому заключению, что нож не много поможет ему в борьбе, лучше зарядить револьвер.

Не отрывая глаз от неведомого врага, он нащупал пороховницу и зарядил пистолет. В то время, как он, насаживая пистон, едва слышно стукнул пистолетным курком, глаза дикого зверя мигнули, дрогнули, — он, конечно, собирался броситься. С быстротою молнии Генри поднял револьвер, но прежде, чем успел выстрелить, услышал человеческий голос:

— Погодите, черт возьми! А ведь я думал, что против меня сидит каналья-индеец. Кто вы? Билл Гарей? Нет?

— Нет, — сказал Генри, — я не Билл Гарей.

— Да, Билл узнал бы меня раньше, он узнал бы Младенца по глазам, а старик узнал бы, в свою очередь, Билла. Боюсь, что бедного Гарей уж и на свете нет! Ах, проклятая история! Вот что значит оказаться без ружья! С моим карабином мне не пришлось бы прятаться в этой яме, как какому-нибудь трусливому зверю. Да, пропал мой чудный карабин, пропала и моя бедная кобыла. И я безоружен и беззащитен. Проклятая судьба!.. Вы молодой друг капитана?

— Да.

— Я не видал, как вы вошли сюда, а то, конечно, заговорил бы раньше. Я ранен в руку и, должно быть, осматривал рану

в то время, как вы вошли. За кого же вы меня приняли, что хотели стрелять?

— Да по меньшей мере за бурого медведя.

— Ха-ха-ха! вот так штука! Ну, если я увижусь с Гареем, посмеется он над тем, как старого Рубэ приняли за бурого медведя... Ха-ха-ха!

И старый зверолов так искренне засмеялся, как будто он был в веселом обществе за тысячу верст от всякой опасности.

20. ПРАЗДНЕСТВА

Зверолов уселся рядом с Генри, чтобы разговаривать потише и вместе наблюдать за тем, что происходит снаружи. Новая толпа индейцев остановилась у трупов; как прежние, они с недоумением разглядывали полированный череп лысого Годэ. Генри сообщил Рубэ свои опасения, как бы не открыли их убежища.

— Маловероятно, — шепнул Рубэ в ответ. — Не станут же они осматривать все шахты, ведь их по обеим сторонам наберется до сотни. Почти все наши попрятались в них. Я скорее думаю, что индейцы бросятся в другую сторону... Батюшки, собака бежит! Ах, проклятая, ведь она нас выдаст!

Генри сообщился ужас старого зверолова; он видел, как Альп бегал по оврагу, обнюхивая и отыскивая след своего хозяина. Почувяв его, наконец, он наткнулся дорогой на трупы убитых, на минуту остановился перед ними, потом одним прыжком очутился в пещере и бросился к своему господину. Раздавшийся в то же время радостный крик индейцев возвестил несчастным узникам, что убежище их открыто. Напрасно Рубэ отгонял и отталкивал Альпа ногой: выгнанный из пещеры, пес стал жалобно выть у входа, а там уже собралась кучка навахо, заслонившая собою свет и громко шумевшая.

— Вот когда надо пустить в дело револьвер, — сказал Рубэ, — заряжайте скорее его на шесть выстрелов.

— Успею ли? — спросил Генри.

— Успеете! Они сейчас пойдут в шалаш за светом. Готовьтесь же ухлопать побольше.

Едва Генри кончил заряжать, как у входа появился индеец с горящей головней, которую он собирался бросить в пещеру, чтобы осветить ее.

Генри выстрелил: индеец упал мертвый на головню. Раздался яростный крик индейцев; они отскочили от входа.

Немного спустя протянулись чьи-то руки и оттащили труп от

пещеры, а еще через несколько времени индейцы натащили хвосту, разложили костер у входа в пещеру и зажгли.

Острый удушливый дым под напором паружного воздуха стал наполнять пещеру. Генри почти задыхался, когда Рубэ сказал:

— Теперь пора, вперед!..

С храбростью отчаяния Генри бросился вперед, выстрелил раз, другой... Вокруг него мелькнули томагавки, ножи... еще выстрел, и...

Когда он пришел в себя, то лежал распростертым на земле.

Альп лизал ему лицо. Обморок был непродолжительный, индейцы стояли тут же вокруг и горячо разговаривали между собой, жестикулируя. Один из них оттолкнул других, стоявших подле. Это был Дакома.

Сильная боль в голове беспокоила Генри. Он испугался, уж не содрали ли с него скальп; ощупал волосы, и убедился, что ранен в голову ударом томагавка.

Рана была неопасная. Он вспомнил о товарище, стал оглядываться по сторонам, но нигде не видел Рубэ. Неужели тому удалось бежать?

Генри не дали долго задумываться по этому поводу. Двое индейцев взяли его, подвели к обгорелому шалашу и связали руки и ноги. Тут же находилось еще несколько охотников, тоже связанных. Между ними были Санчес — бывший наездник, Барней — ирландец с рыжими волосами, и еще трое, которых Генри не знал по именам. Все эти пленные сидели и стояли перед шалашом, откуда индейцы выбирали трупы своих и белых. Между последними Генри со страхом ожидал увидеть Сэгина; к счастью, его тут не было. Вокруг обгорелых трупов индейцы во все горло вопили и грозили мщением бледнолицым.

После этой церемонии они усадили или, лучше сказать, положили пленных на мулов таким образом: ноги их связали на груди мула, руки под брюхом, подбородок упирался в круп, — положение крайне неудобное. Мулы, не привыкшие к такого рода всадникам, ржали и брыкались, что причиняло новое страдание привязанным пленникам и доставляло большую радость диким мучителям.

Навахо разделились на два отряда и пошли по разным сторонам оврага. Один отряд повел пленных мексиканок и детей своего племени; другой, под командой Дакомы, взял Генри и других охотников. Все двинулись в одном направлении — на запад, через степь.

После четырех суток пути и четырех суток мучений для свя-

занных пленников, они пришли в долину навахо. Пленницы, приведенные первым отрядом, уже были тут, награбленный скот пасся врассыпную по равнине.

Толпа женщин и детей вышла навстречу своим воинам. Народу было много, вероятно, и соседние племена пришли для торжественной встречи победителей.

Между женщинами Генри заметил многих испанского типа. Это были пленницы, вышедшие замуж за индейцев или взятые в плен детьми, которые забыли свой народ и свой язык, как это случилось со старшей дочерью Сэгина. И эти женщины принимали участие в общей радости.

Пленных провели по улицам и вывели из города на запад, все время их преследовали насмешки и ругательства. Остановились на берегу реки, саженьях в тридцати от домов.

Тщетно Генри оглядывался по сторонам, ища пленниц, — он не видел ни одной. Где же они могли быть? Вероятно, в храме. Храм находился на другом конце селения, за домами, не было никакой возможности увидеть Зою и госпожу Сэгин!

Наконец развязали пленных, положили их на землю, привязав руки и ноги к воткнутым кольям, уложили попарно, так, что голова одного приходилась в коленях другого. Никакого движения ни рукой, ни ногой сделать нельзя было, можно было только ворочать головой и видеть впереди себя и в обе стороны.

С-Генри в паре был рыжий Барней. Как только уложили пленных, их тотчас окружили женщины и с пением и смехом стали плясать вокруг них. Особенное внимание обращала на себя пара Генри. Долго не мог он объяснить себе этого предпочтения. Оказалось, что ирландец потерял свою шапочку, и его золотистые огненные волосы привлекли внимание веселой толпы.

Пленные очень хорошо понимали, что если их не убили там, где взяли, в овраге, то единственно с целью помучить и принести в жертву своему богу Кветцалькольту, тем более, что индейцы никогда не оставляли в живых пленных воинов. Рубэ был редким исключением.

— Это бог огня у них, — объявил Санчес, — большой любитель человеческого мяса, в особенности жареного, как полагают его поклонники. Вот посмотрите; воины уже начали раскрашивать свои тела и вообще приводить в порядок свой туалет: «Маманчи», вероятно, скоро начнется. Я не любопытен, но за недостатком развлечений хотел бы посмотреть и на это. Негодяи могли бы нас хоть этим потешить.

Желание Санчеса исполнилось: индейцы, видимо, задались мыслью показать пленным племя навахо во всем блеске и славе. Их отвели на площадь перед храмом, оставили связанными,

но ремни отпустили настолько, чтобы можно было сесть. Облегчение это было им, конечно, дороже, чем ожидаемое зрелище.

Танец исполнялся, как предсказал Санчес, одними женщинами. Вереница молодых девушек в ярких платьях, с венками цветов на голове, двигалась по кругу и выделявала разные фигуры. На возвышении стояли молодой воин и молодая девушка, изображавшие собою короля Монтесуму и королеву. Вокруг них-то и ходил и кружился хоровод с плясками и песнями.

Кончилось дело тем, что все, принимавшие участие в пении и пляске, полукругом пали ниц перед троном, на котором восседали Дакома и Адель. Царица тайн казалась грустной; быть может, в душу ее закралось сожаление об отце, которого она оттолкнула и который вырвал было ее из власти ненавистного вождя, а может быть, она вспомнила старого жреца, убитого на ее глазах.

Большую часть следующей ночи дикари пировали. Пленным дали очень скромную порцию, чтобы только утолить голод. Они мучились жаждою: часовые были слишком ленивы и бесчеловечны и не хотели принести им воды, хотя река протекала тут же.

Праздник возобновился с утренней зарей. Громадные куски мяса жарились над кострами. Пленных вывели на зрелище, и на этот раз поместили несколько ближе к храму.

Генри едва взглянул на карусели индейцев. Там происходили состязания в умении владеть оружием и ездить на коне. Дикари скакали галопом, стоя на лошади на одной ноге, и при этом пускали стрелы в намеченную цель. Другие на бешеном скаку двух лошадей прыгали с одной на другую. Наконец, показывали ловкость в бросании лассо. Затем происходили бои всадников, где один старался выбить другого из седла, — нечто похожее на турниры средневековых рыцарей. В сущности, это было интересное зрелище — цирк среди пустыни.

Санчес глядел с большим удовольствием, чем Генри, на эти упражнения. Вдруг лицо его оживилось, и он обратился к одному из часовых на наречии навахо:

— Скажи своим воинам, что я умею такие штуки делать, каких не сможет и самый искусный из ваших наездников, и что я могу их научить, как надо выезжать лошадей.

Дикарь передал слова пленного вождям. Тотчас несколько навахо, из тех, что принимали участие в состязании, подошли к Санчесу.

— Ты, — сказали они, — жалкий белый невольник, думаешь тягаться с воинами-навахо?

— А ну, скажите: умеет кто-нибудь из вас проехаться на лошади, стоя на голове? — спросил Санчес, не смущаясь.

— На голове? Как это...

— Да, стоя на голове, когда лошадь скачет галопом.

— Ни ты, ни кто другой этого не может. Мы — лучшие наездники в округе — и то не можем этого сделать.

— А я могу! — торжествующим тоном заявил Санчес.

— Врет он! хвастается! сумасшедший! — раздалось в толпе индейцев.

— Пускай попробует, покажет, — сказал один из вождей. — Бояться нечего, от нас не убежит.

— Дайте мне мою лошадь, и вы увидите мое искусство. Стоит посмотреть.

— Которая твоя лошадь?

— Вон тот мустанг в яблоках, там, на лугу. Дайте мне место, и увидите.

Глядя в указанном направлении, Генри среди пасшихся лошадей узнал и своего Моро.

Индейцы после короткого совещания решили исполнить просьбу пленного. Ведь и в самом деле нечего опасаться, что он ускользнет. Любая индейская лошадь догонит этого мустанга в яблоках; к тому же у всех выходов из долины стоят часовые, так что вся равнина, строго говоря, одна тюрьма.

Санчес, освобожденный от ремней, стал делать свои приготовления. Он крепко привязал бизонью кожу на спину мустанга, затем повел его под уздцы и заставил сделать несколько кругов по одному и тому же следу. Когда лошадь освоилась с местом, наездник выпустил повод и как-то особенно гикнул. Мустанг тотчас пустился вскачь и ровным коротким галопом проскакал несколько раз по намеченному кругу. После двух или трех кругов Санчес вспрыгнул на лошадь и, встав на голову, держась руками, проехал таким образом перед индейцами.

Навахо впервые видели такую штуку, восторгу их не было конца. Они заставляли повторять фокус до тех пор, пока лошадь не покрылась пеной, а Санчес не покраснел как петух.

Несмотря на усталость, он не прежде сошел с арены, как показав индейцам все свое искусство, и удивил их вполне.

По окончании карусели пленников опять отвели к реке. Санчеса между ними уже не было. Его искусство спасло ему жизнь. Навахо возвели его в сан учителя верховой езды, но запретили ему водиться с другими пленными. Прощаясь и пожимая им руки, Санчес сказал:

— Бедные друзья завтрашний день страшит меня за вас. Постараюсь придумать что-нибудь для вашего спасения. Не

унывайте, соображайте и взвешивайте обстоятельства. Ах, только бы нам выиграть время!

И бравый наездник, уходя от них, пылливо смотрел на окружающие горы и леса, как бы отыскивая в них точку, откуда могла явиться помощь несчастным пленным.

21. БИТВА НА КРАЮ ПРОПАСТИ

На следующее утро, перед солнечным восходом, навахо отправились в лес, нарезали там прутьев и, возвратясь, стали наряжаться к празднику. Часовые отвели пленных к храму. На этот раз несчастный Генри мог видеть свою Зою довольно близко. Бедная девушка с террасы протягивала к нему руки и, как бы потеряв представление о расстоянии, готова была ринуться к нему вниз; руки подруг удерживали ее на месте.

Зоя узнала своего жениха, несмотря на пороховую копоть, покрывавшую его лицо, на всклокоченные волосы, на грязь и кровь, которыми была запачкана его одежда. Волнение обоих выразилось в воплях и неудержимых порывах друг к другу. Несмотря на связывавшие его веревки, Генри два раза вставал на ноги и пытался бежать к храму, но оба раза падал. В отчаянии, сознавая свое бессилие, он лежал распростертый на земле и видел, как Зоя упала, наконец, без чувств на руки своей матери.

Сам Генри тоже потерял сознание на некоторое время, по крайней мере он не понимал того, что происходило вокруг, все чувства и ощущения притупились, как бы замерли в нем. Когда наконец, он пришел в себя, все приготовления к жестокой забаве были сделаны. Индейцы встали в два ряда друг против друга, образовав живую аллею на протяжении нескольких сот метров; ширина аллей была три шага; каждый индеец был вооружен прутот. Пленные должны были пробежать по этой аллее под градом ударов. Тому, кто пробежит через всю аллею и благополучно достигнет горы, было обещано помилование.

Генри решил, что будет защищать свою жизнь до последней крайности. Не раз за эти дни, когда он обдумывал план бегства, ему вспоминалось то время, когда он так тяготился своей ни для кого не нужной жизнью, так искренне желал умереть, вспоминался Сен-Врэн, вырвавший его из этой мрачной апатии. Да, тогда было совсем другое: он был один, теперь не то. Ценою всевозможных страданий и усилий он хотел жить во что бы то ни стало, чтобы свидеться с Сен-Врэном и Сэгином, чтобы общими силами сделать все для освобождения дорогих пленниц

и теперешних своих товарищей по несчастью. В душе его теперь было столько новых чувств, новых привязанностей, жажда жизни пробудилась в нем. Он весь погрузился в мысли о побеге. Успех Санчеса подал и ему некоторую надежду. Но прежде всего надо было раздобыть оружие. Он был очень искусен в беге и мог бы спастись даже обезоруженный, благодаря лишь быстроте своих ног. Но что если между навахо найдется такой же быстроногий? Чем оборониться? Его могут убить, это он знает, но такую скорую смерть он предпочитает тем мучениям, которые ожидают его завтра. Итак, с оружием или без него, он решил попытать счастья, хотя бы за эту попытку пришлось заплатить жизнью.

Барнея развязали, он должен был бежать первым. На том месте, откуда начинался бег, стояла кучка навахо. Старики, дети, больные — все пришли, чтобы насладиться зрелищем.

И уж, конечно, никому из присутствовавших краснокожих не приходило в голову, что один из пленных замышляет в эту минуту бегство, — бегство с равнины, покрытой сотнями людей, где все входы и выходы заняты часовыми, где пасется стадо мустангов, готовое пуститься в погоню.

Бедняга Барней тронулся в путь. Он был плохой бегун, не дошел и до середины шеренги, как упал под ударами палок. Его, окровавленного и без чувств, вынесли под смех толпы. Второго, а за ним и третьего пленного постигла та же участь. Очередь была за Генри.

Его развязывают. Он потягивается и разминает затекшие руки и ноги, собирается с силами, призывает всю свою энергию и бодрость для предстоящего дела. Сигнал подан. Индейцы становятся на места и потрясают своими палками в ожидании начала бега и начала истязаний.

Дакома все еще стоит позади Генри.

Одним взглядом Генри определяет расстояние, отделяющее его от Дакомы, отступает назад на несколько шагов как бы для разбега и, поравнявшись с вождем, быстро оборачивается к нему, мгновенно вырывает у него томагавк из-за пояса и заносит его над головой Дакомы, но тот успевает уклониться от удара. Ударить во второй раз уже нет времени; Генри как бешеный, бросается бежать... но не вдоль шеренги, где стоят в два ряда молодые воины, а в сторону стариков; те выхватывают ножи, чтобы преградить дорогу беглецу и уложить его на месте, но Генри делает необыкновенно высокий прыжок через головы некоторых, других отталкивает в сторону и бежит, — бежит стремительно по равнине к лесу. Через минуту все летят уже за ним в погоню.

Генри бежал по наперед избранному направлению, к тому месту, где паслись лошади. Пробежав милью, он обернулся: лучшие бегуны отстали и были шагов на триста позади, но Генри к своему ужасу увидел, что некоторые уже садятся на лошадей. До табуна оставалась еще миля; если свистнуть, услышит ли его Моро на таком расстоянии? Генрих решился попробовать; он пронзительно свистнул и закричал:

— Моро! Моро!

И вот от стада уже отделяется какая-то лошадь — это Моро! — оглядывается в его сторону, весело ржет и как молния бросается к хозяину. Генри вскакивает на него и без седла, без узды несется на своем арабском коне к западной окраине долины. За ним раздаются крики и проклятия индейцев. Генри оглядывается, видит десяток скачущих всадников, но теперь он не боится их: он слишком хорошо знает превосходство своего Моро. И когда Генри, проскакав двенадцать миль по долине, добрался до горного хребта, он увидел, что преследовавшие его краснокожие остались далеко позади.

Несколько дней отдыха на хорошем пастбище вполне восстановили силы Моро, и он без труда стал взбираться в гору...

Дорога шла лесом, между кедрами, делала изгибы и, наконец, обратившись в узкую тропинку, выходила на берег пропасти. У обрыва Генри как раз должен был очутиться в виду наблюдательного поста с вершины.

Он не ошибся: пост сторожевой был, но состоял, по счастью, только из одного индейца. Индеец сидел на вершине холма, темно-красная фигура отчетливо обрисовывалась на голубом фоне неба. Расстояние между ним и Генри было в двести метров, а по тропинке надо было проехать на виду почти треть этого расстояния. До сей поры индеец ничего не слышал. Он сидел, повернувшись к беглецу спиной и устремив взор на долину. Пика его была воткнута в землю, тут же лежал лук и колчан со стрелами. При нем были только томагавк и нож.

В одно мгновение Генри решил добраться до ущелья, прежде чем индеец успеет спуститься и загородить путь. Он стал подвигаться медленно, со всеми предосторожностями, надеясь пройти незаметно. Поток ревел внизу и заглушал топот копыт Моро. И вот, глядя то на опасную дорогу, то на часового, Генри пробирался по карнизу. Шагов через двадцать он выехал на небольшую площадку и тут, к ужасу своему, увидел, что индейский часовой не один. Инстинктивно Генри ухватился за гриву Моро. Это было знаком коню остановиться.

Впереди, заграждая путь, стоял еще индеец, и с ним две лошади в поводу. На мустангах были седла, к одному из них

привязано лассо; конец его индеец держал в руке и, казалось, дремал. Подле него были лук, стрелы и пика.

Идти далее было необходимо, но как пройти незамеченным? Вернуться назад невозможно: тропинка так узка, что повернуть лошадь негде... Генри уже думал слезть с лошади, подобраться тихонько к индейцу и раскроить ему череп томагавком. Моро лишил его возможности привести жестокий план в исполнение. Горя нетерпением покончить это опасное путешествие и наскучив стоять на месте, конь фыркнул и стал бить копытом. Мустанги тотчас отозвались ржанием... Навахо проснулся, схватил лук, вскочил на лошадь, товарищ его закричал что-то с холма и стал быстро спускаться к ним.

Головы двух лошадей встретились, они остановились, раздвывая ноздри. Встреча произошла как раз на самом узком месте тропинки. Ни та, ни другая лошадь не могла ни отступить, ни повернуться. Одна из них должна была очистить дорогу и слететь в пропасть — с высоты тысячи футов и бешеный поток внизу!

В эту критическую минуту три плана мелькнули в голове Генри: заставить Моро двинуться вперед и своим напором столкнуть мустанга в пропасть... Но на Моро не было узды, а у Генри не было шпор, чтобы заставить его сделать это, и успех был маловероятен. Затем Генри думал запустить в голову индейца томагавком... Ну, а если он промахнется... Наконец, он решил соскочить с коня и броситься на лошадь индейца. Пока он слезал, стрела чуть не задела его по щеке, она просвистела мимо только благодаря быстроте его движений.

Генри протиснулся подле Моро и встал перед мустангом. Животное с фырканием поднялось на дыбы, но, конечно, сейчас же опустилось. Индеец готовился пустить вторую стрелу, но ей не суждено было лететь. В тот момент, когда лошадь опускала передние ноги на землю, Генри со всего размаху ударил ее по голове; мустанг осел и, потеряв равновесие, сорвался и полетел в пропасть, унося с собою всадника, тщетно пытавшегося высвободиться из седла. Оба летели вниз, раздался глухой шум падения — они достигли потока.

Когда Генри приподнялся с колена, на которое опустился, чтобы сильнее ударить мустанга, он увидел, что другой навахо мчится к нему с пикой в руке. Он отшатнулся, чтобы не быть проткнутым насквозь, и отпарировал удар томагавком. Враги сшиблись с такой силой, что оба упали на землю у самого края пропасти.

Поднялись, и началась борьба. Индеец бросил пикку и действовал только томагавком. Они дрались молча, дрались с оже-

стечением, нанося друг другу страшные удары, и, оба израненные, все-таки продолжали отражать удары. Наконец Генри удалось отбросить врага от края пропасти на площадку. Тут свалка продолжалась, одновременно поднятые томагавки ударились друг о друга так сильно, что вырвались из рук сражавшихся. Враги сцепились в рукопашной и опять свалились на землю. Генри вскоре почувствовал, что индеец сильнее его. Мускулистые руки навахо так сжимали его, что у него трещали кости. Тем не менее, и Генри удавалось иногда быть наверху и давить индейца. Катаясь по земле, борцы приблизились снова к краю обрыва. Генри ослабевал, он уже чувствовал, что сильная рука индейца сдавила ему горло... Он задыхался, перестал сопротивляться... предчувствуя близость смерти, стал вспоминать тех, кого любил... в глазах его мутилось, сознание исчезало видно, конец!..

Когда он пришел в себя, то увидел, что лежит все на том же месте. Обморок был непродолжителен, так как Генри ощущал еще боль от последних ударов врага. Он весь изранен, в крови, на лбу холодный пот... Но где же индеец? куда он делся? Почему не воспользовался этим обмороком, чтобы столкнуть Генри в пропасть?.. Генри поднялся на локти и осмотрелся кругом. На площадке были только Моро и мустанг, в отчаянной борьбе между собой они били друг друга копытами и кусались.

Вдруг Генри услышал шум ожесточенной борьбы, вой собаки, терзавшей врага, и стоны ослабевшей жертвы. Звуки эти доносились из расселины скалы, недалеко от площадки. Генри встал на ослабевшие ноги, подошел к расселине и в глубине ее увидел Альпа, рвавшего на клочки тело истерзанного, еле живого навахо.

Вдруг Генри услышал другие крики позади себя. Индейцы, гнавшиеся за ним, были уже на горе и торопили лошадей к ущелью. Генри вскочил поскорей на Моро, направил его к выходу, завернул за скалу и спустился с горы. Когда он был у подножия, к нему выскочил Альп. Весь в крови, запыхавшийся, он радостно бросился к своему хозяину, которому только что спас жизнь. Генри не мог дать себе ясного отчета, как все это произошло... Не время было предаваться догадкам: он был не более как на полмили впереди индейцев, они уже начали спускаться с горы. И Генри поскакал по направлению к снежной вершине, единственно заметному пункту на всей равнине.

Снеговая вершина виднелась впереди на расстоянии около тридцати миль; вплоть до нее равнина была совершенно открытая, голая: ни дерева, ни ручья, ни холмика, только кое-где кусты полыни. Полдень еще не наступал. Успеет ли Генри до ночи

доскакать до снежной вершины? Если это удастся, он поедет далее по старой рудничной дороге и достигнет Дель-Норте по берегу одного из ее притоков.

Весь день Генри оставался на виду у индейцев; он видел их оружие, мог их сосчитать. Их было всего человек двадцать. Более слабые повернули назад, и погоню продолжали только всадники на лучших конях.

Приближаясь к снежной горе, Генри вспомнил, что на месте старого становища охотников была вода. Он припустил коня, чтобы поскорее напоить его и самому напиться. Подле ручья была отличная густая трава, и Генри хотелось также подкрепить пищей своего скакуна. Ведь спасение зависело от него, надо было позаботиться о сохранении его сил.

Солнце уже близилось к закату, когда Генри подъезжал к ущелью. Прежде чем вступить туда, он оглянулся назад. За последний час он значительно опередил погоню. Индейцы были милях в трех позади; лошади их, видимо, устали.

Почувствовав себя вне близкой опасности, Генри вздохнул свободнее; теперь он мог заняться планом своих дальнейших действий.

Избавившись от индейцев, он доедет по знакомой дороге до Эль-Пасо, там немедленно наберет отряд больше того, какой был под командой Сэгина, людей наwerbует из каравана Сен-Врэна и по всем углам и закоулкам, где есть охотники и звероловы, воззовет к помощи правительства и выпросит себе войска. Что касается материальных средств, Генри отдаст все свое состояние этим людям. Наконец, он будет просить помощи у пограничных поселений, он...

— Святой Иосиф! Смотрите, что это за кавалер скачет без седла и узды?

Пять или шесть человек; вооруженных карабинами, вышли из-за скал и окружили беглеца.

— Чтоб меня индейцы съели, если это не наш молодой человек, который принял меня за бурого медведя! Право, он!

— Рубэ! Гарей! — вскричал, задыхаясь, Генри.

Но третий охотник встретил его еще горячее, он бросился к нему, и так стремительно, что Генри свалился с лошади прямо в крепкие объятия. Его восторженно обнимали и целовали, на лице своем он чувствовал чьи-то слезы.

— Сен-Врэн! — воскликнул он.

— Господи! Неужели это ты, Генри? — повторял тот, сжимая руку брата и не будучи в силах удержаться от рыданий. — Каким чудом, мой дорогой, спасся ты от этих извергов-индейцев?

— Скажи мне прежде, — возразил Генри, — как ты сам очутился здесь и с нашими?

— Он еще спрашивает об этом! Каков! Но прежде всего, не ранен ли ты?

— Пустяки. Что же вы тут делаете? Много ли вас?

— Мы составляем передовой пост, а армия за нами.

— Какая армия?

— Мы ее так называем, потому что в ней до шестисот человек, а это по-здешнему — целая армия.

— Что же это за люди?

— А тут есть всех сортов и всех цветов: жители Чихуахуа и Эль-Пасо, негры, охотники, звероловы, все погонщики из нашего каравана, потому что, суди сам, не мог же я собирать барыши и бездельничать, когда узнал, что ты принял участие в такой опасной экспедиции. Я кликнул клич, собрал кого мог и составил отряд. Да наконец, с нами и отряд Сэгина.

— Сэгин жив и здоров? — вскричал Генри. — Ведите меня скорее к нему.

— Сейчас, сейчас, — сказал Сен-Врэн, — Да, он жив и здоров. Мы сделали его своим главнокомандующим. Лагерь там, у ручья. Тебе нужно хорошенько оправиться, поесть и отдохнуть, мой бедный друг. За это я берусь, и уж больше не покину тебя.

— Постойте, да ведь за мной погоня!

— Погоня! — вскричали охотники, хватаясь за ружья и оглядываясь. — Как она велика?

— Человек двадцать, кажется.

« — Далеко они?

— Пожалуй, что мили на три я их опередил, да и лошади их измучились. Вот, судите по Моро. Лежит и не может отдышаться, а на траву и не глядит.

— Значит, через три четверти часа, самое раннее через полчаса... Господин Сен-Врэн, вы успеете дойти до капитана и предупредить его, а он уж распорядится.

Генри последовал за Сен-Врэном к ручью. Там увидел огромный лагерь и в нем, действительно, можно сказать «армию», так как триста человек даже одеты были по одному образцу: это были волонтеры из Эль-Пасо и Чихуахуа.

Последний жестокий набег индейцев привел пограничных поселенцев в такое отчаяние и озлобление, что они решились вооружиться поголовно и проучить краснокожих хищников. Сен-Врэн присоединился к ним и словом своим и примером немало содействовал осуществлению похода. Надо же было избавить страну от слишком смелых и дерзких нападений индейцев. По дороге ополчение это встретило отряд Сэгина, и вот соединенные

отряды образовали одну «армию», которую Сэгин и повел по следам навахо на выручку пленных. Большая часть охотников Сэгина спаслась в битве при овраге. Генри с радостью увидел Эль-Соля и Луну в палатке капитана, а Сэгин, обнимая его, с трепетом расспрашивал об участии пленниц.

— Пока они живы и здоровы, — вот все, что мог сказать ему Генри.

Время было слишком дорого, и терять его на рассуждения было безрассудно. Сто человек сели на коней и поскакали ко входу в ущелье. Там они устроили засаду в скалах. Приказ был взять всех индейцев, живыми или мертвыми. Сначала надо было пропустить их мимо засады, а потом, когда они будут в виду армии, ударить с тылу и поставить между двух огней.

Почва была каменистая, и охотники не оставляли следов на земле. К тому же индейцы, увлекшись преследованием беглеца, едва ли обратят внимание на могущий где-либо оказаться след — они слишком далеки от мысли встретить здесь целый отряд бледнолицых. С той минуты, как они вступят в ущелье, им нет надежды спастись. Ущелье узкое, с обеих его сторон почти отвесные скалы, а сзади и спереди вооруженный неприятель.

Едва успела другая сотня охотников расположиться у выхода на противоположном конце ущелья, как на повороте показался передовой индеец — все они уже миновали засаду. Увидав массу вооруженных людей, индеец остановился, пораженный, потом быстро повернул коня и крикнул товарищам; те последовали его примеру, поспешно обратились назад и наткнулись на сотню, вышедшую из засады. Запертые с двух сторон в узком ущелье, индейцы не могли даже сопротивляться. Их взяли живыми в плен, связали и повели в ставку Сэгина.

Старшины собрались к Сэгину на совет, чтобы решить, как и когда атаковать поселение навахо. Следует ли тотчас же ночью тронуться в путь? Спросили мнение Генри, тот настаивал на необходимости неотложного быстрого нападения, надо как можно скорее выручить пленных. Сэгин был тоже против всякой отсрочки. Пленных своих навахо собирались казнить завтра, если поторопиться — можно еще поспеть вовремя и спасти их.

Затем надо было выбрать самый способ атаки. Отряд, хотя и довольно многочисленный, не мог открыто идти на поселение навахо. Расставленные по всем путям часовые предупредят своих о приближении врага, все меры для охраны будут приняты, и тогда нелегко будет овладеть городом, потери будут больше.

— Сделаем вот как: разделимся на две части, — сказал один

из старых охотников, — и нападём на них с двух сторон; индейцы очутятся у нас, как в ловушке...

— Нет, это неудобно, — возразил другой. — Не забудьте, что там на десять миль лес. Индейцы рассыплются по лесу, ищи их там...

Эти веские соображения заставили совершенно отказаться от мысли об открытом нападении, и на совет был призван доморощенный стратег, старый зверолов без ушей и скальпа.

— Капитан, — сказал Рубэ, — нам нет надобности обнаруживать себя прежде, чем мы овладеем ущельем.

— Да как же это сделать?

— Очень просто. Надо с двадцати пленных индейцев снять платье и оружие и нарядить во все это наших двадцать молодых. Переодетые, мы как будто поведем пойманного нами беглеца, господина Галлера, который, между прочим, принял меня за бурого медведя, как вам это нравится? Меня, Младенца, за медведя! Так вот, мы и поведем его, как пленного.

— Значит, эти двадцать человек будут нашим авангардом и подождут прибытия главных сил?

— Так именно и думает Младенец.

— Ну, если господин Галлер достаточно отдохнул...

Слова эти Сэгин произнес, с сожалением глядя на бедного Генри.

Генри заявил, что он готов в дорогу хоть сию минуту. Его легкие раны были уже перевязаны, он аппетитно поел и даже часок вздремнул, и теперь горел нетерпением действовать как можно скорее.

Сэгин приказал снять с индейцев платье — это были по большей части вещи, украденные у мексиканцев за последние набеги. Тут были одеяния всех видов и всех цветов.

— Капитан, — сказал Рубэ Сэгину, набиравшему команду, — советую вам назначить в отряд побольше делаваров. Ведь эти навахо очень хитрый народ, их нелегко провести. Они и при луне узнают бледнолицых. Те из нас, которые поступят в отряд, должны выкраситься на индейский манер, иначе вся наша затея пропадет даром.

Сэгин послушался Рубэ и назначил в передовой отряд большинство делаваров и шауни.

Прежде чем догорели последние лучи солнца, отряд был готов и выступил. Главные силы армии, под командой Сен-Врэна, должны были следовать за ним на расстоянии одного часа пути. Несколько мексиканцев было оставлено у ручья сторожить пленных навахо.

22. ВТОРЖЕНИЕ В ГОРОД

Авангард перешел равнину и подошел к Навакскому ущелью с восточной стороны, часа за два до восхода солнца. Тут был сторожевой пост, состоявший из пяти навахо. Они доверчиво подпустили к себе переодетый отряд и, оторопелые, были взяты в плен без сопротивления и без выстрела. Дело было сделано. Вскоре прибыл и главный отряд и, предшествуемый авангардом, прошел ущелье. Остановились в лесу у реки для отдыха.

В долине царила полная тишина, луна освещала спящий город. Две-три черные тени стояли у реки, Генри узнал в них сторожей, приставленных к пленникам. Стало быть, бедняги еще и не подозревают, конечно, что помощь и освобождение так близки.

Атаку отложили до утра. Дело было потруднее, чем в первый раз: теперь для защиты города в нем было шестьсот воинов, и битва грозила быть кровопролитной. Сэгин со своей стороны был почти уверен в победе, он трепетал только при мысли, что навахо из мести умертвят во время нападения всех своих белых пленников. Они поймут, что главная цель нападения — освобождение пленных, и назло перебьют их. Предположение очень вероятное. Утешительно только то, что все пленные находятся в одном месте, в храме, а с ними царица тайн.

Решено было, что с первым проблеском утренней зари отряд переодетых охотников с «пойманным» Генри подскочит прямо к храму и овладеет им. Этим будет отрезан индейцам доступ к пленным. По сигналу Сэгина или, в случае сопротивления, по первому выстрелу вся армия галопом ворвется в город.

Заря, так нетерпеливо ожидаемая Генри и Сэгином, наконец занялась...

Едва молочно-кварцевые горы покрылись румянцем, как передовой отряд подскочил к городу. Генри, будто бы связанный, ехал между двух делаваров.

Подъезжая к жилищам, они увидали нескольких навахо на террасах. Те, приняв их за своих, вернувшихся с удачной погони, стали перебегать из одного дома в другой и сзывать народ. По улицам раздавались радостные восклицания. Отряд, избегая улиц, стороной пробирался к храму.

Добравшись до него, все двадцать человек соскочили с лошадей и бросились к лестницам. На террасах храма уже стояли женщины и с любопытством смотрели на это нашествие. Сэгин узнал между ними Адель; он схватил ее и запер в одну из внутренних комнат. Минуту спустя госпожа Сэгин и Зоя были в объятиях капитана; Генри достался поцелуй от матери

невесты, а сама она счастливо улыбалась ему сквозь обильные слезы. Другие пленницы были тут же. Не теряя времени на рассуждения, Сэгин всех их запер и к дверям приставил людей с револьверами в руках. Все это совершилось очень быстро. Вдруг дикий крик, раздавшийся снизу, дал знать, что хитрость их открыта. Вопли ярости и отчаяния раздавались повсюду. Воины со всех сторон стекались к храму, засвистели стрелы; но тут среди шума и гама раздался призывный сигнал рожка.

Армия выступила из леса и галопом понеслась к городу. Она разделилась на два отряда, чтобы произвести нападение с двух сторон. Несмотря на град стрел, поразивший немало народу, охотники ворвались на улицы, и тут началась ожесточенная схватка. Сражались во всех концах города. Отряд, предводительствуемый Эль-Содем и Сен-Врэнном, направился к храму. Убедившись, что пленницы в полной безопасности, охотники спешили и бросились в дома, выбивая оттуда защищавших их воинов. Терраса каждого дома стала местом ожесточенной схватки. Женщины с распущенными волосами и дикими воплями бегали по улицам или укрывались в лесу. Испуганные лошади кидались из улицы в улицу и, волоча поводья, скакали в поле. Те, что были заперты, ржали, бились и вырывались на волю, проломив плетни и загородки. Всюду было невообразимое смятение.

Генри был немым зрителем этой кровавой драмы. Он охранял дверь, за которой находились пленные. С его высокого поста ему видны были все подробности битвы. Много людей падало с той и другой стороны, навахо защищались отчаянно. Генри, однако, не сомневался в исходе борьбы: у белых слишком много накопилось обид, воспоминания о перенесенных страданиях удваивали их храбрость. На их стороне был и перевес оружия, так как длинные индейские пики, столь опасные в открытом поле, при данной обстановке, в тесноте, теряли свои преимущества.

В то время, как взор Генри скользил с одного дома на другой, он увидел на террасе соседнего дома страшную сцену, поглотившую его внимание.

Двое людей сцепились на крыше в ожесточенной борьбе — борьбе не на живот, а на смерть. Это были Дакома и Эль-Соль. Генри узнал их по одежде. У навахо была пика, у марикопы — ружье, прикладом которого он действовал как дубиной. В ту минуту, как Генри взглянул на них, Дакома отступил на шаг, направил пику, и, прежде чем Эль-Соль успел парировать, вонзил ее ему в плечо. Генри вскрикнул — он ожидал, что друг его тотчас падет мертвым. Но каково же было его изумление, когда

он увидел, что Эль-Соль, невзирая на пику, с поднятым томагавком бросился на Дакому, раздробил ему голову и поверг к своим ногам. Но тут же и сам он с пикой в плече упал на труп врага. Через несколько мгновений Эль-Соль с большим усилием приподнялся, вытащил пику и, наклонясь через перила, закричал ослабевшим, но все-таки торжествующим голосом:

— Сюда, Луна! Смотри, я отомстил за смерть нашей матери!

Генри видел, как молодая девушка поднялась на крышу, вслед за нею Гарей, как тот взял на руки раненого марикопу, потерявшего сознание от последнего сделанного усилия. Рубэ, Сен-Врэн и еще некоторые подоспели на помощь и осмотрели раненого. Генри не смел покинуть пост, ему вверенный; он с тревогой следил за осмотром раненого, за выражением лиц своих друзей. Слава Богу, марикопы был ранен хотя и тяжело, но не смертельно. Это утешительное известие принес своему брату Сен-Врэн.

Сражение кончилось. Оставшиеся в живых навахо бежали в лес.

Цель похода была достигнута: большое число пленных, которых родные считали давно погибшими, освобождены. Ясно, что после такого урока навахо надолго потеряют охоту к набегам.

На другой день, на восходе солнца, армия прошла ущелье и направилась к снежным горам.

Этот переход по степи вознаграждал Генри за все перенесенные труды. Он выполнил задачу, на него возложенную, исполнил данный обет и заслужил руку Зои. Он неустанно оберегал свою невесту, несмотря на подшучиванья Сен-Врэна, который говорил, что излечение Генри от мизантропии обошлось ему довольно дорого, и спрашивал, не чувствует ли он опять приступов этой болезни.

Воспоминание о недавних опасностях и лишениях поднимало цепу нынешнего благополучия, которым так заслуженно наслаждался теперь молодой человек. Он покидал Зою разве только для того, чтобы взглянуть на Эль-Соля, которого несли на специально устроенных носилках, несмотря на упорно выражаемое им желание ехать на лошади. И каждый раз Генри видел по обеим сторонам носилок Луну и Гарей. Эль-Соль быстро направлялся. Страдания от раны не уменьшили его обычной прозорливости, и он отлично подметил раз улыбку Генри, когда тот смотрел на Луну и Гарей в то время, как они усердно хлопотали около носилок марикопы.

— Отчего бы и нет? — сказал Эль-Соль, как бы в ответ на невысказанную мысль Генри. — Не лучше ли нам слиться с бе-

лыми, чем враждовать с ними? Любовь не выше ли ненависти? Людские племена разве не сродни между собой и не созданы для того, чтобы восполнять друг друга? Или вы скажете мне, что это рассуждение краснокожего?..

Генри взял Эль-Соля за руки и, крепко пожимая их, выразил ему при этом удобном случае всю любовь и уважение, которые к нему питал.

Луна и Гарей отошли между тем в сторону. Марикоп, сконфуженный похвалами Генри, продолжал:

— Сестра моя во многих отношениях совершенная дикарка, но у нее благородная душа, и я очень рад, что она, наконец, оценила преданность и любовь этого славного малого, который любит ее уже два года. Что касается меня, то я только наполовину индеец и не могу уже предводительствовать своим племенем, то есть не могу жить с ним. И вот сестра, с помощью моих советов, возьмет в руки власть, и я уверен, что муж ее, такой храбрый и великодушный, как Гарей, скоро будет принят марикопами в свою среду и сделается их повелителем.

— А вы, Эль-Соль, — в Генри заговорил счастливый жених, готовый всякого женить, — вы сами отчего не последуете примеру Луны? Вы также можете применить вашу теорию о слиянии племен на практике. Не одна бледнолицая охотно сделается вашей женою.

Марикоп вздохнул, и при этом невольно взглянул в ту сторону, где была палатка Сэгина...

Путь совершался без препятствий. Преследования не было, вероятно, индейцам не удалось набрать достаточно войска. Тем не менее, армия двигалась так быстро, как только позволяло положение раненых.

На пятый день подошли к злосчастному оврагу Дель-Оро, прошли мимо старых копей, где в кровопролитной схватке был взят в плен Генри и были убиты многие товарищи. Тут остановились для погребения останков доктора Рихтера, Годэ и других охотников, убитых в хижине, в которой происходили мирные переговоры. Госпожа Сэгин и Зоя пролили немало слез над могилой своего старого друга.

Несколько дней спустя армия торжественно вступала в город Эль-Пасо. Все население города высыпало навстречу победителям с радостными приветствиями. Немногие шли только из одного любопытства — большая часть была лично заинтересована в успехе похода. Женщины встречали отцов, братьев и мужей, благополучно вернувшихся из опасного и трудного предприятия.

На следующий день Сэгин собрался уже ехать к себе домой на Дель-Норте. Он узнал, что усадьба его уцелела, так как навахо, испугавшись ополчения, не успели ни ограбить, ни поджечь постройки и ограничились тем, что увели двух пленниц. Сэгин увозил с собой Сен-Врэна и Генри; Эль-Соль, само собой, ехал туда же до своего выздоровления, с ним сестра его Луна. Сэгин понимал, что для полной всеобщей радости надо пригласить и молодого Гарей, что и сделал очень охотно.

Сначала Эль-Соль из скромности отказывался от приглашения, но в конце концов должен был уступить настояниям и просьбам капитана. Старшая дочь Сэгина по-прежнему пребывала в суровом молчании. Все время пути она упорно отклоняла ласки матери и сестры и только к одной Луне выказывала некоторое расположение. С ней она могла говорить на том языке, который все еще считала родным. Уверенность ее в индейском своем происхождении была, вероятно, также причиной дружелюбного отношения и к Эль-Солю. Она часто помогала Луне в уходе за раненым братом и все убеждала их вернуться на родину, увезти ее от этих бледнолицых, которые обманом хотят выманить у нее любовь. Напрасно Луна тратила свое красноречие, уверяя Адель, что Сэгин действительно ее отец. Только через Луну знали родные о печальном настроении бедной девушки. Поэтому Сэгин просил, как услуги, чтобы марикопы побыли у него в доме некоторое время ради старшей его дочери.

Спустя неделю по возвращении друзей наших в Дель-Норте все собрались на террасе дома. Счастливые Генри и Зоя приходили и уходили; казалось, все им улыбалось, и прежде всего их совместное будущее. Сэгин, сложив руки на груди, с низко опущенной головой ходил по террасе взад и вперед, невеселые думы омрачали его чело.

Госпожа Сэгин, с лицом, также отуманенным грустью, глядела на свою старшую дочь, которая продолжала дичиться ее, как и всех прочих.

Адель не носила уже индейского костюма, но, видимо, тяготилась надетым на нее городским платьем; в припадке детской дикой злобы она мяла юбки, рвала кружева, и, вообще, выказывала полное отвращение к новому костюму. Забившись в угол террасы, сидя на полу, она глядела вдаль на снежные вершины Мимбрских гор, заграждавших выход из долины. Там, за этими горами, была ее родина... она в этом ни минуты не сомневалась.

Изредка, когда Луна подходила к ней и дружески клала ей руку на плечо, Адель поднимала на нее глаза, полные слез. Если с нею подходил и Эль-Соль, поддерживаемый сестрой, Адель краснела. Марикопы, верный обычаям своего племени,

редко заговаривал с девушкой, и если обращался к ней, то почти всегда со словами:

— Какое горе вы причиняете любящим вас! Зачем вы избегаете их?

Молодая девушка, не убежденная, но как бы покоренная этими словами, вставала, подходила к госпоже Сэгин, садилась у ее ног, и обращая свой грустный взор к Эль-Солю, как бы спрашивала его: «Довольны вы мною?».

Сен-Врэн видел эту необыкновенную покорность Адели, видел вообще, какое влияние Эль-Соль имеет на нее. Он подошел к Сэгину, продолжавшему свою монотонную прогулку, и рассказал ему о своих наблюдениях.

— Дай-то Бог, я буду счастлив, если, благодаря Эль-Солю, обрету любовь моей дочери. Да и могу ли желать для Адели, выросшей в чуждой нам среде, лучшего мужа, чем Эль-Соль? Если они полюбят друг друга, то можно будет сказать, что он, индеец по рождению, она — по воспитанию, как бы предназначены друг для друга. Ведь никто другой не отнесется так снисходительно к странностям бедной девушки, никто с большим рвением не займется ее образованием, никто не пожелает так искренне, как он, возратить нам потерянную дочь... Но в ту минуту, как вы заговорили со мной, я обдумывал еще одну попытку. Меня ужасно тяготит настоящее положение. Останьтесь тут и наблюдайте за Аделью. Я боюсь увлечься надеждой на успех, а вы это дело лучше и беспристрастнее рассудите.

После того, как Сэгин обменялся несколькими фразами с женой, госпожа Сэгин, впервые за многие годы, взяла в руки мандолину и стала ее тихонько настраивать, потом сыграла танец — фанданго. Сен-Врэн, Генри, Эль-Соль, Зоя и Луна окружили музыкантку и смотрели на Адель, сидевшую у ее ног. Что касается до Сэгина, то его волнение было так сильно и мучительно, что он закрыл лицо руками, чтобы скрыть его от окружающих.

При первых звуках музыки Адель вздрогнула, удивленные глаза ее переходили с инструмента на госпожу Сэгин, она слушала, как очарованная, и, не двигаясь, смотрела каким-то блуждающим взором.

— Адель, — сказал Сэгин жене, — спой ту песню, которой ты баюкала ее в детстве. Ты, конечно, помнишь, ведь она так часто просила тебя спеть ее.

С искусством истинной артистки госпожа Сэгин несколькими аккордами перешла с веселого темпа танца к томной мелодии колыбельной песни, и Генри услышал испанскую кантилену «Мать и дочь»:

Ты спишь, любезное дитя, ты мирно спишь,
И ангелы с небес тебя оберегают,
Тебя хранят, мою любимую малютку...

Вдруг пение это прервал пронзительный крик. Адель поднялась на ноги и вся дрожа, напряженно вглядывалась в госпожу Сэгин. Минуту спустя она бросилась к ней на шею со словами:
— Мама! мама!

Трудно описать происшедшую затем сцену: были рыдания и слезы, слезы счастья, конечно, и объятия... Адель перестала быть «царицей тайн», воспоминания детства, как струны давно не игравшего инструмента, проснулись и зазвучали в душе ее. Она обнимала отца — для него это была высшая награда за жизнь, посвященную поискам пропавшей дочери. Она любила теперь и сестру, и ее жениха.

Все в доме ликовало. Друзья принимали участие в торжестве. Но вечером Эль-Соль сказал Сэгину:

— Я выздоровел и полагаю, что завтра же могу пуститься в путь. Луна здесь тоже более не нужна.

— Разве она соскучилась у нас?

— Нет, — ответила Луна, — это не я, а он хочет уйти, а между тем...

Эль-Соль взглянул на сестру, и та смолкла, бросив с улыбкой взгляд на стоявших подле Генри и Зою.

— Эль-Соль, — сказал Генри, — нам будет неоставать вас на свадьбе. Оставайтесь, мой друг, право, оставайтесь! Ведь вам теперь как раз представляется случай применить вашу теорию на практике.

Все подошли ближе, окружили Эль-Соля и смотрели на него в ожидании ответа.

— Да, оставайтесь, — сказала госпожа Сэгин, — и у нас поучитесь надеяться. Может быть, вам, Эль-Соль, не придется искать жены себе так долго, как мы искали дочь.

Эль-Соль с благодарностью поцеловал руку госпожи Сэгин.

Очень скоро осуществились мечты Эль-Соля о слиянии краснокожего племени с бледнолицым — мечты, о которых он говорил когда-то Генри.

Содержание

БЕЗ ПОЩАДЫ	5
ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ	204

Сдано в набор 08. 12. 95. Подписано в печать 05. 03. 96.
Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,9.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1140.
ТОО «Типография «Книга». 614068, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.



